

экономические и социальные перемены

№ 6 (178)
ноябрь — декабрь 2023

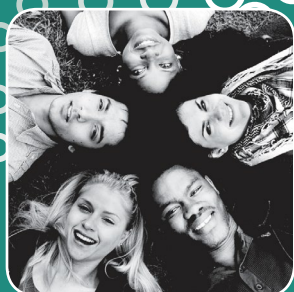
МЕТОДЫ
И МЕТОДОЛОГИЯ

СЕМЬЯ
И ДЕМОГРАФИЯ

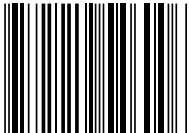
СОЦИАЛЬНАЯ
ДИАГНОСТИКА

СОЦИОЛОГИЯ
МОЛОДЕЖИ

18+

ISSN 2219-5467

9 772219 546006 >

Главный редактор журнала:

Федоров Валерий Валерьевич —
кандидат политических наук, генеральный директор ВЦИОМ,
профессор НИУ ВШЭ

Заместители главного редактора:

Седова Наталья Николаевна —
помощник гендиректора по науке ВЦИОМ

Подвойский Денис Глебович —
кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН, доцент РУДН

Ответственный редактор:

Бирюкова Светлана Сергеевна —
кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
Института социальной политики НИУ ВШЭ

M77 Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — М.: АО «ВЦИОМ», 2023. — № 6 (178). — 248 с.

ISSN 2219-5467

Объективная, точная, регулярная и свежая информация «Мониторинга» полезна всем, кто принимает управленческие решения, занимается прогнозированием и анализом развития общества. Наш журнал пригодится сотрудникам научных и аналитических центров, работникам органов управления, ученым, преподавателям, молодым исследователям, студентам и аспирантам, журналистам.

Тематика материалов охватывает широкий круг социальных, экономических, политических вопросов, основные рубрики посвящены теории, методам и методологии социологических исследований, вопросам взаимодействия государства и общества, социальной диагностике. Каждый номер журнала содержит двухмесячный дайджест основных результатов еженедельных общероссийских опросов ВЦИОМ.

Мы публикуем статьи специалистов, представляющих ведущие научные социологические центры, институты, организации, а также ВУЗы России и зарубежных стран. Широкая тематика журнала представляет возможность выступить на его страницах представителям смежных специальностей (политологам, историкам, экономистам и т.д.), опирающимся в своих исследованиях на эмпирические социологические данные.

Журнал издается с 1992 г.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

И. Б. Назарова

Детерминанты субъективной неудовлетворенности жизнью:
анализ российских данных за 1994—2021 годы..... 3

СОЦИОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

В. В. Радаев

Эмоционально нагруженное потребление в современной России. Часть вторая:
эмпирические оценки особенностей, факторов и финансовых последствий 17

Е. В. Фролова, О. В. Рогач

Доверие как фактор развития кооперации в России..... 35

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

А. Н. Кравцова, Е. Н. Кузинер

Взросление в провинции: через ответственность за других
к ответственности за себя..... 58

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ

Мониторинг мнений: ноябрь — декабрь 2023..... 82

СЕМЬЯ И ДЕМОГРАФИЯ

А. В. Алпатов, И. В. Митрофанова

Трансформация возрастной модели рождаемости в Волгоградской области.... 95

СОЦИОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

Л. С. Засимова, А. Г. Хусаинова

Неравенство в расходах на лекарства и БАД в России:
эмпирический анализ 118

А. А. Данилова, Е. В. Забелина, А. Ю. Телицына, Ю. В. Честюнина

Факторы субъективного здоровья:
структурная модель на этапе поздней социализации 144

МИГРАЦИЯ

В. М. Пешкова

Отношение к бракам с мигрантами как показатель социального взаимодействия и уровня ксенофобии (на примере Москвы)171

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ

В. И. Корсунова, О. В. Волченко

Эффект интервьюера и гендерное равенство: оценка идеального возраста жизненных событий в странах Европы.....197

О. Л. Чернозуб, Л. Ю. Шураева

Ортогональность результатов IAT и ГАТО: чем хуже, тем лучше?..... 218

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

И. В. Ломакин

Пути к бездетности вчера и сегодня.

Рец. на кн.: Chrastil R. How to Be Childless: A History and Philosophy of Life without Children. New York: Oxford University Press, 2020..... 238

DOI: [10.14515/monitoring.2023.6.2433](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.6.2433)

И. Б. Назарова

**ДЕТЕРМИНАНТЫ СУБЪЕКТИВНОЙ
НЕУДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ:
АНАЛИЗ РОССИЙСКИХ ДАННЫХ ЗА 1994—2021 ГОДЫ**

Правильная ссылка на статью:

Назарова И. Б. Детерминанты субъективной неудовлетворенности жизнью: анализ российских данных за 1994—2021 годы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 6. С. 3—16. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.6.2433>.

For citation:

Nazarova I. B. (2023) Determinants of Subjective Dissatisfaction with Life: Analysis of Russian Data for 1994–2021. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 3–16. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.6.2433>. (In Russ.)

Получено: 23.05.2023. Принято к публикации: 13.10.2023.

ДЕТЕРМИНАНТЫ СУБЪЕКТИВНОЙ НЕУДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ: АНАЛИЗ РОССИЙСКИХ ДАННЫХ ЗА 1994-2021 ГОДЫ

НАЗАРОВА Инна Борисовна — доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия; доцент кафедры социологии, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

E-MAIL: inna-nazarova@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8086-1617>

Аннотация. В работе рассматриваются факторы, связанные с общим уровнем субъективной удовлетворенности или неудовлетворенности индивида собственной жизнью. На основе данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) за период с 1994 по 2021 г. анализируется неудовлетворенность жизнью респондентов от 15 лет и старше в зависимости от социально-демографических, поведенческих и других характеристик. В 2021 г. большая часть россиян были удовлетворены жизнью (52,1%), средние позиции отметили 31,0%, каждый пятый был не удовлетворен жизнью (19,1% мужчин и 22,6% женщин). Анализ на основе логистической регрессии показал, что неудовлетворенность жизнью связана прежде всего со старением и экономическим положением. Наиболее важный фактор неудовлетворенности жизнью — наличие инвалидности. Позитивный вклад в состояние удовлетворенности вносят физическая активность и наличие близ-

DETERMINANTS OF SUBJECTIVE DISSATISFACTION WITH LIFE: ANALYSIS OF RUSSIAN DATA FOR 1994-2021

Inna B. NAZAROVA^{1,2} — Dr. Sci. (Econ.), Chief Researcher; Associate Professor at the Department of Sociology

E-MAIL: inna-nazarova@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8086-1617>

¹ Institute of Socio-Economic Problems of Population, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

² Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Abstract. The study examines factors associated with the overall level of individual life dissatisfaction. Based on the data from the Russian Monitoring of Economic Situation and Health of the National Research University Higher School of Economics (RLMS-HSE) for the period from 1994 to 2021, the author analyzes dissatisfaction with life depending on socio-demographic, behavioral, and other characteristics among respondents aged 15 years and older. In 2021, the majority of Russians were satisfied with life (52.1%), average positions were noted by 31.0% of the respondents, every fifth was dissatisfied with life (19.1% of men and 22.6% of women). Analysis based on logistic regression showed that dissatisfaction with life is primarily associated with aging and economic status of the respondent. The most significant factor of life dissatisfaction is the presence of disability. Physical activity and the presence of loved ones (spouse and children) are positively associated with life satisfaction. Analysis

ких (супруга и детей). Анализ данных с 2011 по 2021 г. показал стабильность большинства факторов, определяющих неудовлетворенность жизнью. Вместе с тем такие факторы, как тип населенного пункта (сельская местность) или приверженность вере, временами теряют свое влияние. Наибольший риск для человека представляет нахождение в состоянии неудовлетворенности длительное время: два года подряд не удовлетворен жизнью каждый десятый и три года подряд — 6,5% респондентов. Неудовлетворенным жизнью людям свойственна негативная оценка не только своего настоящего положения, но и своего будущего.

Ключевые слова: неудовлетворенность жизнью, благополучие, здоровье, образ жизни, РМЭЗ НИУ ВШЭ

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 23-28-00942 «Эмоциональное здоровье жителей России (состояние и динамика за 26 лет)».

Актуальность и проблема исследования

Физическое, психическое, социальное здоровье определяет качество населения [Римашевская, 2001]. Все его составляющие важны и рассматриваются ВОЗ как состояние благополучия, при котором человек может реализовать свой собственный потенциал, справиться с жизненными стрессами, продуктивно и плодотворно работать, а также вносить вклад в жизнь сообщества¹.

В свою очередь, признаком благополучия выступает удовлетворенность жизнью. Она является важным индикатором здоровья, в том числе эмоционального и психического состояния индивидов. Последние десять лет (до 2021 г.) в России сохраняется приблизительно одинаковая доля людей, удовлетворенных жизнью

of data from 2011 to 2021 revealed a generally stable composition of the factors significantly associated with life dissatisfaction. However, factors such as the type of settlement (namely, living in rural area) or adherence to faith at some periods lose their significance. The greatest risk for a person is being in a state of dissatisfaction for a long time: every tenth person is not satisfied with life for two years in a row, and 6.5% of the respondents are not satisfied with life for three years in a row. People who are dissatisfied with life tend to assess negatively both their present and future situations.

Keywords: life dissatisfaction, well-being, health, lifestyle, RLMS-HSE

Acknowledgments. The study was funded by Russian Science Foundation (RSF), project No. 23-28-00942 «Emotional health of Russian residents (state and dynamics over 26 years)».

¹ Усиление мер в области охраны психического здоровья // Всемирная организация здравоохранения. 2022. 17 июня. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/mental-health-strengthening-our-response> (дата обращения: 02.04.2023).

(более половины) или, наоборот, неудовлетворенных (пятая часть)². Несмотря на то что позитивных оценок собственной жизни в целом больше, чем негативных, важно рассмотреть факторы, влияющие на негативное состояние людей, поскольку доля неудовлетворенных в российском социуме достаточно велика.

Понятие «неудовлетворенность жизнью» в научном дискурсе

В научном дискурсе чаще используется терминология с позитивной коннотацией, а именно «удовлетворенность жизнью». Неудовлетворенность жизнью — понятие, противоположное удовлетворенности или степени удовлетворенности (слабая удовлетворенность, отсутствие удовлетворенности). Уровень удовлетворенности жизнью связывают с субъективным благополучием, в конечном счете — с качеством жизни [Diener et al., 1999; Diener, Suh, 1999], хотя трактовок благополучия множество.

Субъективное благополучие — категория феноменов, заключающихся в когнитивных оценках различных сфер жизни, эмоциональной реакции людей, а также их суждениях о качестве жизни в целом [Diener, 1984; Diener, Lucas, 1999; Diener et al., 2003; Nussbaum, 2004]. Субъективное благополучие может складываться из ряда параметров: удовлетворенность условиями и качеством жизни, труда и потребления; восприятие и оценка бедности, обеспеченности, богатства; физическое, психическое и социальное самочувствие; степень и формы самореализации; идентичность и повседневные практики; вовлеченность в творческую и культурную деятельность [Социологические подходы..., 2021: 11]. Другая классификация предлагает пять сфер: профессиональная; физическая (здоровье); социальная (ближайшее окружение и социальные взаимоотношения); финансовая (уровень жизни); среда проживания (безопасность, собственный вклад в развитие общества). Предполагается, что человек может быть благополучным, если он благополучен в этих основных сферах [Rath, Harter, 2010].

Есть подход, который уравнивает субъективное благополучие, счастье и удовлетворенность [Comim, 2005]. Чувство глубокого довольства и радости, испытываемого индивидом, внешнее проявление этого чувства, а также состояние *высшей удовлетворенности жизнью* можно считать счастьем [Селигман, 2013]. Следовательно, в некоторых исследованиях высшие позиции на шкале удовлетворенности жизнью рассматриваются как состояние счастья.

Качество жизни населения, индивида или социальной группы целесообразно оценивать с учетом таких составляющих, как здоровье (физическое, психическое, социальное); образование и соответствующие ему условия занятости; культура и нравственность, социальная активность; способность к труду [Римашевская, 1993]. Высокое качество жизни в некоторых случаях рассматривается как состояние счастья (удовлетворенность) и благополучия конкретных людей или общества [Storrs, 1975]. Поэтому компонентом и индикатором качества жизни является психологическое или эмоциональное самочувствие человека, которое связано

² «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. URL: <https://rlms-hse.cpc.unc.edu> (дата обращения: 02.04.2023). Расчеты автора.

с состоянием удовлетворенности (неудовлетворенности) жизнью и ее сторонами. Иными словами, человеку недостаточно иметь что-то высокого качества, важно быть удовлетворенным тем, что имеешь [Andrews, Withey, 2012],

Таким образом, удовлетворенность жизнью рассматривается как социальное благополучие или как удовлетворенность уровнем благополучия (см. подробнее [Сушко, 2020]). Самооценка удовлетворенности жизнью позволяет количественно оценить качество жизни и наблюдать его динамику [Campbell et al., 1976].

Оценивая состояние счастья, благополучия, удовлетворенности жизнью, люди, как правило, сравнивают свое фактическое положение с неким эталоном (стандартом или нормой), который сформировался на основании социального опыта [Easterlin, 1974]. В соответствии с теорией адаптации предполагается, что индивид сравнивает свое настоящее положение с прошлым [Heady, Wearing, 1989]. М. Селигман считает, что степень удовлетворенности жизнью обобщенно представляет собой взаимосвязь культурных, социальных, психологических, физических, экономических и духовных факторов, составляющих благополучие, в том числе положительные эмоции, достижения, отношения с другими людьми. Каждый элемент способствует достижению более высокого уровня благополучия, но благополучие не сводится ни к одной из составляющих [Seligman, 2011]. Напротив, неудовлетворенность может быть связана с неблагополучной жизнью и в результате приводить к девиантному поведению, включая агрессию [Круталевич, 2018].

В некоторых случаях уровень удовлетворенности жизнью детерминирован отдельными сторонами жизни, которые в большинстве случаев определяются общей удовлетворенностью [Seligman, 2011]. Несмотря на то что измерение уровня удовлетворенности жизнью или благополучия происходит в определенный момент времени, есть подтверждение того, что субъективные оценки более-менее стабильны и могут быть использованы в качестве характеристики удовлетворенности жизнью не только в определенный временной срез [Diener, Lucas, 1999]. Кроме того, удовлетворенность в разные периоды жизни связана: скорее всего, человек будет удовлетворен жизнью сегодня, если он был удовлетворен жизнью в прошлом [Schmitt et al., 1979].

Данная работа посвящена одному из компонентов, определяющих благополучие индивида, — неудовлетворенности жизнью, а также факторам, с которыми может быть связано состояние неудовлетворенности. Исходя из определений благополучия и счастья, можно рассмотреть людей, неудовлетворенных своей жизнью в настоящий момент, как в той или иной степени неблагополучных (субъективно). Если человек не удовлетворен жизнью, качество его жизни нельзя считать высоким. Неудовлетворенность жизнью может зависеть от объективных характеристик индивида и его условий жизни. Неудовлетворенность как эмоциональная оценка своей жизни индивидом может вносить эмоциональную окраску в определение благополучия и качества жизни.

Эмпирическая база, методы

В работе изучается группа людей, неудовлетворенных жизнью, выбравших в ответах на вопрос «насколько Вы удовлетворены Вашей жизнью в целом в настоящее время?» варианты ответа «не очень удовлетворен» или «совсем не удо-

влетворен». Будут рассмотрены факторы, которые в различных исследованиях так или иначе связывают с удовлетворенностью жизнью: основные социально-демографические и экономические характеристики (пол, возраст, образование материальное положение) [Балацкий, 2005; Назарова, 2007; Козырева, Смирнов, 2022, Ellison, 1991], физическое состояние, включая состояние здоровья [Назарова, 2007], социальная активность или включенность в социум [Lim, Putnam, 2010]. В качестве социальной активности может рассматриваться возможность общения, в том числе в семье и в церкви [Greeley, Hout, 2006; Inglehart, 2010; Krause 2010].

Среди социально-демографических и экономических факторов (переменных) рассмотрены возраст, место проживания (сельская или городская местность), доход и уровень образования (см. табл. 1). Физическую активность характеризует занятие физкультурой и спортом, социальную активность — приверженность вере, наличие семьи, детей (как необходимость общения, ухода или получения поддержки). В качестве физического состояния, коррелирующего с состоянием здоровья, рассматривается наличие у респондента инвалидности.

Роль указанных факторов в неудовлетворенности жизнью индивида исследуется с применением логистической регрессии³.

Эмпирическая база — база данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) за период с 1994 по 2021 г., полная выборка⁴. В работе анализируются данные в отношении респондентов от 15 лет и старше. В 2021 г. таких респондентов было более 14 382: мужчин — 41,8% (6010 человек), женщины — 58,2% (8372 человека).

Результаты и обсуждение

Старшая возрастная группа представлена людьми 60 лет и старше, которые составляют треть (29,4%); 50—59 лет 15%. 28,5% имеют высшее образование. Семейный статус респондентов определяется наличием супруга и (или) детей, таких 45,4%. Считают себя верующими людьми 26,3%. Четвертая часть респондентов — жители села (24,5%). Каждый десятый оценил свое здоровье как плохое или очень плохое (10,9%). Инвалидность отметили 8,3%. Треть сказали, что занимаются каким-либо видом спортом или физкультурой (27,2%). Низкий уровень дохода — на уровне прожиточного минимума и ниже — у каждого десятого (12,2%). Не удовлетворены своим материальным состоянием 22,1%, а 21,0% считают, что через 12 месяцев он и его семья будут жить даже хуже, чем сегодня.

³ Зависимая переменная «удовлетворенность жизнью» переведена в дихотомическую переменную (dummy variable), где позиции «не удовлетворен» и «совсем не удовлетворен» были приняты за «1», остальные — за «0».

⁴ Полная выборка: «В первой волне второго этапа обследования RLMS-HSE в 1994 г. была реализована модель выборки, репрезентирующей население РФ. В дальнейшем, в каждой волне ставилась задача опросить каждое домохозяйство, на момент проведения опроса фактически проживающее в жилище, входящем в выборку 1994 г. Это означает, что и домохозяйства, и входящие в их состав люди, проживающие по выборочным адресам, репрезентируют население России. В задачи обследования в каждой последующей волне входил опрос всех людей, ранее участвовавших в исследовании. При возможности найти новый адрес переехавших домохозяйств, опрошенных ранее в составе репрезентативной выборки, их опрашивали и в последующих волнах обследования. Однако поиск осуществлялся только в пределах одного и того же населенного пункта или района. Такие семьи и индивиды не входят в репрезентирующую население России выборку соответствующей волны (хотя входят в репрезентативную выборку какой-то из более ранних волн). В полную выборку входят все респонденты». URL: <http://www.hse.ru/rhms> (дата обращения: 02.04.2023).

Пятая часть россиян в 2021 г. были не удовлетворены или скорее не удовлетворены жизнью, напротив, большинство — удовлетворены (54,2 % мужчин и 50,7 % женщин) (см. рис. 1). Четверть опрошенных выбрали средние оценки удовлетворенности жизнью. Близкие данные показывают и другие исследования: по данным ВЦИОМ в 2020 г. были полностью не удовлетворены своей жизнью 23 %, в 2021 г. 26 % ответили, что их жизнь в целом их не устраивает⁵. В октябре 2021 г. 10 % чувствовали себя скорее несчастными, 6 % — определенно несчастными⁶.

Существенные изменения в самочувствии населения произошли в середине 2000-х годов, когда число неудовлетворенных жизнью стало меньше, чем тех, кто удовлетворен. Негативный перелом случился, скорее всего, в конце 1980-х — начале 1990-х годов, по крайней мере российские социологи отмечали, что ситуация, связанная с удовлетворенностью различными сторонами и компонентами жизни, диаметрально изменилась [Образ жизни..., 1992]. В конечном счете в период реформ жизнью были не удовлетворены (и, возможно, находились в стрессовом и предстрессовом состоянии) до 70 % населения (см. рис. 1).

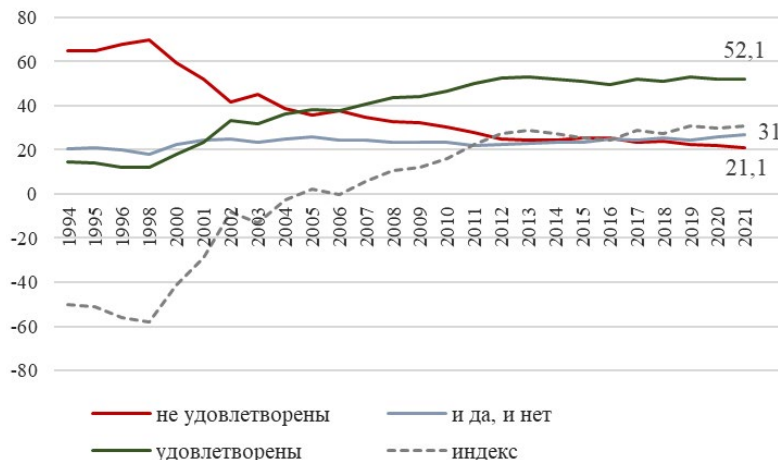
Если до 1998 г. мы видим спад удовлетворенности (как ответ на дефолт и сопутствующие ему негативные явления в экономике), то в кризис 2008 г. график остается достаточно гладким и отражает тенденцию на улучшение. Собственно, после 1998 г. и начался подъем позитивных настроений граждан. Согласно данным RLMS-HSE, ситуация не изменилась даже в период пандемии COVID-19.

В некоторых случаях неудовлетворенность жизнью является устойчивым состоянием индивида. Например, в 2021 г. не был удовлетворен жизнью в целом каждый пятый (21,1 %, 18,5 % мужчин и 20,9 % женщин), 10,4 % не были удовлетворены жизнью два года подряд (в 2020 и 2021 гг.), а три года подряд — 6,5 % (в 2019—2021 гг.), треть из них — мужчины (34,4 %) и две трети — женщины (65,6 %). Если согласиться с исследованиями, которые доказывают, что удовлетворенность жизнью — не просто сиюминутное чувство, а устойчиво в длительный период времени [Diener, Lucas, 1999], то можно сказать, что каждый десятый находится в длительной стрессовой ситуации.

Определить факторы, связанные с эмоциональным состоянием индивида в 2021 г., позволяет анализ на основе логистической регрессии, которая была проведена в два этапа (см. табл. 1). В анализ включены независимые переменные, между значениями которых корреляционная связь не обнаружена. Например, у самооценок здоровья была корреляция с показателями, характеризующими возраст (60 лет и старше — корреляция Пирсона — 0,36 на уровне значимости 0,01) и наличие инвалидности (корреляция Пирсона — 0,39 на уровне значимости 0,01), поэтому данная переменная в анализ не включена. Самооценка здоровья также имеет корреляцию с зависимой переменной — 0,20—0,30 на уровне значимости 0,01 все годы исследования начиная с 1994 г. То есть мы можем подтвердить, что существует взаимосвязь физического здоровья с эмоциональным состоянием [Назарова, 2007].

⁵ Социальное самочувствие россиян: мониторинг // ВЦИОМ. 2021. 28 декабря. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnoe-samochuvstvie-rossijan-monitoring> (дата обращения: 27.11.2023).

⁶ Ответ на прямой вопрос: «В жизни бывает всякое и хорошее, и плохое. Но, если говорить в целом, Вы счастливы или нет?». См.: Индекс счастья // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/ratings/index-schastja> (дата обращения: 27.11.2023).

Рис. 1. Удовлетворенность жизнью, %⁷Таблица 1. Коэффициенты логистической регрессии
для зависимой переменной «неудовлетворенность жизнью», 2021 г.

Независимые переменные (n — абсолютные значения)	«Неудовлетворенность жизнью»	
	Модель 1	Модель 2
Мужчины (n = 6010, 41,8%; женщины — n = 8372, 58,2%)	-0,90**	0,99
Возраст, старше 60 лет (n = 4224, 29,4%)	1,99***	1,98***
Возраст 50—59 лет (n = 2159, 15,0%)	1,46***	1,51***
Место проживания — сельская местность (n = 3524, 24,5%)	1,13**	1,08
Инвалидность (n = 1193, 8,3%)	2,14***	2,08***
Будем жить хуже	2,29***	2,41***
Не удовлетворен материальным положением	7,64***	7,47***
Доход на уровне минимальной заработной платы и меньше (n = 1759, 12,2%) (депривация экономическая)	2,10***	1,17**
Образование (техникум и вуз) (n = 4105, 28,5%)		-0,82***
Верующий (n = 3777, 26,3%)		-0,90*
Состоит в браке, и (или) имеет детей (n = 6530, 45,4%) (одиночество — депривация психологическая)		-0,54***
Занимаются физкультурой и спортом (n = 3907, 27,2%)		-0,78***
Константа	-0,27***	-0,27***
Сох & Snell — R ²	0,16	0,18
Включено в анализ, n	14266	14265
-2 Log Likelihood	12193,9	11957,7

Примечание: *** $p < 0,001$; ** $p < 0, 01$; * $p < 0,05$.

Источник: расчет автора по базе данных RLMS-HSE.

⁷ Источник: расчет автора по базе данных RLMS-HSE. Индекс является разницей положительных (удовлетворен жизнью) и отрицательных (не удовлетворен) ответов.

На первом этапе в качестве независимых переменных были введены переменные: пол, возраст, место проживания, уровень дохода, инвалидность, удовлетворенность материальным положением и оценка перспектив — предположение, что через год семья, возможно, будет жить хуже, чем сегодня. Среди статистически значимых параметров, увеличивающих вероятность неудовлетворенности жизнью, оказались женский пол, старший возраст (более 60 лет), проживание в сельской местности и низкий уровень дохода.

Исследования 2010 г. показали, что удовлетворенность россиян сильно зависит от экономической составляющей: среди бедных больше людей, неудовлетворенных жизнью [Андреенкова, 2010]. Удовлетворенность жизнью связана с экономической составляющей в различных культурах. Например, заработная плата положительно влияет на удовлетворенность жизнью как мужчин, так и женщин в Корею [Seulki, Kyungwon, 2020] или в ряде арабских стран [Ianchovichina, 2018].

Люди с ограничениями жизнедеятельности и особыми потребностями скорее окажутся неудовлетворенными жизнью. В данном случае роль может играть как наличие какого-либо заболевания, так и состояние, связанное с ограничениями деятельности, активного участия в социальной жизни, получения дохода. Размер средних ежемесячных расходов людей, имеющих инвалидность, на лекарства, перевязочные и другие медицинские средства более чем в полтора раза превышает величину аналогичных расходов других людей [Козырева, Смирнов, 2019].

Кроме этого, респонденты, неудовлетворенные своим материальным положением, имеют гораздо большие шансы быть неудовлетворенными своей жизнью в целом, как и люди, которые без оптимизма смотрят в будущее и считают, что через год они и их семья будут жить хуже, чем в настоящее время.

Во вторую модель дополнительно были введены независимые переменные, характеризующие поведение — занятие хотя бы одним из видов спорта и (или) физкультурой, семейный статус (наличие супруга и (или) ребенка), образование и отношение к вере. При этом значимость разделения по полу и место проживания потеряли свое значение. А остальные факторы сохранили свое влияние.

Верующие люди с меньшей вероятностью не будут удовлетворены жизнью. Это соответствует результатам исследований, проведенных в других странах. Респонденты с более высоким образованием и верующие сообщают о более высоком уровне удовлетворенности жизнью, большем личном счастье и меньшем количестве негативных психосоциальных последствий травмирующих жизненных событий [Ellison, 1991; Greeley, Hout, 2006; Inglehart, 2010]. Некоторые зарубежные исследователи относят эффект веры либо на счет социальных сетей, в которые включен религиозный человек [Krause, 2010], либо на счет особого восприятия жизни верующего [Greeley, Hout, 2006].

Семейные люди, которые имеют супруга и/или ребенка, реже не удовлетворены жизнью, так же как и те, кто занимается хотя бы одним видом физической активности.

Переменные, участвующие в нашем регрессионном анализе, в полном составе присутствуют только с 2011 г. (в некоторые годы отсутствовали вопросы в отношении веры, семейного положения). Начиная с 2011 г. мы повторили регрес-

сионный анализ для каждого года исследования в рамках второй модели. Вторая модель была рассмотрена с полным составом переменных (см. табл. 2).

Выяснилось, что участвующие в анализе переменные показали одну и ту же взаимосвязь с неудовлетворенностью жизнью (практически каждый год). Но были исключения, например место проживания. Так, сельские жители были удовлетворены жизнью в меньшей степени, чем городские, в 2012, 2018 и 2019 гг., но не в 2020 г. Не каждый год проявился эффект веры.

Таблица 2. Коэффициенты логистической регрессии для зависимой переменной «неудовлетворенность жизнью» в различные годы исследования

Независимые переменные (<i>n</i> — абсолютные значения)	Отношение шансов (95% доверительный интервал) для переменной «неудовлетворенность жизнью»				
	2012	2014	2018	2019	2020
Мужчины (<i>n</i> = 6010, 41,8%; женщины — <i>n</i> = 8372, 58,2%)	-0,93	-0,98	-0,92	1,01	-0,95
Возраст, старше 60 лет (<i>n</i> = 4224, 29,4%)	1,80***	1,61***	1,76***	1,90***	1,76***
Возраст 50—59 лет (<i>n</i> = 2159, 15,0%)	1,47***	1,42***	1,41***	1,50***	1,44***
Место проживания — сельская местность (<i>n</i> = 3524, 24,5%)	1,16***	1,10*	1,22***	1,21***	0,96
Инвалидность (<i>n</i> = 1193, 8,3%)	1,99***	1,95***	2,22***	2,54***	2,00***
Будем жить хуже	2,45***	2,07***	2,50***	2,61***	2,43***
Не удовлетворен материальным положением	8,65***	8,00***	8,21***	7,87***	7,56***
Доход на уровне минимальной заработной платы и меньше (<i>n</i> = 1759, 12,2%) (депривация экономическая)	1,18***	1,29**	1,22***	1,30***	1,32***
Образование (техникум и вуз) (<i>n</i> = 4105, 28,5%)	-0,78***	-0,70***	0,79***	-0,82***	-0,84***
Верующий (<i>n</i> = 3777, 26,3%)	-0,84***	-0,95	0,84***	-0,94	-0,94
Состоит в браке, и (или) имеет детей (<i>n</i> = 6530, 45,4%) (одиночество — депривация психологическая)	-0,63***	-0,60***	0,65***	-0,57***	-0,59***
Занимаются физкультурой и спортом (<i>n</i> = 3907, 27,2%)	-0,75***	-0,70***	0,82***	-0,76***	-0,77***
Константа	-0,33***	-0,33***	0,31***	-0,27***	0,28***
Cox & Snell — R ²	0,20	0,19	0,18	0,18	0,17
Включено в анализ, <i>n</i>	18317	14835	14672	14546	14315
-2 Log Likelihood	16638,1	13431,60	13106,1	12521,2	12436,4

Примечание: *** $p < 0,001$; ** $p < 0,01$; * $p < 0,05$.

Также был проведен регрессионный анализ (по аналогии с описанным выше, на тех же данных), где в качестве зависимой переменной использована «неудовлетворенность жизнью два года подряд». Оказались значимыми те же факторы. Еще один регрессионный анализ на тех же данных, где в качестве зависимой переменной выступила переменная «неудовлетворенность жизнью три года под-

ряд», показал, что шансы быть неудовлетворенным жизнью повысились для людей с инвалидностью.

Выводы

В данном исследовании мы выбрали, на наш взгляд, наиболее значимые факторы неудовлетворенности жизнью, разносторонне характеризующие жизнь индивида и вместе с тем доступные в базе данных RLMS-HSE. Анализ показал, что основные детерминанты, влияющие на физическое или эмоциональное состояние, практически не различаются год от года. Наиболее ярко себя проявили такие аспекты, как старение, экономическое положение, наличие инвалидности. Позитивную роль играет образование респондентов, также реже не удовлетворены жизнью люди, имеющие социальную поддержку: верующие и семейные люди, у которых есть супруга и/или дети. Люди, включившие в свой образ жизни занятия физкультурой и/или спортом, тоже реже рискуют потерять оптимизм. Вместе с тем отсутствие (недостаток, утрата) человеком дохода, близких людей ведет его к депривации.

Большинство факторов значимы для состояния неудовлетворенности жизнью многие годы. Можно предположить, что людей спасает от затяжного стресса отсутствие факторов риска ежегодно, поскольку в группе неудовлетворенных происходит ротация. Вместе с тем, вероятно, в большей степени рискуют те, у кого неблагоприятная ситуация сохраняется длительное время: два года подряд (у каждого десятого) или три года подряд (у 6,5%). Неудовлетворенный жизнью человек неуверенно смотрит в будущее и реже видит для себя и своих близких позитивную перспективу.

Учитывая, что удовлетворенность жизнью рассматривается как субъективное благополучие и как психическое здоровье, можно сказать, что люди, которые не удовлетворены жизнью, могут использовать ресурсы, позитивно влияющие на удовлетворенность жизнью, по крайней мере до определенного возраста можно вести физически и социально активную жизнь. К сожалению, инвалидность является тем фактором, который создает наибольшие риски для здоровья и психического состояния, ведет человека к устойчивой неудовлетворенности жизнью. Людям из этой группы необходима особенная социальная и материальная поддержка.

Список литературы (References)

Андреенкова Н. В. Сравнительный анализ удовлетворенности жизнью и определяющих ее факторов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 5. С. 189—215.

Andreenkova N. V. (2010) A Comparative Analysis of Life Satisfaction and its Determining Factors. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. No. 5. P. 189—215. (In Russ.)

Балацкий Е. В. Факторы удовлетворенности жизнью: измерение и интегральные показатели // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2005. № 4. С. 42—52.

Balatskii E. V. (2005) Life Satisfaction Factors: Measurement and Integral Indicators. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. No. 4. P. 42—52. 7. (In Russ.)

Козырева П. М., Смирнов А. И. Динамика социального самочувствия инвалидов: тревоги и надежды // Социологические исследования. 2019. № 8. С. 62—74. <https://doi.org/10.31857/S013216250006161-0>.

Kozyreva P. M., Smirnov A. I. (2019) Dynamics of Social Well-Being of the Disabled: Anxieties and Hopes. *Sociological Studies*. No. 8. P. 62—74. <https://doi.org/10.31857/S013216250006161-0>. (In Russ.)

Козырева П. М., Смирнов А. И. Эволюция социального самочувствия россиян в постсоветский период: от коллапсирования к контрастной стабильности (1994—2021) // Социологические исследования. 2022. № 12. С. 29—41. <https://doi.org/10.31857/S013216250021523-8>.

Kozyreva P. M., Smirnov A. I. (2022) The Evolution of Russian People's Social Wellbeing during the Post-soviet Era: From Collapse to Contrasting Stability (1994—2021). *Sociological Studies*. No. 12. P. 29—41. <https://doi.org/10.31857/S013216250021523-8>. (In Russ.)

Круталевич М. Г. Апробация методики оценки показателей достойной жизни населения Оренбургской области // Экономика и предпринимательство. 2018. № 8. С. 391—396.

Krutalevich M. G. (2018) Approbation of Methods of Estimation of Indicators of Decent Life of the Population of the Orenburg region. *Journal of Economy and Entrepreneurship*. No. 8. P. 391—396. (In Russ.)

Назарова И. Б. Здоровье занятого населения. М.: Макс Пресс. 2007.

Nazarova I. B. (2007) The Health of the Employed Population. Moscow: Max Press. (In Russ.)

Образ жизни и состояние массового сознания / под ред. А. А. Возмителя. М.: Институт социологии РАН, 1992.

Vozmitel A. A. (1992) (eds.) Lifestyle and State of Mass Consciousness. Moscow: Institute of Sociology RAS. (In Russ.)

Римашевская Н. М. О методологии определения качественного состояния населения // Демография и социология. М.: ИСЭПН РАН, 1993. Вып. 6. С. 7—22.

Rimashevskaya N. M. (1993) On the Methodology for Determining the Qualitative State of the Population. In: *Demography and Sociology*. Moscow: ISEP RAS. Vol. 6. P. 7—22. (In Russ.)

Римашевская Н. М. Качественный потенциал населения России: взгляд в XXI век // Проблемы прогнозирования. 2001. № 3. С. 34—48.

Rimashevskaya N. M. (2001) Qualitative Potential of the Population of Russia: A Look into the 21st Century. *Problems of Forecasting*. No. 3. P. 34—48. (In Russ.)

Селигман М. Путь к процветанию. Новое понимание счастья и благополучия. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.

Seligman M. (2013) Path to Prosperity. A New Understanding of Happiness and Well-Being. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber. (In Russ.)

Социологические подходы к изучению социального благополучия / под ред. М. Ф. Черныша, Ю. Б. Епихиной. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-377-5.2021>.

Chernysh M. F., Epikhina Yu. B. (eds.) (2021) Sociological Approaches to the Study of Social Well-Being. Moscow: FNISC RAS. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-377-5.2021>. (In Russ.)

Сушко П. Е. Счастье и социальное благополучие в оценках россиян: проблема разграничения понятий // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 1. С. 48—62. <https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.1.7094>.

Sushko P. E. (2020). Happiness and Social Well-being in the Russians' Assessments: The Problem of Differentiation of Concepts. *Sociological Science and Social Practice*. Vol. 8. No. 1. P. 48—62. <https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.1.7094>. (In Russ.)

Andrews F. M., Withey S. B. (2012) Social Indicators of Well-being: Americans' Perceptions of Life Quality. New York, NY; London: Plenum Press. <https://doi.org/10.1007/978-1-4684-2253-5>.

Campbell A., Converse P. E., Rodgers W. (1976). The Quality of American Life: Perceptions, Evaluations, and Satisfactions. New York, NY: Russell Sage Foundation.

Comim F. (2005) Capabilities and Happiness: Potential Synergies. *Review of Social Economy*. Vol. 63. No. 2 P. 161—176. <https://doi.org/10.1080/00346760500129871>.

Diener E. (1984) Subjective Well-Being. *Psychological Bulletin*. No. 95. P. 542—575. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/0033-2909.95.3.542>.

Diener E., Lucas R. E. (1999) Personality and Subjective Well-being, in Kahneman. *Well-Being: The Foundations of Hedonic Psychology*. New York, NY: Russell Sage Foundation. P. 213—229.

Diener E., Scollon C., Lucas R. (2003) The Evolving Concept of Subjective Well Being: The Multifaceted Nature of Happiness. *Advances in Cell Aging and Gerontology*. No. 15. P. 187—219. http://dx.doi.org/10.1007/978-90-481-2354-4_4.

Diener E., Suh E. (1999) National Differences in Subjective Well-being, in Kahneman. *Well-being: The Foundations of Hedonic Psychology*. New York, NY: Russell Sage Foundation. P. 434—450. <https://doi.org/10.1007/s10902-005-1917-z>.

Diener E., Suh E., Lucas R., Smith H. (1999) Subjective Well-Being: Three Decades of Progress. *Psychological Bulletin*. Vol. 125. No. 2. P. 276—302. <http://dx.doi.org/10.1037/0033-2909.125.2.276>.

Easterlin R. A. (1974) Does Economic Growth Improve the Human Lot? Some Empirical Evidence. In: *Nations and Households in Economic Growth: Essays in Honor of Moses Abramovitz*. New York, NY: Academic Press. P. 89—125. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-205050-3.50008-7>.

- Ellison C. G. (1991) Religious Involvement and Subjective Well-Being. *Journal of Health and Social Behavior*. Vol. 32. No. 1. P. 80—99. <https://doi.org/10.2307/2136801>.
- Heady B., Wearing A. (1989) Personality, Life Events, and Subjective Well-Being: Toward a Dynamic Equilibrium Model. *Journal of Personality and Social Psychology*. No. 57. P. 731—739. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.57.4.731>.
- Greeley A., Hout M. (2006) Happiness and Lifestyle among Conservative Christians. *The Truth about Conservative Christians*. Chicago, IL: University of Chicago Press. <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226306759.003.0010>.
- Inglehart R. F. (2010) Faith and Freedom: Traditional and Modern Ways to Happiness. *International Differences in Well-Being*. New York, NY: Oxford University Press. P. 351—397. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199732739.003.0012>.
- Ianchovichina E. (2018) Eruptions of Popular Anger: The Economics of the Arab Spring and Its Aftermath. MENA Development Report. Washington, DC: World Bank. <https://doi.org/10.1093/10.1596/978-1-4648-1152-4>.
- Krause N. (2010) Aging in the Church: How Social Relationships affect Health. *Journal of Religion, Disability & Health*. Vol. 14. No. 1. P. 93—94. <https://doi.org/10.1080/15228960903272416>.
- Lim C., Putnam R. D. (2010) Religion, Social Networks, and Life Satisfaction. *American Sociological Review*. Vol. 75. No. 6. P. 914—933. <https://doi.org/10.1177/0003122410386686>.
- Nussbaum M. (2004) Hiding from Humanity: Disgust, Shame and the Law. Princeton: Princeton University Press.
- Rath T., Harter J. (2010) Wellbeing: The Five Essential Elements. New York, NY: Gallup Press.
- Schmitt N., White J. K., Coyle B. W., Rauschenberger J. (1979) Retirement and Life Satisfaction. *The Academy of Management Journal*. Vol. 22. No. 2. P. 282—291. <https://doi.org/10.2307/255590>.
- Seligman M. (2011) Flourish: A Visionary New Understanding of Happiness and Well-Being. New York, NY: Free Press.
- Seulki C., Kyungwon L. (2020) Life Satisfaction, Occupation and Gender. *Journal of Asian Sociology*. Vol. 49. No. 1. P. 57—74.
- Storrs M. (1975) Quality of Life. *Social Indicators Research*. Vol. 2. No. 2. P. 229—248.

DOI: [10.14515/monitoring.2023.6.2501](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.6.2501)

В. В. Радаев

ЭМОЦИОНАЛЬНО НАГРУЖЕННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ ВСОВРЕМЕННОЙ РОССИИ. ЧАСТЬ ВТОРАЯ: ЭМПИРИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ ОСОБЕННОСТЕЙ, ФАКТОРОВ И ФИНАНСОВЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ

Правильная ссылка на статью:

Радаев В. В. Эмоционально нагруженное потребление в современной России. Часть вторая: эмпирические оценки особенностей, факторов и финансовых последствий // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 6. С. 17—34. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.6.2501>.

For citation:

Radaev V. V. (2023) Emotionally Loaded Consumption in Contemporary Russia: Specific Features, Main Factors and Financial Consequences. Part 2: Empirical Estimates. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 17–34. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.6.2501>. (In Russ.)

Получено: 05.10.2023. Принято к публикации: 31.10.2023.

ЭМОЦИОНАЛЬНО НАГРУЖЕННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ. ЧАСТЬ ВТОРАЯ: ЭМПИРИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ ОСОБЕННОСТЕЙ, ФАКТОРОВ И ФИНАНСОВЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ

РАДАЕВ Вадим Валерьевич — доктор экономических наук, профессор кафедры экономической социологии факультета социальных наук, заведующий Лабораторией экономико-социологических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: radaev@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0152-1396>

EMOTIONALLY LOADED CONSUMPTION IN CONTEMPORARY RUSSIA: SPECIFIC FEATURES, MAIN FACTORS AND FINANCIAL CONSEQUENCES. PART 2: EMPIRICAL ESTIMATES

Vadim V. RADAEV¹ — Dr. Sci. (Econ.), Professor at the Department of Economic Sociology, Faculty of Social Sciences; Head of the Laboratory for Studies in Economic Sociology

E-MAIL: radaev@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0152-1396>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Аннотация. В предшествующей теоретической части статьи был проведен сравнительный анализ трех видов эмоционально нагруженного потребления — панического, импульсивного и компульсивного. В представленной статье на эмпирическом уровне описывается степень распространенности каждого из этих видов потребления в современной России, раскрываются их основные факторы и некоторые следствия. Гипотезы тестируются на данных репрезентативного опроса российского населения в возрасте 18 лет и старше, проведенного НИУ ВШЭ в июне — июле 2023 г. в 55 регионах Российской Федерации в формате личного интервью по месту жительства респондентов ($N = 6000$). При анализе полученных данных помимо дескриптивной статистики использованы модели логистической регрессии. Обнаружено, что во все три вида эмоционально нагруженного потребления в большей степени вовлечены онлайн-покупатели, а также потребители алкоголя, временно ослабляюще-

Abstract. In previous theoretical part of the study, the author introduced a category of emotionally loaded consumption and conducted a comparative analysis of panic, impulsive, and compulsive buying. In this study, on the empirical level, he reveals a spread of these types of consumption behavior, their factors, and consequences. Research hypotheses are tested upon data collected from a nationwide representative survey of the Russian population aged 18+. The survey was conducted by the HSE University in June-July 2023 in 55 regions of Russia as face-to-face interviews by place of residence ($N = 6000$). Descriptive statistics and logistic regressions are used for the analysis. The study shows that online shoppers and alcohol consumers are more involved into all three types of emotionally loaded consumption. Impulsive and compulsive buying are more popular among younger people, non-employed, respondents with higher per capita income, residents of larger cities (except for Moscow and Saint-Petersburg), and people with a higher level of psycholog-

го уровень самоконтроля. В импульсивное и компульсивное потребление чаще вовлечены молодые люди, жители средних и крупных городов (кроме Москвы и Санкт-Петербурга), группы с более высоким уровнем душевого дохода, незанятые на рынке труда и те, кто демонстрирует выраженные признаки психологического неблагополучия. Кроме того, в компульсивное потребление более вовлечены женщины и пользователи новых цифровых каналов коммуникации. Показано также, что эмоционально нагруженное потребление способно приводить к серьезным финансовым последствиям, включая наличие неоплаченных кредитов, просроченных задолженностей и долгов частным лицам.

Ключевые слова: эмоции, потребление, эмоционально нагруженное потребление, паническое потребление, импульсивное потребление, компульсивное потребление, опросы населения

Благодарность. Работа выполнена в Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ в рамках проекта «Экономическое поведение домашних хозяйств» при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Автор благодарит Т. А. Нестика, О. А. Симонову и Э. В. Котельникову за важные замечания по рукописи данной работы.

ical distress. Besides, females and users of new digital communication channels are more involved into compulsive buying. The study also demonstrates that emotionally loaded behavior may lead to serious financial consequences including unpaid loans, overdue debts, and private debts.

Keywords: emotions, consumption, emotionally loaded consumption, panic consumption, impulsive consumption, compulsive consumption, population surveys

Acknowledgments. The study was conducted in the Laboratory for Studies in Economic Sociology at the HSE University within the project “Economic Behaviour of the Households” and supported by the Program for Basic Research of the HSE University. The author thanks T. A. Nestik, O. A. Simonova, and Z. V. Kotelnikova for their valuable comments on the manuscript.

В заключительной части работы мы сформулируем гипотезы по поводу возможных факторов, которые повышают вероятность возникновения панического, импульсивного и компульсивного потребления. Далее протестируем эти гипотезы и проанализируем некоторые финансовые следствия эмоционально нагруженного потребления на новых количественных данных, полученных летом 2023 г. на основе репрезентативного опроса российского населения. И, наконец, пред-

ставим ряд важных выводов в отношении распространенности и обусловленности такого потребления в современной России.

Формулирование гипотез

Сформулируем ряд содержательных гипотез по поводу возможных факторов возникновения и воспроизводства охарактеризованных в первой части статьи форм потребительского поведения. Прежде всего мы предполагаем, что три вида эмоционально нагруженного потребления, при всех своих различиях, окажутся скоррелированы между собой. Поэтому мы формулируем наши гипотезы по отношению сразу ко всем трем видам эмоционально нагруженного потребления, понимая при этом, что значимые факторы в каждом отдельном случае могут различаться. Что же касается возможных предикторов, то они включают широкий круг социально-демографических, экономических, информационных и психологических факторов.

Начнем с социально-демографических факторов. В предшествующих исследованиях фиксировалось, что женщины в своем поведении более эмоциональны и в большей степени ориентированы на поддержание отношений, а мужчины проявляют более функциональные и индивидуалистские стремления [Kasen, Lee, 2002]. Это означает, что в силу специфических гендерных эмоциональных норм женщины по сравнению с мужчинами могут быть более мотивированы к разного рода спонтанным покупкам. Например, во множестве исследований выявлялось, что большинство импульсивных потребителей составляют женщины [Yurchisin, Johnson, 2004]. Для проверки этого предположения сформулируем нашу первую гипотезу:

Н1: Женщины более вовлечены в эмоционально нагруженное потребление, чем мужчины.

Результаты многих предшествующих исследований показывали, что больше склонна к импульсивному потреблению молодежь в возрасте до 35 лет [Kasen, Lee, 2002]. Демонстрировалось, что молодежь в период взросления более вовлечена и в импульсивное поведение [Yurchisin, Johnson, 2004]. Опрос ВЦИОМ в 2021 г. также подтвердил, что доля россиян, склонных закупать товары впрок и совершать импульсивные покупки, была выше среди молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет¹. У молодых потребителей меньше жизненного опыта, помогающего сохранять эмоциональный контроль, и больше вовлеченности в онлайн-коммуникации, дополнительно провоцирующие эмоционально нагруженные виды поведения. Конечно, у пожилых людей возможно возникновение компенсаторных механизмов вследствие пережитых ограничений былой советской жизни, которая прошла «вдалеке от вещей». Но все же мы склонны поддержать следующую гипотезу:

Н2: Молодые люди более вовлечены в эмоционально нагруженное потребление, чем представители старших возрастов.

Далее мы предполагаем, что менее образованные слои населения, у которых меньше развиты навыки самоконтроля и управления эмоциями, должны быть больше склонны к эмоциональным типам потребления.

¹ ВЦИОМ Импульсивные покупки // ВЦИОМ. 2021. 27 декабря. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/impulsivnye-pokupki> (дата обращения: 19.12.2023).

H3: Менее образованные группы более вовлечены в эмоционально нагруженное потребление, чем высокообразованные.

По поводу влияния занятости на рынке труда мы предполагаем, что самостоятельно зарабатывающие люди должны проявлять больший самоконтроль за расходованием нелегко достающихся средств. Если подобное предположение верно, то:

H4: Незанятые респонденты более вовлечены в эмоционально нагруженное потребление, чем занятые.

Результаты предшествующих исследований в отношении влияния материальной обеспеченности противоречивы. В одних фиксировалось, что, например, паническое потребление более распространено среди уязвимых в материальном отношении групп, которые чаще испытывают затруднения с доступом к базовым ресурсам [Wesseler, 2020]. В то же время импульсивное потребление может чаще встречаться среди более обеспеченных в материальном отношении групп населения, поскольку их представители могут себе позволить иногда поддаваться эмоциям в силу более мягких бюджетных ограничений. Нередко даже большая часть вариации объяснялась уровнем дохода [Bashar et al., 2013]. Фиксировалось и то, что компульсивное поведение более распространено в экономически развитых и благополучных странах [Black, 2001]. Мы склонны поддержать предположение, что для интересующих нас форм потребления все же нужны относительно свободные средства:

H5: Материально обеспеченные респонденты более вовлечены в эмоционально нагруженное потребление, чем менее обеспеченные.

Эмоционально нагруженное потребление, предположительно, должно быть более распространено среди жителей крупных городов, поскольку они сталкиваются с большим количеством соблазнов и испытывают большее воздействие рекламы и других манипулятивных маркетинговых инструментов, провоцирующих желания к немедленному обладанию. В свою очередь, сельское население менее зависимо от товарных дефицитов в части базовых продуктов потребления, менее склонно к ажиотажным и импульсивным покупкам и в целом более консервативно [Как россияне справляются..., 2023]. Это дает основание для следующей гипотезы:

H6: Чем крупнее поселение, тем больше его жители вовлечены в эмоционально нагруженное потребление.

Во многих исследованиях отмечается важное влияние медиа на эмоционально нагруженное потребление [Prentice et al., 2022]. Можно предположить, что вовлеченность в такое потребление весомее у тех, кто чаще слушает политические и экономические новости и, соответственно, больше подвержен внешним импульсам, вызывающим сильные (преимущественно негативные) эмоциональные состояния, которые могут подталкивать к соответствующим формам потребительского поведения. Еще глубже вовлеченными в эмоциональное потребление могут быть те, кто сильнее включен в онлайн-коммуникацию, активно пользуется интернетом, получает информацию через социальные сети и мессенджеры. Распространение информации через платформенные социальные медиа, как показали предыдущие исследования, дополнительно способствует возникновению эффекта толпы, провоцируя страхи товарного дефицита и подталкивая к паническим действиям [Huan et al., 2021; Naeem, Ozuem, 2021]. Таким образом, здесь целесообразно проверить следующую гипотезу:

H7: Пользователи новых (цифровых) информационных каналов более вовлечены в эмоционально нагруженное потребление, чем пользователи традиционных каналов.

В предшествующих исследованиях также фиксировалась тесная связь эмоционально нагруженного потребления с вовлеченностью в *онлайн-шопинг*, облегчающий покупки и умножающий соблазны [Wang et al., 2022; Zhang, Shi, 2022]. Поэтому можно предположить следующее:

H8: Респонденты, совершавшие покупки онлайн, более вовлечены в эмоционально нагруженное потребление.

Имеет смысл проследить возможное влияние алкоголя, употребление которого сопряжено с ослаблением или потерей самоконтроля. Именно этот эффект сказывается на эмоционально нагруженном потреблении. Например, ранее фиксировалось, что пьющие алкоголь чаще склонны к импульсивным покупкам [Baumeister, 2002]. Из этого следует, что:

H9: Любители алкоголя более вовлечены в эмоционально нагруженное потребление, чем непьющие.

В эмоционально нагруженное потребление также скорее должны вовлекаться те, кто испытывает тревожность или депрессию, находятся в состоянии стресса и в целом в худшем психологическом состоянии. Подобные влияния на эмоционально нагруженные формы потребления фиксировались неоднократно [Huan et al., 2021; Nowak, 2020; Kurnaz, 2022]). Отсюда следующая гипотеза:

H10: Находящиеся в состоянии психологического неблагополучия более вовлечены в эмоционально нагруженное потребление.

Помимо анализа причин эмоционально нагруженного потребления, важно также понимать его *результаты*. Показано, что подобное потребление способно порождать самые разные следствия: от повышенной тревожности и конфликтов в семье до излишнего расходования материальных ресурсов и нарастающих задолженностей [O'Quinn, Faber, 1989; Fenton-O'Creedy et al., 2018]. Мы остановимся на последнем важном аспекте, связанном с возникновением финансовых задолженностей, которые могут сопровождать подобное потребление. Поскольку эмоционально нагруженное потребление способно подталкивать людей к залезанию в долги, ухудшая финансовое положение человека и его/ее семьи, мы формулируем нашу заключительную гипотезу:

H11: Вовлеченность в эмоционально нагруженное потребление сопряжена с возникновением финансовых задолженностей.

Сбор и анализ данных

В данном разделе мы опишем источники данных, измеряемые переменные и способы анализа. Основным источником информации послужили данные опроса российского населения в возрасте 18 лет и старше, проведенного НИУ ВШЭ в июне — июле 2023 г. Опрос проводился в 55 регионах Российской Федерации в формате личного интервью по месту жительства респондентов с использованием планшетов для фиксации данных. Отбор респондентов осуществлялся по следующим критериям: федеральный округ, регион, тип населенного пункта, избирательный участок, пол, возраст. Общее число контактов — 91920. Уро-

вень отклика (response rate) — 6,53 %. Всего для анализа отобрано 6000 заполненных анкет².

Паническое потребление было операционализировано нами с помощью вопроса: «Покупали ли лично Вы за последние три месяца какие-то товары и (или) услуги в большем объеме, чем требовалось, из-за опасений, что они подорожают или исчезнут из продажи?».

Для измерения **импульсивного потребления** использовался следующий вопрос: «Покупали лично Вы за последние три месяца какие-то товары и (или) услуги незапланированно, без предварительных раздумий и тщательного поиска?».

В свою очередь, приверженность к **компульсивному потреблению** измерялась на основе следующего вопроса: «Покупали ли лично Вы за последние три месяца какие-то товары и (или) услуги, чтобы справиться со стрессом или поднять себе настроение?».

Важным ограничением данного исследования является то, что на каждый вид эмоционального потребления отведено лишь по одному поведенческому вопросу, которые указывают лишь на сам факт такого поведения, но не на частоту его совершения. Нет здесь и длинной батареи вопросов, принятой у психологов. Но мы увидим, что это не помешало выявлению множества значимых связей.

При анализе **факторов** эмоционально нагруженного потребления помимо дескриптивной статистики мы применили *модель бинарной логистической регрессии*, где в качестве *зависимых переменных* использовалось наличие или отсутствие каждого из трех видов эмоционально нагруженного потребления. В качестве *независимых переменных* во всех трех случаях использовались следующие параметры: гендер, возраст, образование, занятость, душевой доход, тип поселения (категориальная переменная), использование традиционных и новых информационных каналов (две переменные), вовлеченность в онлайн шопинг, потребление алкоголя, наличие заметных и выраженных признаков психологического неблагополучия (категориальная переменная).

Скажем чуть подробнее об **основных предикторах**. Возраст респондентов включен в модель в качестве численной переменной, но для дескриптивного описания был дополнительно разделен на три возрастные группы: молодые (18—35 лет), взрослые (36—55 лет) и пожилые (56 лет и старше). По уровню образования использован главный, по нашему мнению, показатель — наличие или отсутствие высшего образования. Занятость на рынке труда рассчитывалась без учета декретных отпусков и занятости обучающихся. По уровню душевого дохода в модели использована численная переменная (брался натуральный логарифм), но для дескриптивных целей респонденты были также разделены по квартилям.

Типы поселения разделены на пять основных видов — сельские поселения, малые города (до 100 тыс. жителей), средние города (до 500 тыс. жителей), крупные города (более 500 тыс. и миллионники) и столичные города (Москва и Санкт-Петербург).

Первоначально были рассчитаны показатели пользования интернетом, социальными сетями и мессенджерами. Но в итоге в качестве основного предиктора

² Подробные характеристики полученной выборки доступны по запросу.

в регрессионной модели использовался более релевантный показатель, который напрямую связан с потребительским поведением, — наличие или отсутствие вовлеченности в онлайн-шопинг за последние три месяца.

Для оценки воздействия информационных каналов были использованы вопросы об ознакомлении с экономическими и политическими новостями по разным видам источников. В свою очередь, информационные каналы были разделены на традиционные (телевидение, радио, печатные издания, друзья, знакомые и коллеги) и новые (интернет, социальные сети, блоги, онлайн-агрегаторы).

При определении того, потребляют ли респонденты алкоголь, задавался вопрос о его употреблении хотя бы иногда в течении последних 12 месяцев, и было предложено шесть основных видов алкогольных напитков. На этой основе нами сделана одна дихотомическая переменная (потребляли или не потребляли). Всего потребителей хотя бы одного из видов алкоголя оказалось 70,9%. Вопросы об объеме потребляемого алкоголя не задавались. Вместо этого мы дополнительно рассчитали показатель числа видов используемых напитков, который косвенно отражает уровень вовлеченности в потребление алкоголя.

При анализе депрессивного и стрессового состояния на основе пяти специальных индикаторов, фиксирующих его проявления, был построен Индекс психологического неблагополучия³, варьирующий от 5 до 20. На его основе, мы выделили три эмоциональных состояния, характеризующиеся слабым, заметным и выраженным проявлением психологического неблагополучия (эти группы составили в выборке, соответственно, 44%, 38% и 18%).

Об измерении следствий мы расскажем в соответствующем разделе.

Насколько распространено эмоционально нагруженное потребление

В результате анализа полученных данных, выяснилось, что в паническое (ажиотажное) потребление за последние три месяца был вовлечен примерно каждый десятый респондент (9,4%), в импульсивные покупки — каждый пятый (20,5%), а в компульсивное потребление — каждый четвертый (25,2%). Если сравнивать эти цифры с результатами предшествующих исследований, то паническое потребление оказалось чуть выше ожидаемого уровня, а импульсивное потребление — значительно ниже. И совсем неожиданным выглядит «лидерство» компульсивного потребления, которое по некоторым предшествующим исследованиям удерживается в пределах 10% [Ridgeway et al., 2008]. Возможно, это связано с нарастанием в российском обществе стрессовых ситуаций.

Добавим, что фиксируемое нами паническое потребление отличается от простого приобретения товаров впрок или в больших объемах, чем раньше. Подобный вопрос задавался отдельно, и положительно ответил хотя бы по одной из 16 категорий товаров и услуг каждый третий опрошенный (33,2%), что в 3,5 раза больше доли обнаруженных нами панических потребителей.

Как и ожидалось, все три вида эмоционально нагруженного потребления ожидаемо скоррелированы между собой при высоком уровне значимости ($p < ,001$). Наиболее высокое значение коэффициента Спирмена обнаружено между импуль-

³ Название предложено Т.А. Нестиком. Подробнее о построении данного Индекса см. приложение.

сивным и компульсивным потреблением ($r = ,347$), связь панического потребления с импульсивным и компульсивным несколько слабее ($r = ,213$ и $r = ,159$ соответственно). А доля тех, кто вовлечен хотя бы в один из трех видов потребления, заметно превышает одну треть опрошенных (38,4 %).

Чем обусловлено эмоционально нагруженное потребление

Теперь проанализируем факторы, лежащие в основе эмоционально нагруженного потребления. Далее мы представим данные дескриптивной статистики (см. табл. 1) и результаты регрессионного анализа (см. табл. 2). При описании результатов, во всех случаях мы говорим только о значимых различиях при $p < ,05$ или менее.

Таблица 1. Доля вовлеченных в эмоционально нагруженное потребление (по группам), %

	Паническое потребление	Импульсивное потребление	Компульсивное потребление
Всего	9,4	20,5	25,2
Женщины	10,1	21,9	28,8
Мужчины	8,5	18,9	20,8
Возраст			
18—35 лет	10,8	30,8	36,3
36—55 лет	9,2	19,9	25,6
56+ лет	8,3	11,6	14,5
Нет высшего образования	9,3	18,4	22,6
Высшее образование	9,5	24,6	30,3
Незанятые на рынке труда	9,2	16,1	20,5
Занятые на рынке труда	9,5	23,0	28,0
Душевой доход (квартили)			
17 500 руб. и менее	8,2	16,5	21,0
17 500—25 000 руб.	8,5	17,6	22,2
25 000—37 500 руб.	11,0	17,3	24,1
Более 37 500 руб.	9,0	29,0	34,4
Сельские поселения	8,1	14,9	18,5
Малые города (100 тыс.—)	10,7	20,5	22,9
Средние города (100—500 тыс.)	10,1	24,8	31,3
Крупные города (500 тыс. +)	9,8	23,6	30,4
Москва и Санкт-Петербург	7,9	20,3	25,2
Не покупали товары онлайн	7,5	11,4	15,2
Покупали товары онлайн	11,8	32,0	37,9
Узнавали об экономических и политических новостях			
Любые каналы	9,6	20,8	25,4
Традиционные каналы (ТВ, радио, печать, знакомые)	9,7	18,9	24,1
Новые каналы (Интернет, блоги, соцсети, агрегаторы)	10,9	26,0	31,0
Не интересовались новостями	4,3	15,6	21,1

	Паническое потребление	Импульсивное потребление	Компульсивное потребление
Не пьют алкоголь	6,8	14,1	17,6
Пьют алкоголь	10,4	23,1	28,4
Признаки психологического неблагополучия			
Слабые	9,0	18,9	21,6
Заметные	9,1	21,7	27,3
Выраженные	11,0	22,6	30,9

Начнем с *гендерных различий*. Женщины оказались чаще вовлечены в импульсивное потребление. При этом мы не склонны поддерживать гендерные стереотипы о большей эмоциональности женщин, но, видимо, женщины чаще обращаются к покупкам как к выходу из сложных эмоциональных состояний. Впрочем, этим значимые связи в регрессии исчерпываются, подтверждая нашу гипотезу H1 лишь отчасти.

Зависимость от *возраста* в случае панического потребления не значима, но проявляется в части импульсивного и компульсивного поведения: чем моложе респонденты, тем больше их вовлеченность (в соответствии с гипотезой H2). Причем, при выделении возрастных групп, различие между молодежью до 25 лет и пожилыми людьми старше 55 лет вырастает до 2,5 раза (в пользу молодежи).

Вопреки нашей гипотезе H3, эмоционально нагруженное потребление выглядит нейтральным к уровню *образования*, в то время как гипотеза H4 о влиянии *занятости* на рынке труда нашла частичное подтверждение: в импульсивное и компульсивное потребление больше вовлечены незанятые люди.

Распространенность панического потребления не слишком зависит и от уровня *душевых доходов* (правда, оно чуть чаще встречается в третьем доходном квартале). А вот доля вовлеченных в импульсивные и компульсивные покупки находится в линейной зависимости от уровня дохода (чем обеспеченнее респонденты, тем больше вовлеченность), и в этой части гипотеза H5 подтверждается. При разделении на квартили видно, что заметный скачок происходит лишь в четвертом, то есть среди наиболее обеспеченных респондентов — здесь доля импульсивных потребителей увеличивается по сравнению с третьим квартилем с 17,3 до 29,0%, а компульсивных — с 24,1 до 34,4%.

Сельские жители по всем видам эмоционально нагруженного потребления отличаются от городских жителей меньшей активностью. А вот между городами разных размеров различия невелики, и гипотеза H6 (чем крупнее город, тем больше вовлеченность) не находит полного подтверждения. Наивысшие значения обнаруживаются для панического потребления в малых городах, а для импульсивного и компульсивного потребления — в средних и крупных городах с численностью жителей от 100 до 500 тыс. и свыше 500 тыс., а в Москве и Санкт-Петербурге доля таких покупателей заметно меньше.

Встроенность в *информационные потоки* явно способствует «раскачиванию» эмоционально нагруженного потребления — те, кто знакомятся с экономическими и политическими новостями, вовлечены в большей мере. Выявлена и прямая

значимая связь всех видов эмоционально нагруженного потребления от общего числа используемых новостных источников. Однако регрессионный анализ позволил четко разделить воздействие двух выделенных нами типов информационных каналов. Использование *традиционных каналов* (телевидение, радио, печатные издания, друзья, знакомые и коллеги) повышает вовлеченность только лишь в паническое потребление, да и здесь связь не устойчива. А вот использование *новых цифровых каналов* (интернет, социальные сети, блоги, онлайн-агрегаторы) повышает вероятность такого вовлечения во все три вида потребления, причем почти в 1,5 раза. В соответствии с нашей гипотезой Н7, информация, распространяемая по новым цифровым каналам, «заводит» потребителей больше, чем информация по традиционным каналам.

Что же касается вовлеченности в *онлайн-шопинг* (в выборке таких 44,6%), то с ним все три вида эмоционально нагруженного потребления связаны на высоком уровне значимости ($p < ,001$) (см. гипотезу Н8). По дескриптивным данным, у онлайн-потребителей доля совершивших панические покупки увеличивается с 7,5 до 11,8%, импульсивные покупки — с 11,4 до 32,0%, а компульсивные покупки — с 15,2 до 37,9%, то есть более чем значительно. В регрессионном анализе для импульсивного и компульсивного потребления онлайн-покупки оказываются наиболее влиятельным фактором (их вероятность увеличивается более чем в два раза), а для панического потребления — одним из наиболее влиятельных факторов.

Потребление *алкогольных напитков*, как и предсказывалось гипотезой Н9, ослабляя самоконтроль, располагает к эмоционально нагруженному потреблению во всех трех видах — к паническому поведению меньше, к импульсивному — заметнее, а более всего — к компульсивному поведению. Дополнительно, за рамками регрессионной модели обнаружена прямая значимая связь всех видов эмоционально нагруженного потребления с числом видов потребляемых напитков, которое косвенно свидетельствует о большей подверженности алкоголю.

Наконец, возникновение эмоционально нагруженного поведения напрямую зависит от уровня *психологического неблагополучия* (заметного и особенно выраженного), но лишь в случаях импульсивного и компульсивного потребления, как предсказано гипотезой Н10. В случае панического потребления значимые связи не обнаружены.

Здесь, правда, возникает дополнительная сложность, связанная с тем, что психологическое неблагополучие может быть как причиной, так и следствием эмоционально нагруженного потребления (O'Quinn, Faber, 1989; Prentice et. al., 2022). Поэтому мы сделали дополнительный расчет, используя Индекс психологического неблагополучия в качестве зависимой переменной в линейной регрессии со стандартным набором контрольных переменных, перенеся эмоционально нагруженные формы потребления в ранг предикторов. Мы обнаружили, что в случае импульсивного поведения значимая связь исчезла, указывая на то, что, возможно, психологическое неблагополучие здесь в большей степени является причиной, нежели следствием. А в случае компульсивного потребления значимая связь сохранилась, здесь психологическое неблагополучие может быть как причиной, так и следствием компульсивных покупок.

Таблица 2. Основные предикторы эмоционально нагруженного потребления
(коэффициенты логистической регрессии)⁴

	Паническое потребление	Импульсивное потребление	Компульсивное потребление
Гендер (женщины)	1,224 (,107)	1,158 (,080)	1,585*** (,075)
Возраст	,998 (,004)	,983*** (,003)	,979*** (,003)
Высшее образование	,968 (,112)	1,104 (,082)	1,111 (,077)
Занятость на рынке труда	,792 (,126)	,815* (,096)	,747*** (,089)
Душевой доход (Ln)	1,165 (,090)	1,257*** (,066)	1,327*** (,063)
Малые города	1,343* (,148)	1,508*** (,118)	1,287* (,110)
Средние города	1,135 (,161)	1,719*** (,121)	1,802*** (,111)
Крупные города	1,158 (,160)	1,528*** (,122)	1,734*** (,111)
Москва и Санкт-Петербург	,823 (,195)	1,143 (,144)	1,070 (,134)
Новости по традиционным каналам	1,385* (,134)	,966 (,091)	1,187 (,088)
Новости по новым каналам	1,476** (,127)	1,418*** (,095)	1,324*** (,087)
Покупки онлайн	1,458** (,120)	2,279*** (,089)	2,257*** (,082)
Пьют алкоголь	1,302* (,124)	1,474*** (,093)	1,540*** (,086)
Заметное психологическое неблагополучие	1,054 (,113)	1,221* (,084)	1,371*** (,079)
Выраженное психологическое неблагополучие	1,317 (,141)	1,379** (,109)	1,871*** (,100)
Константа	,007*** (,956)	,012*** (,707)	,006*** (,671)
R ² Нейджелкерка	,029	,136	,170
Число респондентов	4772	4753	4745

Примечание. Среднеквадратичная ошибка в скобках, * $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$.

К чему приводит эмоционально нагруженное потребление

Теперь обратимся к некоторым финансовым последствиям эмоционально нагруженного потребления. Ранее мы уже обращали внимание на то, что оно может подталкивать людей к залезанию в долги, осложняя финансовое положение индивидов и домохозяйств. Далее мы оценим влияние всех видов такого потребления на три финансовых параметра: наличие непоплаченных кредитов, просроченных задолженностей и долгов частным лицам.

Первый параметр оценивался с помощью вопроса: «Есть ли у Вас (Вашей семьи) в настоящее время какие-либо кредиты, по которым вам нужно выплачивать деньги, или таких кредитов нет?». При этом просили учесть банковские потребительские кредиты, ипотеку, задолженности по кредитным картам и микрозаймы. В нашей выборке такие кредиты были у 22,6% респондентов.

Наличие просроченных задолженностей свидетельствует о более сложной финансовой ситуации, чем простое наличие кредитов. Здесь использовался вопрос: «Есть ли в настоящий момент у Вас (Вашей семьи) просрочка по кредитам и (или)

⁴ Заметное снижение объема выборки произошло за счет переменной душевого дохода, где доля неотчетов составила 16,8% (по всем остальным переменным — в пределах 3%). Добавление этой переменной не повлияло на основные параметры выборки (отклонения не превышали 0,5%).

обязательным платежам за два месяца и более?». Всего спрашивали о шести видах просроченных задолженностей. Хотя бы одну из них имели 3,8% респондентов.

Наконец, кроме кредитов, взятых в банковских и небанковских организациях, можно задолжать деньги другим частным лицам. Здесь использовался вопрос: «Есть ли у Вас (Вашей семьи) в настоящее время какие-то денежные долги частным лицам (родственникам, знакомым, друзьям, коллегам)?». О наличии таких долгов сообщили 8,2% респондентов.

Мы вновь использовали бинарную логистическую регрессию, но уже с тремя указанными финансовыми параметрами в качестве зависимых переменных. В роли основных независимых переменных выступили три вида эмоционально нагруженного потребления, а для контроля использовались: гендер, возраст, наличие высшего образования, занятость на рынке труда, уровень душевого дохода (натуральный логарифм), проживание в сельской местности. Поскольку три переменные эмоционально нагруженного потребления скоррелированы между собой, могла возникнуть проблема мультиколлинеарности, поэтому при расчетах мы вводили эти переменные по одной.

Полученные результаты свидетельствуют, что паническое потребление сопряжено с некоторым увеличением кредитной активности, но связь не значима. Кроме этого исключения, все три вида эмоционально нагруженного потребления повышают вероятность возникновения задолженностей и по кредитам, и по частным долгам, а также просроченных платежей по кредитам (как это предсказано гипотезой H11). Следует учесть, что вероятность появления задолженностей во всех случаях возрастает значительно, в 1,5—2 раза. Дескриптивная статистика представлена в таблице 3, а регрессионные коэффициенты — в таблице 4.

В целом полученные результаты свидетельствуют о возможности возникновения долговой нагрузки у респондентов, вовлеченных в эмоционально нагруженные виды потребления, особенно это касается импульсивного и компульсивного поведения. У таких потребителей доля должников по кредитам увеличивается примерно с одной пятой до одной трети, должников по частным займам — с 7 до 13%, а обладателей просроченных задолженностей — с 3 до 6—7% (см. табл. 3). Само по себе наличие долгов еще не свидетельствует непременно о финансовом неблагополучии, но может служить его первым признаком.

Таблица 3. **Финансовые следствия эмоционально нагруженного потребления**
(в % от числа потребителей)

Виды эмоционально нагруженного потребления	Банковские кредиты	Просроченные платежи	Долги частным лицам
Всего	22,6	3,8	8,2
Паническое потребление	26,0	5,9	12,4
Отсутствует	22,2	3,5	7,6
Импульсивное потребление	34,1	5,5	12,7
Отсутствует	19,7	3,2	7,1
Компульсивное потребление	32,0	6,8	12,8
Отсутствует	19,4	2,7	6,6

Таблица 4. Финансовые следствия эмоционально нагруженного потребления
(коэффициенты логистической регрессии)

	Банковские кредиты			Просроченные платежи			Долги частным лицам		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3
Паническое потребление	1,154 (,117)			1,685* (,222)			1,665*** (,157)		
Импульсивное потребление		1,754*** (,120)			1,528* (,178)			1,893*** (,082)	
Компульсивное потребление			1,660*** (,078)			2,251*** (,163)			1,937*** (,114)
Пол (женщины)	1,227** (,072)	1,090 (,108)	1,167* (,073)	,919 (,159)	,868 (,160)	,843 (,160)	1,126 (,109)	1,199* (,073)	1,049 (,109)
Возраст	,981*** (,002)	,982*** (,004)	,983*** (,003)	,973*** (,005)	,976*** (,005)	,978*** (,005)	,978*** (,004)	,984*** (,003)	,983*** (,004)
Высшее образование	1,300*** (,074)	,855 (,117)	1,295*** (,075)	,994 (,170)	,921 (,173)	,929 (,170)	,888 (,117)	1,266** (,075)	,850 (,117)
Занятость на рынке труда	1,977*** (,091)	1,386* (,131)	1,960*** (,091)	,911 (,182)	,954 (,185)	,960 (,182)	1,372* (,131)	1,984*** (,092)	1,431** (,131)
Душевой доход (Ln)	,837** (,057)	,577*** (,082)	,820*** (,057)	,480*** (,112)	,480*** (,112)	,477*** (,111)	,578*** (,083)	,833*** (,057)	,569*** (,082)
Сельские жители	1,085 (,082)	1,247 (,118)	1,155 (,083)	,468*** (,212)	,490*** (,212)	,496*** (,213)	1,205 (,118)	1,143 (,083)	1,243 (,119)
Константа	1,667 (,614)	32,062*** (,869)	1,759 (,614)	263,603*** (1,176)	236,911*** (1,174)	205,765*** (1,162)	37,033*** (,878)	1,419 (,616)	33,658*** (,869)
R ² Нейджелкерка	.071	.057	.083	.061	.060	.074	.054	.087	.062
Число респондентов	4915	4878	4889	4938	4912	4913	4906	4890	4880

Примечание. Среднеквадратичная ошибка в скобках, * p < 0,05, ** p < 0,01, *** p < 0,001.

Попутно мы видим, что все три вида задолженностей чаще возникают у молодых людей и респондентов с более низким уровнем душевого дохода, банковские кредиты и долги частным лицам (без просроченных платежей) — у лиц с высшим образованием, а просроченные платежи чаще появляются у городских жителей по сравнению с сельскими (см. табл. 4).

Основные выводы

Полученные данные свидетельствуют, что паническое потребление значительно менее распространено по сравнению с импульсивными и особенно компульсивными покупками, которые неожиданно вышли на первую позицию. В то же время паническое потребление более «демократично», поскольку меньше зависит от многих факторов, и разные группы вовлекаются в него относительно равномерно.

Во все три вида эмоционально нагруженного потребления в большей степени вовлечены те, кто совершает покупки онлайн (наиболее влиятельный фактор) и потребители алкоголя, временно ослабляющего уровень самоконтроля. В импульсивное и компульсивное потребление, которые теснее связаны между собой, больше вовлечены молодые люди, группы с более высоким уровнем душевого дохода, незанятые на рынке труда, жители средних и крупных городов (кроме Москвы и Санкт-Петербурга) и те, кто демонстрирует выраженные признаки психологического неблагополучия. Кроме того, в компульсивное потребление больше вовлечены женщины и пользователи новых цифровых каналов коммуникации (социальных сетей, блогов, онлайн-агрегаторов).

Наконец, все рассмотренные нами виды эмоционально нагруженного поведения, помимо сопряженных с ними фрустраций и зависимостей, способны приводить к серьезным последствиям в виде дополнительных материальных издержек и финансовых задолженностей, включая просроченные задолженности. С учетом распространения эмоционально нагруженного поведения в критические периоды, нам следует лучше понимать его механизмы, которые зачастую не вписываются в шаблоны рациональных потребительских действий. Эти виды поведения требуют более тщательного изучения с осмыслением сложных связей между рациональными и эмоциональными элементами потребительского выбора. Необходимо также поиск мер для регулирования эмоционально нагруженного потребления на индивидуальном и коллективном уровнях.

Список литературы (References)

Как россияне справляются с новым кризисом: Социально-экономические практики населения / под ред. Радаева. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2023. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2756-6>.

Radaev V. V. (ed.) (2023) Coping with a New Crisis: Socio-Economic Practices of the Russian Population. Moscow: HSE Publishing House. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2756-6>. (In Russ.)

Bashar A., Ahmad I., Wasiq M. (2013) A Study of Influence of Demographic Factors on Consumer Impulse Buying Behavior. *Journal of Management Research*. Vol. 13. No. 3.

P. 145—154. URL: <https://www.indianjournals.com/ijor.aspx?target=ijor:jmr&volume=13&issue=3&article=002> (accessed: 12.12.2023).

Baumeister R. F. (2002) Yielding to Temptation: Self-Control Failure, Impulsive Purchasing, and Consumer Behavior. *Journal of Consumer Research*. Vol. 28. No. 4. P. 670—676. <https://doi.org/10.1086/338209>.

Black D. W. (2001). Compulsive Buying Disorder. *CNS Drugs*. Vol. 15. No. 1. P. 17—27. <https://doi.org/10.2165/00023210-200115010-00003>.

Fenton-O'Creevy M., Dibb S., Furnham A. (2018) Antecedents and Consequences of Chronic Impulsive Buying: Can Impulsive Buying be Understood as Dysfunctional Self-Regulation? *Psychology & Marketing*. Vol. 35. No. 3. P. 175—188. <https://doi.org/10.1002/mar.21078>.

Huan C., Park S., Kang J. (2021) Panic Buying: Modeling What Drives it and How it Deteriorates Emotional Well-Being. *Family and Consumer Sciences Research Journal*. Vol. 50. No. 2. P. 150—164. <https://doi.org/10.1111/fcsr.12421>.

Kacen J.J., Lee J.A. (2002) The Influence of Culture on Consumer Impulsive Buying Behavior. *Journal of Consumer Psychology*. Vol. 12. No. 2. P. 163—176. https://doi.org/10.1207/S15327663JCP1202_08.

Kurnaz A. (2022) The Big Five Personality Traits as Antecedents of Panic Buying. *Marketing and Management of Innovations*. Vol. 3. P. 21—33 <https://doi.org/10.21272/mmi.2022.3-02>.

Naeem M., Ozuem W. (2021) Customers' Social Interactions and Panic Buying Behavior: Insights from Social Media Practices. *Journal of Consumer Behavior*. Vol. 20. P. 1191—1203. <https://doi.org/10.1002/cb.1925>.

Nowak B., Brzóška P., Piotrowski J., Sedikides C., Żemojtel-Piotrowska M., Jonason P.K. (2020) Adaptive and Maladaptive Behavior during the COVID-19 Pandemic: The Roles of Dark Triad Traits, Collective Narcissism, and Health Beliefs. *Personality and Individual Differences*. Vol. 167. Art. 110232. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.110232>.

O'Quinn T. C., Faber R. J. (1989) Compulsive Buying: A Phenomenological Exploration. *Journal of Consumer Research*. Vol. 16. No. 2. P. 147—157. <https://doi.org/10.1086/209204>.

Prentice C., Quach S., Thaichon P. (2022) Antecedents and Consequences of Panic Buying: The Case of COVID-19. *International Journal of Consumer Studies*. Vol. 46. No. 1. P. 132—146. <https://doi.org/10.1111/ijcs.12649>.

Ridgeway N. M., Kukar-Kinney M., Monroe K. B. (2008) An Expanded Conceptualization and a New Measure of Compulsive Buying. *Journal of Consumer Research*. Vol. 35. No. 4. P. 622—639. <https://doi.org/10.1086/591108>.

Wang Y., Pan J., Xu Y., Luo J., Wu Y. (2022) The Determinants of Impulsive Buying Behavior in Electronic Commerce. *Sustainability*. Vol. 14. P. 1—18. <https://doi.org/10.3390/su14127500>.

Wesseler J. (2020) Storage Policies: Stockpiling Versus Immediate Release. *Journal of Agricultural and Food Industrial Organization*. Vol. 18. No. 1. P. 1—9. <https://doi.org/10.1515/jafio-2019-0055>.

Yurchisin Y., Johnson K. K. P. (2004) Compulsive Buying Behavior and Its Relationship to Perceived Social Status Associated with Buying, Materialism, Self-Esteem, and Apparel-Product Involvement. *Family and Consumer Sciences Research Journal*. Vol. 32. No. 3. P. 291—314. <https://doi.org/10.1177/1077727X03261178>.

Zhang M., Shi G. (2022) Consumers' Impulsive Buying Behavior in Online Shopping Based on the Influence of Social Presence. *Computational Intelligence and Neuroscience*. Art. 6794729. P. 1—8. <https://doi.org/10.1155/2022/6794729>.

Приложение

Алгоритм расчета Индекса психологического неблагополучия

Психологическое благополучие анализировалось на основе следующего вопроса (предложен Т. А. Нестиком): «Сейчас я опишу Вам несколько эмоциональных состояний человека, а Вы скажете, как часто в последние две недели у Вас бывало каждое этих состояний: практически не бывало, бывало редко, бывало часто, бывало практически каждый день». Четыре варианта ответа проранжированы от «1» до «4» по нарастанию частоты состояния. Было предложено пять эмоциональных состояний:

- не хочется ничего делать, ежедневные занятия не приносят удовольствия;
- плохое настроение, подавленность, чувство безнадежности;
- сильная нервозность, тревога, беспокойство;
- неспособность контролировать свои эмоции, держать себя в руках;
- чувство одиночества.

Индекс психологического неблагополучия рассчитан как сумма ответов и варьируется от 5 до 20. Значение Индекса от 5 до 7 определено как слабое проявление, от 8 до 10 — как заметное и свыше 10 — как выраженное проявление психологического неблагополучия.

DOI: [10.14515/monitoring.2023.6.2405](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.6.2405)

Е. В. Фролова, О. В. Рогач

ДОВЕРИЕ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ КООПЕРАЦИИ В РОССИИ

Правильная ссылка на статью:

Фролова Е. В., Рогач О. В. Доверие как фактор развития кооперации в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 6. С. 35—57. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.6.2405>.

For citation:

Frolova E. V., Rogach O. V. (2023) Trust as a Factor of the Development of Cooperation in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 35–57. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.6.2405>. (In Russ.)

Получено: 29.03.2023. Принято к публикации: 21.11.2023.

ДОВЕРИЕ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ КО- ОПЕРАЦИИ В РОССИИ

ФРОЛОВА Елена Викторовна — доктор социологических наук, профессор, профессор Департамента социологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

E-MAIL: efrolova06@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8958-4561>

РОГАЧ Ольга Владимировна — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры информационных технологий в государственном управлении, МИРЭА — Российский технологический университет, Москва, Россия

E-MAIL: rogach16@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3031-4575>

Аннотация. В статье исследуется связь между субъективными оценками роли доверия и развитием практик кооперации. Эмпирические данные представлены результатами всероссийского онлайн-опроса россиян, проведенного в мае и июне 2022 г. ($N = 4422$). Делается вывод о готовности почти половины опрошенных респондентов к участию в кооперации, что, впрочем, не гарантирует реализацию оптимистического сценария развития кооперации в краткосрочной перспективе. Результаты исследования косвенно указывают на искаженное представление респондентов о сущности кооперативной деятельности, которая противопоставляется экономической выгоде и коммерческой успешности. Дефицит доверия деформирует потребительское восприятие кооперативной продукции: почти половина опрошенных россиян (49,9%)

TRUST AS A FACTOR OF THE DEVELOP- MENT OF COOPERATION IN RUSSIA

Elena V. FROLOVA¹ — Dr. Sci. (Soc.), Professor of the Department of Sociology

E-MAIL: efrolova06@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8958-4561>

Olga V. ROGACH² — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Department of Information Technologies in Public Administration

E-MAIL: rogach16@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3031-4575>

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

² MIREA — Russian Technological University, Moscow, Russia

Abstract. The article studies relationship between subjective assessments of the role of trust and the development of cooperation practices. Empirically, the study bases on the all-Russian online population survey conducted in May and June 2022 ($N = 4422$). The authors show that almost half of the respondents are ready to participate in cooperation, which, however, does not guarantee the implementation of the optimistic scenario for the development of cooperation in the short term. The results of the study indirectly indicate a distorted view of respondents about the essence of cooperative activity, which is opposed to economic benefit and commercial success. A lack of trust distorts consumer perception of cooperative products: almost half of the respondents (49.9%) believe that cooperatives supply goods that have not been tested for compli-

полагают, что кооперативы поставляют товар, непроверенный на соответствие ГОСТ. В ходе исследования отмечается разграничение доверия органам власти (институциональное) и к участникам экономических отношений (межличностное), при этом второй тип доверия респонденты рассматривают как более значимый барьер развития кооперации. Установлено, что большинство респондентов опасаются мошеннических действий, недобросовестного поведения партнера при вступлении в кооператив. Россияне, отметившие улучшение материального положения после введения санкций, выразили более высокую готовность к организации кооператива.

Результаты регрессионного анализа показали отсутствие статистически значимой связи между готовностью населения к вступлению в потребительские кооперативы и оценкой роли доверия. Ключевыми аспектами, связанными с готовностью респондентов к участию в кооперативах, стали возможность заняться собственным бизнесом и объединение с единомышленниками. Полученные результаты иллюстрируют исторически сложившееся стремление россиян к коллективным формам экономической деятельности, ориентацию на консолидированное использование ресурсов, преобладание ценностей солидарности. Кооперация в данном контексте может рассматриваться как возможность совмещения экономических и социальных ожиданий населения.

Ключевые слова: доверие к власти, общественное доверие, кооперация, потребительская кооперация, кооператив, солидарность

ance with state standard (GOST). The study notes a distinction between trust in authorities (institutional) and in participants in economic relations (interpersonal). The respondents consider the latter as a more significant barrier to the development of cooperation. The survey revealed that the majority of respondents are afraid of fraudulent actions and dishonest behavior of a partner when joining a cooperative. Russians who noted an improvement in their financial situation after the introduction of sanctions expressed greater readiness to organize a cooperative.

The results of regression analysis showed the absence of a statistically significant relationship between the population's readiness to join consumer cooperatives and the assessment of the role of trust. The key aspects related to respondents' readiness to participate in cooperatives were the opportunity to start their own business and association with like-minded people. The results obtained illustrate the historically established desire of Russians for collective forms of economic activity, orientation toward the consolidated use of resources, and the predominance of solidarity values. Cooperation in this context might be considered as an opportunity to combine the economic and social expectations of the population.

Keywords: trust in government, public trust, cooperation, consumer cooperation, cooperative, solidarity

Введение

В условиях кризиса и давления антироссийских санкций трансформируется ландшафт экономических взаимодействий, что актуализирует поиск перспективных форм предпринимательской активности. Международный и российский опыт свидетельствует о потенциале кооперации в снижении последствий экономической фрустрации, обеспечении основ роста качества жизни населения [Klagge, Meister, 2018; Егоров, 2020]. Учитывая природу кооперативной деятельности как формы солидаризации, особого внимания требует исследование феномена доверия между агентами экономических отношений. Авторы фокусируются на оценке доверия как фактора объединения людей, их вступления в экономические отношения для совместного ведения бизнеса.

Кооперативные практики доказали свою значимость для повышения благосостояния населения в условиях кризисных явлений. История развития кооперации в России показывает способность граждан к самоорганизации и сотрудничеству, как для реализации своих экономических интересов, так и для решения социальных проблем местных сообществ [Кеврина, Плеханова, 2019]. Всплеск внимания общественности к практикам кооперации на рубеже XX и XXI веков выразался в распространении малых кооперативных форм, основой которых выступили неформальные конвенции и взаимное доверие [Сорока, 2021]. Справедливо заметить, что доверие в экономических отношениях выступает фундаментом развития кооперативных форм взаимодействий, становится «необходимой стратегией продвижения вперед» [Штопка, 2012: 58], атрибутом общественно-индивидуального поля, в котором функционируют люди.

Все сказанное выше акцентирует внимание авторов на феномене доверия в развитии кооперативных практик как драйвера новых форм предпринимательской активности населения в условиях кризиса. С учетом новых внешнеполитических обстоятельств, которые запустили цепочку социокультурных и экономических трансформаций, требуется серьезная перестройка многих сфер общественной жизни. Фактическими лидерами экономических отношений выступают участники, сумевшие на основе кооперации ресурсов, признания общих правил игры и доверия к тому, что другие будут их соблюдать, создать пространство для эффективного взаимодействия.

По мнению Л. Е. Тепловой, ядро кооперативной культуры составляют идеи солидарности, самоорганизации, партнерского взаимодействия, баланса экономической эффективности и норм поддержания коллективных интересов [Теплова, 2005]. Российские исследователи концентрируют свое внимание на преимуществах кооперативных практик, в частности делается вывод о снижении коммерческих рисков в ходе совместной деятельности, повышении маркетинговой эффективности, широкого охвата целевой аудитории кооперативного продукта [Хабибуллин, 2018]. Данную идею также раскрывают М. З. Фрейдин и А. Л. Астапчик, подчеркивающие развитие ресурсных возможностей кооперативов при достижении коммерческого успеха, формировании прямых и устойчивых связей между предпринимателями, поставщиками ресурсов и покупателями [Фрейдин, Астапчик, 2018].

Нормативно-правовые акты, регламентирующие деятельность кооперативов в России, определяют в качестве ключевого термина потребительскую коопера-

цию. Под данным термином законодатель предлагает понимать «систему организаций потребительской кооперации, созданных в целях удовлетворения материальных и иных потребностей их членов»¹. По определению Международного кооперативного альянса, кооператив представляет собой «автономную ассоциацию лиц, добровольно объединившихся для удовлетворения своих общих экономических, социальных и культурных потребностей и устремлений через совместное и демократически контролируемое предприятие»². В зарубежных исследованиях основной фокус внимания сосредоточен на анализе отличительных ценностей кооперативов, трансформации их организационной архитектуры под воздействием новых вызовов. В частности, интерес представляет вывод о размывании идей кооперативной культуры, неоднозначной трактовке таких ее ценностей и норм, как участие сотрудников в собственности и прибылях, общее руководство, обеспечение равной оплаты [Bretos et al., 2019]. Неоднозначные оценки девальвации ключевых ценностей доверия и демократизации в ходе трансформации кооперативных практик ставят вопросы о необходимости расширения эмпирического поля, поиска новых смыслов и императивов развития кооперации.

Указанные вопросы находят частичное отражение в исследованиях Дж. Б. Фишер и А. М. Надинг, которые говорят об отсутствии единых форм организации кооперативных практик [Fisher, Nading, 2021]. По мнению ученых, кооперативные модели представляют собой исторически сложившиеся проекты, которые в современных условиях модернизируются под воздействием актуальных запросов их участников [ibid.]. Данный вывод представляет особый интерес, учитывая специфику российских реалий, исторически сложившийся запрос на коллективно разделяемые смыслы и ценности, практики солидаризации под воздействием кризисных явлений и процессов.

Зарубежные авторы подчеркивают как необходимость государственной поддержки кооперативной деятельности, так и активную роль органов власти в самих кооперативах. По мнению С. Дебор органы власти могут стать членами кооперативов, обеспечивая доверие в системе «власть — общество» [Debor, 2018]. Для этого необходимо соблюдение принципа «один участник — один голос», обеспечивающего демократизацию управления и равное положение государственного и хозяйствующего субъектов в принятии кооперативных решений [Reynolds, 2000]. В своих работах М. Маэстре-Матос и соавторы выделяют институциональные факторы развития кооперативов, обращая внимание на необходимость интеграции формальных и неформальных факторов. К формальным факторам относятся сертификаты, стандарты качества, политика социальной ответственности и экономические стимулы; к неформальным — сотрудничество, повышение качества жизни, укрепление социальной ренты [Maestre-Matos et al., 2021].

При этом делается вывод, что усилия федеральной власти должны дополняться активной политикой органов местного самоуправления в содействии кооперативным инициативам. Описывая опыт Швейцарии и Германии, эмпирические

¹ Закон РФ от 19 июня 1992 г. № 3085-1 (ред. от 2 июля 2013 г.) «О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации».

² International Co-operative Alliance. (2018) Cooperative Identity, Values & Principles. URL: <https://www.ica.coop/en/whats-co-op/co-operative-identity-values-principles> (дата обращения: 01.12.2023).

исследования иллюстрируют эффективное взаимодействие кооперативов и муниципалитетов, их сотрудничество и поддержку [Schmid et al., 2020]. Важное значение имеют финансовые возможности муниципальных органов власти, доверие населения и хозяйствующих субъектов к управленческим структурам [Медведева и др., 2021].

В российских условиях объективно присутствует потребность в развитии кооперации, однако, по мнению российских ученых, масштабы деятельности кооперативов недостаточны, а их роль невелика. Анализ, проведенный С. Г. Головиной и Л. Н. Смирновой, позволяет сделать вывод, что число потребительских кооперативов демонстрирует тенденцию к снижению [Головина, Смирнова, 2020]. По результатам социологического исследования 2018 г., проведенного в сельской местности, В. Г. Егоров делает вывод, что большинство кооперативов проигрывают конкуренцию малым формам бизнеса [Егоров, 2020]. Среди причин отмечается не только отсутствие технического переоснащения кооперативной инфраструктуры, но и наличие стереотипов восприятия в общественном сознании потребительской кооперации, низкий уровень доверия кооперативным практикам в целом. Результаты опроса свидетельствуют, что сельские жители видят ключевым бенефициаром развития кооперации государство [там же]. Данные выводы дополняют результаты эмпирического исследования в Самарской области. По мнению респондентов, развитию кооперативов препятствуют низкий уровень гражданской активности, недостаток опыта и знаний в сфере кооперативного законодательства, отсутствие денежных средств для первоначального взноса. Также отмечается проблема, связанная с отсутствием взаимной поддержки и доверия между участниками кооперации [Пятова и др., 2021]. Это частично подтверждается в ходе исследований других авторов. В частности, А. А. Кудрявцев и Ю. В. Кармышова делают заключение о факторах, лимитирующих развитие кооперации: низкий уровень доверия, нарушение контрактов и договоренностей в ходе взаимодействия хозяйствующих субъектов [Кудрявцев, Кармышова, 2022].

Однако данный вывод требует уточнения в контексте современных реалий, а также дифференциации доверия различным социальным институтам. В условиях изменения внешнеполитической ситуации, трансформации структуры российской экономики, перестройки логистических цепочек под давлением антироссийских санкций приобретает особую значимость исследование специфики феномена доверия в экономических отношениях, анализ его влияния на развитие практик кооперации в современных российских условиях.

Основные исследовательские вопросы звучат следующим образом:

1. Какие факторы влияют на готовность населения вступать в кооператив или становиться организатором кооперативов в современных условиях?
2. Мешает ли россиянам низкий уровень доверия органам власти и другим участникам кооперации объединяться в потребительские кооперативы?

Новизной проводимого исследования призвано стать двустороннее рассмотрение феномена доверия в кооперативных практиках: как со стороны потенциальных участников потребительской кооперации (в том числе уровень их доверия друг другу и государству), так и со стороны потребителей кооперативной продукции/услуг.

Методы

Цель исследования заключается в изучении феномена доверия как основы развития кооперативных практики в современной России.

Гипотезы исследования:

1. Низкий уровень институционального (к государству) и межличностного (к участникам экономических отношений) доверия становится барьером, ограничивающим практики кооперации россиян.

2. В современных условиях кризиса, давления антироссийских санкций на экономику кооперация имеет достаточно высокую привлекательность как для реализации предпринимательских инициатив (готовность к организации кооператива / вступлению в него), так и для обеспечения потребительских интересов населения (готовность делать покупки в кооперативных магазинах, неуверенность в качестве продукции и пр.).

Основным методом сбора информации выступил анкетный опрос населения. Исследование проведено при участии авторов Российским университетом кооперации весной 2022 г.³ Тип исследования — прикладное, уровень — всероссийский. Использована модель многоступенчатой районированной выборки с квотным отбором единиц наблюдения (респондентов) на последней ступени:

- на первой ступени отбора выделены субъекты РФ в составе каждого федерального округа. Отбор субъектов РФ осуществлялся Российским университетом кооперации с учетом оценки организационных возможностей проведения исследования⁴;
- на второй ступени внутри субъектов РФ осуществлялось дальнейшее районирование по городским и сельским типам поселений;
- на третьей ступени был осуществлен отбор респондентов по заданным числовым параметрам квот, с соблюдением квот по основным социально-демографическим признакам респондентов и типу населенного пункта (расчитанных на основании данных Росстата) в каждом субъекте РФ.

Итоговая выборка составила 4422 человека (см. табл. 1). Респонденты рекрутировались по методике снежного кома с соблюдением принципов анонимности, добровольности участия. Метод снежного кома использовался ввиду финансовых ограничений исследования, необходимости снижения затрат на квартирный опрос респондентов. Опрос проводился в режиме онлайн, анкета была размещена на платформе Google Forms. Помощь в распространении анкеты, подборе респондентов осуществляли сотрудники региональных отделений (филиалов) Российского университета кооперации. Каждый из организаторов опроса в регионе получил техническое задание с указанием параметров квот (пол, возраст, место проживания респондента (сельское/городское

³ Авторы выражают признательность руководству Российского университета кооперации за организацию исследования, прежде всего ректору А. Р. Набиевой, д. э. н., проф. А. Н. Малолетко, д. э. н., проф. О. В. Кауровой.

⁴ Центральный федеральный округ: г. Москва, Московская, Владимирская и Смоленская области; Северо-Западный федеральный округ: Калининградская область; Южный федеральный округ: Республика Крым, Краснодарский край, Волгоградская область; Северо-Кавказский федеральный округ: Ставропольский край; Приволжский федеральный округ: Республики Башкортостан, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртская и Чувашская Республики, Саратовская область; Уральский федеральный округ (Челябинская область); Сибирский федеральный округ (Новосибирская область); Дальневосточный федеральный округ (Камчатский край).

поселение)). В ходе проведения опроса осуществлялся контроль корректности заполнения анкет, соблюдения квот по основным социально-демографическим признакам респондентов (пол, возраст, место проживания). В региональные отделения направлялась ежедневная сводка по распределению демографических характеристик респондентов, что позволило своевременно корректировать выборку.

Зависимая переменная — желание организовать потребительский кооператив / стать его членом — измеряется вопросом: «Хотели бы Вы сами организовать или стать членом потребительского кооператива?». Варианты ответа представлены шкалой, где используется следующая кодировка: нет (1), скорее нет, чем да (2), затрудняюсь ответить (3), скорее да, чем нет (4), да (5).

В модели добавлены независимые переменные, которые потенциально могут влиять на желание организовать потребительский кооператив / стать его членом: экономические ожидания (получить доход, заняться бизнесом), социальные ожидания (объединение с единомышленниками), дефицит финансовых ресурсов, бюрократические сложности при организации кооператива, риски столкнуться с мошенниками, а также уровень доверия государству и другим участникам кооперации.

Для измерения данных индикаторов использовались следующие вопросы анкеты:

- «Что лично Вы ожидаете от вступления в кооператив или его создания?» (возможность заняться собственным бизнесом: да / нет / не знаю; возможность найти новый источник дохода: да / нет / не знаю; объединение с единомышленниками: да / нет / не знаю), кодировка: да (1), не знаю (2), нет (3).
- «Согласны ли Вы со следующими утверждениями касательно системы потребительской кооперации в России?» (у людей сегодня лишних денег, финансовые возможности ограничены, поэтому кооперация не получается: да/нет; создание кооператива — это лишняя бюрократия и «волокига», нужно собирать много документов: да/нет; есть риск, что при создании кооператива столкнешься с мошенниками, нечестными партнерами, поэтому лучше работать одному: да/нет), кодировка: да (1), нет (2).
- «Как Вы полагаете, что сегодня становится барьером для вступления в потребительские кооперативы? Что мешает объединяться в кооперативы?» (низкий уровень доверия участникам кооперации: мешает / не мешает; низкий уровень доверия органам власти: мешает / не мешает); кодировка: мешает (1), не мешает (2).

Дизайн анкеты представлен блоками, отражающими главные задачи исследовательской работы авторов. Результаты обрабатывались с использованием программного обеспечения SPSS (версия 23).

Ограничением данного исследования следует считать использование метода снежного кома в рекрутинге респондентов, что дает смещенную выборку. Поэтому результаты исследования требуют дальнейшей проверки по репрезентативной общероссийской выборке.

Таблица 1. Социально-демографические характеристики респондентов, %

Место проживания				
Жители городских поселений		Жители сельских поселений		
77,4		22,6		
Пол респондентов				
Мужчины		Женщины		
42,4		57,6		
Возраст респондентов				
18—29 лет	30—44 года	45—54 года	55—64 года	65 лет и старше
27,3	26,5	14,6	16,1	15,6

Результаты исследования

Результаты опроса показали, что более половины респондентов (53,1%) знакомы с термином «потребительская кооперация». Еще треть опрошенных (35,3%) слышали о ней, но не могут дать точного определения (см. табл. 1 приложения). Более высокий уровень осведомленности характерен для респондентов с хорошим материальным положением (61,6%) (см. табл. 2 приложения). При этом наличие личного опыта или опыта знакомых демонстрируют только четверть респондентов (24,4%) (см. табл. 3 приложения). Кооперативная активность в сельских поселениях составила 27,1%, для сравнения в городе доля давших положительный ответ составила 23,6% (см. табл. 4 приложения). В ходе исследования также был задан вопрос о степени владения дополнительной информацией об организациях, обеспечивающих поддержку потребительских кооперативов. Высокую степень осведомленности продемонстрировали 28,0% россиян (см. табл. 5 приложения).

В целом среди опрошенных респондентов доминирует положительное отношение к практикам создания кооперативов. Однозначно отрицательную позицию высказал только каждый десятый респондент (см. табл. 6 приложения). Можно предположить, что данное распределение ответов свидетельствует о потенциале кооперативных форм организации граждан для удовлетворения экономических, социальных и культурных потребностей.

Результаты исследования показали, что чуть менее половины опрошенных респондентов ориентированы на организацию или членство в кооперативах (см. табл. 8 приложения). Несмотря на востребованность данной формы предпринимательской активности, остается открытым вопрос о соответствии планов готовности к их практическому воплощению. Наибольший потенциал активности в этом вопросе свойственен тем социально-демографическим группам, чье материальное положение улучшилось в последнее время (71,8% выбрали варианты ответа «да» и «скорее да, чем нет») (см. табл. 9 приложения). Аналогичные результаты, но с несколько меньшей вариацией, характерны для групп с высокими и низкими доходами (см. табл. 10 приложения). Среди высокодоходных респондентов выше доля тех, кто хотел бы организовать или стать членом потребительского кооператива (57,5%).

Высокий уровень интереса к организации потребительских кооперативов демонстрируют жители Северо-Кавказского ФО (68,7% в совокупности выбрали ва-

рианты утвердительного ответа), а также Уральского ФО (51,8%) — их показатели выше средних значений по выборке на 23,9 п. п. и 7 п. п. соответственно (см. табл. 11 приложения). В то же время низкий уровень готовности к организации и/или вступлению в потребительские кооперативы характерен для жителей Сибирского ФО: 69,5% выбрали отрицательные варианты ответа, что выше средних значений по выборке на 27,2 п. п.

46,9% опрошенных в качестве мотивации к вступлению в кооператив назвали стремление объединиться с единомышленниками (см. табл. 12 приложения). Среди респондентов, ожидающих объединения единомышленников при организации кооператива, несколько выше доля тех, кто ориентирован на создание потребительских коопераций (см. табл. 2). Таким образом, ценности солидаризации и доверия, стремление к сетевому взаимодействию становятся фактором активизации кооперативных инициатив.

Таблица 2. Зависимость между желанием организовать потребительский кооператив или стать его членом и ожиданиями респондентов (объединение с единомышленниками), %⁵

Хотели бы Вы сами организовать или стать членом потребительского кооператива?	Что лично Вы ожидаете от вступления в кооператив или его создания: «Объединение с единомышленниками»		
	Да	Нет	Не знаю
Да	23,6	12,5	8,6
Скорее да, чем нет	34,2	26,8	18,1
Скорее нет, чем да	22,4	28,7	31,1
Нет	8,2	22,7	23,2
Затрудняюсь ответить	11,6	9,3	19,0

Результаты исследования показали, что по субъективным оценкам респондентов низкий уровень доверия органам власти и участникам кооперации в целом мешает населению объединяться в кооперативы (см. рис. 1). Можно предположить, что институциональное и межличностное доверие играет значимую роль в развитии кооперации в современных условиях.

В территориальном разрезе наибольшие проблемы с уровнем доверия власти обнаружены в Сибирском (73,3%) и Дальневосточном (70,6%) ФО (см. рис. 2).

Среди респондентов, назвавших барьером для вступления в потребительские кооперации низкий уровень доверия участникам, выше доля тех, кто разделяет следующее мнение: «в наше время люди думают только о собственной выгоде, поэтому объединение в кооперативы происходит редко» (см. табл. 3). Результаты исследования косвенно указывают на устойчивость восприятия экономической эффективности, рентабельности и личной выгоды в негативной тональности. Можно предположить, что респонденты склонны противопоставлять данные понятия таким категориям, как кооперация, солидарность, общественный интерес.

⁵ При числе степеней свободы, равном 8, значение критерия χ^2 составляет 406,286. Критическое значение χ^2 при уровне значимости $p = 0,01$ составляет 20,09. Связь между признаками статистически значима при уровне значимости $p < 0,01$.

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы полагаете, что сегодня становится барьером для вступления в потребительские кооперативы? Что мешает объединяться в кооперативы?», %

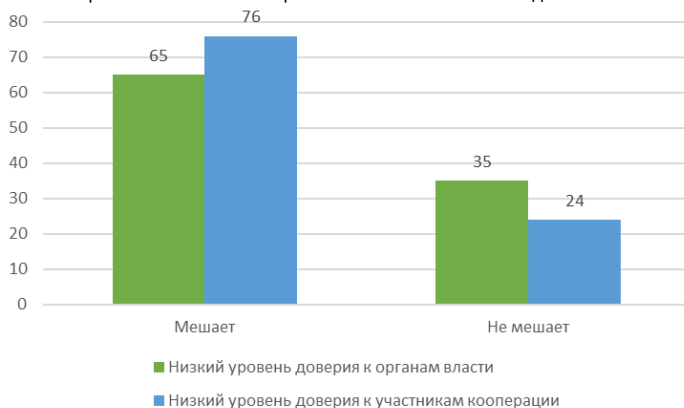

Рисунок 2. Мешает ли низкий уровень доверия власти объединяться в кооперативы, % по федеральным округам РФ

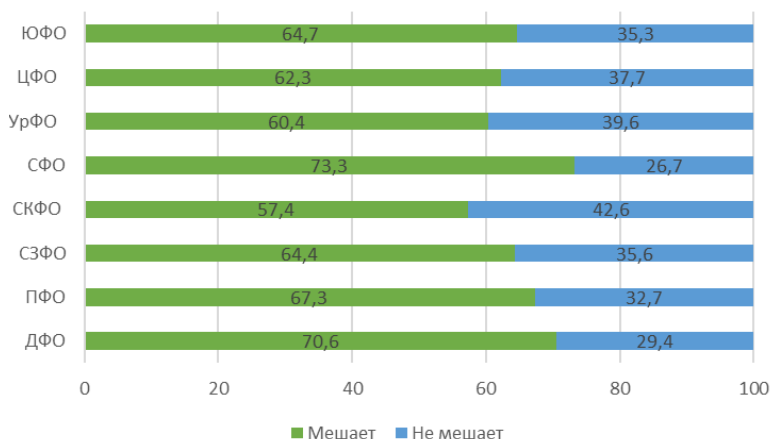

Таблица 3. Зависимость между оценкой низкого уровня доверия участникам кооперации как барьера для вступления в потребительские кооперативы и ценностным суждениями о причине редкого объединения в кооперативы, %⁶

Как Вы полагаете, что сегодня становится барьером для вступления в потребительские кооперативы? «Низкий уровень доверия участникам кооперации»	Согласны ли Вы со следующими утверждениями касательно системы потребительской кооперации в России: «В наше время люди думают только о собственной выгоде, поэтому объединение в кооперативы происходит редко»	
	Да	Нет
Мешает	83,4	16,6
Не мешает	58,1	41,9

⁶ При числе степеней свободы, равному 1, значение критерия χ^2 составляет 294,110. Критическое значение χ^2 при уровне значимости $p = 0,01$ составляет 6,635. Связь между факторным и результирующим признаками статистически значима при уровне значимости $p < 0,01$.

Подавляющее большинство респондентов (64,5%) опасаются столкновения с мошенниками при создании кооператива (см. табл. 7 приложения). В связи с этим институциональные условия развития кооперативных практик формируют запрос на реализацию защитной функции государства, предоставление гарантий соблюдения прав их участников, предотвращение мошеннических действий. Данный вывод подтверждает зависимость между восприятием низкого уровня доверия власти как барьера для вступления в потребительские кооперативы и устойчивостью стереотипа о том, что «при создании кооператива столкнешься с мошенниками, нечестными партнерами, поэтому лучше работать одному» (см. табл. 4).

Таблица 4. Зависимость между оценкой низкого уровня доверия органам власти как барьера для вступления в потребительские кооперативы и ценностным суждениями о причине редкого объединения в кооперативы, %⁷

Как Вы полагаете, что сегодня становится барьером для вступления в потребительские кооперативы? «Низкий уровень доверия органам власти»	Согласны ли Вы со следующими утверждениями касательно системы потребительской кооперации в России: «Есть риск, что при создании кооператива столкнешься с мошенниками, нечестными партнерами, поэтому лучше работать одному»	
	Да	Нет
Мешает	69,9	30,1
Не мешает	54,5	45,5

Можно предположить, что недостаточность распространения кооперативных практик в современных российских условиях и их деформация в советском опыте формируют неоднозначность восприятия идей кооперации в оценках населения. Результаты исследования иллюстрируют наличие фундаментальной проблемы, противоречие между устойчивым интересом к кооперации и отсутствием доверия, преобладанием страхов, опасений мошенничества со стороны потенциальных партнеров. С одной стороны, большинство респондентов рассматривают кооперацию как силу, возможность добиться успеха в условиях дефицита собственного ресурса, а с другой — как слабость, риск попадания в мошеннические схемы.

Концентрация внимания населения на рисках мошенничества имеет под собой и объективное основание. Согласно данным, представленным в аналитическом отчете Министерства внутренних дел Российской Федерации, в 2022 г. выявлено 106 313 фактов совершения преступлений экономической направленности. Обращает на себя внимание рост фактов мошенничества на 12,4% по сравнению с 2021 г., рост числа правонарушений, связанных с потребительским рынком (на 10,4%)⁸.

⁷ При числе степеней свободы, равном 1, значение критерия χ^2 составляет 103,976. Критическое значение χ^2 при уровне значимости $p = 0,01$ составляет 6,635. Связь между факторным и результирующим признаками статистически значима при уровне значимости $p < 0,01$.

⁸ Состояние преступности в России за январь — ноябрь 2022 г. // МВД РФ. URL: https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2022/12/mvd_22_11_.pdf (дата обращения: 01.10.2023).

С точки зрения потребителя кооперативной продукции респонденты продемонстрировали отсутствие уверенности в качестве товара. О дефиците доверия говорит убежденность 49,9% опрошенных в том, что продовольственные кооперативы поставляют товар, который не проверяют на соответствие ГОСТ (см. табл. 7 приложения). Что касается распространенности стереотипа о недостаточном уровне контроля за деятельностью потребительских кооперативов, то его наиболее высокая устойчивость характерна для жителей Северо-Кавказского и Уральского ФО (78,7% и 69,3% соответственно). Наиболее благоприятная ситуация с имиджем потребительской кооперации в части обеспечения контроля качества продукции сложилась в Центральном и Сибирском ФО (39,0% и 30,5% соответственно) (таблица 13 приложения).

Результаты анкетного опроса позволили авторам выявить субъективные оценки респондентов в части интерпретации ключевых барьеров развития кооперации в современных условиях. Однако особый интерес представляет идентификация субъективных оценок, влияющих на формирование индивидуальной готовности респондентов организовать потребительский кооператив или стать его членом. В целях решения данной задачи и определения взаимосвязей между переменными был проведен регрессионный анализ (см. табл. 5).

Таблица 5. Результаты регрессионного анализа

Коэффициенты ^a					
Зависимая переменная: «Хотели бы Вы сами организовать или стать членом потребительского кооператива?»					
Модель	Нестандартизованные коэффициенты		Стандартизованные коэффициенты	t	Sig. (Значимость)
	B	Стандартная ошибка	B (Beta)		
(Константа)	4,187	,106		39,381	,000
Возможность заняться собственным бизнесом	-,439	,027	-,263	-16,436	,000
Возможность найти новый источник дохода	,051	,026	,031	-1,941	,051
Объединение с единомышленниками	-,182	,026	-,113	-7,136	,000
В наше время люди думают только о собственной выгоде, поэтому объединение в кооперативы происходит редко	-,188	,052	-,058	-3,634	,000
У людей сегодня нет лишних денег, финансовые возможности ограничены, поэтому кооперация не получается	,147	,045	,051	3,295	,001
Создание кооператива — это лишняя бюрократия и «волокита», нужно собирать много документов	-,061	,042	-,022	-1,443	,149

Модель	Нестандартизован- ные коэффициенты		Стандартизо- ванные коэф- фициенты	t	Sig. (Значи- мость)
	B	Стандартная ошибка	β (Beta)		
Есть риск, что при создании кооператива столкнешься с мошенниками, нечестными партнерами, поэтому лучше работать одному	,008	,044	,003	,182	,855
Люди не понимают сути кооперативов, нет информации об успешном опыте кооперативов	,048	,046	,016	1,050	,294
Низкий уровень доверия участникам кооперации	,004	,049	,001	,078	,938
Низкий уровень доверия органам власти	,029	,044	,010	,666	,505
Количество наблюдений	4422				
R ²	,121				
Скорректированный R ²	,119				

Результаты регрессионного анализа показали статистическую значимость такого показателя, как «возможность заняться собственным бизнесом». Связь между желанием респондента организовать потребительский кооператив или стать его членом и стремлением объединиться с единомышленниками тоже существенна. Некоторые показатели, связанные с субъективной оценкой роли доверия, не являются значимыми: риск столкнуться с мошенниками, низкий уровень доверия участникам кооперации и органам власти.

Таким образом, субъективные оценки роли данных переменных как барьеров развития кооперации в ходе регрессионного анализа не нашли своего подтверждения. Можно предположить, что, рассуждая о перспективах развития кооперации, респонденты в ходе ответов на вопросы анкеты весьма справедливо отмечают значимость доверия в экономических отношениях, кооперативных практиках взаимодействия. Однако при формировании собственных намерений организовать потребительский кооператив или стать его членом в расчет принимается возможность заняться собственным бизнесом и объединиться с единомышленниками.

Требует своего дальнейшего изучения такой фактор, как сомнения респондентов относительно поведенческих намерений других людей. В частности, результаты регрессионного анализа показали статистическую значимость показателя «В наше время люди думают только о собственной выгоде, поэтому объединение в кооперативы происходит редко».

Дискуссия

Результаты исследования иллюстрируют общее положительное отношение россиян к кооперации. Особый оптимизм внушает предпринимательский потенциал

населения, его готовность к организации кооперативных практик или участию в них. Условия кризиса и давление антироссийских санкций заставили россиян задуматься о ресурсе поддержания своего уровня благосостояния, альтернативных формах ведения предпринимательской деятельности. Согласно исследованию, проведенному Всероссийским центром исследования общественного мнения 15 февраля 2022 г., подавляющее большинство россиян (64 %) не имеют сбережений/накоплений. При этом среди респондентов, имеющих накопления, 27 % отметили, что для этого им приходится экономить на самом необходимом⁹. При недостаточности финансовых активов россияне рассматривают кооперацию как источник материальной стабильности и экономической успешности (большинство респондентов хотели бы организовать потребительский кооператив или стать его членом).

При этом в ответах респондентов наблюдается деформация смыслового контекста кооперации как добровольного объединения людей на основе идей солидаризации и доверия. Результаты исследования показали, что респонденты склоны противопоставлять личную выгоду и общественные интересы. Большинство опрошенных полагают, что причиной редкого объединения в кооперативы стало стремление к личной выгоде. Иллюстрация данных стереотипов демонстрирует необходимость переосмысления идей интеграции социальных и экономических принципов в деятельности кооперативов. При этом экономические принципы раскрывают ориентацию кооперативных предприятий на повышение рентабельности и финансовой прибыли каждого участника [Гужвина, 2016]. В свою очередь, социальные принципы кооперации отражают ее ориентацию на солидаризацию и взаимопомощь [Туган-Барановский, 1989]. Интеграция экономических и социальных принципов в деятельности потребительских кооперативов [Doherty et al., 2014] актуализирует проблему доверия в экономических отношениях, что позволит преодолеть потенциальный «конфликт» между данными принципами [Battilana et al., 2015].

Региональный срез ответов респондентов иллюстрирует некоторую дифференциацию в мнениях опрошенных. Можно предположить, что территориальное смещение в оценках привлекательности идей кооперации в сторону Северо-Кавказского региона может быть связано со специализацией экономики в агропромышленном секторе. Однако данный вывод нуждается в дальнейшей эмпирической проверке, учитывая ограничения нашего исследования, связанные с нерепрезентативной выборкой. Как свидетельствует отечественный и зарубежный опыт, именно сельскохозяйственные кооперативы чаще демонстрируют успешность за счет формирования сетей: поставок, производства и сбыта продукции [Фрейдин, Астапчик, 2018; Fischer, Qaim, 2012; Huang, Zhang, 2021]. В условиях кризиса обеспечение рентабельности сельского хозяйства может быть достигнуто за счет развития кооперативных объединений на основе доверия и взаимной поддержки. Специфика развития Северного федерального округа определяется экстремальными природными условиями (большая часть территории находится за полярным кругом), ресурсодобывающим характером специализации экономики. Данные обстоятельства могут объяснять низкий уровень интереса жителей Северного федерального округа к кооперации.

⁹ Сбережения россиян: мониторинг // ВЦИОМ. 2022. 15 февраля. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-ozbor/sberezhenija-rossijan-monitoring> (дата обращения: 23.03.2023).

Разделение солидарных ценностей становится ведущим драйвером развития кооперативных практик. В частности, стремление к объединению на основе общности интересов формируют готовность населения к организации кооперативов / вступлению в них.

В ходе ответа на вопросы анкеты большая часть респондентов указали, что отсутствие доверия к органам власти и другим участникам становится барьером на пути развития кооперации в России (65% и 76% соответственно). Также респонденты отметили высокий риск мошеннических действий в ходе совместной кооперативной деятельности. При этом регрессионный анализ показал отсутствие статистической зависимости между субъективной оценкой роли доверия (как к органам власти, так и к другим участникам) и готовностью вступления в кооперативы. Выявленное противоречие между субъективной оценкой барьеров развития кооперации и результатами регрессионного анализа могут указывать, с одной стороны, на наличие общепринятого мнения о влиянии дефицита доверия на развитие экономических отношений, с другой — на то, что индивидуальная готовность/желание респондентов вступить в потребительский кооператив или организовать его детерминирована совокупностью социальных и экономических факторов (возможность заняться бизнесом, объединение с единомышленниками), в числе которых доверие не играет значимой роли.

Выводы

Рассматривая привлекательность кооперативов с точки зрения предпринимательской и потребительской позиции, можно сделать несколько выводов. Привлекательность кооперации как формы предпринимательской инициативы в российском обществе достаточно высока. При этом, однако, результаты исследования иллюстрируют ряд негативных тенденций, среди которых присутствует искаженное восприятие кооперативной продукции. С точки зрения потребителя респонденты склонны сомневаться в качестве товаров, производимых в кооперативах. Встречаются опасения о несоответствии такой продукции требованиям ГОСТ.

Дискуссионным остается вопрос о влиянии доверия на развитие кооперации. Неоднозначность полученных результатов требует дополнительного анализа, использования качественных методов исследования. С одной стороны, отвечая на вопросы анкеты, респонденты рассматривали дефицит доверия в качестве барьера развития кооперации. С другой стороны, результаты регрессионного анализа показали отсутствие данных взаимосвязей. Установлено, что ключевыми факторами влияния на готовность вступления в кооператив выступают «возможность заняться собственным бизнесом» и «объединение с единомышленниками». Полученные результаты свидетельствуют о стремлении россиян к реализации своих предпринимательских инициатив. При этом кооперация выступает точкой пересечения как экономических, так и социальных ожиданий населения.

Список литературы (References)

Головина С. Г., Смирнова Л. Н. Об эффективности деятельности сельскохозяйственных кооперативов в России // Аграрный вестник Урала. 2020. № 6. С. 89—100. <https://www.doi.org/10.32417/1997-4868-2020-197-6-89-100>.

Golovina S. G., Smirnova L. N. (2020) About the Efficiency of Agricultural Cooperatives' Functioning in Russia. *Agrarian Bulletin of the Urals*. No. 6. P. 89—100. <https://www.doi.org/10.32417/1997-4868-2020-197-6-89-100>. (In Russ.)

Гужвина М. Д. Роль потребительской кооперации в стабилизации рыночной экономики // Научный альманах. 2016. № 1—1. С. 75—78. <https://www.doi.org/10.17117/na.2016.01.01.075>.

Guzhvin M. D. (2016) The Role of Consumer Cooperative in the Stabilization of the Market Economy. *Scientific Almanac*. No. 1—1. P. 75—78. <https://www.doi.org/10.17117/na.2016.01.01.075>. (In Russ.)

Егоров В. Г. Потребительская кооперация: факторы роста и препятствия развития // Инновации и инвестиции. 2020. № 8. С. 181—190. EDN: WCCZHS.

Egorov V. G. (2020) Consumer Cooperation: Growth Factors and Obstacles to Development. *Innovations and Investments*. No. 8. P. 181—190. (In Russ.)

Кевбрина О. Б., Плеханова Е. А. К вопросу о развитии системы потребительской кооперации на территории России // Вестник Российского университета кооперации. 2019. № 1. С. 52—56.

Kevbrina O. B., Plekhanova E. A. (2019) On the Issue of the Development of Consumer Cooperation System in Russia. *Bulletin of the Russian University of Cooperation*. No. 1. P. 87—101. (In Russ.)

Кудрявцев А. А., Кармышова Ю. В. Концептуальные направления развития цифровых кооперативных платформ, объединяющих малых сельскохозяйственных товаропроизводителей // Московский экономический журнал. 2022. № 1. С. 267—279. https://www.doi.org/10.55186/2413046X_2022_7_1_3.

Kudryavtsev A. A., Karmyshova Yu. V. (2022). Conceptual Directions of Development of Digital Cooperative Platforms Uniting Small Agricultural Producers. *Moscow Economic Journal*. No. 1. P. 267—279. https://www.doi.org/10.55186/2413046X_2022_7_1_3. (In Russ.)

Медведева Н. В., Фролова Е. В., Рогач О. В. Взаимодействие и перспективы партнерства территориального общественного самоуправления с местной властью // Социологические исследования. 2021. № 10. С. 72—82. <https://www.doi.org/10.31857/S013216250015275-5>.

Medvedeva N. V., Frolova E. V., Rogach O. V. (2021) Territorial Public Self-Government and Local Government: Problems of Interaction and Prospects for Constructive Partnership. *Sociological Studies*. No. 10. P. 72—82. <https://www.doi.org/10.31857/S013216250015275-5>. (In Russ.)

Пятава О. Ф., Коломкина М. В., Шумилиа Т. В. К вопросу развития коллективных форм хозяйствования в Самарской области: деятельность кооперативных организаций // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2021. № 53. С. 210—223. <https://www.doi.org/10.17223/19988648/53/15>.

Pyatova O. F., Kolomkina M. V., Shumilina T. V. (2021) On the Development of Collective Forms of Management in Samara Oblast: Activities of Cooperative Organizations.

Bulletin of Tomsk State University. Economy. No. 53. P. 210—223. <https://www.doi.org/10.17223/19988648/53/15>. (In Russ.)

Сорока С. Н. Условия и факторы становления предпринимательской деятельности в российской федерации на рубеже XX и XXI вв. // Вестник Омского университета. Серия Исторические науки. 2021. № 3. С. 70—79. [https://www.doi.org/10.24147/2312-1300.2021.8\(3\).70-79](https://www.doi.org/10.24147/2312-1300.2021.8(3).70-79).

Soroka S. N. (2021). Conditions and Factors of Formation of Entrepreneurial Activity in the Russian Federation at the Turn of the 20th and 21st Centuries. *Bulletin of Omsk University. Series Historical Sciences.* No. 3. P. 70—79. [https://www.doi.org/10.24147/2312-1300.2021.8\(3\).70-79](https://www.doi.org/10.24147/2312-1300.2021.8(3).70-79). (In Russ.)

Теплова Л. Е. Необходимость разработки концепции развития организационной культуры потребительской кооперации // Terra Economicus. 2005. Т. 3. № 1. С. 128—135.

Teplova L. E. (2005). The need to develop a concept for the development of organizational culture of consumer cooperation. *Terra Economicus.* Vol. 3. No. 1. P. 128—135. (In Russ.)

Туган-Барановский М. И. Социальные основы кооперации. М., 1989.

Tugan-Baranovsky M. I. (1989) *Social Foundations of Cooperation.* Moscow. (In Russ.)

Фрейдин М. З., Астапчик А. Л. Зарубежный опыт межфермерской кооперации // Вестник Белорусской государственной сельскохозяйственной академии. 2018. № 1. P. 18—22.

Freidin M. Z., Astapchik A. L. (2018) Foreign Experience of Inter-Farm Cooperation. *Bulletin of the Belarusian State Agricultural Academy.* No. 1. P. 18—22. (In Russ.)

Хабидуллин Р. И. Современные тенденции развития кооперации. Вопросы науки и образования. 2018. № 14. С. 5—9.

Khabibullin R. I. (2018) Contemporary Development Trends of Cooperation. *Questions of Science and Education.* No. 14. P. 5—9. (In Russ.)

Штомпка П. Доверие — основа общества. М.: Логос, 2012.

Sztompka P. (2012) *Trust Is the Basis of Society.* Moscow: Logos. (In Russ.)

Battilana J., Sengul M., Pache A. C., Model J. (2015) Harnessing Productive Tensions in Hybrid Organizations: The Case of Work Integration Social Enterprises. *Academy of Management Journal.* No. 58. P. 1658—1685.

Bretos I., Errasti A., Marcuello C. (2019) Multinational Expansion of Worker Cooperatives and Their Employment Practices: Markets, Institutions, and Politics in Mondragon. *ILR Review.* Vol. 72. No. 3. P. 580—605. <https://doi.org/10.1177/0019793918779575>.

Debor S. (2018) *Multiplying Mighty Davids? The Influence of Energy Cooperatives on Germany's Energy Transition.* Cham: Springer.

Doherty B., Haugh H., Lyon F. (2014) Social Enterprises as Hybrid Organizations: A Review and Research Agenda. *International Journal of Management Reviews.* No. 16. P. 417—436.

Fisher J. B., Nading A. M. (2021) The End of the Cooperative Model (As We Knew It): Commoning and Co-becoming in Two Nicaraguan Cooperatives. *Environment and Planning E: Nature and Space*. No. Vol. 4. No. 4. P. 1232—1254. <https://doi.org/10.1177/2514848620901439>.

Fischer E., Qaim M. (2012) Linking Smallholders to Market; Determinants and Impacts of Farmers' Collective Action in Kenya. *World Development*. No. 40. P. 1255—1268.

Huang Y., Li X., Zhang G. (2021) The Impact of Technology Perception and Government Support on E-Commerce Sales Behavior of Farmer Cooperatives: Evidence from Liaoning Province, China. *SAGE Open*. Vol. 11. No. 2. <https://doi.org/10.1177/21582440211015672>.

Klagge, B., Meister, T. (2018) Energy Cooperatives in Germany — an Example of Successful Alternative Economies? *Local Environment: The International Journal of Justice and Sustainability*. Vol. 23. No. 7. P. 697—716.

Maestre-Matos M., Lombana-Coy J., Mesías F. J., Elghannam A. (2021) Institutional Factors That Affect Inclusive Businesses: The Case of Banana Cooperatives in the Magdalena Region (Colombia). *International Journal of Rural Management*. No. 17 (1_ suppl). P. 69S-96S. <https://doi.org/10.1177/0973005221991603>.

Reynolds B. J. (2000) The One Member-One Vote Rule in Cooperatives. *Journal of Cooperatives*. No. 15. P. 47—62.

Schmid B., Meister T., Klagge B., Seidl I. (2020) Energy Cooperatives and Municipalities in Local Energy Governance Arrangements in Switzerland and Germany. *The Journal of Environment & Development*. Vol. 29. No. 1. P. 123—146. <https://doi.org/10.1177/1070496519886013>.

Приложение 1

Таблица 1. **Распределение ответов на вопрос:**
«Знакомы ли Вы с термином «потребительская кооперация», %

Варианты ответа	Доля респондентов
Да, я знаю, что это	53,1
Да, слышал, но не могу точно ответить	35,3
Нет, не знаком	11,6

Таблица 2. **Зависимость между знанием термина «потребительская кооперация» и оценкой респондентами своего материального положения, %**

Знакомы ли Вы с термином «потребительская кооперация»	Как бы Вы оценили свое материальное положение?%			
	Плохо	Средне	Хорошо	Затрудняюсь ответить
Да, я знаю, что это	48,1	53,5	61,6	39,2
Да, слышал, но не могу точно ответить	39,6	36,2	29,9	36,1
Нет, не знаком	12,3	10,2	8,5	24,7

Таблица 3. **Распределение ответов на вопрос:**
«Участвуете ли Вы или ваши знакомые в потребительских кооперациях?», %

Варианты ответа	Доля респондентов
Да	24,4
Нет	49,9
Затрудняюсь ответить	25,7

Таблица 4. **Зависимость между участием самих респондентов или их знакомых в потребительских кооперациях и местом проживания (типом поселения)?», %**

Участвуете ли Вы или ваши знакомые в потребительских кооперациях?	Место проживания	
	Городское поселение	Сельское поселение
Да	23,6	27,1
Затрудняюсь ответить	25,6	25,7
Нет	50,7	47,2

Таблица 5. **Распределение ответов на вопрос: «Если бы Вы хотели вступить в кооператив, то оцените наличие у себя следующих знаний и ресурсов», %**

	Высокий	Средний	Низкий
Юридические знания в сфере законодательства по организации потребительских кооперативов	32,1	36,0	22,5
Знания в сфере экономики, финансов, бухгалтерского учета	29,1	42,2	19,1
Знания в сфере продаж, маркетинга, рекламы	31,0	40,1	19,2

	Высокий	Средний	Низкий
Навыки общения, готовность объединить людей, вложить свои силы и капиталы для организации кооператива	35,9	37,5	17,2
Владение информацией об организациях, обеспечивающих поддержку потребительских кооперативов	28,0	35,8	26,4
Наличие материально-технической базы (имущества, земли, техники и др.) для организации кооператива	24,9	32,7	32,5
Наличие финансовых ресурсов для организации кооператива	25,9	31,2	32,9

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос: «Как вы относитесь к практикам создания кооперативов», %

Варианты ответа	Доля, респондентов
Затрудняюсь ответить	8,3
Нейтрально	26,9
Отрицательно	10,3
Положительно	54,5

Таблица 7. Распределение ответов на вопрос: «Согласны ли Вы со следующими утверждениями касательно системы потребительской кооперации в России?», %

Утверждение	Да	Нет
В наше время люди думают только о собственной выгоде, поэтому объединение в кооперативы происходит редко	77,3	22,7
У людей сегодня нет лишних денег, финансовые возможности ограничены, поэтому кооперация не получается	67,4	32,6
Создание кооператива — это лишняя бюрократия и «волокита», нужно собирать много документов	54,7	45,3
<i>Есть риск, что при создании кооператива столкнешься с мошенниками, нечестными партнерами, поэтому лучше работать одному</i>	64,5	35,5
Люди не понимают сути кооперативов, нет информации об успешном опыте кооперативов	72,3	27,7
Создание кооператива — хорошая возможность заняться бизнесом, только объединив усилия и финансы с другими людьми, можно добиться успеха	68,0	32,0
Расширение сети потребительских кооперативов позволит регулировать цены на продукты	69,1	30,9
Потребительские кооперативы поставляют более качественные и натуральные продукты, чем обычные магазины и сети.	65,4	34,6
<i>Продовольственные кооперативы поставляют непроверенный товар, его не проверяют на соответствие ГОСТу</i>	49,9	50,1

Таблица 8. **Распределение ответов на вопрос: «Хотели бы Вы сами организовать или стать членом потребительского кооператива?», %**

Хотели бы Вы сами организовать или стать членом потребительского кооператива?	Доля респондентов
Да	16,7
Скорее да, чем нет	28,1
Скорее нет, чем да	26,3
Нет	16,1
Затрудняюсь ответить	12,8

Таблица 9. **Зависимость между желанием респондентов организовать потребительский кооператив или стать его членом и его оценкой изменений в своем материальном положении, %**

Хотели бы Вы сами организовать или стать членом потребительского кооператива?	Если говорить в целом, то изменилось ли после введения санкций ваше материальное положение:			
	Да, в лучшую сторону	Да, в худшую сторону	Затрудняюсь ответить	Нет, ничего не изменилось
Да	39,9	12,9	9,3	13,1
Скорее да, чем нет	31,9	29,8	23,1	26,5
Скорее нет, чем да	19,3	29,0	20,3	29,9
Нет	4,8	18,1	16,3	19,1
Затрудняюсь ответить	4,1	10,3	31,1	11,4

Таблица 10. **Зависимость между желанием респондента организовать потребительский кооператив или стать его членом и его оценкой своего материального положения, %**

Хотели бы Вы сами организовать или стать членом потребительского кооператива?	Как бы Вы оценили свое материальное положение?			
	Плохо	Средне	Хорошо	Затрудняюсь ответить
Да	12,0	13,3	31,1	7,0
Скорее да, чем нет	24,1	31,5	26,4	21,7
Скорее нет, чем да	31,9	27,6	22,0	21,7
Нет	22,4	15,3	11,3	19,9
Затрудняюсь ответить	9,7	12,2	9,1	29,8

**Таблица 11. Таблица сопряженности между ответом на вопрос
«Хотели бы Вы сами организовать или стать членом потребительского кооператива?»
и местом проживания респондента (Федеральный округ РФ), %**

Варианты ответа	Федеральные округа							
	ДФО	ПФО	СЗФО	СКФО	СФО	УрФО	ЦФО	ЮФО
Да	11,8	13,1	21,0	28,3	6,3	21,8	16,5	23,2
Скорее да, чем нет	25,8	29,1	28,3	40,4	14,2	30,0	31,4	21,9
Скорее нет, чем да	25,3	27,7	24,3	26,8	35,8	25,4	22,8	27,2
Нет	20,4	14,2	14,6	2,2	33,7	7,9	16,8	13,6
Затрудняюсь ответить	16,7	15,9	11,9	2,2	10,0	15,0	12,5	14,0

**Таблица 12. Распределение ответов на вопрос:
«Что лично Вы ожидаете от вступления в кооператив или его создания?», %**

Вариант ответа	Да	Нет	Не знаю
Возможность заняться собственным бизнесом	55,0	22,2	22,8
Возможность найти новый источник дохода	54,9	23,6	21,5
Объединение с единомышленниками	46,9	27,5	25,6

**Таблица 13. Таблица сопряженности между ответу на вопрос:
«Согласны ли Вы с утверждением, что потребительские кооперативы поставляют
более качественные и натуральные продукты, чем обычные магазины и сети»
и местом проживания респондента (Федеральный округ РФ), %**

Вариант ответа	Федеральные округа							
	ДФО	ПФО	СЗФО	СКФО	СФО	УрФО	ЦФО	ЮФО
Да	49,8	52,5	57,6	78,7	30,5	69,3	39,0	55,7
Нет	50,2	47,5	42,4	21,3	69,5	30,7	61,0	44,3

DOI: [10.14515/monitoring.2023.6.2353](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.6.2353)

А. Н. Кравцова, Е. Н. Кузинер

ВЗРОСЛЕНИЕ В ПРОВИНЦИИ: ЧЕРЕЗ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ДРУГИХ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СЕБЯ

Правильная ссылка на статью:

Кравцова А. Н., Кузинер Е. Н. Взросление в провинции: через ответственность за других к ответственности за себя // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 6. С. 58—81. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.6.2353>.

For citation:

Kravtsova A. N., Kuziner E. N. (2023) Growing Up in a Small Town: From Responsibility for Others to Self-Responsibility. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 58—81. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.6.2353>. (In Russ.)

Получено: 14.12.2022. Принято к публикации: 19.10.2023.

ВЗРОСЛЕНИЕ В ПРОВИНЦИИ: ЧЕРЕЗ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ДРУГИХ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СЕБЯ

КРАВЦОВА Алёна Николаевна — независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: ankravtsova1991@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-3912-3123>

Кузинер Евгения Николаевна — аспирантка, младший научный сотрудник Центра молодежных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: ekuziner@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2475-1760>

Аннотация. В статье рассматриваются представления о взрослости и взрослении у жителей малых городов России. Авторы анализируют особенности и маркеры взросления в городах с населением до 200 тыс. человек (на примере Белореченска, Выборга и Каменск-Уральского), основываясь на биографических интервью с жителями в возрасте 28—33 лет и 38—43 лет. Обнаруженные маркеры сравниваются с особенностями и маркерами взросления, выявленными ранее при анализе представлений о взрослости у жителей мегаполисов. Авторы изучают взросление с точки зрения идеал-типической (ожидания общества) и индивидуальной (собственная интерпретация) моделей взросления и приходят к выводу, что взросление жителей малых городов характеризует в первую очередь «ответственность», которую они берут за других людей (родителей, детей, других членов семьи), в то время как у жителей мегаполисов такая «ответственность» распространяется только на себя. Сепарация от родителей для

GROWING UP IN A SMALL TOWN: FROM RESPONSIBILITY FOR OTHERS TO SELF-RESPONSIBILITY

Alena N. KRAVTSOVA¹ — Independent Researcher
E-MAIL: ankravtsova1991@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-3912-3123>

Evgeniia N. KUZINER² — PhD Student, Junior Research Fellow at the Centre for Youth Studies
E-MAIL: ekuziner@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2475-1760>

¹ Saint Petersburg, Russia

² HSE University in St. Petersburg, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article focuses on the interpretations of adulthood and growing up among residents of small cities in Russia. The authors analyze the features and markers of growing up in cities with population of less than 200,000 (using the examples of Belorechensk, Vyborg, and Kamensk-Uralsky), based on biographical interviews with residents aged 28—33 years and 38—43 years. The discovered markers are compared with the characteristics and markers of growing up identified in the previous research regarding residents of megacities. The growing up is considered based on the ideal-typical (societal expectations) and individual (one's own interpretation) models. The authors conclude that one of the main characteristics of growing up among residents of small towns is the “responsibility” that they take for other people (parents, children, other family members), while among megacities' residents such “responsibility” extends only to themselves. Separation from parents for residents of small towns may not occur for quite a long time, but

жителей малых городов может не наступать достаточно долго, однако это никак не сказывается на ощущении себя взрослым. Важнее не физическая сепарация, а осознание значимости собственных решений, в то время как для жителей мегаполисов полная сепарация от родителей — более яркий маркер взросления, своего рода достижение. Появление первого ребенка — не всегда осознанный шаг для жителей малых городов и потому не явный признак взрослости, для жителей же мегаполисов родительство — точный признак собственного взросления, так как это максимально осознанный шаг в их жизни, зачастую происходящий после сепарации от родителей, обеспечения стабильного дохода и т. д. Сравнивая маркеры взросления у жителей малых и больших городов, авторы приходят к выводу, что для первых более подходит традиционная модель взросления, а на жителей мегаполисов распространяется современная модель взросления.

Ключевые слова: взросление, переход во взрослость, модели взросления, маркеры взросления, молодежь

Благодарность. В данной работе использованы результаты проекта «Взросление российской молодежи в 21 веке: поколенческий анализ», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 г. Выражаем благодарность руководителю проекта Елене Омельченко и координатору Надежде Нартовой. Спасибо нашим коллегам Дарье Петруниной, Ирине Лисовской и Анастасии Саблиной за совместный сбор полевых материалов. Также благодарим информантов, согласившихся дать нам интервью.

this does not in any way affect the feeling of being an adult. In this group, awareness of the significance of one's own decisions is more important than physical separation, while for residents of megacities, complete separation from parents is a more striking marker of growing up, which is perceived as an achievement. The birth of the first child is not always a conscious step for residents of small towns and therefore not a clear sign of adulthood. For residents of megacities, parenthood is a clear sign of their own maturation, since this is the most conscious step in their life, often occurring after separation from parents and ensuring a stable income. Comparing markers of maturation among residents of small and large cities, the authors conclude that the traditional model of growing up is more suitable for the former, while the modern model of growing up applies to the latter.

Keywords: growing up, transition to adulthood, models of growing up, markers of growing up, youth

Acknowledgments. This work uses the results of the project “Growing Up of Russian Youth in the 21st Century: Generational Analysis”, carried out within the framework of the HSE University Basic Research Program in 2022. The authors express their gratitude to the project leader Elena Omelchenko and coordinator Nadezhda Nartova, and thank their colleagues Daria Petrunina, Irina Lisovskaya, and Anastasia Sablina for the joint collection of field materials. The authors are also grateful to the informants who agreed to be interviewed.

Введение

Социально-экономические процессы повлияли на общепринятые представления о взрослении: понимание перехода во взрослость как стандартизированной и разделяемой модели превратилось в его восприятие как индивидуального процесса с разными жизненными траекториями. На их формирование воздействуют принадлежность к разным социальным классам, гендер, исповедуемая религия, территория проживания, исторический период, в который взрослеет человек. Изучая взросление в разных странах, исследователи приходят к выводу, что модели взросления отличаются в каждом отдельном регионе [Толстых, 2015; Павленко, 2014]. Более того, различия будут актуальны для людей, проживающих как в малых городах, так и в мегаполисах [Fuligni, Pedersen, 2002].

Екатерина Митрофанова, изучая взросление российской молодежи, выявила три его модели: советскую, переходную и постсоветскую [Митрофанова, 2019а]. Эти модели принадлежат к непоследовательным временным промежуткам: например, «советская» характерна для поколений 1940—1949, 1950—1959, 1960—1969 гг. рождения, а «переходную» автор относит к поколениям, которые были до и после «советской» (поколения 1930—1939 и 1970—1979 гг. рождения). Приведенные модели взросления, по мнению автора, соответствуют классификации Франческо Биллари и Арта Лифбрура [Billari, Liefbroer, 2010], в рамках которой «советская» модель соответствует «традиционной» (тайминг — события наступают в молодых возрастах; интенсивность — малые интервалы между событиями; последовательность наступления событий простая и предсказуемая), а «постсоветская» приближается к «современной» (тайминг — откладывание событий на более поздние возрасты; интенсивность — рост интервалов между событиями; последовательность наступления событий сложная и непредсказуемая) [Митрофанова, 2019а: 57].

Существуют исследования, доказывающие, что даже в рамках одного государства могут наблюдаться существенные различия в особенностях взросления. Обращаясь к российскому контексту, стоит отметить Северный Кавказ, где по сравнению с другими регионами превалируют традиционные (слабо модернизированные) модели перехода во взрослую жизнь [Митрофанова, 2019б; Нефляшева, 2019]. Это продиктовано в первую очередь приверженностью населения региона консервативным семейным ценностям и большой ролью религии. Тем не менее некоторые авторы отмечают, что в последние годы в этих республиках начинают происходить изменения: например, молодые люди позволяют себе больше свободы (от мнения и установок старших родственников) в определении собственного будущего [Нефляшева, 2019: 145]. Таким образом, даже в преимущественно консервативных регионах можно наблюдать изменения в особенностях взросления молодежи.

Исследователи взросления почти не обращаются к опыту отдельных регионов России (исключение — исследования взросления на юге страны). В данной статье мы ставим перед собой задачу выявить общие черты и различия в представлениях о взрослости у жителей малых и больших городов, а также рассмотреть взросление с точки зрения объективных и субъективных (идеальных и собственных) представлений информантов в контексте современной России. Под

объективными мы понимаем общепринятые маркеры взросления — достижение совершеннолетнего возраста, получение высшего образования, начало профессиональной карьеры, вступление в брак, создание семьи. Субъективные характеристики взросления включают в себя индивидуальное восприятие человеком себя как взрослого (или нет). Исследуемые города авторы условно называют «малыми», взяв за основу классификацию «Европейского социального обследования» и основанное на ней деление городов, предложенное Л. Лимоновым и М. В. Несеной [Лимонов, Несена, 2019]. В данной классификации к группе «малых» относятся города с населением до 250 тыс. человек, к группе «больших» — от 250 тыс. человек [там же: 164].

Взросление в провинции: литературный обзор

Диверсификация жизненных стилей и траекторий подвигла многих исследователей пересмотреть концепцию идеальной модели взросления. Некоторые из них критикуют универсальную концепцию перехода во взрослость, считая, что ее определение как периода самоопределения и социализации применимо не ко всем социальным слоям, а лишь к представителям среднего класса [Bunney, 2005]. Чем меньше возможностей в сообществе, в котором взрослеет человек, тем больше вероятности либо раннего взросления, либо его «обратимости» (например, возвращение в родительскую семью после развода). Даже те, что формально считаются взрослыми и достигшими общепринятых маркеров взрослости, могут «вернуться» назад из-за определенных жизненных обстоятельств [Bunney, 2001; Shanahan, Mortimer, Krüger, 2002].

Большинство исследователей указывает на то, что процесс взросления не универсален, а общего стандарта, применимого для всех, не существует. Например, модель перехода во взрослость и скорость приобретения атрибутов взрослости у молодежи из рабочего класса отличаются от взросления представителей среднего класса [Павленко, Якубовская, 2020]. В продолжении своего исследования о переходе во взрослость Джеффри Арнетт исследует разницу между представителями разных классов. Отвечая на критику своих ранних исследований, он приходит к выводу, что, хотя молодежь из низших классов на пару лет ранее начинает работать и чуть раньше создает семьи, тем не менее она так же, как и молодые взрослые из средне-верхнего класса, приобретает характеристики взрослости постепенно, пробует разные роли. Между тем разница в возрастных периодах может быть обусловлена разными культурами и региональными особенностями [Arnett, 2011]. Дж. Арнетт делает вывод, что стадия перехода во взрослость есть у всех вне зависимости от социального класса, культуры, национальности — различия заключаются лишь в разнообразии моделей этого перехода [Arnett, 2016].

Переход во взрослость изучался также с точки зрения гендерных различий [Barker, Galambos, 2007; Arnot et al., 2012], карьерных траекторий [Francis, 2022], семейных отношений [Fouad et al., 2016], реализации семейных ролей [Seiter, Nelson, 2011]. Исследователи показывают различие процесса взросления в зависимости от проживания в малых или больших городах. Так, дети из провинции чаще, чем жители мегаполисов, воспитываются в традиционных нуклеарных семьях [Albrecht, Albrecht, 2000], которые, как правило, являются более расширенными

ми и включают несколько поколений семьи, живущих либо вместе, либо недалеко друг от друга. Несмотря на то что провинциальные семьи до сих пор описываются как идеал традиционной нуклеарной семьи с крепкими внутрисемейными узами, постепенно их отличие от городских семей стирается. Увеличивается число матерей-одиночек [Snyder, McLaughlin, 2004] и партнеров, проживающих вне брака. Сегодня сельские и городские семьи больше похожи друг на друга [Carson, Mattingly, 2014]. Однако, несмотря на изменения в структуре сельских и провинциальных семей, сохраняющиеся социальные нормы продолжают поддерживать ценность «традиционных семей» [Miller, Edin, 2022]. Например, матери-одиночки в провинции подвержены большей стигме, нежели одинокие матери, проживающие в городах [Brown, Lichter, 2004].

Молодые люди остаются в провинции чаще всего из-за нежелания покидать родительскую семью, даже если это ограничивает их карьерное развитие и уровень заработка [Schäfer, 2010]. Для молодежи из регионов характерны раннее родительство и браки, которые в большинстве случаев быстро распадаются. Некоторые исследователи сельской и провинциальной молодежи используют термины «эффект соседства», «эффект сообщества» и «эффект места» (place-based). В контексте изучения взросления в малых городах концепты «эффекта места» и «жизненного курса» часто встречаются вместе и применяются для того, чтобы проанализировать, как местные сообщества и среда могут повлиять на взросление. Переход во взрослость рассматривается с негативной стороны и связывается со множеством рисков (взросление в бедном регионе, низкие заработки, отсутствие образовательных и карьерных возможностей) [Gould, Lavy, Paserman, 2011; Wodtke, Harding, Elwert, 2011]. Повторные браки также более распространены среди жителей малых городов. Это ведет к сложной семейной структуре, большому количеству семейных трансформаций: например, несколько разводов и/или наличие детей от разных партнеров усложняют состав семьи и внутрисемейные связи [Burton et al., 2013].

В провинции отличается также возраст вступления в брак и рождения детей. В среднем возраст материнства там на три года меньше, чем в городе [Ely, Hamilton, 2018]. Исследования американской провинции показывают, что раннее рождение детей (особенно вне брака) создает конфликтные ситуации и враждебную среду для молодых родителей, блокирует им доступ к поддержке и помощи. Несмотря на то что ранние браки в регионах соответствуют традиционной норме, чаще всего они недолговечны, а также характеризуются высоким уровнем домашнего насилия и разводами [Miller, Edin, 2022].

Исследования также показывают, что на взросление влияют социально-экономические и культурные характеристики места, в котором растет человек [Chetty, Hendren, 2018]. В провинции для молодых взрослых очень важно иметь работу (не только для финансовой поддержки, но также с моральной и репутационной точки зрения) [Miller, Edin, 2022; Sherman, Sage, 2011]. В бедных регионах молодые люди вынуждены выходить на рынок труда в более раннем возрасте, при этом в глазах окружающих они не считаются взрослыми, так как многие живут с родителями, получают образование. Начало карьерного пути не всегда является маркером взрослости [Brown, Cookson, Heimer, 2016]. Изучая модели перехода во взрослость,

исследователи также предлагают обратить внимание на культурные особенности страны [Çok, Atak, 2015]. Уровень безработицы, гендерные проблемы, доступность обучения, количество военнослужащих, возраст вступления в брак, интенсивность семейных связей и т. д. различаются внутри страны и разных социальных групп. Следовательно, и модели перехода во взрослость будут разными.

Исследователи из Турции, изучавшие модели перехода во взрослость сельской и городской молодежи, приходят к выводу, что молодые люди в провинции раньше начинают считать себя взрослыми, в то время как их городские сверстники «оттягивают» свое взросление на более поздний период (их модель взросления сравнивается с западной). Предлагаются следующие модели перехода во взрослость: «переход по умолчанию» (для жителей провинции) и «переход в процессе развития» (для горожан). При этом последняя модель синонимична с переходом во взрослость [ibid.: 63]. Переход во взрослость сельской провинциальной молодежи исследователи предлагают концептуализировать как «заслуженную взрослую жизнь». Так, становясь взрослым, человек получает определенный статус, позволяющий делать то, чего нельзя делать ребенку, — например, на равных общаться со старшими членами семьи, участвовать в принятии решений и т. д. В то же время модели взросления городской молодежи разнообразнее и более индивидуализированы. Переход во взрослость молодых горожан концептуализируется как «развивающееся взросление», или «развивающаяся взрослость». Это объясняется тем, что молодые взрослые ищут и пробуют различные опции во время своего взросления — могут бросать обучение в университете, отодвигать период вступления в брак, менять карьерную траекторию.

Молодежь, выросшая в небольших городах и поселениях, чаще, чем молодые люди, выросшие в условиях мегаполисов, сталкивается с негативными факторами, влияющими на их переход во взрослость и адаптацию к взрослой жизни. Помимо экономических проблем, молодые люди из провинции сталкиваются с дополнительными трудностями, связанными с удаленностью от большого города, ограниченными ресурсами сообщества (ограниченность выбора мест для получения образования, отсутствие разнообразия карьерных траекторий) [Irvin et al., 2011]. Образование и доступ к нему — один из ключевых факторов, влияющих на модели перехода во взрослость [Arnot et al., 2012]. Получение образования, особенно для женщин, дает возможность отсрочить вступление в брак и рождение детей, то есть реконструирует взрослость. Чарли Уокер в исследовании молодежи Ульяновска анализирует миграционные траектории молодых людей, так или иначе влияющие на их переход во взрослость. Он приходит к выводу, что развитые в провинции тесные социальные связи, с одной стороны, формируют возможности для дальнейшего развития, с другой — ограничивают их (не переезжают, потому что «держат» друзья и семья) [Walker, 2010].

Идеальная модель взросления со временем размывается, диверсифицируются жизненные курсы молодежи, а следовательно, изменяются паттерны перехода во взрослость, становится виднее разница этих процессов в разных странах и регионах. На примере трех российских регионов мы проанализируем специфику конструирования понятий «взрослый» и «взросление» у жителей малых российских городов.

География исследования

В этом исследовании мы анализируем взросление молодежи в трех городах разных регионов России: Белореченске (Краснодарский край), Каменске-Уральском (Свердловская область) и Выборге (Ленинградская область). Эти населенные пункты имеют множество различий, в том числе по части близости к региональным центрам, столице и другим странам, развития образования, возможностей для миграции, основного потенциала города (промышленный, туристический). Все эти характеристики, если придерживаться приведенной выше теоретической рамки, могут формировать разные условия для взросления молодых жителей и выбора жизненного курса.

Белореченск. Белореченское городское поселение расположено в 80 км от Краснодара, население города — 55 010 человек¹. В отличие от Выборга и Каменска-Уральского в Белореченске немного промышленных предприятий и не развита сфера туризма, хотя город и находится на туристических маршрутах, которые предлагаются посещающим Юг России путешественникам. В городе работают четыре ссуза, два филиала вузов. Близость к Краснодару может непосредственно влиять на миграционные траектории молодежи, а следовательно, и на процесс транзитуции во взрослость.

Выборг. Муниципальное образование «Выборгское городское поселение» находится в 121 км от Санкт-Петербурга, населением — 71 772 человека². Город имеет большое значение с точки зрения промышленного, транспортного, торгового, туристического и культурного развития на Северо-Западе России. Одной из главных особенностей Выборга является близость к границе с Финляндией (расстояние до столицы Финляндии — 218 км). В городе представлено девять высших образовательных учреждений (в основном это филиалы петербургских вузов) и шесть ссузов. В связи с близостью к Санкт-Петербургу, Хельсинки и Тампере (Финляндия) можем предположить, что выпускники школ рассматривают переезд в эти города как наиболее предпочтительные варианты.

Каменск-Уральский. Городской округ Каменск-Уральский расположен в 93 км от Екатеринбурга. На 1 июня 2022 г. численность населения составляет 162 177 человек³. Город является «притягивающим», то есть число работников меньше числа рабочих мест, и город нуждается в притоке специалистов [Аникиева, 2020: 453]. На территории городского округа развито машиностроение, располагаются крупные заводы цветной и черной металлургии, а также другие промышленные предприятия (производство строительных материалов, пищевая промышленность, производство электроэнергии, газа, воды, предприятия строительства и монтажных работ). Как отдельный объект для туризма Каменск-Уральский не рассматривается, хотя привлекает местных туристов, например из Екатеринбурга. В городе находятся три вуза — филиалы екатеринбургских учебных заведений и девять ссузов.

Города имеют ряд сходств и различий. Если Каменск-Уральский является «притягивающим», то Выборг имеет преимущество как портовый город и привлекате-

¹ Численность постоянного населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2023 г. (с учетом итогов Всероссийской переписи населения 2020 г.). Федеральная служба государственной статистики.

² Там же.

³ Там же.

лен для туристов (причем как российских, так и иностранных), а также отличается своей близостью к границе с Финляндией. Белореченск ближе всех остальных к областному центру (на машине можно добраться меньше чем за полтора часа), что дает возможность ежедневно уезжать в Краснодар на заработки. В самом же Белореченске меньше всего предприятий, позволяющих устроиться на работу, и меньше возможностей для поступления в вуз или ссуз в самом городе (нет разнообразия программ для поступающих). Во всех городах имеются филиалы вузов, но в Выборге их больше, чем в Белореченске и Каменске-Уральском; по количеству же ссузов Выборг, напротив, уступает этим городам. Как представляется, перспектив остаться в родном городе и развиваться в нем больше у жителей Выборга и Каменска-Уральского. Описанные города малоисследованы, поэтому информации о них немного, в особенности касающейся миграции и удовлетворенности жизнью. Необходимые дополнительные сведения мы будем брать из нарративов интервью с молодыми местными жителями. Тем не менее для понимания контекста исследования нам было важно подчеркнуть ключевые особенности и различия этих трех городов.

Методология и эмпирическая база исследования

В этой статье мы обращаемся к «идеал-типической» и «индивидуальной» моделям взросления [Кравцова, Кузинер, 2022]. В качестве эмпирических данных использовались интервью с миллениалами из малых городов, описанных выше. Эмпирические данные включают 29 биографических интервью с людьми 28—33 и 38—43 лет (группы по пять человек, кроме старшей группы в Выборге, где удалось собрать только четыре интервью), среди них — 15 женщин и 14 мужчин. В интервью информанты подробно рассказывали про каждый этап взросления, начиная с детских и школьных лет и заканчивая тем этапом, на котором они находились в момент интервью. После рассказа своей биографии мы просили информантов перечислить характеристики взрослого человека, ответить на вопросы, после каких событий может наступить взрослость или в каком возрасте, что должен или не должен, может или не может уметь делать / иметь / делать взрослый человек. Далее информантов спрашивали об их собственном взрослении — кем они себя считают (молодыми, взрослыми, зрелыми), отдельно уточняли, считают ли они себя взрослыми (этот вопрос был необходим, так как как информанты при первом вопросе могли называть себя, например, молодым, но при этом на второй вопрос отвечали утвердительно). Если информанты называли себя взрослыми, то задавался ряд вопросов об их личной взрослости, а в случае, если ответ был отрицательным, уточнялось, чего им не хватает, чтобы почувствовать себя таковыми.

Рекрутинг информантов был максимально вариативным, а получившиеся биографии были насыщенными с точки зрения «формальных» (идеал-типических) критериев взрослости. Больше половины участников исследования окончили 11 классов общеобразовательной школы. При этом в Выборге (так же как и в Белореченске) 11 классов окончили по 7 информантов, а в Каменске-Уральском — 5 человек. Окончание 11 классов не всегда сопровождалось поступлением в вуз: некоторые опрашиваемые поступали в средне-специальные учебные заведения. Для части информантов оказалось сложным покинуть малую родину и переехать

в большой город (в некоторых случаях этому препятствовали родители), поэтому они искали возможности поступления в ссуз или вуз, не покидая город, где оканчивали школу. Некоторые информанты хотели переехать учиться в другой город или регион, но не смогли из-за отсутствия финансовых возможностей. Несколько участников исследования попробовали жить в большом городе, однако вернулись обратно, что чаще всего было связано с родительской семьей: кому-то легче было жить в городе, где есть свой дом, а у других родители настаивали на возвращении.

Многие информанты, принявшие участие в исследовании, меняли место работы от двух до четырех раз, самая частая история — смена места работы три раза. Половина информантов начали свой трудовой путь еще в школьном возрасте (до 18 лет), например, помогая родителям в их работе или начиная подрабатывать. Некоторые из информантов выходили на работу сразу после школы; особенно это касалось тех, кто окончил 9 классов и пошел учиться в ссуз.

Сепарация от родителей у большинства информантов состоялась, когда они работали уже несколько лет. Четверо информантов начали жить самостоятельно до 18 лет, двое отделились от родителей только после 33 лет, а еще некоторые до сих пор не могут сказать, что отделились от родителей и полностью от них не зависят. Двое информантов имели нестандартную жизненную траекторию: еще в подростковом возрасте попали в «плохие» компании, что в результате привело к уголовным наказаниям. В большинстве случаев информанты рассказывали, что начали самостоятельно жить тогда, когда переезжали к своему партнеру/партнерше. Получается, что у них не было периода, когда бы они жили самостоятельно: из родительской семьи они сразу переезжали в свою, а в некоторых случаях этот переезд был уже после женитьбы. Двое информантов выделяют в своем жизненном пути повторную сепарацию, когда приходилось возвращаться в родительский дом.

Обустройство личной жизни (вступление в брак, рождение детей) у информантов не занимало много времени: у большинства собственная семья появилась до достижения 25 лет, в том числе у семи человек родились дети, а три информантки до 25 лет расторгли первый брак и вступили во второй. Только трое информантов (мужчины 30 и 41 года, женщина 28 лет) на момент проведения интервью не имели опыта создания собственной семьи. 12 участников исследования имеют больше одного ребенка, треть информантов хоть раз разводились, а у большинства из них заключен уже второй (и даже третий) брак. Полный список информантов и их ключевые характеристики приведены в таблице приложения.

Представления региональной молодежи о взрослости и ее маркерах, о собственном текущем возрастном периоде

Определение идеальной взрослости, или идеала взрослого человека, высказанное информантами, как и у жителей мегаполисов [Кравцова, Кузинер, 2022], не всегда совпадало с тем, как он/она определяет взрослость по отношению к самому себе. Самыми частыми критериями в обоих случаях оказываются разные зоны ответственности: за себя, свои действия и решения, за взятые обязательства, за других людей (например, за родительскую семью, супругу(а) или детей). Другой важный и похожий на предыдущий критерий — самостоятельность. При

этом она не всегда связана с полной или частичной сепарацией от родителей. Более того, в малых городах дети часто не торопятся съезжать от своих родителей, а если это происходит, то частый контакт и взаимопомощь между ними сохраняются ввиду географической близости проживания и тесных социальных связей.

И психоэмоционально тогда я стала самостоятельной, как-то сама [начала] решать проблемы: это и оформление дома было, и все, все как бы было на мне... В плане денег... Ну, наверное, как вышла на работу, с 18 лет... А так, чтобы, как говорят, «разорвать пуповину» и отделиться полностью, я не могу полностью сепарироваться от родителей, я зависима. [Смеется]. (Информант 22, жен., 33, среднее специальное, замужем, ребенок, Белореченск)

В вопросах взросления на первый план выступают возможность и готовность принимать самостоятельные решения, чувствовать себя свободным от постороннего мнения и действий, а участие родителей в делах детей (физическое, эмоциональное, финансовое) воспринимается как объяснимая и желаемая мера поддержки и причастности к жизни ребенка вне зависимости от его возраста и социального статуса.

Информант. *Ну, когда соревнования [информант занимается лыжными гонками], она [жена], естественно, моя первая болельщица. Меня много же надо обслуживать: надо снимать как бы на видео, надо меня кормить, если это длинная дистанция...*

Интервьюер. *То есть она такая ваша поддержка?*

Информант. *То есть меня родители... Ведь не только жена... У меня мама, брат — как бы один, там, поит, второй кормит... Ну, лыжню-то видели, да, как едут? (Информант 10, муж., 31, женат, высшее образование, детей нет, Каменск-Уральский)*

Еще одна показательная характеристика — то, что многие информанты уходили из одной семьи (родительской) в ту, что создали сами и достаточно рано сами становились родителями. В таких случаях родительская помощь могла восприниматься не как продолжение воспитания самого ребенка, а как забота уже о внуках. Жизнь рядом иногда при этом приводила к почти совместному ведению хозяйства или непрерывной помощи со стороны родителей.

Когда уже появилась ответственность за своих детей, за свою маму, ну, вообще за ближайших своих родственников... Когда уже легла ответственность на плечи, тогда уже, наверное, и стала взрослой. Ну, я думаю, что это с появлением семьи, с рождением детей. Хоть и молоденькая, ничего не понимающая, да, в 19 лет уже семья появилась. Но мама — очень большая благодарность маме [за] то, что не дала упасть. Не то что упасть — бросить образование. Всегда помогала. (Информант 28, жен., 38, высшее образование, замужем, двое детей, Белореченск)

При этом помощь родителей и других близких родственников не воспринимается как принятие помощи ребенком от взрослого. Такая помощь рассматривается как нечто само собой разумеющееся и взаимное.

Интервьюер. А вот можете сказать, помогал ли вот вам кто-то финансово, материально, еще как-то?

Информант. Да, помогали нам, получается, что с моей стороны родители — то деньгами помогали, то одеждой, там, допустим, покупали, вот, — то со стороны жены, получается, тоже, там, теща и отец. <...> Допустим, у тещи, у прошлой тещи, была такая постоянная, то, что типа мы не доедаем или еще что-то. Она постоянно возила нам кучу продуктов. Мы просто половину выбрасывали, потому что мы физически их съесть не могли. Мы говорили: «Не вози, не вози. Мы выкидываем, мы не успеваем съесть». Ну, и все вот. Очень много продуктов мы реально выкидывали, потому что не успевали. <...> То есть помощь — она иногда даже чересчур она была. (Информант 11, муж., 31, средне-специальное, женат, детей нет, Каменск-Уральский)

Родительство и заключение брака — популярные причины называть себя взрослым. Они нередко фигурировали и при формулировке идеал-типической модели взросления. Однако некоторые женщины говорили, что не могут считать себя окончательно взрослыми, так как переехали от одного родителя к другому — своему супругу. На него переносится ответственность за семью и принятие решений, что характерно для патриархального гендерного порядка. То же самое касается и мужчин: женившись, молодой человек автоматически становится ответственным за финансовое благополучие семьи, за принятие главных решений.

Потому что для меня взрослый в моей жизни — это вот мой муж. Все отлично в моей жизни, у меня есть взрослый муж. И я не хочу [принимать решения]. Пусть один, пусть другой — это не имеет значения. И я считаю, что у взрослой женщины должен быть мужчина, вот он должен быть, мне не надо [быть самостоятельной]. (Информант 5, жен., 31, высшее образование, замужем, ребенок, Выборг)

Отношение к появлению детей у жителей малых городов отличается от отношения молодежи из мегаполисов. Если, например, в больших городах к появлению детей готовились и тщательно планировали это событие (в том числе готовились стать родителями со всей возлагаемой ответственностью за нового человека), то в малых городах в ряде случаев только со вторым ребенком молодые люди начинали ощущать свою взрослость.

Вот первый ребенок — это прям сильный этап. Такой же второй ребенок, второй ребенок получился очень, ну, неожиданно. Но он меня... Вот он для меня поменял, вот не знаю, весь мир тоже как-то, потому что он родился. Его папа не хотел, чтобы он родился. Я сказала: «Это вот то существо, которое пришло ко мне. Я его ни за что никуда не отдам». И я тогда поняла, что вот я беру полную ответственность за все в своей жизни, только на себя и больше ни на кого. Вот. Вот в 36 лет, наверное, это случилось — и все, вот после этого я так, как бы, и осуждаю, да [слова отца ребенка]. Это, с этим моментом уже ничего не менялось. (Информант 27, жен., 44, во, два развода, двое детей, Белореченск)

Интервьюер. А вот когда это понимание — понимание, что вы взрослый человек, — когда это понимание настало? И, возможно, в связи с чем? Что к этому моменту случилось?

Информант. Ой, ну, наверное, рождение второго ребенка. Все равно ты на этот шаг уже осознанно идешь.

Интервьюер. На первого еще нет?

Информант. Ну, первый — это как бы как «надо» было, типа того, что... что «надо бы уже», «пора» за ребенком идти. Как бы особого осознания не было. Получается вот, ладно, мама... еще не нагулялся. Все равно вот сколько мне было... 25, получается. Ты все равно еще не нагулялся, все равно еще охота в компании где-то общаться, вот ребенок маленький, но «спасибо, бабушка», она безотказная моя. (Информант 17, жен., 41, высшее образование, замужем, трое детей, Каменск-Уральский)

Из последней цитаты также видно, что информантка пыталась соответствовать социальным ожиданиям — родить ребенка. Ее история достаточно типична для информанток из малых городов: учеба в школе, получение профильного образования (вуз или ссуз), замужество и дальнейшая сепарация от родителей (в буквальном смысле физический переезд из родительского дома), рождение ребенка и чередование декретов и работы. Как правило, сфера работы, а иногда и место работы, остаются неизменными. У мужчин, принявших участие в исследовании, эти этапы прерываются армией, более частой сменой работ и сфер занятости. В некоторых случаях информанты путешествовали в поисках себя, в двух случаях у информантов был опыт употребления наркотиков с дальнейшим попаданием в места лишения свободы.

Эти этапы, ставшие столь распространенными среди информантов из малых городов, показывают не столько их постепенное и планомерное взросление и развитие, сколько их представления и планы на будущее, которые они хотели бы для себя (чтобы достичь желанного будущего, нужно действовать уже сейчас — получить образование, обзавестись семьей — создать фундамент для стабильности). Следует отметить, что избыток материальных ценностей для них не в приоритете. В большинстве случаев основные желания были связаны с детьми и собственной семьей:

<...> Я просто хочу, чтоб у меня ребенок вырос более счастливым человеком, чем я. (Информант 2, муж., 34 лет, общее среднее, женат, есть дочь, Выборг)

Для тех, у кого еще нет собственной семьи или детей, желания также связаны с их рождением и воспитанием. Информанты, судя по нарративам, прогнозируют свое близкое и отдаленное будущее, ищут пути к балансу в жизни, а также стремятся благополучию. Основа этому — стабильность и размеренность в настоящем. Интересно отметить, что здесь важным материальным и физическим вложением оказывается покупка собственного жилья, оформление ипотеки у многих можно выделить в отдельный этап на пути к взрослости.

[Ответ на вопрос о настоящем периоде в жизни]. *Наверное, как бы, уверенно-стабильный, вроде бы вот как-то так, наверное. Когда уже и дети не в таком малень-*

ком возрасте, и стабильная работа, и стабильная как бы работа у мужа, и с жильем как бы вот примерно сейчас вот так вот. Сейчас только достижение каких-то вот поставленных целей. (Информант 23, жен., 31, высшее образование, замужем, двое детей, Белореченск)

Большое внимание уделяется прожитому опыту. Взрослый — это тот, кто накопил достаточный багаж знаний, однако речь не об образовании или профессии, а о полученном жизненном опыте, который может пригодиться при разрешении разных ситуаций. Одни информанты заявляют, что только жизненный опыт определяет возраст. Таким образом, и в 15 лет можно быть взрослым, особенно в критических ситуациях — например, при потере близких родственников, и именно это событие некоторые информанты указывали как определяющее в их взрослении. Другие считают, что, несмотря на разнообразие опыта, взрослым можно стать, преодолев определенный возрастной рубеж.

Но, знаете, бывает, говорят о том, что, если ребенок начинает работать, там, лет в 14—15—16, да, — детство закончилось. Вот в чем дело, понимаете? То есть у него появляются ответственности. У него появляется осмысленность, у него появляются какие-то задачи в жизни. Пусть эти задачи даже, знаете, там, на детском еще уровне, да, но, тем не менее, это уже, уже задача, то есть человек начинает расти. И расти не только возрастом: человек начинает расти какими-то... где-то душевными качествами, где-то, наверное, осознанием мира, вот. Поэтому, ну, если как-то углубляться в то, о чем я говорил, да, можно сказать, что я взрослый, хотя не знаю, является ли человек 27—28 лет взрослым. Кто его знает? Наверное, да. Вот. Но тем не менее. Знаете, здесь с учетом, еще раз говорю, тех моментов, наверное... наверное, может быть и взрослый, но где-то в каких-то ситуациях хочется и, наверное, молодежью оказаться. Хотя до 35 лет я ей являюсь. (Информант 20, муж., 28, высшее образование, женат второй раз, ребенок, Белореченск)

По мнению многих информантов, также важно сохранить в себе задор, и для одних это маркер того, что человек еще не взрослый, а для других именно эта возможность, умение быть несерьезным (то есть контролировать свою взрослость и менять роли в зависимости от ситуации) является показателем настоящего взросления.

Интервьюер. А вот чего вам не хватает, чтобы вот из этих шести-семи прийти к десяти? [На 6—7 баллов по 10-балльной шкале информант оценил свою взрослость, где 10 баллов — окончательная взрослость].

Информант. Рациональности... Решений ваще вот не хватает... Какой-то... Ну, то есть все равно есть зашоренность определенная. В принятии решений не могу быть очень гибким и... Ну, то есть, как это называется-то... Больше бы хотелось как-то с юмором относиться ко многим вещам, более как-то лояльно. Возможно, это есть ключ к успеху с точки зрения, что надо меньше обращать внимания... как в Москве. Мне объясняла одна девочка, я там с кем-то зарубился, и продолжает тащить эту херню, токсичность вот эту. Она такая: «Дак он про тебя забыл уже! Ты на хрена это тащишь?» Вот

этого м... не хватает. (Информант 16, муж., 43, высшее образование, женат, ребенок, Каменск-Уральский)

«Ощущение взрослости» оказалось важным критерием, особенно в конструировании собственной модели взросления. Многие информанты, несмотря на то что соответствовали всем перечисленным критериям идеальной взрослости, признавались, что еще не чувствуют себя взрослыми, им не доставало только самого ощущения.

Информант. Я как бы вообще себя со своим возрастом не ассоциирую, с биологическим, вот, но я как бы и не думаю, что это плохо. Ну, то есть я от этого не страдаю.

Интервьюер. А с каким возрастом ассоциируешь себя?

Информант. Ну, я не знаю, максимум лет 25. Ну, то есть мне иногда, вот, я, там, до этого говорил, да, что я чувствую себя 16-летним, но это скорее так, утрированно, конечно. 16-летним-то я себя точно не чувствую. Ну, вот примерно, блин, 20... от 20 до 25, где-то вот так вот.

Интервьюер. То есть если мы, там, вернемся к названиям, да, периодов, то это скорее «молодость», да, чем «взрослость»? Как по твоим ощущениям?

Информант. Ну, да, да. (Информант 2, муж., 34, общее среднее, женат, ребенок, Выборг)

Следует отметить, что при описании идеал-типической модели взросления/взрослости информанты указывали больше критериев, чем в собственном взрослении. Среди тех, которые указывались только в идеал-типической модели, можно выделить следующие: соответствовать социально принятым нормам (жить в согласии с обществом и его правилами), выполнять повседневные обязательства (например, оплата услуг ЖКХ и т. д.), работать над собой и со своим внутренним миром, лучше и больше понимать и принимать себя, рефлексировать, должно появиться ощущение «стержня внутри» (впрочем, это тоже про самостоятельность и независимость).

Опять же, зависит от общества... Обязательства. Ну, я не знаю, их много, обязательств взрослого. У нас же в обществе считается нормальным не нарушать закон, например. Не знаю, там, в обществе, где преобладает религия, нормально — это ходить в церковь, да. У нас, допустим, если ты не ходишь в церковь — это тоже нормально. Поэтому это вопрос, как там, не могу я так ответить. Взрослый — это человек, который держится в рамках общества, не выступает за него, не нарушает, там. (Информант 26, муж., 39, высшее образование, женат, двое детей, Белореченск)

У взрослого должна быть стабильная работа и финансовая независимость. Некоторые информанты также говорили о взрослости с точки зрения формальных привилегий. Например, с 18 лет можно покупать алкоголь (и многое другое), в этом же возрасте появляется право голоса (право участвовать в выборах, решать «взрослые» вопросы). При этом данные критерии не были важными в собственном взрослении — никто не отмечал, что почувствовал себя взрослым, когда сходил на выборы.

«Ожидаемая» взрослость молодежи малых городов

Анализ интервью показал, что жителям малых городов присуща советская, или традиционная, модель взросления [Billari, Liefbroer, 2010; Митрофанова, 2019а], однако стоит оговориться, что речь идет только о тех, кто не смог или не захотел уехать в большие города. Те информанты, у кого получилось устроить свою жизнь, переехав в большой город, также принимали участие в исследовании, но уже в качестве жителей больших городов, демонстрируя при этом постсоветскую или современную модель взросления [Митрофанова, 2019а].

Во всех интервью с жителями небольших городов самым распространенным и разнообразным критерием для описания взрослости была «ответственность». Ответственность наступала у всех в разное время жизни, по разным поводам, была связана со множеством причин: ответственность за себя, принятые решения, родителей и других родственников, собственную семью, питомцев, работу и так далее. Если сравнивать понимание «ответственности» у жителей больших и малых городов, оказывается, что у первых она сначала должна была наступить за самого взрослеющего [Кравцова, Кузинер, 2020], а у жителей малых городов ответственность за собственную семью и детей была доминирующей и наступала практически в начале жизненного пути, так как этап родительства начинался раньше, чем у тех, кто живет в больших городах. Однако некоторые жительницы малых городов, переходя из одной семьи в другую, считаясь с точки зрения идеал-типической модели взрослыми, передавали эту «родительскую» роль другому члену семьи — супругу.

В малых городах, в отличие от мегаполисов, критерий материальной независимости упоминается только при описании идеал-типической модели взросления. Возможно, это связано с тем, что в небольших населенных пунктах более тесная и плотная семейная связь (иногда в прямом смысле, когда все живут очень близко друг к другу), а взаимопомощь рассматривается как нечто само собой разумеющееся. У информантов в больших городах было больше времени и возможностей для того, чтобы определиться со своим будущим. У жителей малых городов, казалось, не было этого времени, и этапы «формального» взросления следовали один за другим: получить профессиональное образование, заключить брак, родить детей, стремиться к стабильности. На самом деле они видели четкую траекторию жизни своих родителей, предоставленные им ограниченные возможности малого города, а также понимали, что ближний круг ждет от них конкретных действий. Не было времени взрослеть «осознанно», как это делали многие информанты в больших городах.

Заключение

Идеал-типическая модель взросления у жителей малых городов больше связана с жизнью в соответствии с общепринятыми нормами, законами и ценностями (принято ходить в церковь — «надо» ходить, вступил в брак — «нужны» дети). Однако индивидуальное взросление, «самоощущение» себя взрослым также играет большую роль. И если у жителей больших городов есть возможность на самоопределение, рефлексию по поводу своего дальнейшего пути, а следовательно, и возможность отложить некоторые общепринятые этапы взросления, то большинство

информантов из малых городов сначала прошли основные этапы взросления (ожидаемые от них обществом). Взросление происходило интуитивно и в рамках заданной обществом траектории. Лишь после выполнения требуемых обществом шагов (вступление в брак, рождение детей) жители малых городов могли посвятить время себе и рефлексии о своих желаниях и планах. Многие информанты задумывались о продолжении прерванного образования или новой карьере. В малых городах, в отличие от больших, меньше говорят о помощи психологов в решении своих проблем. Таким образом, большой город, несмотря на быстрый ритм жизни, предоставляет возможности для более «вдумчивого» взросления и рефлексии.

Данная статья продолжает исследование взросления молодежи в российских городах [Кравцова, Кузинер, 2022], но фокусируется на взрослении молодежи, проживающей в малых городах. Важно отметить, что представленное исследование имеет ограничение, обусловленное широким разнообразием региональных особенностей в России. Для полной картины необходимо провести подобные интервью в Сибири, на Дальнем Востоке, Северном Кавказе и в регионах Крайнего Севера. Авторы также полагают, что в перспективе можно исследовать опыт транзитуции во взрослость молодежи, которая часть маркеров взрослости получила, проживая в малых городах (например, окончив там школу), а другую часть — переехав в мегаполис (получение высшего образования, сепарация от родителей, построение карьерных траекторий). Последнее способно дать более объемное понимание процесса взросления разных групп молодежи, в том числе проживающей как в малых городах, так и в мегаполисах.

Список литературы (References)

Аникиева А. В. Трудовая мобильность населения моногородов Свердловской области // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 449—465. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.536>.
Anikieva A. V. (2020) Labor Mobility of People from the Monotowns in Sverdlovsk Oblast. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 449—465. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.536>.

Кравцова А. Н., Кузинер Е. Н. Быть взрослым и/или уметь им быть: модели взросления ранних миллениалов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 120—139. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2141>.

Kravtsova A. N., Kuziner E. N. (2022) Being and/or Knowing How to Be an Adult: The Growing Up Patterns of Early Millennials. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 120—139. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2141>. (In Russ.)

Лимонов Л. Э., Несена М. В. Диспаритет «больших» и «малых» городов России: сравнительный анализ показателей экономического развития и данных социальных обследований // Журнал Новой экономической ассоциации. 2019. Т. 4. № 4. С. 163—188. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2019-44-4-6>

Limonov L. E., Nesena M. V. (2019) Disparity of “Large” and “Small” Cities of Russia: A Comparative Analysis of Indicators of Economic Development and Social Survey Data. *Journal of New Economic Association*. No 4. Vol. 4. P. 163—168. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2019-44-4-6>. (In Russ.)

Митрофанова Е. С. Модели взросления разных поколений россиян // Демографическое обозрение. 2019а. Т. 6. № 5. С. 53—82. <https://doi.org/10.17323/demreview.v6i4.10427>.

Mitrofanova E. S. Models of the Transition to Adulthood of Different Russian Generations. *Demographic Review*. 2019a. Vol. 6. No. 5. P. 53—82. <https://doi.org/10.17323/demreview.v6i4.10427> (In Russ.)

Митрофанова Е. С. Переход во взрослую жизнь: сравнение Северного Кавказа с общероссийской картиной // Журнал исследований социальной политики. 2019б. Т. 17. № 1. С. 133—141. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-1-133-141>.

Mitrofanova E. S. (2019b) Entering Adult Life: North Caucasus in Comparison to Other Regions of Russia. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 17. No. 1. P. 133—141. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-1-133-141> (In Russ.)

Нефляшева Н. А. Что делает «особенным» взросление на Северном Кавказе? // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17. № 1. С. 142—150. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-1-142-150>.

Nefljashcheva N. A. (2019) What Makes Growing Up in the North Caucasus Special? *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 17. No. 1. P. 142—150. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-1-142-150>. (In Russ.)

Павленко Е. С. «Взрослый» как категория в работе по построению жизненного пути молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 6. С. 141—152. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2014.6.11>.

Pavlenko E. S. (2014) “Adult” as a Category for Young People Building Their Life. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 141—152. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2014.6.11>. (In Russ.)

Павленко Е. С., Якубовская А. А. Интерпретации взросления и формирование образовательных траекторий // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 376—390. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1604>.

Pavlenko E. S., Yakubovskaya A. A. (2020) Interpretations of Adulthood and Formation of Educational Trajectories. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 376—390. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1604>. (In Russ.)

Толстых Н. Н. Современное взросление // Консультативная психология и психотерапия. 2015. Т. 23. № 4. С. 7—24. <https://doi.org/10.17759/cpp.2015230402>.
Tolstykh N. N. (2015) Modern Maturation. *Counseling Psychology and Psychotherapy*. Vol. 23. No. 4. P. 7—24. <https://doi.org/10.17759/cpp.2015230402>. (In Russ.)

Albrecht D. E., Albrecht S. E. (2000) Poverty in Nonmetropolitan America: Impacts of Industrial, Employment, and Family Structure Variables. *Rural Sociology*. Vol. 65. No. 1. P. 87—103. <https://doi.org/10.1111/j.1549-0831.2000.tb00344.x>.

Arnett J. J. (2011) Emerging Adulthood(s): The Cultural Psychology of a New Life Stage. In: Arnett L. J. (ed.) *Bridging Cultural and Developmental Psychology: New Syntheses in Theory, Research, and Policy*. New York, NY: Oxford University Press. P. 255—275. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195383430.003.0012>.

Arnett J. J. (2016) Does Emerging Adulthood Theory Apply across Social Classes? National Data on a Persistent Question. *Emerging Adulthood*. Vol. 4. No. 4. P. 227—235. <https://doi.org/10.1177/2167696815613000>.

Arnot M., Jeffery R., Casely-Hayford L., Noronha C. (2012) Schooling and Domestic Transitions: Shifting Gender Relations and Female Agency in Rural Ghana and India. *Comparative Education*. Vol. 48. No. 2. P. 181—194. <https://doi.org/10.1080/03050068.2011.608896>.

Barker E. T., Galambos N. L. (2007) Body Dissatisfaction, Living Away from Parents, and Poor Social Adjustment Predict Binge Eating Symptoms in Young Women Making the Transition to University. *Journal of Youth and Adolescence*. Vol. 36. No. 7. P. 904—911. <https://doi.org/10.1007/s10964-006-9134-6>.

Billari F. C., Liefbroer A. C. (2010) Towards a New Pattern of Transition to Adulthood? *Advances in Life Course Research*. Vol. 15. No. 2—3. P. 59—75. <https://doi.org/10.1016/j.alcr.2010.10.003>.

Brown J. R., Cookson J. A., Heimer R. Z. (2016) Growing Up Without Finance. *Journal of Financial Economics*. Vol. 134. No. 3. P. 591—616. <https://doi.org/10.1016/j.jfineco.2019.05.006>.

Brown J. B., Lichter D. T. (2004) Poverty, Welfare, and the Livelihood Strategies of Nonmetropolitan Single Mothers. *Rural Sociology*. Vol. 69. No. 2. P. 282—301. <https://doi.org/10.1526/003601104323087615>.

Burton L. M., Lichter D. T., Baker R. S., Eason J. M. (2013) Inequality, Family Processes, and Health in the ‘New’ Rural America. *American Behavioral Scientist*. Vol. 57. No. 8. P. 1128—1151. <https://doi.org/10.1177/0002764213487348>.

Bynner J. (2001) British Youth Transitions in Comparative Perspective. *Journal of Youth Studies*. Vol. 4. No. 1. P. 5—23. <https://doi.org/10.1080/13676260125129>.

Bynner J. (2005) Rethinking the Youth Phase of the Life-Course: The Case for Emerging Adulthood? *Journal of Youth Studies*. Vol. 8. No. 4. P. 367—384. <https://doi.org/10.1080/13676260500431628>.

Carson J. A., Mattingly M. J. (2014) Rural Families and Households and the Decline of Traditional Structure. In: Bailey C., Jensen L., Ransom E. (eds.) *Rural America in a Globalizing World: Problems and Prospects for the 2010s*. Morgantown, WV: West Virginia University Press. P. 347—364.

Chetty R., Hendren N. (2018) The Impacts of Neighborhoods on Intergenerational Mobility I: Childhood Exposure Effects. *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 133. No. 3. P. 1107—1162. <https://doi.org/10.1093/QJE/QJY007>.

Çok F., Atak H. (2015) Emerging Adulthood in Turkey: Does It (Yet) Exist? *Online Journal of Counseling & Education*. Vol. 4. No. 3. P. 46—75.

Ely D. M., Hamilton B. E. (2018) Trends in Fertility and Mother's Age at First Birth Among Rural and Metropolitan Counties: United States, 2007—2017. NCHS Data Brief No. 323. Hyattsville, MD: National Center for Health Statistics.

Fouad N. A., Kim Sh., Ghosh A., Chang W.-h., Figueiredo C. (2016) Family Influence on Career Decision Making: Validation in India and the United States. *Journal of Career Assessment*. Vol. 24. No. 1. P. 197—212. <https://doi.org/10.1177/1069072714565782>.

Francis R. D. (2022) Movin' on Up? The Role of Growing Up Rural in Shaping Why Working-Class Men Do — and Don't — Seek to Improve Their Labor-Market Prospects. *RSF: The Russell Sage Foundation Journal of the Social Sciences*. Vol. 8. No. 4. P. 68—86. <https://doi.org/10.7758/RSF.2022.8.4.03>.

Fuligni A. J., Pedersen S. (2002) Family Obligation and the Transition to Young Adulthood. *Developmental Psychology*. Vol. 38. No. 5. P. 856—868. <https://doi.org/10.1037/0012-1649.38.5.856>.

Gould E. D., Lavy V., Paserman M. D. (2011) Sixty Years After the Magic Carpet Ride: The Long-Run Effect of the Early Childhood Environment on Social and Economic Outcomes. *Review of Economic Studies*. Vol. 78. No. 3. P. 938—973.

Irvin M. J., Meece J. L., Byun S.-Y., Farmer T. W., Hutchins B. C. (2011) Relationship of School Context to Rural Youth's Educational Achievement and Aspirations. *Journal of Youth and Adolescence*. Vol. 40. No. 9. P. 1225—1242. <https://doi.org/10.1007/s10964-011-9628-8>.

Miller E., Edin K. (2022) Coming of Age in Appalachia, Emerging or Expedited Adulthood? *RSF: The Russell Sage Foundation Journal of the Social Sciences*. Vol. 8. No. 4. P. 50—67. <https://doi.org/10.7758/RSF.2022.8.4.02>.

Schäfer N. (2010) The Spatial Dimension of Risk: Young People's Perceptions of the Risks and Uncertainties of Growing Up in Rural East Germany. *Forum: Qualitative Social Research*. Vol. 11. No. 1. P. 1—24. <https://doi.org/10.17169/fqs-11.1.1439>.

Seiter L. N., Nelson L. J. (2011) An Examination of Emerging Adulthood in College Students and Nonstudents in India. *Journal of Adolescent Research*. Vol. 26. No. 4. P. 506—536. <https://doi.org/10.1177/0743558410391262>.

Shanahan M. J., Mortimer J. T., Krüger H. (2002) Adolescence and Adult Work in the Twenty-First Century. *Journal of Research on Adolescence*. Vol. 12. No. 1. P. 99—120. <https://doi.org/10.1111/1532-7795.00026>.

Sherman J., Sage R. (2011) Sending Off All Your Good Treasures: Rural Schools, Brain-Drain, and Community Survival in the Wake of Economic Collapse. *Journal of Research in Rural Education*. Vol. 26. No. 11. P. 1—14.

Snyder A. R., McLaughlin D. K. (2004) Female-Headed Families and Poverty in Rural America. *Rural Sociology*. Vol. 69. No. 1. P. 127—149. <https://doi.org/10.1526/003601104322919937>.

Walker C. (2010) Space, Kinship Networks and Youth Transition in Provincial Russia: Negotiating Urban — Rural and Inter-Regional Migration. *Europe-Asia Studies*. Vol. 62. No. 4. P. 647—669. <https://doi.org/10.1080/09668131003736995>.

Wodtke G., Harding D. J., Elwert F. (2011) Neighborhood Effects in Temporal Perspective: The Impact of Long-Term Exposure to Concentrated Disadvantage on High School Graduation. *American Sociological Review*. Vol. 76. No. 5. P. 713—736.

Приложение

Список информантов в Выборге, Каменске-Уральском и Белореченске

№	Город	Пол	Возраст	Образование	Статус	Занятость	Проживание
Информант 1	Выборг	М	33	Среднее специальное	Женат, детей нет	Сотрудник реабилитационного центра	С женой, в собственной квартире
Информант 2	Выборг	М	34	Школа	Женат, есть ребенок	Сотрудник НКО, студент 3 курса	С семьей, снимает комнату
Информант 3	Выборг	М	31	Школа 7 классов, училище	Женат, есть ребенок	Сотрудник НКО, строитель	С семьей, снимает
Информант 4	Выборг	Ж	32	Высшее	Замужем, ребенок	Специалист в логистике на заводе	С семьей, в собственной квартире
Информант 5	Выборг	Ж	31	Высшее	Замужем, ребенок	Диспетчер в мусорной компании	С мамой и ребенком
Информант 6	Выборг	М	40	Среднее специальное	В разводе, есть ребенок	Строитель	С ребенком
Информант 7	Выборг	Ж	43	Среднее специальное	2-й раз замужем, ребенок	Медсестра	С семьей, ипотека
Информант 8	Выборг	Ж	38	Высшее	Замужем, двое детей	Юрист-фрилансер, преподаватель в университете	С семьей, собственная квартира
Информант 9	Выборг	Ж	38	Высшее	Замужем, двое детей	Свой онлайн-магазин	С семьей, собственная квартира
Информант 10	Каменск-Уральский	М	31	Высшее	Женат, детей нет	Работает на заводе	С женой, в собственной квартире
Информант 11	Каменск-Уральский	М	31	СПУ	Женат, детей нет	Работает в школе танцев	С женой, в собственной квартире
Информант 12	Каменск-Уральский	М	30	Высшее	Не женат, детей нет	Программист на заводе в КУ	С родителями

№	Город	Пол	Возраст	Образование	Статус	Занятость	Проживание
Информант 13	Каменск-Уральский	Ж	32	Высшее	Замужем, ребенок	Специалист отдела кадров по воинскому учету на заводе	С семьей, собственная квартира
Информант 14	Каменск-Уральский	Ж	28	Высшее	Не замужем, детей нет	Специалист Центра молодежной политики	Одна, (ипотека)
Информант 15	Каменск-Уральский	М	41	Высшее	Не женат, детей нет	Инженер на заводе	С девушкой, снимает
Информант 16	Каменск-Уральский	М	43	Высшее	Женат, есть ребенок	Администратор в доме культуры	С семьей, собственная квартира
Информант 17	Каменск-Уральский	Ж	41	Высшее	Замужем, 3-е детей	Работает на заводе	С семьей, собственная квартира
Информант 18	Каменск-Уральский	Ж	38	Высшее	Разведена	Работает в библиотеке	С сыном в собственной квартире
Информант 19	Каменск-Уральский	Ж	38	Высшее	Замужем, двое детей	Специалист в социальном отделе на заводе	С семьей, в собственной квартире
Информант 20	Белореченск	М	28	Высшее	Женат 2-й раз, есть ребенок	Руководитель в гос. Сфере	С семьей, в собственной квартире
Информант 21	Белореченск	М	33	Среднее специальное	Женат, двое детей	Водитель	С семьей, в собственной квартире
Информант 22	Белореченск	Ж	33	Среднее специальное	Замужем, ребенок	Медсестра	С семьей, в собственной квартире
Информант 23	Белореченск	Ж	31	Высшее	Замужем, двое детей	Руководитель отдела	С семьей, в собственной квартире
Информант 24	Белореченск	Ж	32	Высшее	Замужем, двое детей	Художница, своя студия	В доме с мужем, детьми, отцом и сестрой с мужем

№	Город	Пол	Возраст	Образование	Статус	Занятость	Проживание
Информант 25	Белореченск	М	38	Высшее	Женат, двое детей	Диджей	С семьей, в собственной квартире
Информант 26	Белореченск	М	39	Высшее	Женат, двое детей	Специалист в гос. Сфере	С семьей, в собственной квартире
Информант 27	Белореченск	Ж	44	Высшее	Разведена (2-й брак), двое детей	Предприниматель	С детьми
Информант 28	Белореченск	Ж	38	Высшее	Замужем, двое детей	Специалист	С семьей, в собственной квартире
Информант 29	Белореченск	Ж	40	Высшее	Разведена, сын	Руководитель	С мамой и сыном

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ

Правильная ссылка на статью:

Мониторинг мнений (ВЦИОМ): ноябрь — декабрь 2023 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 6. С. 82—94.

For citation:

Public Opinion Poll (VCIOM): November — December 2023. (2023) *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 82–94.

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ: НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ 2023

Результаты ежедневных опросов «ВЦИОМ-Спутник». Метод опроса — телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров объемом 1600 респондентов в возрасте от 18 лет. Выборка построена на основе полного списка телефонных номеров, задействованных на территории РФ. Данные взвешены на вероятность отбора и по социально-демографическим параметрам. Максимальный размер ошибки с вероятностью 95 % не превышает 2,5%. Помимо ошибки выборки, смещение в данные опросов могут вносить формулировки вопросов и различные обстоятельства, возникающие в ходе полевых работ.

СОДЕРЖАНИЕ ДАЙДЖЕСТА

ПОЛИТИКА

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕЛИ РОССИИ: ИТОГИ 2023 ГОДА..... 83

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ПОМОЩЬ ОБЕЗДОЛЕННЫМ: ОЖИДАНИЕ И РЕАЛЬНОСТЬ 85

БАНКИ И ВКЛАДЫ 87

СОЦИАЛЬНЫЕ ЛИФТЫ В РОССИИ 89

ОБРАЗ ЖИЗНИ

ЭНЕРГОСБЕРЕЖЕНИЕ: МОНИТОРИНГ 91

ПРАЗДНОВАНИЕ НОВОГО ГОДА: ЦЕНА ВОПРОСА 93

ПОЛИТИКА

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕЛИ РОССИИ: ИТОГИ 2023 ГОДА..... 83

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕЛИ РОССИИ: ИТОГИ 2023 ГОДА

22—24 ноября 2023 г.

По результатам новой волны исследования наиболее приоритетной целью государства даже в условиях рекордно низкой безработицы остается содействие занятости населения — народный рейтинг важности национальных целей снова возглавила позиция «достойный и эффективный труд и успешное предпринимательство» (средний индекс важности¹ 84,0 п. из 100 возможных, +2,4 п. к июню 2021 г.). Далее с минимальным отрывом от лидера следует комфортная и безопасная среда для жизни (83,5 п.) — в ноябре 2023 г. дистанция между оценками двух указанных целей развития достигла минимума с начала измерений. Средний расчетный индекс еще по двум стратегическим целям — «возможности для самореализации и развития талантов» и «сохранение населения, здоровье и благополучие людей» — составил 82,0 и 80,8 п. соответственно. Наименее важной целью развития россиянам по-прежнему видится реализация программ цифровой трансформации (76,7 п.).

Неизменными остаются и общественные оценки важности отдельных направлений в рамках работы над национальными целями. По итогам очередной волны в топ-5 самых значимых вошли:

- повышение доходов населения, в том числе пенсий (расчетный индекс² — 94,8 п.);
- повышение качества общего образования (93,8 п.);
- выявление, поддержка и развитие талантов и способностей у детей и молодежи (91,6 п.);
- сохранение стабильности темпа роста экономики страны (90,9 п.);
- снижение бедности населения (90,4 п.).

Наибольшую актуальность за последние два месяца обрели направления государственной жилищной политики, реализуемые в рамках национальной цели «комфортная и безопасная среда для жизни» — возможность улучшить свои жилищные условия (индекс важности — 75,2 п., +2,8 п. с последней волны) и доступность приобретения нового жилья с использованием средств ипотечного кредита (63,1 п., +1,6 п. с последней волны).

¹ Индекс важности по каждому направлению рассчитывается по следующей формуле: полученный% ответов на вопрос «Насколько важно для Вас и Вашей семьи?» умножается на соответствующий вес: «очень важно» — 1, «скорее важно» — 0,75, «скорее не важно» — 0,25, «совсем не важно» — 0, «затрудняюсь ответить» — 0,5. Индекс колеблется в пределах от 0 до 100 пунктов. Чем он выше, тем выше важность конкретного показателя. Применение индексов призвано упростить восприятие и отслеживание показателей в динамике.

² Индекс важности по каждому направлению рассчитывается по следующей формуле: полученный% ответов на вопрос «Насколько важно для Вас и Вашей семьи?» умножается на соответствующий вес: «очень важно» — 1, «скорее важно» — 0,75, «скорее не важно» — 0,25, «совсем не важно» — 0, «затрудняюсь ответить» — 0,5. Индекс колеблется в пределах от 0 до 100 пунктов. Чем он выше, тем выше важность конкретного показателя. Применение индексов призвано упростить восприятие и отслеживание показателей в динамике.

Хотя «достойный и эффективный труд и успешное предпринимательство» остается для россиян наиболее значимой целью, рост оценок важности по ее отдельным направлениям на сегодняшний день замедлился, а по некоторым из них вообще продемонстрировал снижение в сравнении с сентябрем текущего года. В частности, речь идет о росте экспорта российских товаров (–2,2 п.) и увеличении числа малых и средних предприятий (–0,9 п.).

Показатели результативности выполнения национальных целей несколько ниже показателей их важности. Другими словами, эффективность работы государства над ними пока еще не в полной мере соответствует общественным ожиданиям. Наиболее успешно, по мнению наших сограждан, государству удается работать над цифровой трансформацией, средний индекс позитивных изменений³ по этой цели составил 50,1 п. из максимальных 100 (июнь 2023 г.— 49,5 п.). Второе место сохраняют возможности для самореализации и развития талантов (42,6 п.), третье — комфортная и безопасная среда для жизни (36,1 п.). При всей важности мер по содействию занятости средний индекс позитивных изменений по национальной цели «достойный и эффективный труд и успешное предпринимательство» составил 30,3 п., тогда как сохранение населения, здоровье и благополучие людей вновь расположилось на пятой строчке (28,7 п.).

³ Комплексный показатель: сумма получившихся индексов по каждому направлению в рамках пяти целей, разделенная на количество оцениваемых показателей. Индекс позитивных изменений по каждому направлению рассчитывается по следующей формуле: полученный% ответов умножается на соответствующий вес: «да, заметил» — 1, «нет, не заметил» — 0, «затрудняюсь ответить» — 0,5. Индекс колеблется в пределах от 0 до 100 пунктов. Чем он выше, тем выше оценка позитивных изменений конкретного показателя.

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ПОМОЩЬ ОБЕЗДОЛЕННЫМ: ОЖИДАНИЕ И РЕАЛЬНОСТЬ.....	85
БАНКИ И ВКЛАДЫ.....	87
СОЦИАЛЬНЫЕ ЛИФТЫ В РОССИИ.....	89

ПОМОЩЬ ОБЕЗДОЛЕННЫМ: ОЖИДАНИЕ И РЕАЛЬНОСТЬ

5 ноября 2023 г.

За последние 15 лет россияне стали реже считать, что помогать нуждающимся (социально уязвимым группам или оказавшимся в сложной жизненной ситуации) должны их родные и близкие. Хотя в представлениях опрошенных именно родные и близкие остаются теми, кто в первую очередь заботится о таких людях сегодня.

Помощь социально уязвимым группам населения россияне в первую очередь ждут от государства — 73%. В сумме каждый второй (50%) полагает, что таким людям должны помогать родные и близкие (38%) и все их окружение (12%), столь же часто (49%) россияне возлагают ответственность на организованный третий сектор: благотворительные фонды (35%), объединения людей, имеющих опыт решения подобных проблем (15%), инициативные гражданские группы (13%), религиозные организации (12%). Коммерческий (или второй) сектор, представленный крупными компаниями и бизнесменами, назвали более четверти опрошенных — 28%.

В действительности, по оценкам опрошенных, помощь распределяется несколько иначе. Социально уязвимым гражданам чаще помогают люди из их круга общения (56%) — родные и близкие (49%), окружение в целом (7%). Не менее вовлеченной группой (в общей сложности — 53%) оказывается организованный третий сектор — благотворительные фонды (35%), объединения людей со схожим жизненным опытом (20%), инициативные гражданские группы (15%), религиозные организации (10%) и др. Государственные службы, от которых россияне чаще всего ждут помощи социально уязвимым гражданам, назвал каждый второй (48%). Наконец, реже всего опрошенные отмечают вовлеченность бизнеса в заботу о стариках, инвалидах, многодетных семьях и др. (8% против 28% ожидающих от них помощи); среди возлагающих ответственность на бизнес только 14% считают, что он помогает социально уязвимым.

За последние 15 лет взгляды наших сограждан на помощь социально уязвимым группам населения претерпели изменения. Россияне стали реже ожидать поддержки от их родных и близких (58% в 2008 г. против 38% в 2023 г.) и от объединений людей со схожим опытом (23% против 15%); одновременно с этим вырос общественный запрос на корпоративную социальную ответственность бизнеса (21% против 28%), а также помощь со стороны инициативных гражданских групп (8% против 13%).

Что касается реального положения дел, то за рассматриваемый период россияне стали чаще отмечать вовлеченность в заботу о социально уязвимых группах практически всех представленных акторов (исключение — родные и близкие; —

14 п. п. с 2008 г.). В частности, обществу стала гораздо заметнее помощь государственных служб (+12 п. п. за 15 лет), благотворительных фондов (+27 п. п.), инициативных гражданских групп (+13 п. п.) и религиозных организаций (+5 п. п.). Кроме того, сегодня лишь 3 % отмечают отсутствие какой-либо помощи, тогда как еще 15 лет назад ответ «никто не помогает» звучал от каждого девятого (11 %).

Рис. 1. Кто, на Ваш взгляд, прежде всего должен помогать людям, которых принято называть «социально уязвимыми» — престарелым, одиноким старикам, инвалидам, многодетным семьям, матерям-одиночкам, сиротам, безнадежно больным людям? (закрытый вопрос, до пяти ответов, % от всех опрошенных)

БАНКИ И ВКЛАДЫ

10 ноября 2023 г.

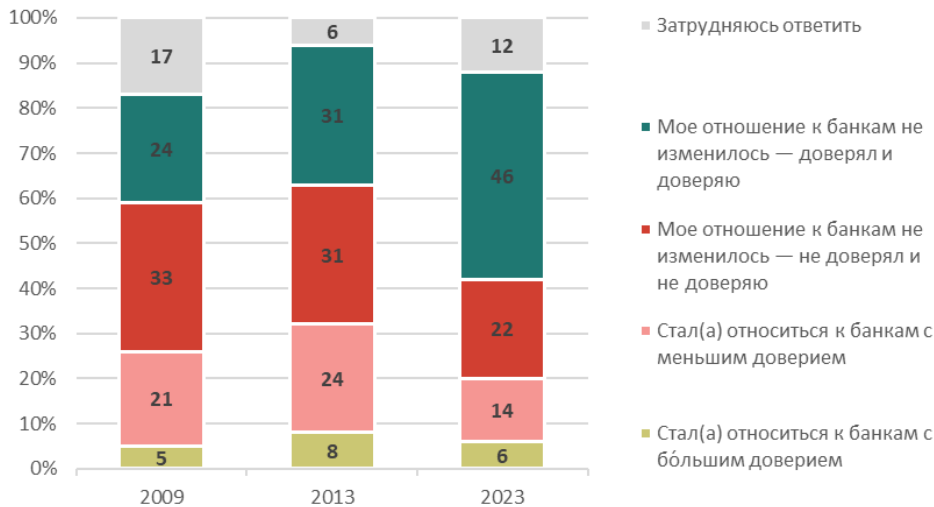
Согласно данным, полученным в ходе опроса ВЦИОМ, с 2009 г. уровень доверия россиян банкам вырос в два раза и достиг максимума: сегодня почти половина опрошенных ответили, что доверяли и доверяют банкам — 46% (2009 г. — 24%, 2013 г. — 31%), еще 6% заявили, что стали больше доверять банкам в последние три года. Одновременно с этим снизилась доля россиян, не доверяющих банкам в принципе (22%; 2009 г. — 33%, 2017 г. — 31%), а также тех, кто стал относиться к банкам с меньшим доверием в последние три года (14%; 2009 г. — 21%, 2017 г. — 24%). При этом россияне с хорошим материальным положением доверяли и доверяют банкам в два раза чаще, чем граждане с плохим материальным положением (61% против 30%).

Банковские вклады есть практически у каждого третьего россиянина (30%), это максимум за десять лет (2013 г. — 28%, 2017 г. — 25%). Но большая часть россиян вкладов не имеет (68%), с 2017 г. показатель сократился на 6 п. п. (2017 г. — 74%).

Массовая потеря вкладов гражданами СССР в 1991 г. наложила свой отпечаток на отношение к банковской системе. Каждый третий вкладчик и сегодня испытывает страх за сохранность своих сбережений (35%), однако показатель ниже, чем в 2013 г. (38%) и 2017 г. (42%). Шесть из десяти россиян, имеющих вклады, отметили, что не боятся потери денег на счетах (60%, 2013 г. и 2017 г. — по 57%). За сохранность своих вкладов чаще переживают женщины (39% против 30% среди мужчин), вкладчики 25—34 лет (50%) и вкладчики с плохим материальным положением (47% против 20% в группе с хорошим).

Вкладчики, которые боятся потерять деньги на счетах, чаще всего ничего не делают, чтобы избежать подобного сценария (38%), тревога не отражается на их действиях. Каждый десятый отметил, что для сохранности вкладов выбирает надежный банк (10%). В числе конкретных финансовых механизмов защиты — хранение денег в нескольких банках (9%), инвестиции в недвижимость (6%), а также металлы, криптовалюту, акции и валюту (6%), оформление страховки (5%), хранение на счетах сумм, не превышающих страховую сумму (5%). Часть россиян полагаются в этом вопросе на самих себя: держат дома накопленные наличные (6%), следят за счетами (4%) и новостями (2%), выводят средства (3%) и не общаются с мошенниками (4%).

Рис. 2. Как изменилось Ваше отношение к банкам за последние три года?
(закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

СОЦИАЛЬНЫЕ ЛИФТЫ В РОССИИ

13 ноября 2023 г.

В наши дни топ-3 наиболее «рабочих» социальных лифтов в представлениях россиян выглядит следующим образом: спорт (88 %, + 5 п. п. к 2020 г.), наука и образование (84 %, +7 п. п. к 2020 г.), военная служба (83 %). Эти лифты россияне считают «работающими» в течение последних пяти лет. Их лидерство, по-видимому, определяется не только культурно-историческими особенностями российского общества, но и понятными, прозрачными механизмами «подъема», социальной мобильности. Это либо конкуренция и объективные достижения, как в спорте, либо продолжительность обучения, признанные заслуги, как в науке, либо четкая иерархия, как в армии.

Есть лифты, которые год от года «работают» то лучше, то хуже. Например, культура: в 2018 г. ее называли в числе эффективных лифтов 69 %, но в пандемийный 2020 г. показатель снизился (64 %). Эпидемиологические ограничения на массовые мероприятия ощутимо ударили по шоу-бизнесу. Сегодня эта сфера полностью реабилитировалась в глазах наших сограждан (71 %).

В 2020 г. россияне ставили более низкие оценки еще одному социальному лифту — общественным организациям (2018 г. — 80 %, 2020 г. — 73 %, 2023 г. — 79 % г.).

Некоторые лифты со временем начинают «ехать медленнее», например Русская православная церковь (61 %, —6 п. п. к 2018 г.). А другие, напротив, «ускоряются», прежде всего это бизнес (80 %, +12 п. п. к 2018 г. и 2020 г.). Возрастающая оценка бизнеса как социального лифта отражает важность предпринимательства для российского общества. Сегодня он все чаще рассматривается как сфера возможностей для достижения высокого социального статуса.

В числе других набирающих очки социальных лифтов — государственное и муниципальное управление (59 %, +9 п. п. к 2020 г.) и политика (54 %, +7 п. п. к 2018 г. и 2020 г.).

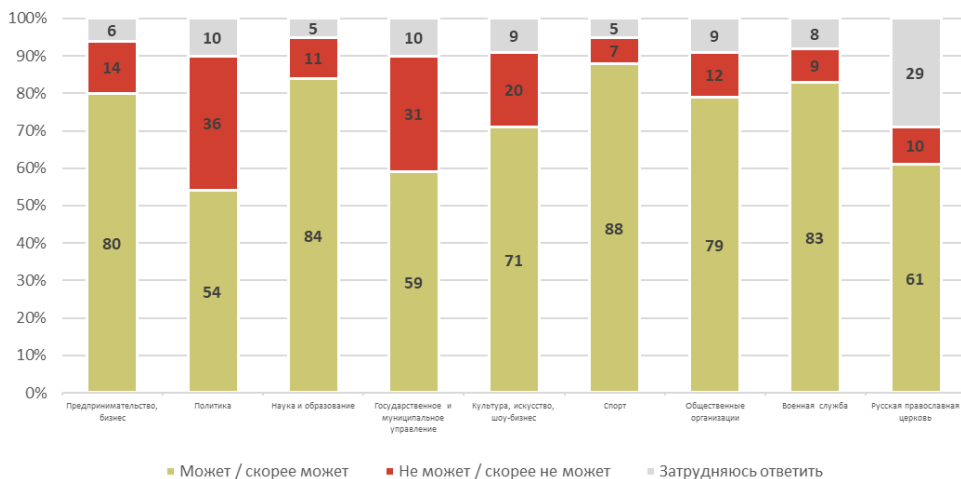
В большей степени в возможность достичь высокого социального статуса за счет своих усилий и талантов при помощи социальных лифтов верят представители молодых возрастных групп. Они чаще других отмечали все перечисленные лифты, особенно это касается бизнеса (91 % в группе 18—24 лет, 88 % в группе 25—34 лет против 81 % среди всех россиян) и шоу-бизнеса (87 % в группе 18—24 лет, 80 % в группе 25—34 лет против 71 % среди всех россиян). Это можно объяснить тем, что современные молодые люди — поколение интернета. Для многих современных бизнесменов, блогеров, артистов интернет стал каналом, который помог им продвинуть себя, свои товары или услуги.

Чем выше уровень образования, тем чаще граждане не верят в возможности социальных лифтов. В политику «не верят» 41 % имеющих высшее или неполное высшее образование (против 20 % среди граждан с неполным средним образованием). Это же касается культуры (22 % против 7 %), церкви (11 % против 5 %), государственного и муниципального управления (37 % против 13 %), общественных организаций (11 % против 6 %).

Уверенность в своем материальном положении подкрепляет веру в возможности социальных лифтов. Россияне с хорошим уровнем дохода убеждены, что благодаря своим талантам можно преуспеть в бизнесе (89 % против 64 % среди граждан с плохим материальным положением), политике (69 % против 34 %), науке (90 % против 72 %), государственном и муниципальном управлении (72 % против 42 %), шоу-бизнесе (80 % против 57 %) и т. д.

Жители Москвы и Санкт-Петербурга в меньшей степени, чем остальные россияне, склонны верить в возможности социальных лифтов в нашей стране. Например, они реже считают «рабочим» лифтом бизнес (74 % против 81 % среди всех россиян), политику (45 % против 53 %), государственное и муниципальное управление (48 % против 59 %), культуру и шоу-бизнес (63 % против 71 %), общественные организации (69 % против 80 %) и военную службу (69 % против 83 %). По всей видимости, такие различия объясняются высокой конкуренцией, которая в обеих столицах наблюдается во всех сферах жизни, включая работу, образование и карьеру. Высокий уровень конкуренции может создавать барьеры для социальной мобильности и вызывать скептицизм или недоверие к системе социальных лифтов.

Рис. 3. По Вашему мнению, в нашей стране человек может сам, благодаря только своим способностям преуспеть, добиться высокого положения в следующих сферах? (закрытый вопрос, один ответ по каждому варианту, % от всех опрошенных)

ОБРАЗ ЖИЗНИ

ЭНЕРГОСБЕРЕЖЕНИЕ: МОНИТОРИНГ	91
ПРАЗДНОВАНИЕ НОВОГО ГОДА: ЦЕНА ВОПРОСА	93

ЭНЕРГОСБЕРЕЖЕНИЕ: МОНИТОРИНГ*17 ноября 2023 г.*

Согласно ноябрьскому опросу ВЦИОМ, шесть из десяти россиян экономят электричество (58 %, 2013 г. — 60 %), причем делают это самыми разными способами. Условно можно выделить три стратегии экономии электроэнергии:

— оптимизация использования электроэнергии (выключают свет там, где он не нужен, используют датчики движения, включают меньше ламп — 30 %, +5 п. п. к 2013 г.), в том числе с помощью системы гибких тарифов (3 %);

— использование энергосберегающих технологий (лампочки — 18 % (–10 п. п. к 2013 г.), техника — 5 %);

— рациональное использование электроприборов (разумное потребление (11 %, +7 п. п. к 2013 г.), отключение на ночь или при уходе из дома — 9 % (+6 п. п. к 2013 г.); экономия на электрообогреве, отключение телевизора, отказ от просмотра в фоновом режиме, а также отказ от пользования определенными электроприборами — по 2 %). Эту стратегию в сбережении электроэнергии россияне за десять лет стали использовать чаще других.

Каждый третий россиянин признался, что не предпринимает никаких мер для экономии электроэнергии (35 %, 2013 г. — 36 %). Подобное поведение в большей степени свойственно мужчинам (39 % против 31 % женщин), молодежи до 35 лет (18—24 лет — 55 %, 25—34 лет — 49 %), гражданам с хорошим материальным положением (44 %), активным пользователям интернета (42 %). Напротив, чаще следят за расходом электричества женщины (63 % против 54 % мужчин), граждане старше 45 лет (45—59 лет — 64 %, старше 60 лет — 70 %), с высшим или незаконченным высшим образованием (64 %), с плохим материальным положением (67 %), а также активные телезрители (64 %) и те, кто предпочитает для получения информации и ТВ, и интернет (63 %).

Наиболее экономными потребителями электричества оказались жители Северо-Западного, Приволжского (по 63 %) и Центрального (62 %) федеральных округов. Наименее — жители Дальневосточного округа (49 %).

Большая часть россиян, предпринимающих усилия для экономии электроэнергии, отмечают, что это действительно позволяет им сократить расходы на оплату данной коммунальной услуги (65 %). Не ощущают экономии 22 %. За десять лет ситуация мало изменилась, в 2013 г. эти показатели составляли 64 % и 25 % соответственно.

Но изменилось другое — мотивы экономии. Если десять лет назад финансовый мотив был определяющим — 56 %, то сегодня его называют 37 %, то есть в полтора раза реже. Одновременно с этим выросла доля тех, для кого экономия электричества — семейная привычка (37 %, +6 п. п. к 2013 г.), что может свидетельствовать о формировании традиций энергосбережения. Также в два раза вырос процент

россиян, следящих за потреблением электричества во благо планеты (2013 г.— 9%, 2023 г.— 17%).

Отказу от экономии электроэнергии россияне дают несколько обоснований. И самое популярное из них — экономическое (нет смысла, доступно, дешево — 29% от числа тех, кто не экономит; низкий уровень потребления — 12%; хватает средств для оплаты — 11%). Второе обоснование — устоявшийся уровень необходимого потребления электроэнергии (10%) и привычка разумного потребления, делающая экономию ненужной (8%). Можно выделить еще один аспект — отсутствие интереса к теме, сегодня 4% в этой группе говорят, что не задумывались о том, почему они не экономят электроэнергию.

ПРАЗДНОВАНИЕ НОВОГО ГОДА: ЦЕНА ВОПРОСА

8 декабря 2023 г.

Средние планируемые расходы россиян по трем праздничным статьям (новогодний стол, подарки и досуг) выросли за последний год на 16 399 рублей.

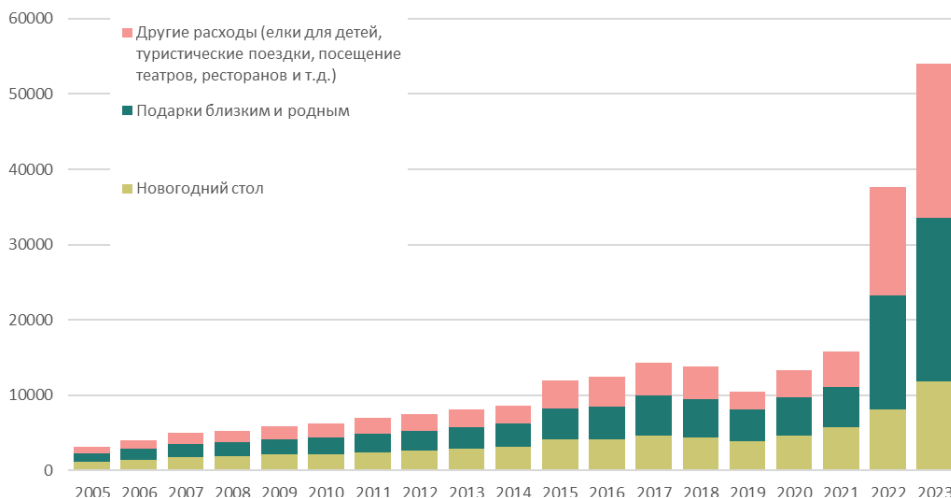
Сильнее всего на семейном бюджете отразятся подарки родным и близким: россияне планируют порадовать свою семью, закупившись в среднем на 21 846 рублей (+6 662 рубля к 2022 г.). Новогодний досуг — посещение культурно-развлекательных мероприятий, туристические поездки и др., — обойдется в среднем в 20 467 рублей (+6 090 рублей к 2022 г.). Однако пока он остается самой непредвиденной статьёй расходов: назвать конкретную сумму в ходе декабрьского опроса смог только каждый второй (47 % против 71—73 % по другим категориям трат), еще 30 % ответили, что не планируют тратиться на развлечения, затруднились с ответом 23 %.

Сравнительно менее затратной статьёй расходов второй год подряд остается новогодний стол — 11 754 рубля (+3 648 рублей к 2022 г.). Ранее (2005—2021 гг.) россияне планировали отдать примерно равную сумму на праздничный стол, гуляния и подарки, тогда как сегодня в приоритете эмоции и приятные воспоминания.

В сумме средние планируемые затраты на празднование Нового года обновили исторический максимум и составили 54 067 рублей.

Траты на празднование Нового года ложатся скорее на мужские плечи — 71 434 рублей (против 40 243 рублей среди женщин). На новогодние подарки мужчины в среднем готовы потратить более 30 тыс. рублей (30 368 рублей), то есть вдвое больше в сравнении с женщинами (15 516 рублей).

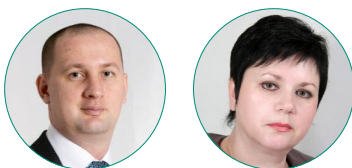
Рис. 1. А сколько примерно денег Вы планируете потратить во время празднования Нового года на...? (открытый вопрос, один ответ, средняя сумма расходов в руб. по ответам тех, кто планирует соответствующие траты)

Самой расточительной группой стала молодежь 18—24 лет (72 648 рублей), самой экономной — представители старшего поколения 60+ лет (30 451 рублей). При этом каждый второй в самой возрастной когорте вовсе не собирается тратиться на новогодний досуг (49%), а те, кто все-таки запланировал подобные расходы (28% среди 60+ лет), готовы уложиться в 10 тыс. рублей (9 917 рублей). Сэкономить на развлечениях не удастся россиянам, возраст которых приходится на активное родительство (35—44 лет); их расходы на досуг составят в среднем 25 424 рубля (против 20 467 рублей по выборке в целом).

Россияне, оценивающие свое материальное положение как хорошее и очень хорошее, предполагают потратить в среднем 73 803 рубля, 42% от этой суммы уйдет на подарки родным и близким — 31 280 рублей.

DOI: [10.14515/monitoring.2023.6.2424](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.6.2424)

А. В. Алпатов, И. В. Митрофанова

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВОЗРАСТНОЙ МОДЕЛИ РОЖДАЕМОСТИ В ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Правильная ссылка на статью:

Алпатов А. В., Митрофанова И. В. Трансформация возрастной модели рождаемости в Волгоградской области // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 6. С. 95—117. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.6.2424>.

For citation:

Alpatov A. V., Mitrofanova I. V. (2023) Transformation of Age Model of Fertility in Volgograd Region. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 95–117. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.6.2424>. (In Russ.)

Получено: 04.05.2023. Принято к публикации: 07.11.2023.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВОЗРАСТНОЙ МОДЕЛИ РОЖДАЕМОСТИ В ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

TRANSFORMATION OF AGE MODEL OF FERTILITY IN VOLGOGRAD REGION

АЛПАТОВ Алексей Викторович — кандидат физико-математических наук, доцент кафедры информатики и технологии программирования, Волжский политехнический институт (филиал) Волгоградского государственного технического университета, Волгоград, Россия
E-MAIL: alpatov80@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3344-5984>

Alexey V. ALPATOV¹ — *Cand. Sci. (Phys.-Math.)*, Associate Professor at the Department of Computer Science and Programming Technology
E-MAIL: alpatov80@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3344-5984>

Митрофанова Инна Васильевна — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории региональной экономики, Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия; профессор кафедры экономической теории, региональной экономики и предпринимательства, Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия
E-MAIL: mitrofanova@volsu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1685-250X>

Inna V. MITROFANOVA^{2,3} — *Dr. Sci. (Econ.)*, Professor, Chief Research Fellow at the Laboratory of Regional Economics; Professor of the Department of Economic Theory, Regional Economics and Entrepreneurship
E-MAIL: mitrofanova@volsu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1685-250X>

Аннотация. В статье рассматривается трансформация возрастной модели рождаемости городского и сельского населения Волгоградской области в период с 1989 по 2022 г. В настоящее время общемировой тенденцией в развитых странах является постарение рождаемости, при котором начало материнства становится прерогативой более зрелых возрастных групп. Для выявления масштабов откладывания деторождений использовался метод, основанный на декомпозиции изменения суммарного коэффициента рождаемости для условных поколений на составляющие эффекта календаря и интенсивности рождаемости. Для устранения тайминговых сдвигов

Abstract. The article considers the transformation of the age model of fertility in the urban and rural population of the Volgograd region from 1989 to 2022. Currently, aging fertility, characterized by postponement of motherhood to more mature ages, is a global trend in developed countries. To identify the scale of postponement of childbearing, the authors use a method based on the decomposition of changes in the total fertility rate for conditional generations into components of the tempo and quantum effects. To eliminate timing shifts, the authors estimate an adjusted coefficient proposed by J. Bongaarts and G. Feeney. The study shows that the postponement of the childbirth in the Volgograd region

¹ Volzhsky Polytechnic Institute (branch) of Volgograd State Technical University, Volzhsky, Russia

² Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia

³ Volgograd State University, Volgograd, Russia

применялся скорректированный коэффициент, предложенный Дж. Бонгаартсом и Г. Фини. Было выявлено, что откладывание рождения детей начало происходить в 1992 г. и продолжается до настоящего времени. Наиболее существенным влияние эффекта календаря на уровень суммарного коэффициента рождаемости было в период с 1994 по 1999 г. В течение исследуемого периода средний возраст матери при рождении первого ребенка для всего населения региона изменился с 22,5 лет в 1989 г. до 25,5 лет в 2021 г., при этом вклад женщин от 35 лет и старше в рождаемость первенцев вырос в те же годы с 1,66% до 5,09%. Темпы постарения рождаемости у городского населения оказались немного выше, чем у сельского.

Ключевые слова: рождаемость, Волгоградская область, календарь рождений, скорректированный коэффициент рождаемости Бонгаартса — Фини, возрастной профиль рождаемости, откладывание рождений, средний возраст матери при рождении первого ребенка

Благодарность. Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания Южного научного центра РАН, проект «Стратегические векторы развития социально-экономического комплекса Юга России с учетом региональной резилентности (экономические и демографические аспекты)», № госрегистрации 122020100349-6.

Введение

В настоящее время в спектре социально-экономических процессов Волгоградской области можно увидеть достаточно большой набор проблем и вызовов, с которыми столкнулась значительная часть субъектов Российской Федерации. Немалое внимание приковано к естественному движению населения — смертности

began in 1992 and continues up to the present times. The most significant impact of the tempo effect on the total fertility rate was observed in 1994-1999. The average age of the mother at the first birth increased from 22.5 years in 1989 to 25.5 years in 2021, while the contribution of women aged 35 and older to the number of first-borns over the same period increased from 1.66% to 5.09%. Generally, aging of the fertility model in the urban population turned out to be slightly higher than in the rural population.

Keywords: fertility, Volgograd region, tempo-adjusted total fertility rate Bongaarts—Feeney, age-specific fertility pattern, postponement transition, timing of fertility, mean age of women at first birth

Acknowledgments. The article was prepared as part of the implementation of the State Assignment of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, project “Strategic Vectors of Development of the Socio-Economic Complex of the South of Russia Taking into Account Regional Resilience (Economic and Demographic Aspects)”, State Registration No. 122020100349-6.

и рождаемости как основным процессам, обеспечивающим приемлемую с точки зрения национальной безопасности структуру и численность населения. За последние 15 лет в России в целом и в Волгоградской области в частности фиксируются заметные успехи в сокращении смертности. Хотя пандемия COVID-19 смогла прервать положительные тенденции и сильно сократить ожидаемую продолжительность жизни [Алпатов, 2022: 26], ее окончание — во всяком случае, завершение ее наиболее тяжелого периода — оставляет надежду на последующий возврат к существовавшему до 2020 г. тренду.

Перспективы увеличения рождаемости в регионе, хотя бы до уровня простого воспроизводства населения, в настоящее время сложно обсуждать в оптимистическом ключе. Существующие социально-экономические программы, призванные улучшить материальное положение семей с детьми, сегодня не способны кардинально изменить вектор общемировой тенденции — вектор снижения рождаемости, которому следует и население Волгоградского региона. Такие проекты, как правило, приводят к тайминговым сдвигам в календаре рождений и лишь к незначительному увеличению рождаемости в реальных поколениях.

Необходимость планирования социально-экономического развития в России на региональном уровне приводит к усилению внимания исследователей к процессам, связанным с воспроизводством населения в отдельных регионах. В данной работе представлены результаты исследования трансформации возрастной модели рождаемости в Волгоградской области для условных поколений в период с 1989 по 2022 г. с учетом очередности рождений. Публикаций, посвященных исследованию рождаемости в Волгоградской области, крайне мало. Естественное движение населения региона анализировалось, например, в работах Лилии Деточенко, Натальи Лобановой и Сергея Сущего [Деточенко, Лобанова, 2018; Сущий, 2016]; кроме того, следует отметить статью Алексея Алпатова и Екатерины Рубинштейн [Алпатов, Рубинштейн, 2016], представляющую результаты исследования динамики рождаемости в период с 1989 по 2015 г.

В настоящее время в России рождаемость продолжает оставаться на низком уровне, что можно наблюдать на примере динамики суммарного коэффициента рождаемости (СКР) как для условных [Синдяшкина, 2021], так и для реальных поколений [Архангельский, 2019]. Суммарный коэффициент рождаемости для реальных когорт (КСКР) в России снизился с 1,82 рождений на одну женщину репродуктивного возраста для поколения 1956 г. до 1,61 для поколения 1970 г. [там же: 62]. При этом происходит трансформация возрастной модели рождаемости, выражающаяся в росте доли рождений в старших возрастных группах женщин. Возрастной профиль рождаемости становится ближе к нормальному распределению: происходит уменьшение островершинности распределения и смещение модального значения в сторону более старших возрастных групп. Данный процесс является одним из результатов глобального социально-демографического процесса, связанного с изменением культурных ценностей общества и получившего название «второй демографический переход». При нем происходит смещение в область с низкой рождаемостью не выше уровня воспроизводства населения.

Для описания перехода к режиму крайне низкой рождаемости в европейских странах, сопровождавшегося тенденцией позднего материнства, в работе [Kohler,

Billari, Ortega, 2002] был введен термин «postponement transition» (англ. «переход к откладыванию рождений»). Данный переход, согласно Томашу Сobotке, длится в течение продолжительного периода (примерно несколько десятков лет) и состоит из трех этапов [Sobotka, 2017]. На первом из них происходит откладывание рождения детей на более поздний период, вследствие чего быстро сокращаются значения СКР, а средний возраст матери при рождении первого ребенка СВМ1 увеличивается. На втором этапе суммарный коэффициент рождаемости остается на низком уровне, при этом СВМ1 продолжает расти. На последнем этапе происходит замедление увеличения среднего возраста матери при рождении первенца, в результате чего эффект календаря исчезает и СКР начинает увеличиваться, достигая уровня, соответствующего уровню рождаемости завершенной когорты. В дальнейшем снижение рождаемости вследствие откладывания рождения ребенка на более поздний срок стали связывать со вторым демографическим переходом. В России, согласно Ханспетеру Колеру и коллегам, переход к откладыванию рождений произошел в 1994 г. [Kohler, Billari, Ortega, 2002].

В настоящее время факторы, которые приводят к откладыванию рождения детей на более поздний срок, достаточно хорошо изучены. Например, в отдельных работах приводят анализ и систематизацию причин откладывания деторождений [Короленко, Калачикова, 2022; Mills et al., 2011]. Существенное влияние на принятие решения об отсрочке рождения ребенка оказывают социально-экономические факторы, такие как получение высшего образования, материальные трудности семьи, неблагоприятная экономическая обстановка, отсутствие доступного жилья, занятость женщин. Играть роль социально-психологические (желание «хоть какое-то время пожить для себя», неуверенность в прочности брака) [Короленко, Калачикова, 2022], а также медико-биологические факторы (проблемы с репродуктивным здоровьем, биологические и генетические особенности индивидов и т. п.) [там же]. Возможность более эффективного планирования рождения детей появилась в связи с широким распространением контрацепции [Mills et al., 2011].

Таким образом, процесс откладывания рождения детей происходит под воздействием различных внешних или внутренних факторов. Очевидно, что данный процесс в свою очередь оказывает воздействие на различные стороны в жизни общества. Подобное воздействие может носить как позитивный, так и негативный характер [Schmidt et al., 2012], однако, ставя целью изучение трансформации рождаемости в контексте воспроизводства населения, наиболее важными мы считаем последствия, способные оказывать влияние на рождаемость в когортах. Результатом значительного откладывания рождения детей на более поздний возраст (здесь речь прежде всего идет о рождении первого ребенка) становится снижение рождаемости в реальных поколениях и увеличение доли окончательно бездетных в силу ограниченной продолжительности фертильного периода у женщин. Женщины, очень долго откладывавшие рождение ребенка, могут в конечном счете отказаться от этой идеи и пополнить группу «окончательно бездетных» [Макаренцева, 2022]. Влияние на итоговую бездетность длительного откладывания деторождения подтверждается корреляционно-регрессионным анализом, результаты которого представлены в работе Аннели Миеттинен и коллег [Miettinen et al., 2015]. Было установлено, что наиболее сильная положительная корреля-

ция бездетности в когортах наблюдается с такими показателями, как СВМ1 и возраст женщины при вступлении в первый брак.

При значительном откладывании деторождений вероятность забеременеть уменьшается, что становится одним из ключевых факторов в снижении уровня рождаемости. Ряд исследований показывает, что, начиная примерно с 30 лет происходит практически линейное уменьшение фертильности женщин [Wesselink et al., 2017; van Noord-Zaadstra et al., 1991]. По оценкам Амелии Весселинк и коллег, у женщин в возрасте 37—39 лет вероятность зачатия ниже на 40%, чем у женщин в возрасте 21—24 года, а для женщин возраста 40—45 лет вероятность зачатия меньше на 60%. У женщин, которые впервые забеременели, связанное с возрастом снижение фертильности было выражено в большей степени [Wesselink et al., 2017].

Влияние возраста на снижение репродуктивных возможностей женщин показано в работе Эвы Божуан и Томаша Сobotки [Beaujouan, Sobotka, 2017]. При сравнении планов на рождение ребенка в нескольких европейских странах с фактической рождаемостью было выявлено, что женщины в возрасте 35—39 лет, планирующие завести ребенка, все еще имеют сравнительно хорошие шансы родить. Однако в более позднем возрасте 40—44 лет, разрыв между репродуктивными намерениями и фактическими беременностями становится намного больше. Кроме того, бездетные женщины в возрасте 35 лет и старше имеют еще более существенный разрыв между репродуктивными планами и последующим деторождением.

Существуют и другие негативные последствия повышения материнского возраста, оказывающие влияние на процесс воспроизводства населения. Многочисленные исследования показывают, что с повышением возраста здоровье женщин ухудшается. В более старшем возрасте существенно чаще реализуются риски, связанные с осложнениями беременности, рождением недоношенного ребенка [Шевьёва, 2022: 54], а также перинатальной смертностью [Сувернева, 2022; Joseph et al., 2005]. В работе К. С. Джозефа и коллег при сравнении матерей в возрасте 35—39 лет и 40 лет и старше с матерями 20—24 лет выявлено, что более пожилой возраст матери связан с относительно более высокой вероятностью перинатальной смертности [Joseph et al., 2005].

В настоящее время существует два основных подхода к исследованию процессов откладывания деторождений: на основе суммарного коэффициента рождаемости для условных поколений и на основе когортного суммарного коэффициента рождаемости.

Уровень показателя СКР за определенный период времени формируется под влиянием календаря рождений (tempo effect) и изменения интенсивности деторождений (quantum effect). Эффект календаря проявляется в том, что тенденция к более молодому возрасту рождения ребенка приводит к увеличению СКР; и наоборот, при откладывании деторождений на более поздние сроки СКР уменьшается. В статье Т. Сobotки приведена методика для оценки вклада данных составляющих в изменение СКР [Sobotka, 2003]. При этом для устранения тайминговых сдвигов использовались различные скорректированные коэффициенты рождаемости.

Методология анализа процесса откладывания и наверстывания деторождения с учетом очередности для реальных поколений изложена в другой работе Сobotки

и коллег [Sobotka et al., 2011]. Для оценки различных аспектов отсрочки и наверстывания рождаемости были предложены четыре показателя. Они основываются на расчете кумулятивных возрастных коэффициентов рождаемости для определенной когорты, «которые сравниваются с одной из старших когорт, принятой за базу для сравнения» [Фрейк, Захаров, 2014].

В результате исследования динамики возрастной модели рождаемости в Волгоградской области мы планируем выделить основные этапы модернизации рождаемости в период с 1989 по 2021 г., а также получить ответы на следующие вопросы:

1) Насколько различаются процессы изменения возрастной структуры рождаемости в сельской и городской местности Волгоградской области? Рождаемость у городского населения, как правило, более возрастная. У какой категории населения старение рождаемости происходит более быстрыми темпами?

2) Какова структура рождаемости с точки зрения очередности рождения детей? Происходит ли увеличение деторождений для вторых, третьих и последующих порядков?

3) В 2020—2022 гг. появились два ключевых фактора, которые могли повлиять на динамику рождаемости: пандемия COVID-19 и материнский капитал на первого ребенка. Повлияли ли нововведения в пронаталистской политике на структуру рождаемости на фоне пандемии? Если это влияние есть, то оно должно отразиться на динамике рождаемости детей первой очередности.

4) Какой вклад вносит эффект календаря в динамику суммарного коэффициента рождаемости? Насколько он отличается от общероссийских тенденций?

Статистические данные и методы исследования

Основным источником данных для представляемого исследования выступила Российская база данных по рождаемости и смертности (далее — РБДРиС)¹. При анализе рождаемости были также использованы результаты Всероссийской переписи населения 2020 г.

Для выявления масштабов откладывания деторождений по Волгоградской области использовался метод, основанный на декомпозиции изменения СКР для условных поколений на составляющие эффекта календаря и интенсивности рождаемости. Для устранения тайминговых сдвигов применялся скорректированный коэффициент рождаемости СКР*, предложенный Йоханом Бонгаартсом и Гриффитом Фини [Bongaarts, Feeney, 1998]. В ряде публикаций (см., например, [Schoen, 2004]) указываются недостатки данного показателя, однако наш выбор в его пользу обусловлен прежде всего доступностью данных. Кроме того, во многих случаях значения СКР* довольно близки к суммарному коэффициенту рождаемости реальных когорт. В совместной работе Й. Бонгаартса и Т. Сobotки при анализе динамики рождаемости в четырех странах Европы показано, что отклонение СКР* от КСКР в среднем составляет 2.6% [Bongaarts, Sobotka, 2012]. Корректировка СКР методом Бонгаартса — Фини, согласно Цзэн И и Кеннету Лэнду [Yi, Land, 2001], дает несущественные расхождения (менее 5%), если ежегодные изменения медианного возраста деторождения составляют менее

¹ Данные // Центр демографических исследований Российской экономической школы. URL: http://demogr.nes.ru/index.php/ru/demogr_indicat/data (дата обращения: 12.12.2023).

0,25 года и когда ежегодные изменения в межквартильном диапазоне составляют менее 0,1 года. В нашей работе ежегодные превышения медианного возраста для всех рождений по Волгоградской области более чем на 0,25 лет были зафиксированы 10 раз, то есть примерно в 29% случаев, а превышение межквартильного размаха более чем на 0,1 — в 36% случаев. Почти все экстремальные случаи зафиксированы до 2015 г., вследствие чего проводимые оценки будут более точными с 2015 г.

В данной работе были рассчитаны суммарные коэффициенты рождаемости СКР_x для первых ($x = 1$), вторых ($x = 2$), третьих и последующих рождений ($x = 3+$), а также интергенетические интервалы между первыми и вторыми рождениями, вторыми и третьими, третьими и четвертыми.

Ключевым показателем для анализа постарения (или омоложения) рождаемости является средний возраст матери при рождении первого ребенка *СВМ1*. Данный показатель дополняется величиной, характеризующей вклад женщин от 35 лет и старше в рождаемость первенцев. Если женщина становится матерью в 35 лет и старше, то для рождения последующих детей у нее остается сравнительно короткий период. Рост данного показателя можно рассматривать как фактор риска снижения рождаемости.

Процесс трансформации возрастного профиля рождаемости обусловлен также рождением других очередностей, пик интенсивности которых может смещаться как в сторону младших возрастов, так и в сторону старших. Следующий показатель, который использовался в работе, — модальное значение распределения возрастных коэффициентов рождаемости для всех рождений, которое определяет материнский возраст, дающий максимальный вклад в рождаемость.

В статье Ирины Калабихиной и Нелли Смулянской предложена система показателей для измерения постарения рождаемости [Калабихина, Смулянская, 2018]. В частности, в данную систему был включен интердецильный размах, рассчитываемый как разница между девятым и первым децилем распределения возрастных коэффициентов рождаемости для всех очередностей. Данный показатель можно интерпретировать как некую характеристику длительности наиболее активной части фертильного периода, который обеспечивает 80% всех рождений. Также авторы статьи предложили для оценки возраста репродуктивной старости использовать девятый дециль; он показывает возраст, к которому реализовано 90% всех рождений. В силу того, что данные показатели имеют понятную интерпретацию, они также были использованы при анализе процесса постарения рождаемости в Волгоградской области.

Обработка статистических данных осуществлялась на основе библиотек Matplotlib, Pandas, Numpy и Statsmodels (язык программирования Python).

Результаты и их обсуждение

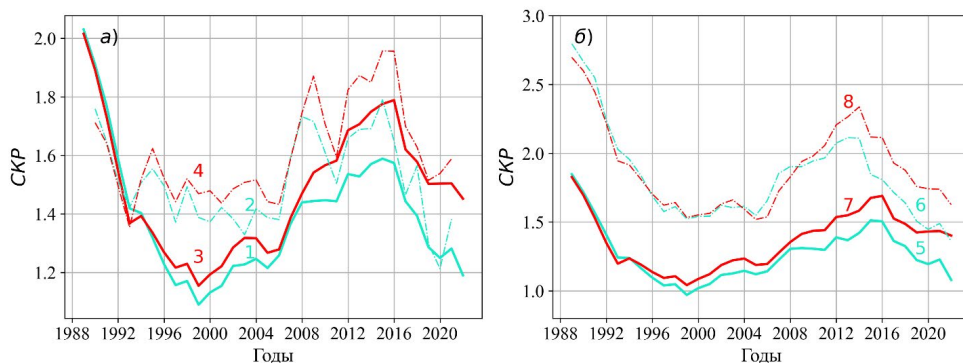
На рис. 1а (кривая 1) показана динамика суммарного коэффициента рождаемости для городского, сельского и всего населения Волгоградской области в период с 1989 по 2022 г. Кривая красного цвета показывает динамику СКР в целом по России. Наибольший уровень рождаемости всего населения региона приходился на 1989 г. и составлял 2,03 рождений в среднем на одну женщину репродук-

тивного возраста. При этом у городского населения значение *СКР* 1,85, а у сельского — 2,80 (см. рис. 1б).

Спад рождаемости, наблюдавшийся с 1989 по 1999 г., привел к минимальному значению в 1,09. На рисунке 2 показана динамика *СКР*х первых, вторых, третьих и последующих рождений всего населения. Суммарный коэффициент рождаемости в течение временного периода с 1989 по 1999 г. снизился у всего населения для первых рождений — на 35,2%, для вторых рождений — на 56,4%, а для третьих и последующих — на 60,3%.

Снижение рождаемости, происходившее в течение данного периода, было вызвано рядом причин. Во второй половине 1980-х годов советское правительство активно проводило политику, нацеленную на поддержку семей с детьми. Это привело к уплотнению календаря деторождений и снижению возраста матери при рождении первого ребенка. К началу 1990-х годов основная часть женщин реализовала свои репродуктивные планы, что существенно повлияло на снижение рождаемости в первой трети десятилетия. Другой фактор, приведший к уменьшению показателя *СКР*, — начало массового откладывания рождения детей, обусловленного социально-экономическим кризисом в стране.

Рис. 1. а) Динамика суммарных коэффициентов рождаемости: нескорректированного *СКР* (кривая 1) и скорректированного *СКР** (кривая 2) всего населения Волгоградской области. Кривые красного цвета показывают динамику *СКР* (кривая 3) и *СКР** для населения России. б) Динамика нескорректированных суммарных коэффициентов рождаемости для городского (кривая 5) и сельского (кривая 6) населения Волгоградской области. Кривые красного цвета показывают динамику *СКР* городского (кривая 7) и сельского (кривая 8) населения России²

В начале 2000-х годов стартовал процесс наверстывания части отложенных рождений, и это проявилось в росте *СКР*. Вступивший в 2007 г. в действие Федеральный закон № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»³ стал, пожалуй, главным фактором, способствовавшим дальнейшему увеличению рождаемости. В первые годы после принятия закона

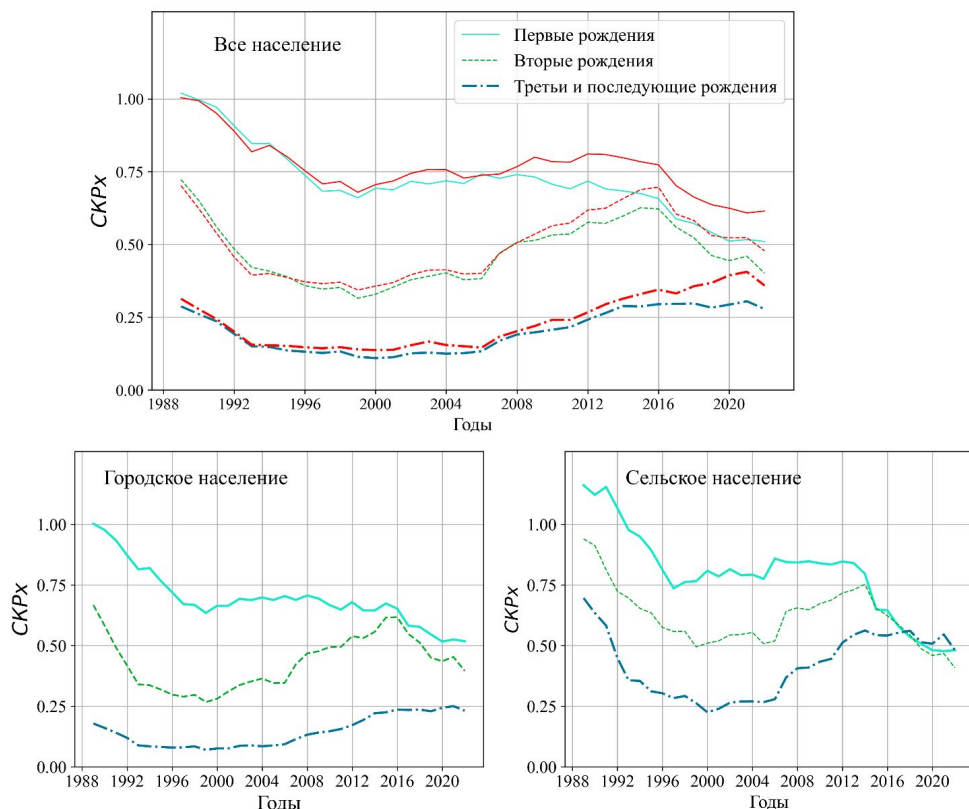
² Источник: рассчитано авторами на основе данных РБДРис.

³ Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (с изменениями и дополнениями) // ГАРАНТ.РУ. URL: <https://base.garant.ru/12151286/> (дата обращения: 12.12.2023).

отклик сельского населения на меры поддержки семей оказался немного сильнее, чем у городского (см. рис. 16). Значение *СКР* увеличилось с 1,85 в 2007 г. до 2,11 в 2013 г., то есть на 14,0%. Период повышения суммарного коэффициента рождаемости у городских жителей был более продолжительным. К 2013 г. *СКР* вырос на 11,7%, а к 2015 г. — до 23,5%.

В результате значительная часть поколения женщин в целом смогла реализовать свои репродуктивные планы, и после активного роста коэффициента рождаемости наступил вполне прогнозируемый спад. В 2021 г. значение *СКР* для всего населения Волгоградской области находился на уровне 1,28, а в 2022 г. существенно упал до 1,14 рождений на одну женщину. Снижение произошло как для городского населения (*СКР*=1,08), так и для сельского (*СКР*=1,36). Тенденция к снижению рождаемости характерна и для России в целом (см. рис. 1).

Рис. 2. Динамика суммарных коэффициентов рождаемости *СКР*_x для первых, вторых, третьих и последующих рождений всего населения, городского и сельского населения Волгоградской области (кривые зеленого цвета) и России (кривые красного цвета)

Источник: рассчитано авторами на основе данных РБДРИС.

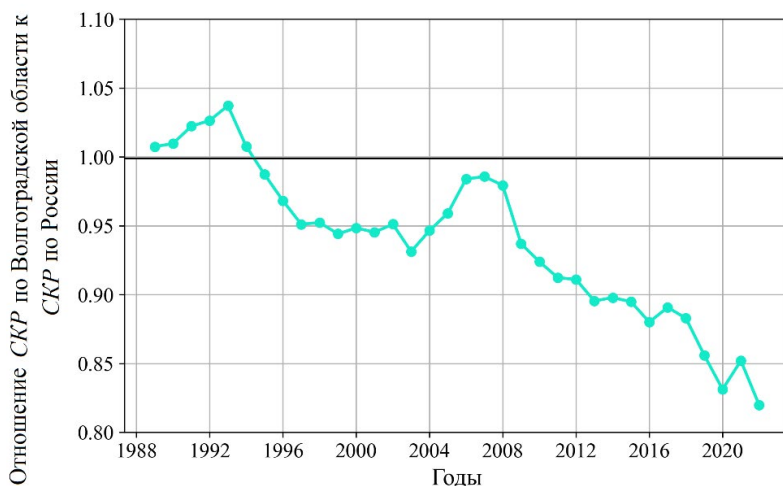
Еще один фактор, который мог оказать негативное воздействие на рождаемость в 2020—2022 гг. в регионе, — пандемия COVID-19. На данный момент уже опубликован ряд исследований о влиянии пандемии на рождаемость. Например, в работе Елены Вакуленко и коллег был проведен анализ исследований о репродуктивных намерениях в период пандемии по ряду развитых стран, в том числе России [Вакуленко, Макарова, Горский, 2022]. Было отмечено, что в шести из восьми проанализированных исследований, проведенных в России, респонденты указали, что на желание родить ребенка пандемия повлияла негативно. В России пандемия начала набирать обороты примерно с марта 2020 г. Таким образом, если воздействие пандемии на рождаемость имело место, то оно должно было проявиться в снижении периодного СКР в 2021 г. Однако в Волгоградской области произошло, напротив, увеличение суммарного коэффициента рождаемости для всех порядков рождений (см. табл. 1). При этом в целом по России СКР₁ снизился на 2,6%, тогда как для других очередностей произошло увеличение СКРх. Третья и четвертая волны COVID-19, следовавшие друг за другом в 2021 г., сопровождались большим уровнем заболеваемости и смертности и могли оказать на репродуктивные планы жителей региона более негативное влияние. В 2022 г. произошло существенное снижение СКРх для всех очередностей, но более выражено — для вторых, третьих и последующих рождений. В России в течение данного периода наблюдался небольшой прирост (1,0%) для первых рождений и значительный спад для других очередностей.

Таблица 1. Темпы прироста СКРх для различных очередностей по Волгоградской области и России

Очередность рождения	Волгоградская область		Россия	
	$\Delta T_{2020/2021}$, %	$\Delta T_{2021/2022}$, %	$\Delta T_{2020/2021}$, %	$\Delta T_{2021/2022}$, %
x = 1	1,0	-1,2	-2,6	1,0
x = 2	3,4	-12,7	0,1	-8,6
x = 3+	3,9	-8,8	3,0	-11,6

Данная динамика согласуется с результатами исследования влияния пандемии на рождаемость на основе модели пропорциональных рисков, представленных в статье Константина Казенина и Екатерины Митрофановой [Казенин, Митрофанова, 2023]. Было установлено, что в период пандемии в трех изученных регионах шансы рождения первого ребенка не уменьшались, тогда как шансы рождения второго ребенка, напротив, сокращались. Вероятно, одним из факторов большей стабильности СКР₁ в период пандемии является принятие поправок в вышеупомянутый Федеральный закон № 256 о выплате с 1 января 2020 г. материнского капитала при рождении первого ребенка. Второй фактор — существующая в России социальная норма рождения хотя бы одного ребенка, являющаяся устойчивой к различным факторам снижения рождаемости [там же].

Рис. 3. Динамика отношения СКР по Волгоградской области к СКР по России

При сравнении рядов динамики СКР по Волгоградской области и в целом по России, в том числе в разрезе городское/сельское население (см. рис. 1), можно заметить, что до 2008 г. различия в уровнях СКР незначительные. Однако начиная с 2009 г. темпы роста рождаемости по России выше, чем по Волгоградскому региону, и с каждым годом данный разрыв увеличивается. На рисунке 3 представлен временной ряд отношения СКР по Волгоградской области к СКР по России. Видно, что суммарный коэффициент рождаемости в регионе был даже выше на несколько процентов в начале исследуемого периода. После 1994 г. соотношение изменилось в пользу среднего российского уровня. 1994 г. — это, вероятно, наиболее критическая точка социально-экономического обусловленного распада СССР кризиса, в которой наблюдался не только минимум рождаемости, но и максимум смертности [Алпатов, 2022]. До 2008 г. соотношение рождаемости между регионом и Россией немного выросло до уровня 0.97—0.98. Можно, конечно, предположить, что различная динамика после 2008 г. была обусловлена началом действия материнского капитала, и население Волгоградской области отреагировало иначе, чем население России в целом. Однако еще одним фактором может быть финансово-экономический кризис 2008 г., после которого динамика соотношения между рождаемостями стала иной.

Показатель СКР был дополнен скорректированным суммарным коэффициентом рождаемости Бонгаартса — Фини СКР* (см. рис. 1а, кривые 2 и 4). Тайминговый сдвиг рождаемости существенно искажает итоговую рождаемость в реальных поколениях. Данный показатель превышает СКР, когда происходит постарение рождаемости, и находится ниже при «омоложении» рождаемости. Как видно из рисунка 1а, в период с 1993 по 2018 г. СКР* выше нескорректированных, что свидетельствует о длительном процессе откладывания деторождений. Только в течение короткого времени в начале исследуемого периода происходило омоложение рождаемости как в Волгоградской области, так и в целом по России.

В таблице 2 показаны результаты декомпозиции СКР по Волгоградской области и России. Выбор временных интервалов, в течение которых проводилась оценка влияния эффекта календаря и интенсивности рождаемости, обусловлен качественными и количественными изменениями в динамике рождаемости.

Откладывание деторождений началось с 1992 г. Наиболее существенный вклад откладывания рождения детей в снижение СКР случился на временном промежутке с 1994 по 1999 г. В течение данного периода снижение СКР примерно на 95 % было обусловлено эффектом календаря. В следующие два периода темпы откладывания рождения детей несколько снизились. Во временном интервале с 2015 по 2021 г. вклад эффекта календаря в наблюдаемое снижение суммарного коэффициента рождаемости составил 32 %. По России до 1999 г. процесс откладывания деторождений, судя по значениям компоненты, характеризующей эффект календаря, был немного выше. После 1999 г. вклад откладывания рождения детей стал, напротив, преобладать в Волгоградской области.

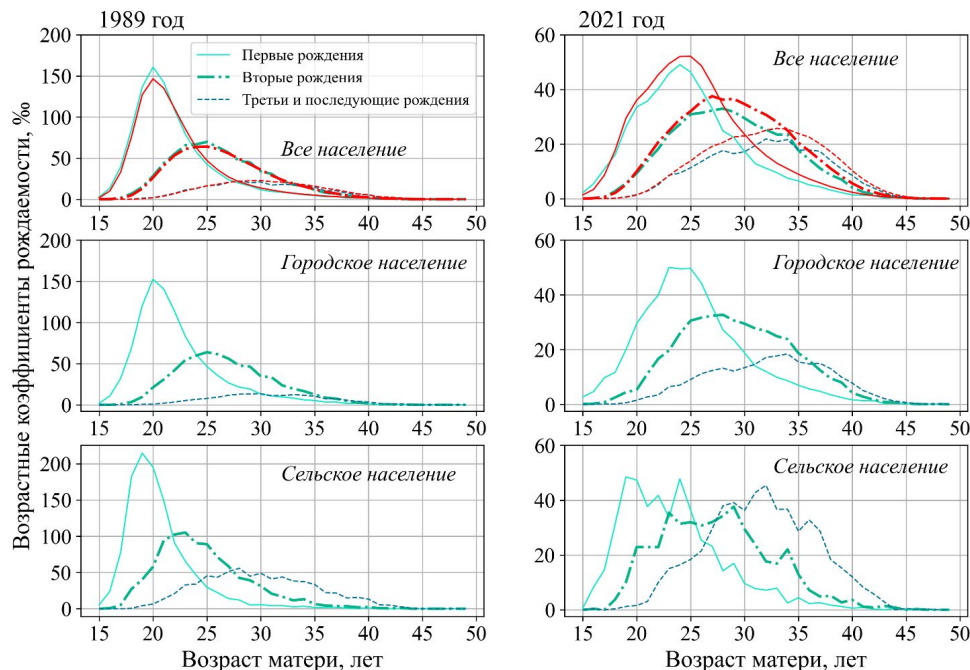
Таблица 2. *Декомпозиция изменения СКР на эффект календаря и интенсивность рождаемости за период с 1990 по 2021 г. по Волгоградской области и России*

Этап, период	Волгоградская область			Россия		
	Абсолютное изменение СКР	Эффект календаря	Интенсивность рождаемости	Абсолютное изменение СКР	Эффект календаря	Интенсивность рождаемости
I 1990—1992	-0,32	0,08	-0,4	-0,22	0,05	-0,27
I 1992—1994	-0,18	-0,10	0,08	-0,15	-0,13	-0,03
II 1994—1999	-0,31	-0,30	-0,02	-0,24	-0,31	0,08
III 1999—2007	0,28	-0,23	0,50	0,23	-0,20	0,43
IV 2007—2015	0,22	-0,20	0,42	0,39	-0,18	0,57
V 2015—2021	-0,31	-0,10	-0,21	-0,27	-0,08	-0,19

На рисунке 4 представлены распределения возрастных коэффициентов рождаемости для различных очередностей: первых, вторых, третьих и последующих за 1989 и 2021 гг. В течение исследуемого периода возрастной профиль рождаемости претерпел значительные изменения. Возрастные распределения у женщин, проживающих в сельской местности, по сравнению с распределениями рождаемости у женщин, проживающих в городских населенных пунктах, более островершинные и расположены выше. Максимумы смещены в более молодые воз-

растные группы, а расстояния между максимумами распределений для сельских жительниц меньше, чем для городских.

Рис. 4. Возрастные коэффициенты рождаемости по очередности рождений для городского, сельского и всего населения за 1989 и 2021 гг. (кривые зеленого цвета — Волгоградская область, кривые красного цвета — Россия в целом)⁴

Модернизация рождаемости под влиянием различных факторов в течение последних 30 лет привела к существенному изменению возрастных профилей интенсивности деторождений. Дисперсия материнских возрастов городского населения стала более значительной, максимумы размылись и сместились в старшие возрастные группы. Нестандартная картина открывается при рассмотрении возрастного профиля рождаемости сельского населения за 2021 г. Максимумы интенсивности деторождений крайне размыты, для первой и третьей очередности они находятся практически на одном уровне, а для второй — немного ниже. Таким образом, вклад вторых, третьих и последующих очередностей в общую рождаемость к 2021 г. заметно увеличился, особенно у сельского населения.

Увеличение степени разброса значений возраста матери при рождении первого ребенка говорит о том, что различные социальные и этнокультурные группы населения региона по-разному реагируют на современные тенденции трансформации репродуктивных установок. Возможно, одним из факторов более существенного разброса возраста рожениц в сельской местности является фактор

⁴ Источник: рассчитано авторами на основе данных РБДРис.

большей дифференциации населения по национальности. Волгоградская область отличается сравнительно высокой долей русского населения. По данным Всероссийской переписи населения 2020 г., его доля среди указавших национальность составляет 92,5%. Однако расселение русских по территории Волгоградской области неоднородное. В сельской местности проживает примерно 86,9% русских (включая казаков), а в городских населенных пунктах — 94,8%. Так, сельское население отличается большим разнообразием по национальному признаку. Наибольшую долю после русских там занимают казахи (5,1%), чеченцы (1,2%), татары (0,99%) и турки (0,85%). Культурные особенности различных национальностей по-разному отражаются на трансформации демографических процессов, что и вносит дополнительный вклад в формирование более широких максимумов возрастных профилей рождаемости сельского населения.

Оценить вклад в СКР рождений различных очередностей для городского и сельского населения в различные периоды позволяют данные временных рядов, показанные на рисунке 2. Суммарный коэффициент рождаемости первой очередности у городского и сельского населения с начала нового столетия оставался довольно длительное время практически в стабильном состоянии: для городских жителей в период с 2000 по 2016 г. — примерно на уровне 0,66—0,70 рождений на одну женщину, а для сельских с 2000 по 2014 г. — на уровне 0,78—0,85. Вторые рождения, а также третьи и последующие в течение указанных периодов возрастают. Затем наблюдается резкое сокращение рождаемости для первых и вторых очередностей. Суммарный коэффициент рождаемости третьих и последующих рождений у городского населения стабилизировался к 2016 г. на уровне 0,24, что выше, чем в 1989 г., когда было зафиксировано значение 0,18. У женщин из сельской местности стабилизация произошла к 2013 г. примерно на уровне 0,55, что в 2021 г. обеспечило наибольший вклад в рождаемость — 36,6%.

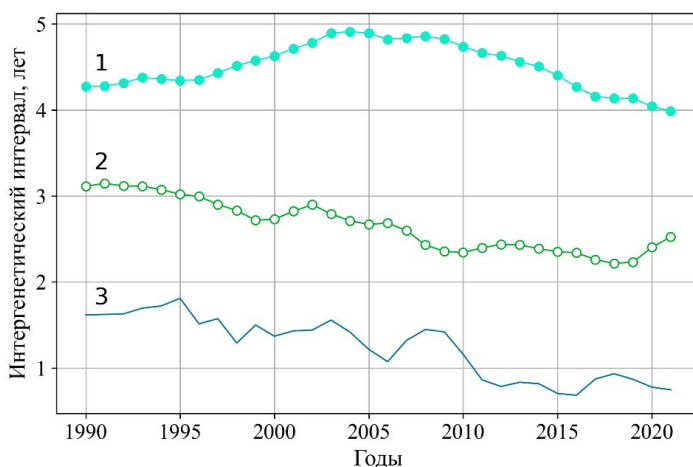
Анализ графиков, представленных на рисунках 4 и 2, позволяет сделать предположение о формировании в Волгоградской области многодетной модели рождаемости. Причем данная модель возникает на фоне доминирующей модели, характерной прежде всего для городских населенных пунктов — с малодетностью и более возрастным профилем рождаемости. По всей видимости, рассматриваемый процесс не является уникальным для Волгоградского региона, а скорее характерен для большей части регионов России. Например, в работе Владимира Архангельского была отмечена возможность оценки суммарного коэффициента рождаемости для реальных поколений в 45 регионах России на основе переписи населения 2010 г. [Архангельский, 2019]. В частности, было установлено, что для большого числа регионов России у поколений женщин, родившихся в конце 1970-х — начале 1980-х годов, произошло заметное увеличение доли родивших второго и третьего ребенка [там же: 67].

Рисунок 5 иллюстрирует динамику интергенетических интервалов для всего населения регионов. Можно отметить, что временные ряды интергенетических интервалов между второй и третьей очередностью, а также между третьей и четвертой имеют убывающие линейные тренды на протяжении всего исследуемого периода. При построении линейного тренда использовался метод наименьших квадратов. Поскольку временные ряды имеют автокорреляцию остатков, стан-

дартные ошибки оценивались в форме Ньюи — Веста (Newey — West); уравнения трендов оказались статистически значимыми (p -value < 0,0001).

Что касается интервалов между первыми и вторыми рождениями, то примерно до 2004 г. данный показатель увеличивался. С 2008 г. сформировался новый тренд на снижение значений интергенетического интервала между первыми и вторыми рождениями, который, вероятно, был сформирован под влиянием мер семейной политики. Принятие решения будущими матерями о рождении второго ребенка ускорилось, и это отразилось на сокращении интергенетического интервала. Проверка временного ряда на стабильность с помощью теста Чоу о структурном переходе показала, что нулевая гипотеза отклоняется на уровне значимости 0,01. В точке $t = 2008$ г. χ^2 -критерий достигает наибольшего значения ($\chi^2 = 914,9$).

Рис. 5. Динамика интергенетических интервалов для всего населения Волгоградской области, рассчитанных методом трехлетней скользящей средней: 1 — между первым и вторым рождением; 2 — между вторым и третьим; 3 — между третьим и четвертым 5

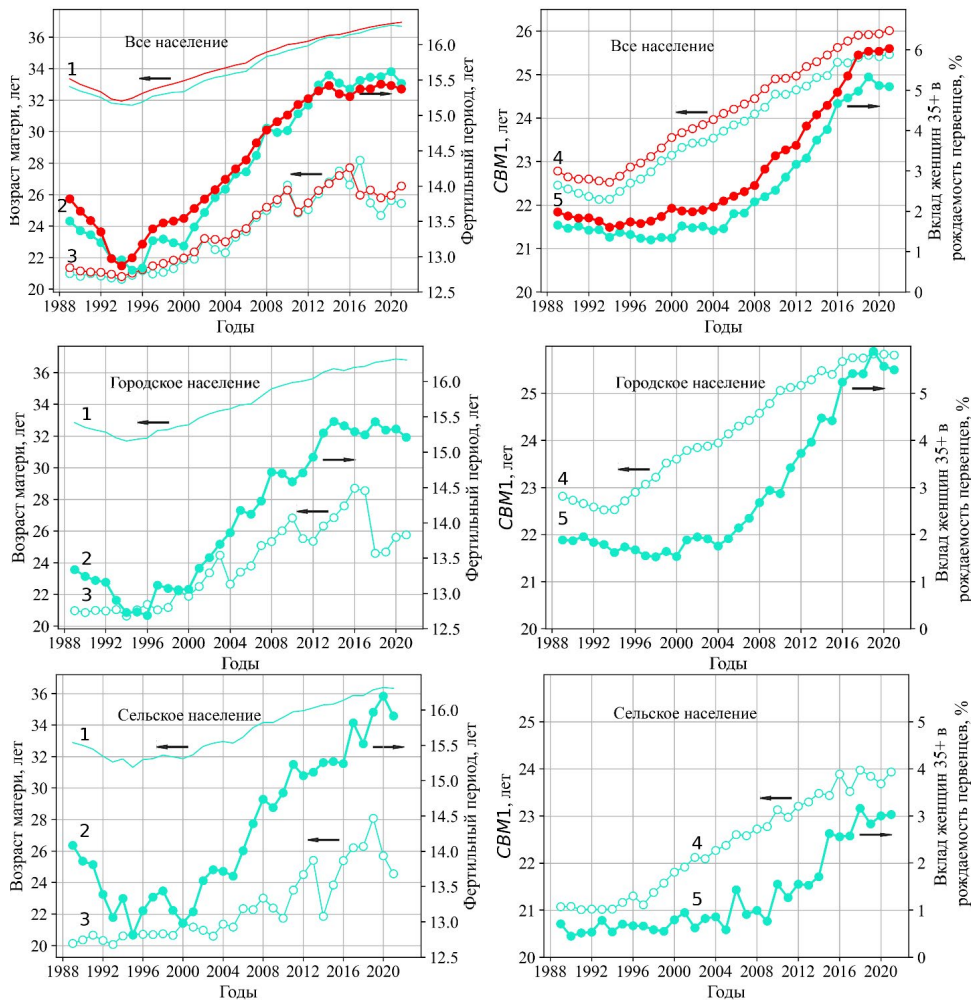
На рисунке 6 представлены временные ряды показателей, характеризующих процесс модернизации возрастной модели рождаемости для городского, сельского и всего населения Волгоградской области. Графики слева построены на основе возрастного распределения всех рождений, а графики, расположенные справа, — на основе возрастного распределения первых рождений. В результате их анализа можно выделить пять этапов трансформации возрастной модели рождаемости.

Первый этап, протекавший приблизительно в период с 1989 по 1993 г., характеризуется омоложением рождаемости и снижением показателя СКР. В рамках данного периода было незначительное уменьшение среднего возраста матери при рождении первого ребенка у городского населения с 22,81 до 22,53 лет, у сельского — с 21,08 до 21,02 лет. Вклад женщин от 35 лет и старше в рождаемость первого ребенка у городского населения составлял около 2%, у сельского

⁵ Источник: рассчитано авторами на основе данных РБДРис.

населения — 0,5—0,7 %. Происходило сокращение возраста репродуктивной старости и продолжительности фертильного периода.

Рис. 6. Показатели, характеризующие изменение возрастной модели рождаемости: 1 — возраст репродуктивной старости; 2 — продолжительность фертильного периода; 3 — модальное значение; 4 — средний возраст матери при рождении первого ребенка СВМ1; 5 — показатель, характеризующий вклад женщин от 35 лет и старше в рождаемость детей первой очередности (кривые зеленого цвета — Волгоградская область, кривые красного цвета — Россия в целом)⁶

Второй этап — с 1994 по 1999 г. Это период начала перехода к откладыванию рождений в Волгоградской области. На данном этапе происходит смещение первых рождений в более зрелые группы матерей как городского, так и сельского

⁶ Источник: рассчитано авторами на основе данных РБДРис.

населения, растет *СВМ1*, снижается *СКР*. Существенную роль на данном этапе играет эффект календаря, заключающийся в откладывании рождения детей. Значения таких показателей, как продолжительность фертильного периода и возраст репродуктивной старости, начали расти. Вклад женщин от 35 лет и старше в рождаемость первенцев снизился.

Третий этап — с 2000 по 2007 г. Суммарный коэффициент рождаемости стал увеличиваться. Продолжился рост *СВМ1*, однако влияние эффекта календаря немного снижается (см. табл. 2). Вклад женщин от 35 лет и старше в рождаемость первенцев несколько вырос.

Четвертый этап — с 2008 до 2015 г. — характеризуется дальнейшим ростом показателей *СКР*, *СВМ1*, продолжительности фертильного периода, возраста репродуктивной старости, а также вклада женщин в возрасте от 35 лет и старше в рождаемости первенцев. К 2015 г. данный показатель у городского населения достиг значения 4,4 %, а у сельского — 2,6 %. Рост рождаемости на этом этапе связывается с началом новой семейной политики. При этом, как было отмечено ранее, в начале данного этапа был сформирован убывающий тренд интергенетического интервала между первыми и вторыми рождениями.

Пятый этап — с 2016 по 2021 г. Это период стабилизации процесса постарения рождаемости. Происходит снижение влияния эффекта календаря. Показатели, характеризующие возрастной профиль рождаемости, достигли в 2021 г. следующих значений: *СВМ1* у сельского населения фиксируется примерно на уровне 23,9 лет, а у городского — 25,8. Вклад женщин в возрасте от 35 лет и старше для сельского и городского населения равны, соответственно, 3,0 и 5,5 %. 90 % всех рождений у женщин из сельских населенных пунктов реализуются к возрасту 36,3 лет, а у женщин из городских поселений — к 36,8 лет. Продолжительность репродуктивного периода у женщин сельских поселений составил 15,9 лет, у женщин из городских поселений — 15,2 лет. Максимум деторождений для всех очередностей (кривая 3 на рис. 6) резко снижается.

Сравнение кривых на рисунке 6, характеризующих процесс модернизации возрастной структуры рождаемости всего населения Волгоградской области и России (линии красного цвета), показывает, что на протяжении практически всего исследуемого периода структура рождаемости в целом по России более возрастная, чем по Волгоградской области. В течение последнего пятого этапа модернизации данное различие даже немного усилилось: вклад женщин 35+ в рождение первенцев у всего населения России достиг значения 6,0 %, в Волгоградской области — 5,1 %.

Заключение

Таким образом, мы выделяем пять этапов в трансформации возрастной модели рождаемости в течение исследуемого периода. Начало второго этапа, 1994 г., совпадает с переходом к откладыванию рождений. Хотя откладывание стало наблюдаться немного раньше — с 1992 г. (см. табл. 2), — *СВМ1* стал расти с 1994 г. С точки зрения концепции «postponement transition» модернизация рождаемости имеет три фазы. При этом в различных странах, регионах протекание данного процесса имеет свои особенности. Т. Сobotка выделяет пять типов траекторий во время перехода отсрочки рождаемости, каждая из которых отличается темпа-

ми снижения СКР в течение первой фазы, продолжительностью и стабильностью СКР во второй фазе [Sobotka, 2017]. В ходе второй фазы, начавшейся в 2000 г., происходит стабилизация суммарного коэффициента рождаемости с продолжающимся повышением СВМ1. В Волгоградской области СКР изменяется волнами — сначала увеличивается, а затем уменьшается. Формирование более возрастной структуры рождаемости происходит под влиянием фундаментальных изменений в обществе, ключевыми особенностями которых являются увеличение доли женщин, получающих высшее образование, повышение роли женщин в трудовой занятости, изменения в семейных ценностях (отношение к браку и т. п.). Однако этот общемировой тренд подвержен влиянию экономических кризисов и социальной политики государства. На возможную нестабильность рождаемости в постпереходном периоде под влиянием экономических кризисов и социальной политики было указано в работе Т. Сobotки [ibid.]; в частности, такой тренд демонстрирует рождаемость в Швеции. В странах, в которых вторая фаза завершилась, средний возраст матери при рождении первенца достигает значений 30 лет и выше. В Волгоградской области средний возраст матери при рождении первого ребенка вырос до 25,47 лет в 2021 г., что существенно ниже СВМ1 в развитых странах. Таким образом, мы полагаем, что наблюдающееся на данный момент замедление роста СВМ1 является кратковременным.

Сложившаяся в настоящее время в России социально-политическая ситуация, связанная с проведением специальной военной операции, позволяет предполагать, что в ближайшее время суммарный коэффициент рождаемости будет оставаться на низком уровне, а процесс откладывания рождений продолжится. Кроме того, в возраст с наибольшей интенсивностью деторождений вступили малочисленные поколения женщин, родившихся во второй половине 1990-х годов, что негативно отразится на возрастно-половой структуре населения региона и приведет к формированию очередного глубокого минимума.

Во введении к этой работе был поставлен ряд вопросов, на которые планировалось получить ответы. Ниже мы кратко сформулируем итоговые результаты.

1. Темпы старения рождаемости у городского населения оказались немного выше, чем у сельского. В период с 1994 по 2021 г. СВМ1 вырос у городского населения на 14,6%, а у сельского — на 13,8%. Вклад женщин в возрасте от 35 лет и старше в рождаемость первенцев для сельского и городского населения увеличился, соответственно, до 3,0 и 5,5%. В результате имеющиеся различия в возрастной структуре рождаемости между сельским и городским населением к концу исследуемого периода усилились.

2. Начиная с 2000 г. наблюдался рост рождений детей второй, третьей и последующих очередностей, особенно в сельских населенных пунктах. Примерно с 2015 г. происходит сокращение СКР₁ и СКР₂ на фоне стабилизации уровня рождаемости для третьей и последующих очередностей.

3. Вызванная COVID-19 пандемия 2020—2022 гг., на наш взгляд, оказала негативное влияние на динамику рождаемости в регионе. Это подтверждается изменением значений суммарных коэффициентов рождаемости различных очередностей, а также рядом исследований о репродуктивных намерениях в период пандемии [Вакулenco, Макарова, Горский, 2022; Казенин, Митрофанова, 2023].

Появление в 2020 г. материнского капитала при рождении первого ребенка оказало, вероятно, положительный эффект на динамику СКР₁.

4. Откладывание рождений начало происходить в 1992 г. и продолжается до настоящего времени. Наиболее существенным влияние эффекта календаря на уровень СКР было в период с 1994 по 1999 г. По России до 1999 г. процесс откладывания деторождений был немного выше, чем по Волгоградской области. После 1999 г. влияние эффекта календаря, напротив, стало преобладать в регионе.

Список литературы (References)

Алпатов А. В. Смертность в Волгоградской области на фоне пандемии COVID-19 // Статистика и экономика. 2022. Т. 19. № 2. С. 23—35. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2022-2-23-35>.

Alpatov A. V. (2022) Mortality in the Volgograd Region Against the COVID-19 Pandemic. *Statistics and Economics*. Vol. 19. No. 2. P. 23—35. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2022-2-23-35>. (In Russ.)

Алпатов А. В., Рубинштейн Е. Ю. Статистический анализ динамики рождаемости в Волгоградской области // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2016. № 3. С. 41—49.

Alpatov A. V., Rubinshteyn E. Yu. (2016) Statistical Analysis of the Dynamics of Fertility in Volgograd Region. *Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute*. No. 3. P. 41—49. (In Russ.)

Архангельский В. Н. Рождаемость в реальных поколениях российских женщин: тенденции и региональные различия // Экономика. Налоги. Право. 2019. Т. 12. № 2. С. 59—69.

Arkhangelskiy V. N. (2019) Fertility in Real Generations of Russian Women: Trends and Regional Differences. *Economics, Taxes & Law*. Vol. 12. No. 2. P. 59—69. (In Russ.)

Вакуленко Е. С., Макарова М. Р., Горский Д. И. Репродуктивные намерения и динамика рождаемости населения разных стран в период пандемии COVID-19: аналитический обзор исследований // Демографическое обозрение. 2022. Vol. 9. No. 4. P. 138—159. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i4.16747>.

Vakulenko E. S., Makarova M. R., Gorskiy D. I. (2022) Reproductive Intentions and Fertility Trends in Different Countries During the COVID-19 Pandemic: An Analytical Review of Studies. *Demographic Review*. Vol. 9. No. 4. P. 138—159. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i4.16747>. (In Russ.)

Деточенко Л. В., Лобанова Н. А. Демографическая ситуация в Волгоградской области на рубеже XX—XXI вв. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. № 2. С. 190—196.

Detochenko L. V., Lobanova N. A. (2018) Demographic Situation in the Volgograd Region at the Turn of XX—XXI Centuries. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. No. 2. P. 190—196. (In Russ.)

Казенин К. И., Митрофанова Е. С. Изменения в рождаемости на фоне пандемии COVID-19: опыт исследования российских регионов // Мониторинг общественного

мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 2. С. 14—30. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2370>.

Kazenin K. I., Mitrofanova E. S. (2023) Changes in Fertility Amid the COVID-19 Pandemic: A Study of Russian Regions. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 14—30. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2370>. (In Russ.)

Калабихина И. Е., Смудянская Н. С. Постарение рождаемости: методы измерения, этапы, типология // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2018. № 5. С. 149—166. <https://doi.org/10.38050/01300105201858>.

Kalabikhina I. E., Smulyanskaya N. S. (2018) Aging of Fertility: Measurement Methods, Stages, Typology. *Moscow University Economic Bulletin*. No. 5. P. 149—166. <https://doi.org/10.38050/01300105201858>. (In Russ.)

Короленко А. В., Калачикова О. Н. Причины откладывания рождений и отношение общества к бездетности: результаты глубинных интервью с российскими семьями // Социальное пространство. 2022. Т. 8. № 3. С. 1—22. <https://doi.org/10.15838/sa.2022.3.35.2>.

Korolenko A. V., Kalachikova O. N. (2022) Reasons for Postponing Childbirth and Society's Attitude to Childlessness: Results of In-Depth Interviews with Russian Families. *Social Area*. Vol. 8. No. 3. P. 1—22. <https://doi.org/10.15838/sa.2022.3.35.2>. (In Russ.)

Макаренцева А. О. Динамика вступления в материнство в современной России // Мир России. Т. 31. № 1. С. 162—182. <https://doi.org/10.17323/1811-038x-2022-31-1-162-182>.

Makarentseva A. O. (2022) The Dynamics of Motherhood Entry in Modern Russia. *Universe of Russia*. Vol. 31. No. 1. P. 162—182. <https://doi.org/10.17323/1811-038x-2022-31-1-162-182>.

Синдяшкина Е. Н. Отражение демографической политики в показателях рождаемости в России // Социально-трудовые исследования. 2021. № 1. С. 75—85. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2021-42-1-75-85>.

Sindyashkina E. N. (2021) Reflection of Demographic Policy in Fertility Rates in Russia. *Social & Labor Research*. No. 1. P. 75—85. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2021-42-1-75-85>. (In Russ.)

Сувернева А. А. Возрастные аспекты антенатальных, интранатальных и ранних неонатальных потерь // Медико-фармацевтический журнал «Пульс». 2022. Т. 24. № 6. С. 120—125. <https://doi.org/10.26787/nydha-2686-6838-2022-24-6-120-125>.

Suverneva A. A. (2022) Age-Related Aspects of Antenatal, Intrapartum and Early Neonatal Losses. *Medical & Pharmaceutical Journal "Pulse"*. Vol. 24. No. 6. P. 120—125. <https://doi.org/10.26787/nydha-2686-6838-2022-24-6-120-125>. (In Russ.)

Суций С. Я. Этнодемографический потенциал Волгоградской области: современное состояние и перспективы // Региональная экономика. Юг России. 2016. № 4. С. 41—56. DOI: <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2016.4.5>.

Sushchiy S. Ya. (2016) Ethno-Demographic Potential of the Volgograd Region: Current Status and Perspectives. *Regional Economy. South of Russia*. No. 4. P. 41—56. DOI: <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2016.4.5>. (In Russ.)

Фрейк Т., Захаров С. Эволюция рождаемости в России за полвека: оптика условных и реальных поколений // Демографическое обозрение. 2014. Т. 1. № 1. С. 106—143. <https://doi.org/10.17323/demreview.v1i1.1828>.

Frejka T., Zakharov S. (2014) Fertility Trends in Russia During the Past Half Century: Period and Cohort Perspectives. *Demographic Review*. Vol. 1. No. 1. P. 106—143. <https://doi.org/10.17323/demreview.v1i1.1828>. (In Russ.)

Щевьёва Л. С. Влияние социально-экономических и демографических факторов на вероятность рождения недоношенного ребенка // Демографическое обозрение. 2022. Т. 9. № 3. С. 44—57. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i3.16469>.

Shchevyeva L. S. (2022) Impact of Social-Economic and Demographic Factors on Probability of Preterm Birth. *Demographic Review*. Vol. 9. No. 3. P. 44—57. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i3.16469>. (In Russ.)

Beaujouan É., Sobotka T. (2017) Late Motherhood in Low-Fertility Countries: Reproductive Intentions, Trends and Consequences. VID Working Papers No. 02/2017. Vienna: Vienna Institute of Demography. <https://doi.org/10.1553/0x003cd014>.

Bongaarts J., Feeney G. (1998) On the Quantum and Tempo of Fertility. Policy Research Division Working Paper No. 109. New York, NY: Population Council. <https://doi.org/10.31899/pgy6.1010>.

Bongaarts J., Sobotka T. (2012) A Demographic Explanation for the Recent Rise in European Fertility. *Population and Development Review*. Vol. 38. No. 1. P. 83—120. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2012.00473.x>.

Joseph K. S., Allen A. C., Dodds L., Turner L. A., Scott H., Liston R. (2005) The Perinatal Effects of Delayed Childbearing. *Obstetrics & Gynecology*. Vol. 105. No. 6. P. 1410—1418. <https://doi.org/10.1097/01.aog.0000163256.83313.36>.

Kohler H.-P., Billari F. C., Ortega J. A. (2002) The Emergence of Lowest-Low Fertility in Europe During the 1990s. *Population Development Review*. Vol. 28. No. 4. P. 641—680. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2002.00641.x>.

Miettinen A., Rotkirch A., Szalma I., Donno A., Tanturri M.-L. (2015) Increasing Childlessness in Europe: Time Trends and Country Differences. Families and Societies Working Paper Series No. 33.

Mills M., Rindfuss R. R., McDonald P., te Velde E. (2011) Why Do People Postpone Parenthood? Reasons and Social Policy Incentives. *Human Reproduction Update*. Vol. 17. No. 6. P. 848—860. <https://doi.org/10.1093/humupd/dmr026>.

Schmidt L., Sobotka T., Bentzen J. G., Nyboe Andersen A. (2012) Demographic and Medical Consequences of the Postponement of Parenthood. *Human Reproduction Update*. Vol. 18. No. 1. P. 29—43. <https://doi.org/10.1093/humupd/dmr040>.

Schoen R. (2004) Timing Effects and the Interpretation of Period Fertility. *Demography*. Vol. 41. No. 4. P. 801—819. <https://doi.org/10.1353/dem.2004.0036>.

- Sobotka T. (2003) Tempo-Quantum and Period-Cohort Interplay in Fertility Changes in Europe. Evidence from the Czech Republic, Italy, the Netherlands and Sweden. *Demographic Research*. Vol. 8. P. 151—214. <https://doi.org/10.4054/demres.2003.8.6>.
- Sobotka T. (2017) Post-Transitional Fertility: Childbearing Postponement and the Shift to Low and Unstable Fertility Levels. VID Working Papers No. 01/2017. Vienna: Vienna Institute of Demography. <https://doi.org/10.1553/0x003cd016>.
- Sobotka T., Zeman K., Lesthaeghe R., Frejka T. (2011) Postponement and Recuperation in Cohort Fertility: New Analytical and Projection Methods and Their Application. European Demographic Research Paper No. 2. Vienna: Vienna Institute of Demography.
- van Noord-Zaadstra B.M., Looman C. W., Alsbach H., Habbema J. D., te Velde E. R., Karbaat J. (1991) Delaying Childbearing: Effect of Age on Fecundity and Outcome of Pregnancy. *British Medical Journal*. Vol. 302. P. 1361—1366. <https://doi.org/10.1136/bmj.302.6789.1361>.
- Wesselink A. K., Rothman K. J., Hatch E. E., Mikkelsen E. M., Sørensen H. T., Wise L. A. (2017) Age and Fecundability in a North American Preconception Cohort Study. *American Journal of Obstetrics and Gynecology*. Vol. 217. No. 6. <https://doi.org/10.1016/j.ajog.2017.09.002>.
- Yi Z., Land K. C. (2001) A Sensitivity Analysis of the Bongaarts-Feeney Method for Adjusting Bias in Observed Period Total Fertility Rates. *Demography*. Vol. 38. No. 1. P. 17—28. <https://doi.org/10.2307/3088285>.

DOI: [10.14515/monitoring.2023.6.2473](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.6.2473)

Л. С. Засимова, А. Г. Хусаинова

НЕРАВЕНСТВО В РАСХОДАХ НА ЛЕКАРСТВА И БАД В РОССИИ: ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Правильная ссылка на статью:

Засимова Л. С., Хусаинова А. Г. Неравенство в расходах на лекарства и БАД в России: эмпирический анализ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 6. С. 118—143. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.6.2473>.

For citation:

Zasimova L. S., Khusainova A. G. (2023) Inequality in Spending on Medicines and Dietary Supplements in Russia: An Empirical Analysis. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 118–143. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.6.2473>. (In Russ.)

Получено: 15.08.2023. Принято к публикации: 23.11.2023.

НЕРАВЕНСТВО В РАСХОДАХ НА ЛЕКАРСТВА И БАД В РОССИИ: ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

ЗАСИМОВА Людмила Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент, заместитель декана факультета экономических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: lzasimova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1278-9091>

ХУСАИНОВА Алиса Глебовна — младший специалист по развитию операционных систем, ООО «Яндекс», Москва, Россия
E-MAIL: alicekhusainova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-7265-9179>

Аннотация. В статье исследуются проблемы доступности лекарств и биологически активных добавок (БАД) в российских семьях с разным уровнем дохода в 2010—2021 гг. С помощью регрессионного анализа авторы изучают как факторы отказа от покупки лекарств и БАД, так и сумму расходов на них. Обосновывается необходимость рассмотрения расходов на лекарства по квинтильным доходным группам. Эмпирический анализ опирается на данные РМЭЗ НИУ ВШЭ. Используются модели Хекмана, модели бинарного выбора, а также модели со случайным эффектом для анализа панельных данных. Среди исследуемых факторов, помимо среднедушевого дохода домохозяйств, оценивается роль показателей здоровья (мультиморбидность, самооценка здоровья, посещения врача), образования, состава домохозяйства (наличие несовершеннолетних детей и пенсионеров), места проживания. Показано, что наблюда-

INEQUALITY IN SPENDING ON MEDICINES AND DIETARY SUPPLEMENTS IN RUSSIA: AN EMPIRICAL ANALYSIS

Liudmila S. ZASIMOVA¹ — Cand. Sci. (Econ.), Assistant Professor, Deputy Dean at the Faculty of Economic Sciences
E-MAIL: lzasimova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1278-9091>

Alisa G. KHUSAINOVA² — Junior Operating Systems Development Specialist
E-MAIL: alicekhusainova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-7265-9179>

¹ HSE University, Moscow, Russia

² Yandex LLC, Moscow, Russia

Abstract. The article examines access to medicines and dietary supplements in Russian families with different income levels in 2010—2021. Using regression analysis, the authors study both factors of refusal to purchase medicines and dietary supplements and the amount of expenses for them, justifying the need to estimate these indicators by quintile income groups. The empirical analysis is based on the RLMS-HSE data and employs Heckman models, binary choice models, and random effect models for panel data. Along with per capita household income, the authors include other relevant factors that can impact family expenditures on medicines and dietary supplements, namely: health status (multimorbidity, self-assessment of health, doctor visits), education, household composition (the presence of children and pensioners), and place of residence. The study reveals a significant difference in the per capita expenditures on medicines and dietary supple-

ется статистически значимая разница в среднедушевых расходах на лекарства и БАД у семей из разных доходных квинтилей: в 2021 г. она составила 2,8 раз между двумя крайними квинтилями. Семьи из нижнего доходного квинтиля могут отказываться от покупки лекарств и БАД по причине низкого дохода, что нехарактерно для других доходных квинтилей. Факторы здоровья значимы для всех доходных квинтилей, но их влияние растет с переходом в более высокий доходный квинтиль, тогда как для самого нижнего квинтиля доход важнее факторов здоровья. Семьи из нижнего доходного квинтиля в 2020—2021 г. существенно сокращали расходы на лекарства и БАД, несмотря на возросшую потребность в лечении из-за пандемии COVID-19. В заключении среди прочего делается вывод о необходимости проработки дополнительных механизмов лекарственного обеспечения, позволяющих реагировать на непредвиденное ухудшение финансового положения семей в периоды кризисов.

Ключевые слова: лекарственные средства, биологически активные добавки, здоровье, доходы, неравенство, пандемия COVID-19

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке Факультета экономических наук НИУ ВШЭ в рамках работы Исследовательской рабочей группы по оценке результативности программ и мер социальной политики.

Введение

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) отмечает, что недоступность лекарственной терапии является одной из самых серьезных проблем здравоохранения в глобальном масштабе, усугубляющейся как региональным, так и внутри-

ments in different income quintiles: in 2021 this difference reached 2.8 times between the fifth and the first quintiles. Families from the lowest income quintile may refuse to purchase medicines and dietary supplements due to low income, which is not typical for other income quintiles. Health factors are significant for all income quintiles, but their impact increases in higher income quintiles. On the contrary, for the lowest income quintile, income is more important than health factors. Families from the lowest income quintile experienced significant cuts in real spending on medicines and dietary supplements in 2020—2021, despite the increased need for treatment due to the COVID-19 pandemic. In conclusion, among other things, the authors highlight a necessity to develop additional mechanisms for drug provision to respond to unforeseen deterioration in the financial situation of families during periods of crisis.

Keywords: medicines, dietary supplements, health, income, inequality, COVID-19 pandemic

Acknowledgments. The paper was prepared within the Research Working Group on the Evaluation of Social Policy Programs' and Measures' Effectiveness funded by the Faculty of Economic Sciences, HSE University.

страновым неравенством [WHO, 2004]. Доступность лекарственных средств (ЛС), витаминов и биологически активных добавок (БАД) напрямую влияет на здоровье населения, поскольку лекарственная терапия и профилактика дефицита витаминов и минеральных веществ составляет основу лечения многих заболеваний. По этой причине так важно, чтобы люди с любым уровнем дохода могли приобрести необходимые им лекарства и БАД.

В большинстве развитых стран расходы населения на ЛС и некоторые БАД покрываются за счет средств частного или общественного медицинского страхования. В отличие от них, в России Программой государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи лекарственные препараты предоставляются бесплатно либо при лечении в условиях стационара, либо отдельным категориям граждан в рамках льготного лекарственного обеспечения в амбулаторных условиях. Однако льготное лекарственное обеспечение распространяется не более чем на 10 % населения России [Gerry, Kaneva, Zasimova, 2017]. В результате значительная часть бремени расходов на лекарства и БАД ложится непосредственно на домохозяйства.

В этом плане неудивительно, что предыдущие исследования потребления лекарств в России увязывают расходы на них с уровнем благосостояния домохозяйств [Засимова, Коссова, 2016; Blam, Kovalev, 2003; Zazdravnykh, Aistov, Aleksandrova, 2021]. Более того, исследования последних лет отмечают все возрастающую роль доходов в принятии решений о покупке лекарств и о величине расходов на них [Засимова, Хусаинова, 2022; Zazdravnykh, Aistov, Aleksandrova, 2021]. При этом, однако, в упомянутых исследованиях не уточняется, для каких групп населения доход является значимым сдерживающим фактором покупки ЛС и БАД и каковы различия в доступности лекарственной терапии между низкодоходными и высокодоходными группами населения.

В данной статье анализируются факторы, повлиявшие на расходы российских семей на ЛС и БАД в 2010—2021 гг., в том числе в разных квинтильных группах. Эмпирический анализ опирается на данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, позволяющие оценить вероятность отказа от покупки лекарств и БАД, а также разницу в расходах на них у семей с разным уровнем дохода. Кроме того, исследуемый период охватывает два года пандемии COVID-19, характеризовавшийся повышенным спросом на лекарства и БАД. Это позволяет проследить, насколько устойчивы факторы, влияющие на решения о расходах на ЛС и БАД разных групп населения в относительно благополучные годы и во время пандемии COVID-19.

Статья построена следующим образом. В первой части приводится краткий обзор исследований, посвященных влиянию доходов на покупку ЛС и БАД. Во второй части работы поясняется выбор методологии исследования, дается характеристика данным и переменным, отобранным для эмпирического анализа. В третьей части приводятся основные результаты, которые также соотносятся с предыдущими исследованиями. Выводы и рекомендация содержатся в заключении.

Обзор литературы

Связь доходов, здоровья, и расходов на лечение достаточно хорошо изучена. Значительное число исследований фокусируется на механизмах взаимосвязи

здоровья и доходов, а также на их эмпирическом подтверждении [Карцева, Кузнецова, 2023]. Тот факт, что благосостояние людей должно оказывать влияние на расходы на медицинские товары и услуги, подкрепляется экономической теорией. Начиная с Майкла Гроссмана [Grossman, 1972, 2000] принято считать, что инвестиции в здоровье сокращают количество пропусков работы из-за болезни, и потому более высокие доходы должны стимулировать людей расходовать больше средств на улучшение своего здоровья. В последующих эмпирических исследованиях расходы на лекарства и БАД, как правило, отдельно не рассматривались, а учитывались в совокупных расходах на лечение. Однако в двух работах внимание было уделено непосредственно расходам на лекарства. Так, Элис Санвальд и Энгельберт Тойрль [Sanwald, Theurl, 2017] отдельно оценивали эластичность по доходу для рецептурных и безрецептурных ЛС в Австрии. Как и ожидалось, расходы на безрецептурные препараты увеличивались с ростом дохода, поскольку люди платили за них из своего кармана, тогда как расходы на лекарства по рецепту покрывались за счет средств медицинского страхования. В исследовании, проведенном в Казахстане [Sari, Langenbrunner, 2001], отмечалось, что группы населения с более высокими доходами тратили на лекарства больше средств в абсолютном выражении, однако часть населения с низкими доходами расходовала на них более высокую долю своего дохода. Помимо доходов расходы на лекарства были связаны со здоровьем, наличием хронических заболеваний и проживанием в сельской местности.

Для более точного учета доходного фактора исследователи часто обращаются к анализу поведения домохозяйств из разных доходных групп, в том числе к более бедному населению. Так, Кэтрин Пэз и коллеги [Paez, Zhao, Hwang, 2009] рассмотрели связь между расходами на лекарства и медицину в 2005 г. среди жителей США и сравнили результаты с основанной на аналогичных данных работой 1996 г. За этот период расходы с поправкой на инфляцию увеличились на 39,4 % на человека, при условии, что распространенность хронических заболеваний оставалась примерно одинаковой. Авторы отмечают, что личные медицинские расходы в значительной степени выросли среди бедного населения. При этом расходы на ЛС составили большую долю среди всех расходов на медицину для людей с мультиморбидностью (несколькими хроническими заболеваниями).

В работе Дженнифер Пра Ружер и Хак-чу Ким [Ruger, Kim, 2007] на основе данных по Южной Корее за 1998 г. исследуют личные расходы семей на лекарства и медицину и приходят к выводу, что индивиды, находящиеся в различных квинтилях, характеризовались разными возможностями по оплате медицинских товаров и услуг. Так, семьи, принадлежащие квинтилю с низким уровнем дохода, тратили на медицину 12,5 % от своего дохода, следующие четыре квинтиля тратили суммарно 14 % от дохода, а квинтиль с самым высоким уровнем дохода тратил всего 2 % от дохода. Кроме того, авторы отмечали, что относительные расходы на лекарства (в процентах от дохода) увеличиваются с ростом числа хронических заболеваний. Индивиды с тремя и более неинфекционными заболеваниями в нижнем квинтиле тратят на лекарства 19,5 % от дохода, а индивиды в верхнем квинтиле — 3,5 %.

Результаты обследования 4400 семей из Китая также показали, что личные расходы на медицину увеличиваются с ростом дохода [You, Kobayashi, 2011]. При разделении индивидов на квинтили по доходу оказалось, что домохозяйства, находящиеся в самом верхнем квинтиле, тратят существенно больше, чем семьи, находящиеся в самом нижнем квинтиле. В другом исследовании на китайских данных также было показано, что расходы на здравоохранение в высокодоходной группе находятся под более сильным влиянием медицинских факторов, таких как плохое состояние здоровья, и более слабым влиянием социально-экономических факторов. И наоборот, расходы на здравоохранение в нижних доходных группах сильнее подвержены социально-экономическим факторам и слабее — факторам состояния здоровья [Zhao, Zhong, 2015].

Исследования, посвященные оценке расходов на ЛС в России, пока немногочисленны. В работе Людмилы Засимовой и Елены Коссовой [Засимова, Коссова, 2016], посвященной анализу факторов расходов на лекарства в России в 2014 г., обосновывается использование двухшаговых методов анализа расходов на ЛС и БАД. При помощи эконометрического оценивания методом Хекмана они подтвердили увеличение вероятности покупки лекарственных средств при росте дохода россиян, однако величина этого эффекта была невелика по сравнению с прочими факторами: увеличение дохода на 1 % приводило к увеличению вероятности покупки ЛС всего на 0,04 %. Возможно, столь низкий вклад фактора дохода в принятие решений о покупке ЛС был связан с тем, что авторы не изучали отдельно разные доходные группы, так как выборка была недостаточно велика для деления респондентов на квинтили. Позднее Евгений Заздравных и коллеги рассмотрели эластичность расходов российских домохозяйств на медицинские услуги (включая ЛС и БАД) по доходам за период 2006—2017 гг. и сделали вывод, что для бедных слоев населения платное лечение можно рассматривать как товары роскоши, в то время как для высокодоходных групп оно характеризуется низкой эластичностью по доходу [Zazdravnykh, Aistov, Aleksandrova, 2021]. Авторы показали, что значения эластичности по доходу не менялись в рассматриваемый период.

Непосредственно расходы на лекарства у разных доходных групп в России исследовались в работе Инны Блам и Сергея Ковалева [Blam, Kovalev, 2003], проводивших дескриптивный анализ на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ с 1994 по 2000 г. В работе отмечается, что до 1998 г. расходы домохозяйств на ЛС варьировались в пределах 2—2,4 % от дохода, а к 2000 г. они составили уже 8,1 % от дохода. При этом авторы указывают на разрыв в расходах на здравоохранение между верхними и нижним квинтилями: в рублях расходы домохозяйств из верхнего квинтиля были в два раза выше, чем у семей из нижнего квинтиля, но составляли гораздо менее существенную долю их доходов. В этом исследовании не анализировались факторы, влияющие на покупку ЛС и БАД в разных квинтилях, однако наличие ощутимых различий в расходах на них позволяет предположить, что спрос на лекарства и БАД в разных квинтильных группах формируется под воздействием различных факторов.

Таким образом, работы, выполненные на российских данных, фиксируют различия в расходах на лекарства разных доходных группах, но не объясняют, с чем

они связаны. Кроме того, все перечисленные работы выполнены на допандемийных данных. Данная статья дополняет проведенные ранее исследования: мы проверили, действительно ли факторы, влияющие на принятие решений о покупке ЛС и БАД и о величине расходов на них, различаются для разных доходных групп, и проанализировали, менялись ли эти факторы во время пандемии COVID-19.

Данные и методология исследования

Данные

В исследовании используются данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (РМЭЗ НИУ ВШЭ) за период с 2010 по 2021 г. Поскольку информация о расходах на ЛС и БАД содержится в семейном опроснике, в качестве единицы наблюдения выступают домохозяйства. Число домохозяйств в рассматриваемый период варьировалось от 4821 в 2018 г. до 6514 в 2012 г. Общее число наблюдений за весь период — 64 125.

В исследовании использовались две зависимые переменные:

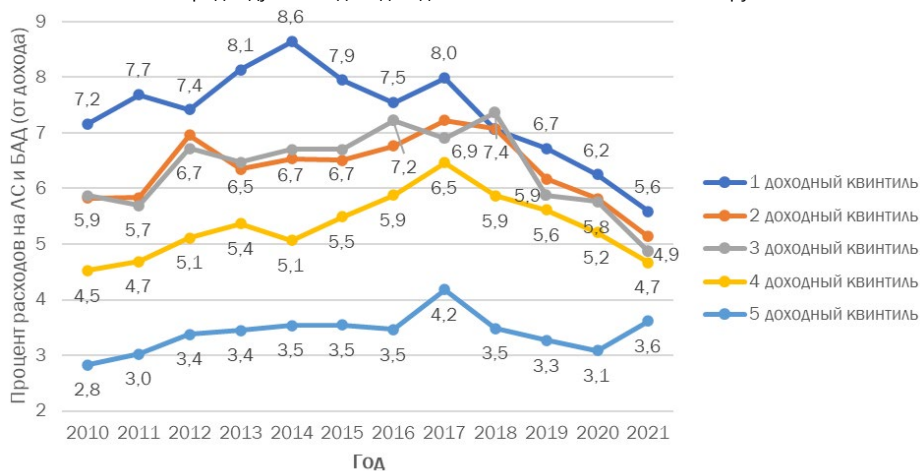
— *наличие расходов на ЛС, витамины и БАД*. Бинарная переменная, принимающая значение 1, если в течение месяца, предшествующего опросу, у домохозяйства были расходы на них, и 0 — если нет;

— *величина среднедушевых расходов на ЛС, витамины и БАД, в рублях на члена домохозяйства*. Данная переменная была скорректирована на инфляцию при помощи индекса цен на лекарства, рассчитанного на данных Росстата, и взята в логарифм.

Для исследования зависимости расходов на ЛС и БАД от доходов была построена переменная, характеризующая среднедушевые доходы домохозяйств (в рублях на члена домохозяйства). Среднедушевые доходы скорректированы на инфляцию при помощи индекса потребительских цен Росстата и взяты в логарифм. Помимо среднедушевого дохода были построены бинарные переменные, позволяющие отнести каждую семью к одному из пяти доходных квинтилей — *квинтиль 1, квинтиль 2, квинтиль 3, квинтиль 4, квинтиль 5*. Одна и та же семья в зависимости от ее текущего уровня дохода могла в один год оказаться в одной квинтильной группе, а в другой год — в другой. Границы квинтильных групп для каждого года представлены в приложении 1.

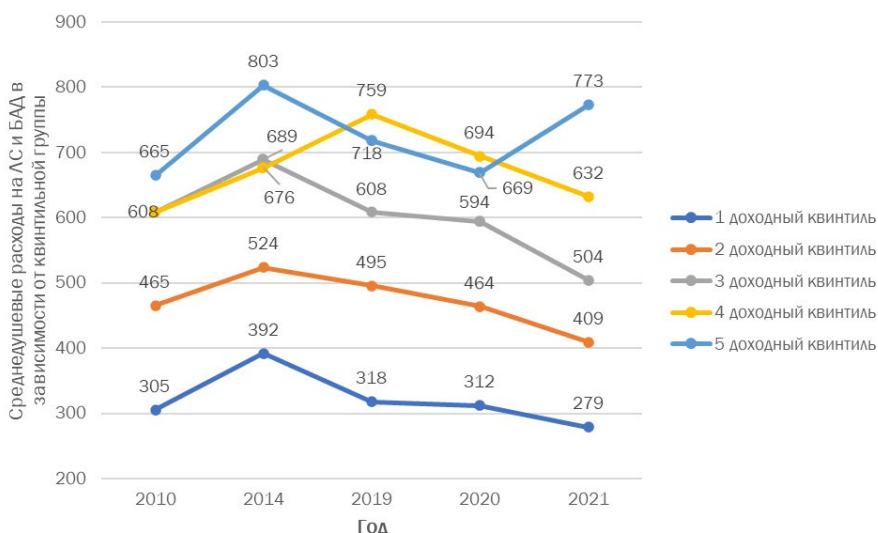
На рисунке 1 отображено, какой процент составляли среднедушевые расходы на ЛС и БАД от среднедушевых доходов домохозяйств в разных квинтильных группах. Как видно из графика, самый высокий процент наблюдался в наиболее бедных семьях, однако с 2010 по 2021 г. разрыв между верхним и нижним квинтилем сокращался, что стало особенно заметно в период пандемии COVID-19. В абсолютных значениях мы видим обратную ситуацию: высокодоходные группы тратили на ЛС намного больше низкодоходных (рис. 2). Разница в расходах между верхним и нижним квинтилями составила 2,8 раза в 2021 г., что выше, чем в предыдущие годы. Также видно, что верхний квинтиль — единственный, для которого наблюдался рост расходов на ЛС и БАД в течение всего рассматриваемого периода, в том числе в 2021 г.

Рис. 1. Среднедушевые расходы на ЛС и БАД, в % от среднедушевых доходов домохозяйств по квинтильным группам¹

Примечание: 1 — первый квинтиль с самыми низкими доходами, 2, 3, 4, 5 — последующие квинтили, где 5 — с самыми высокими доходами.

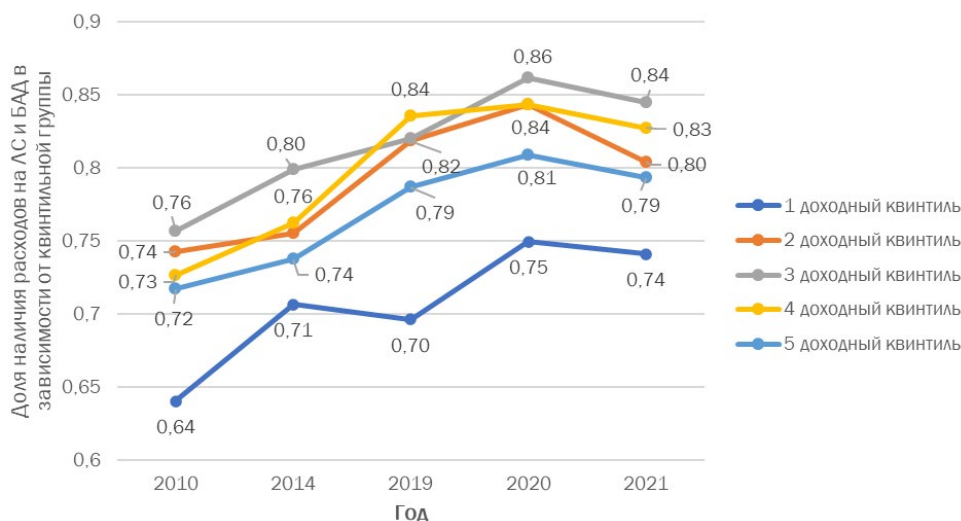
Рис. 2. Среднедушевые расходы домохозяйств на ЛС и БАД по квинтильным группам, руб. в ценах 2010 г.²

Примечание: 1 — первый квинтиль с самыми низкими доходами, 2, 3, 4, 5 — последующие квинтили, где 5 — с самыми высокими доходами.

¹ Источник: Рассчитано авторами на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ.

² Источник: Рассчитано авторами на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Рис. 3. Распределение доли семей, приобретавших ЛС и БАД, по квинтилям³

Примечание: 1 — первый квинтиль с самыми низкими доходами, 2, 3, 4, 5 — последующие квинтили, где 5 — с самыми высокими доходами.

Важно еще отметить, что семьи из нижних квинтилей реже приобретали ЛС и БАД (у них чаще наблюдаются нулевые расходы). На рисунке 3 мы видим, что в верхних четырех квинтилях доля семей, которые покупали лекарства и витамины была выше, чем в самом низком. Таким образом, можно предположить, что низший квинтиль не только меньше тратит на ЛС и БАД, но и чаще отказывается от их покупки. Чтобы подтвердить данное предположение, необходимо провести регрессионный анализ и проконтролировать на прочие важные факторы. Выбор последних основан на обзоре литературы.

Для контроля на здоровье членов домохозяйства были построены дополнительные переменные, позволяющие учесть наличие в домохозяйстве людей с множественной патологией, плохой самооценкой здоровья, а также тех, кто регулярно посещает врача. Необходимость учета этих факторов подтверждается предыдущими исследованиями. Так, положительная связь между низкой самооценкой здоровья и расходами на ЛС была выявлена во многих странах, в том числе в Казахстане, Китае и России [Sari, Langenbrunner, 2001; You, Kobayashi, 2011; Засимова, Косова, 2016]. В последнее время вместо наличия хотя бы одного хронического заболевания все чаще используется показатель множественной патологии, фиксирующий наличие двух и более хронических заболеваний у одного человека, что ассоциируется с приемом ЛС [Kaneva, Gerry, Baidin, 2018; Gerry, Kaneva, 2021; Sum et al., 2018; Засимова, Хусаинова, 2022]. Посещение врача также связывают с более высокой вероятностью покупки ЛС и БАД, так как визит к врачу часто заканчивается назначением ЛС или витаминов [Sanwald, Theurl, 2017; Brinda et al., 2012;

³ Источник: Рассчитано авторами на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Засимова, Коссова, 2016]. В РМЭЗ НИУ ВШЭ показатели здоровья содержатся в базе данных по индивидам, а не домохозяйствам. По этой причине мы сначала проанализировали данные индивидуальных ответов на вопросы о самооценке здоровья, наличии хронических заболеваний и посещении врача, а затем создали переменные для характеристики домохозяйств:

— *мультиморбидность* — бинарная переменная, отвечающая за наличие в семье хотя бы одного человека с несколькими хроническими заболеваниями (1 — имеется, 0 — отсутствует);

— *плохое здоровье* — бинарная переменная, отвечающая за наличие в семье хотя бы одного человека, оценивающего свое здоровье как плохое или совсем плохое (1 — имеется, 0 — отсутствует);

— *частое посещение врача* — бинарная переменная, отвечающая за наличие в семье хотя бы одного человека, посещающего врача ежемесячно или чаще (1 — имеется, 0 — отсутствует).

Помимо состояния здоровья, в предыдущих исследованиях было выявлено, что социально-демографические характеристики оказывают влияние на расходы на ЛС и БАД. В частности, чаще всего обнаруживалась положительная связь между расходами на лекарства и наличием пожилых людей в домохозяйстве [Gerdtham, Johannesson, 1999; Mueller, Schur, O'Connell, 1997; Засимова, Коссова, 2016], уровнем образования [Gerdtham, Johannesson, 1999; Leibowitz, 2004; Yue, Hong, 2012]. Проживание в сельской местности могло и увеличивать расходы на ЛС, как это было в Казахстане [Sari, Langenbrunner, 2001] и Вьетнаме [Van Minh et al., 2013], и снижать их, как в Швеции [Gerdtham, Johannesson, 1999], Китае [You, Kobayashi, 2011] и России [Засимова, Коссова, 2016]. Также в ряде исследований расходы на ЛС были связаны с такими характеристиками, как пол индивида и наличие детей [Gerdtham, Johannesson, 1999; Засимова, Коссова, 2016; Zazdravnykh, Aistov, Aleksandrova, 2021]. Для учета всех этих факторов были созданы следующие переменные:

— *начальное образование* — бинарная переменная, принимающая значение 1 — если в семье самый высокий уровень образования из всех ее членов — начальное образование, и 0 — если иначе;

— *среднее образование* — бинарная переменная, принимающая значение 1, если в семье самый высокий уровень образования из всех ее членов — средний, и 0 — если иначе;

— *высшее образование* — бинарная переменная, отвечающая за наличие в семье хотя бы одного человека с высшим образованием (оконченным или неоконченным) и/или научной степенью, и 0 — если иначе;

— *наличие пенсионера* — бинарная переменная, отвечающая за наличие в семье хотя бы одного пенсионера, для 2010—2019 гг. пенсионный возраст для мужчины равен 60 лет и для женщины — 55 лет, для 2020 г. — для женщин 56 лет, для мужчин 61 год, для 2021 г. — для женщин 58 лет, для мужчин 63 года;

— *наличие ребенка* — бинарная переменная, отвечающая за наличие в семье хотя бы одного ребенка до 14 лет включительно;

— *проживание в городе* — бинарная переменная, отражающая проживание в городской (1) или сельской (0) местности.

Поскольку в 2020—2021 гг. пандемия COVID-19 оказала серьезное влияние на здоровье людей, их доходы, образ жизни, было необходимо учесть вклад данного фактора. По данным исследователей из других стран, во время пандемии спрос на ЛС и БАД был подвержен воздействию разнонаправленных факторов. С одной стороны, сократились посещения врачей, и, соответственно, выписывалось меньше ЛС, люди откладывали лечение [Czeisler et al., 2020; Muschol, Gissel, 2021]. С другой стороны, появлялась информация о пользе тех или иных ЛС и БАД, что стимулировало их продажи [Ahn, Kim, Koh, 2022]. Кроме того, в годы пандемии COVID-19 росла заболеваемость как непосредственно коронавирусной инфекцией, так и спровоцированными ею болезнями [Jiang, McCoy, 2020]. В целом, в большинстве исследований отмечается, что суммарный эффект пандемии привел к росту расходов на ЛС и БАД. Для контроля на эффект пандемии были созданы две переменные для 2020 и 2021 гг. соответственно.

Также в модели была включена техническая количественная переменная — *ИПЦ региона* для учета регионального эффекта. Она отражает региональный индекс потребительских цен в зависимости от региона проживания домохозяйства и года наблюдения и позволяет таким образом контролировать региональные отличия.

Описательные статистики переменных представлены в Приложениях 2 и 3. В среднем с 2010 по 2021 г. 76% семей покупали лекарства и витамины в течение 30 дней, предшествовавших опросу, и тратили по 600 руб. на одного члена домохозяйства в ценах 2010 г. При этом среднедушевой доход домохозяйства составлял 12 500 руб. в ценах 2010 г. Несмотря на большую долю семей, в составе которых были люди с мультиморбидностью, только 26% семей имели в своем составе людей, оценивавших свое состояние здоровья как плохое и очень плохое. И всего лишь в 21% семей были люди, посещавшие врача на регулярной основе. Чаще всего встречались семьи, в которых самый высокий уровень образования их членов соответствовал среднему образованию. В 55% семей был хотя бы один пенсионер, тогда как лишь в 29% семей имелся хотя бы один ребенок до 14 лет включительно.

Методология исследования

Представляемое исследование состояло из нескольких этапов.

1. Оценка вероятности и величины расходов на ЛС и БАД в зависимости от принадлежности к квинтильной группе для каждого года отдельно при помощи модели Хекмана. В разделе «Результаты» представлены оценки для 2010 г. как самого первого года, 2014 г. как года кризиса, 2019 г. как года перед пандемией и 2020—2021 гг. как лет пандемии.

2. Оценка вероятности расходов на ЛС и БАД в зависимости от принадлежности к квинтильной группе на панельных данных (2010—2021 гг.) при помощи логит-модели со случайными эффектами.

3. Оценка модели со случайными эффектами для величины расходов на ЛС и БАД в зависимости от принадлежности к квинтильной группе на панельных данных (2010—2021 гг.) на подвыборке из тех домохозяйств, что имели расходы на ЛС и БАД.

4. Оценка вероятности расходов на ЛС и БАД в зависимости от среднедушевых доходов для каждой из пяти квинтильных групп на панельных данных (2010—2021 гг.) при помощи логит-модели со случайными эффектами.

5. Оценка модели со случайными эффектами для величины расходов на ЛС и БАД в зависимости от среднедушевых доходов на панельных данных (2010—2021 гг.) на подвыборке из тех домохозяйств, что имели расходы на ЛС и БАД.

Поясним подробнее выбранную методологию. На первом этапе исследования необходимо было убедиться, что нахождение семьи в том или ином доходном квинтиле оказывает значимое влияние на решение о покупке ЛС и БАД. Поэтому сначала были оценены модели, где в качестве независимых переменных включались квинтильные группы. Эти модели были построены для каждого года отдельно, чтобы можно было проследить изменения, произошедшие в годы пандемии COVID-19. Для оценивания использовалась модель Хекмана [Hekman, 1976, 1979], позволяющая учесть большое число нулевых ответов на вопрос о покупке ЛС. Как видно из рисунка 3, в каждый год примерно 20% семей не покупали ЛС, таким образом, имеется смещение выборки. Модель Хекмана учитывает это смещение: на первом этапе оценивается вероятность покупки ЛС и БАД (уравнение отбора), а на втором — величина расходов на них с учетом корректировки на нулевые ответы (уравнение результата).

Помимо оценок, проведенных для каждого года, мы рассмотрели, сохраняются ли полученные выводы для всего периода в целом, но уже без применения модели Хекмана. Для этого на панельных данных были построены логистические регрессии для всей выборки (оценка вероятности расходов на ЛС) и рассчитаны значения отношения шансов для всех коэффициентов.

Далее во избежание смещения оценок коэффициентов, а также для фокуса только на тех семьях, что имели расходы на ЛС и БАД, были оценены модели со случайными эффектами на данной подвыборке, позволяющие определить зависимость расходов на ЛС и БАД от нахождения в той или иной квинтильной группе. Модель со случайными эффектами оказалась предпочтительнее модели с фиксированными эффектами, поскольку последняя приводит к серьезному истощению выборки. Кроме того, мы предпочли модель со случайными эффектами, так как объект наблюдения (домохозяйство) изменчив во времени (меняется его состав, статусы членов семьи и распределение ролей внутри семьи).

Забегая вперед, отметим, что во всех моделях коэффициенты при переменных, отвечающих за квинтили, оказались значимы, поэтому на втором этапе были оценены модели расходов на ЛС отдельно для каждой квинтильной группы. Оценивалась как вероятность расходов (при помощи панельных логит-моделей на панельных данных), так и величина расходов на ЛС и БАД (при помощи моделей со случайными эффектами). Расчеты проводились в статистическом пакете Stata 14.

Результаты

В таблице 1 представлены результаты оценки расходов на ЛС и БАД при помощи модели Хекмана. Для экономии места мы приводим оценки за отдельные годы (за другие годы, находящиеся в фокусе нашего внимания, они принципиально не отличаются). Заметно, что во все годы наблюдений принадлежность семьи

к той или иной квинтильной группе была связана с величиной расходов на ЛС. При этом величина коэффициента при переменных, отвечающих за квинтильные группы, увеличивалась при переходе от группы с низкими доходами к группе с более высокими доходами. Так, например, в 2021 г. нахождение семьи во второй квинтильной группе увеличивало среднедушевые расходы на ЛС и БАД на 16% по сравнению с первой, самой низкодоходной группой; нахождение в третьей группе — на 27%; в четвертой — на 43%; а пятой, с самыми высокими доходами, — на 58%. Показатели при коэффициентах за рассматриваемые годы варьировались несильно. Это означает, что нахождение в низкодоходных группах в любые годы, в том числе в годы пандемии COVID-19, ассоциировалось с более низкими расходами на ЛС и БАД.

Следует отметить, что факторы здоровья (наличие в домохозяйстве людей с мультиморбидностью, низкой самооценкой здоровья и/или регулярно посещающих врача) положительно связаны с величиной расходов на лекарства. Среди других значимых факторов — наличие в семье лиц пенсионного возраста (приводит к росту расходов на ЛС и БАД) и наличие среднего или высшего образования хотя бы у одного из членов домохозяйства (снижает величину расходов на ЛС и БАД), что соответствует теоретическим положениям модели М. Гроссмана [Grossman, 1972]. Уровень урбанизации был значимым фактором только в 2021 г.: городское население больше тратило на ЛС и БАД по сравнению с сельским во второй год пандемии (2021 г.). Это может быть связано с доступностью лекарственного обеспечения и врачебной помощью, которая лучше развита в городах, предоставляющих больше возможностей для интернет-торговли ЛС и БАД.

В таблице 2 приведены результаты анализа двух моделей. В столбце (1) даны коэффициенты, полученные при оценивании панельной логит-модели для вероятности покупки ЛС и БАД. Поскольку по коэффициентам можно судить лишь о направлении связи, но не о ее величине, в столбце (2) даны значения отношения шансов. В третьем столбце таблицы 2 приведены показатели коэффициентов при переменных в модели со случайными эффектами, оценивающей величину расходов на ЛС и БАД. Таким образом, можно сравнить, какие факторы влияли на наличие расходов на ЛС и БАД, а какие — на размер расходов.

Как видно из таблицы 2, нахождение в более высоких квинтильных группах способствовало покупке ЛС и БАД. Так, для семей из второй квинтильной группы вероятность покупки ЛС и БАД была в 1,26 раза выше, чем у семей из самого низкодоходного квинтиля. А для семей из 3—5 квинтилей вероятность покупки в сравнении с первым квинтилем была выше примерно в 1,5 раза. Следует отметить, что на вероятность покупки ЛС и БАД гораздо сильнее, чем принадлежность к квинтильной группе, влияли факторы, характеризующие здоровье членов домохозяйства. Например, при наличии в семье человека с мультиморбидностью или плохой самооценкой здоровья вероятность покупки ЛС и БАД возрастала в 2,46 и 2,25 раза соответственно по сравнению с семьями, в которых таковых не было.

Таблица 1. Результаты регрессионного анализа взаимосвязи среднедушевых расходов на лекарства и БАД и принадлежности к квинтильным доходным группам (коэффициенты уравнения результата модели Хекмана)

Название переменной	2010 г.		2014 г.		2019 г.		2020 г.		2021 г.	
	Уравнение результата	Уравнение отбора	Уравнение отбора	Уравнение отбора	Уравнение результата	Уравнение отбора	Уравнение результата	Уравнение отбора	Уравнение результата	Уравнение отбора
Квинтиль 2	0,173*** (0,0531)	0,171*** (0,0533)	0,101* (0,0590)	0,057 (0,0670)	0,178*** (0,0593)	0,261*** (0,0729)	0,182*** (0,0562)	0,158** (0,0746)	0,161*** (0,0621)	0,124 (0,0808)
Квинтиль 3	0,383*** (0,0563)	0,229*** (0,0571)	0,304*** (0,0600)	0,223*** (0,0694)	0,354*** (0,0595)	0,265*** (0,0737)	0,339*** (0,0561)	0,285*** (0,0757)	0,265*** (0,0599)	0,247*** (0,0787)
Квинтиль 4	0,461*** (0,0589)	0,189*** (0,0589)	0,352*** (0,0606)	0,0815 (0,0693)	0,525*** (0,0599)	0,287*** (0,0752)	0,448*** (0,0570)	0,226*** (0,0757)	0,433*** (0,0594)	0,107 (0,0777)
Квинтиль 5	0,666*** (0,0603)	0,252*** (0,0597)	0,593*** (0,0629)	0,157** (0,0711)	0,641*** (0,0628)	0,232*** (0,0766)	0,565*** (0,0611)	0,206** (0,0800)	0,580*** (0,0618)	0,099 (0,0799)
Мультиморбидность	0,106** (0,0431)	0,475*** (0,0417)	0,138** (0,0544)	0,601*** (0,0477)	0,151*** (0,0499)	0,600*** (0,0500)	0,206*** (0,0424)	0,495*** (0,0512)	0,210*** (0,0450)	0,446*** (0,0500)
Плохое здоровье	0,146*** (0,0456)	0,392*** (0,051)	0,263*** (0,0455)	0,403*** (0,0604)	0,215*** (0,0440)	0,508*** (0,0714)	0,206*** (0,0419)	0,385*** (0,0728)	0,200*** (0,0440)	0,608*** (0,0777)
Частое посещение врача	0,199*** (0,0431)	0,265*** (0,0499)	0,298*** (0,0449)	0,219*** (0,0602)	0,301*** (0,0413)	0,240*** (0,0643)	0,167*** (0,0448)	0,163** (0,0738)	0,241*** (0,0436)	0,263*** (0,0726)
Среднее образование	-0,20*** (0,0590)	-0,072 (0,0632)	-0,22*** (0,0636)	-0,074 (0,0801)	-0,27*** (0,0667)	-0,080 (0,0942)	-0,27*** (0,0673)	0,112 (0,0955)	-0,24*** (0,0678)	0,0814 (0,0955)
Высшее образование	-0,24*** (0,0631)	0,044 (0,0679)	-0,29*** (0,0679)	0,025 (0,0854)	-0,38*** (0,0698)	0,148 (0,0995)	-0,3*** (0,0705)	0,258** (0,100)	-0,28*** (0,0708)	0,248** (0,0995)
Региональный ИПЦ	0,0130 (0,0190)	-0,04** (0,0193)	0,026* (0,0144)	0,0314* (0,0163)	-0,0685* (0,0362)	-0,0100 (0,0476)	-0,0467* (0,0249)	0,0358 (0,0345)	-0,0217 (0,0165)	-0,0166 (0,0230)
Наличие пенсионера	0,0471 (0,0414)	0,197*** (0,0414)	0,161*** (0,0447)	0,280*** (0,0490)	0,225*** (0,0433)	0,359*** (0,0525)	0,210*** (0,0413)	0,492*** (0,0539)	0,199*** (0,0413)	0,436*** (0,0516)
Наличие ребенка	-0,36*** (0,0429)	0,295*** (0,0424)	-0,39*** (0,0452)	0,36*** (0,0514)	-0,552*** (0,0446)	0,32*** (0,0585)	-0,59*** (0,0431)	0,30*** (0,0588)	-0,50*** (0,0435)	0,26*** (0,0572)
Проживание в городе	0,0638 (0,0427)	0,050 (0,0429)	0,0574 (0,0442)	0,0346 (0,0506)	-0,0517 (0,0417)	0,114** (0,0532)	0,0135 (0,0402)	-0,001 (0,0558)	0,131*** (0,0391)	-0,122** (0,0545)
Константа	4,335** (2,040)	4,124** (2,087)	2,875* (1,601)	-3,642** (-2,01)	12,79*** (3,772)	0,791 (4,963)	10,5*** (2,620)	-3,861 (3,620)	7,831*** (1,788)	1,823 (2,499)
rho = 0: chi2(1) =	12,59		9,51		9,55		21,57		6,78	
prob > chi2 =	0,0004		0,0020		0,0020		0,0000		0,0092	
Число наблюдений	5871		4640		4595		4526		4566	

Примечание. *** $p < 0,01$; ** $p < 0,05$; * $p < 0,1$. Стандартные ошибки в скобках.

Источник: расчеты авторов на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2010—2021 гг.

Таблица 2. Результаты регрессионного анализа вероятности и величины среднедушевых расходов на лекарства в зависимости от принадлежности к квинтильным доходным группам

Название переменной	(1)	(2)	(3)
	Вероятность расходов (логит-регрессия)	Отношение шансов для вероятности расходов	Модель со случайными эффектами
Квинтиль 2	0,235*** (0,0393)	1,264*** (0,0497)	0,130*** (0,0150)
Квинтиль 3	0,419*** (0,0419)	1,520*** (0,0637)	0,265*** (0,0157)
Квинтиль 4	0,345*** (0,0431)	1,411*** (0,0608)	0,356*** (0,0164)
Квинтиль 5	0,384*** (0,0453)	1,468*** (0,665)	0,485*** (0,0177)
Мультиморбидность	0,901*** (0,0289)	2,462*** (0,0711)	0,235*** (0,0114)
Плохое здоровье	0,812*** (0,0394)	2,253*** (0,0887)	0,258*** (0,0115)
Частое посещение врача	0,538*** (0,0375)	1,712*** (0,0642)	0,263*** (0,0111)
Среднее образование	-0,0943* (0,0564)	0,910* (0,0512)	-0,221*** (0,0217)
Высшее образование	0,145** (0,0611)	1,156** (0,0706)	-0,248*** (0,0237)
Региональный ИПЦ	-0,0164*** (0,00384)	0,983*** (0,0037)	-0,00187 (0,00135)
Наличие пенсионера	0,608*** (0,0342)	1,835*** (0,0628)	0,220*** (0,0136)
Наличие ребенка	0,504*** (0,0353)	1,656*** (0,0584)	-0,327*** (0,0138)
Проживание в городе	0,0842* (0,0434)	1,087* (0,0471)	0,104*** (0,0191)
Год 2020	0,495*** (0,0481)	1,641*** (0,0789)	-0,00200 (0,0149)
Год 2021	0,420*** (0,0468)	1,522*** (0,0712)	-0,0229 (0,0152)
Константа	0,495*** (0,0481)		-0,00200 (0,0149)
Число наблюдений	60 731	60 731	46 042
R-квадрат			0,2141
Число уникальных д/х	10 183	10 183	9 299

Примечание. *** $p < 0,01$; ** $p < 0,05$; * $p < 0,1$. Стандартные ошибки в скобках.

Источник: расчеты автора на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2010—2021 гг.

Столбец (3) таблицы 2 подтверждает закономерности, обнаруженные для каждого изученного года: в целом за весь период наблюдений принадлежность к разным квинтильным группам была важным фактором, определявшим величину расходов на ЛС и БАД. В среднем за исследуемый период семьи из второй квинтильной группы тратили на ЛС и БАД на 13 % больше, чем самые низкодоходные домохозяйства, из третьей — на 26,5 %, из четвертой — на 35,6 %, из пятой — на 48,5 %.

Как видно из таблиц 1 и 2, нахождение домохозяйств в разных квинтильных группах связано с величиной расходов на ЛС и БАД, и потому целесообразно рассмотреть, как формируются расходы на ЛС и БАД отдельно в каждой квинтильной группе. Ниже (табл. 3) представлены отношения шансов для моделей панельных

логистических регрессий для каждого доходного квинтиля. Они показывают, какие факторы влияли на вероятность покупки ЛС и БАД в разных доходных группах. По результатам регрессионного анализа, среднедушевой доход оказывает значимое влияние на вероятность покупки ЛС и БАД только в самом нижнем доходном квинтиле: чем ниже доход в бедных домохозяйствах, тем выше вероятность отказа от покупки лекарственных средств. Если пересчитать значения дохода из логарифма в абсолютные значения ($e^{\ln(1,557) \cdot \ln(1,01)} = 1,0044$), получим, что рост дохода в нижнем квинтиле на 1 % увеличивает шансы на покупку ЛС и БАД на 0,44 %.

Таблица 3. Результаты регрессионного анализа вероятности расходов на лекарства и БАД для квинтильных доходных групп (отношения шансов, рассчитанные для панельных логит-моделей)

Название переменной	Квинтиль 1	Квинтиль 2	Квинтиль 3	Квинтиль 4	Квинтиль 5
Натуральный логарифм среднедушевых доходов домохозяйства	1,557*** (0,0999)	0,764 (0,2569)	1,534 (0,6330)	1,719 (0,5750)	1,100 (0,0837)
Мультиморбидность	2,391*** (0,1438)	2,660*** (0,1766)	2,986*** (0,2100)	2,979*** (0,2049)	2,836*** (0,1754)
Плохое здоровье	2,371*** (0,1875)	2,400*** (0,2021)	2,220*** (0,1976)	2,626*** (0,2461)	2,415*** (0,2522)
Частое посещение врача	1,781*** (0,1479)	1,850*** (0,1613)	1,620*** (0,1407)	1,755*** (0,1530)	1,833*** (0,1526)
Среднее образование	0,974 (0,0946)	0,892 (0,1019)	0,739** (0,0933)	0,965 (0,1310)	1,227 (0,2044)
Высшее образование	1,155 (0,1324)	1,048 (0,1312)	1,009 (0,1352)	1,098 (0,1538)	1,729*** (0,2902)
Региональный ИПЦ	0,984* (0,0080)	0,977*** (0,0090)	0,988 (0,0094)	0,982* (0,0094)	0,991 (0,0088)
Наличие пенсионера	1,502*** (0,1078)	2,057*** (0,1569)	2,065*** (0,1593)	1,991*** (0,1491)	1,664*** (0,1113)
Наличие ребенка	1,812*** (0,1166)	1,689*** (0,1291)	1,809*** (0,1465)	1,947*** (0,1632)	1,869*** (0,1566)
Проживание в городе	1,168** (0,0815)	1,049 (0,0817)	1,075 (0,0902)	1,052 (0,0981)	1,056 (0,1041)
Год 2020	1,532*** (0,1646)	1,798*** (0,2101)	1,871*** (0,2203)	1,670*** (0,0981)	1,385*** (0,1498)
Год 2021	1,575*** (0,1889)	1,692*** (0,2069)	1,759*** (0,1991)	1,452*** (0,1507)	1,184* (0,1155)
Число наблюдений	12 168	12 131	12 124	12 154	12 154
Число уникальных д/х	3 860	4 868	5 131	5 008	4 347

Примечание. *** $p < 0,01$; ** $p < 0,05$; * $p < 0,1$. Стандартные ошибки в скобках.

Источник: расчеты авторов на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2010—2021 гг.

Из таблицы 3, где представлены оценки моделей для каждой доходной группы в отдельности, мы также видим, что на вероятность покупки ЛС и БАД сильное влия-

ние оказывает состояние здоровья членов домохозяйства: для семей из всех квинтилей самые высокие значения отношения шансов получены для факторов множественности и наличия членов семьи с плохой самооценкой здоровья. Кроме того, как и ожидалось, в 2020—2021 гг. вероятность расходов на ЛС и БАД была выше во всех доходных группах. Важными предикторами расходов на ЛС и БАД можно считать наличие пенсионеров и детей в семье, а также регулярные обращения к врачу. Высшее образование способствует росту вероятности покупки ЛС только у самого высокого доходного квинтиля, тогда как проживание в городе является значимым фактором лишь среди семей, принадлежащих первому квинтилю.

Таблица 4. Результаты регрессионного анализа среднедушевых расходов на лекарства и БАД для квинтильных доходных группы (оценки коэффициентов для моделей со случайными эффектами)

Название переменной	Квинтиль 1	Квинтиль 2	Квинтиль 3	Квинтиль 4	Квинтиль 5
Натуральный логарифм среднедушевых доходов домохозяйства	0,218*** (0,0298)	0,543*** (0,113)	0,197 (0,132)	0,0223 (0,112)	0,250*** (0,0290)
Мультиморбидность	0,204*** (0,0253)	0,253*** (0,0250)	0,277*** (0,0253)	0,235*** (0,0257)	0,279*** (0,0251)
Плохое здоровье	0,233*** (0,0269)	0,240*** (0,0236)	0,264*** (0,0238)	0,320*** (0,0248)	0,323*** (0,0294)
Частое посещение врача	0,301*** (0,0277)	0,304*** (0,0242)	0,288*** (0,0233)	0,271*** (0,0240)	0,224*** (0,0259)
Среднее образование	-0,0643 (0,0415)	-0,230*** (0,0405)	-0,215*** (0,0416)	-0,362*** (0,0465)	-0,377*** (0,0710)
Высшее образование	-0,0345 (0,0489)	-0,313*** (0,0450)	-0,261*** (0,0447)	-0,414*** (0,0484)	-0,344*** (0,0712)
Региональный ИПЦ	0,00204 (0,00320)	-0,00383 (0,00295)	-0,00151 (0,00297)	-0,00411 (0,00307)	0,000946 (0,00333)
Наличие пенсионера	0,165*** (0,0296)	0,228*** (0,0285)	0,297*** (0,0292)	0,277*** (0,0284)	0,155*** (0,0269)
Наличие ребенка	-0,294*** (0,0276)	-0,334*** (0,0281)	-0,370*** (0,0292)	-0,321*** (0,0304)	-0,238*** (0,0323)
Проживание в городе	0,0544* (0,0317)	0,00843 (0,0311)	0,0555* (0,0326)	0,0848** (0,0360)	0,0569 (0,0425)
Год 2020	-0,0885** (0,0383)	0,0188 (0,0326)	0,0152 (0,0317)	-0,00253 (0,0324)	-0,00560 (0,0375)
Год 2021	-0,110** (0,0439)	-0,0451 (0,0378)	-0,0573* (0,0330)	0,0171 (0,0318)	-0,0110 (0,0354)
Константа	3,077*** (0,430)	1,011 (1,065)	3,882*** (1,267)	6,004*** (1,117)	3,361*** (0,466)
Число наблюдений	8 252	9 305	9 699	9 525	9 261
Число уникальных д/х	3 186	4 137	4 395	4 270	3 683
R-квадрат	0,1480	0,1930	0,2124	0,2011	0,1208

Примечание. *** $p < 0,01$; ** $p < 0,05$; * $p < 0,1$. Стандартные ошибки в скобках.

Источник: расчеты авторов на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2010—2021 гг.

Таким образом, можно предположить, что низкий доход является фактором отказа от покупки ЛС и БАД только в самом нижнем квинтиле. При этом он может оказывать сдерживающее влияние на сумму расходов на ЛС и БАД и в других квинтилях. Об этом, в частности, свидетельствуют результаты анализа моделей со случайными эффектами, рассчитанные для всех доходных квинтилей (см. табл. 4).

Анализ среднедушевых расходов домохозяйств на ЛС и БАД показывает, что фактор дохода оказывает влияние как на семьи из двух низших доходных квинтилей, так и, наоборот, на семьи из пятого квинтиля: чем выше среднедушевые доходы в этих группах, тем больше семьи готовы тратить на ЛС и БАД. Таким образом, семьи из первого квинтиля чаще отказываются от покупки лекарств и БАД при совсем низких доходах, а если все-таки их покупают, то платят в соответствии со своими доходами (они могут приобретать только самые необходимые ЛС, либо самые доступные аналоги). Семьи из второго квинтиля не отказываются от покупки ЛС при снижении дохода, однако, так же, как и семьи из первого квинтиля, при покупке ЛС и БАД вынуждены экономить. Средние квинтили (3 и 4) не подвержены влиянию дохода на расходы на ЛС. Что касается самого высокодоходного квинтиля, то с ростом среднедушевых доходов растут и расходы на ЛС и БАД. Можно предположить, что самые обеспеченные семьи начинают наращивать данную статью расходов за счет дорогостоящих БАД, тогда как ЛС приобретаются по мере необходимости. Однако данное предположение нуждается в дополнительном изучении.

Важно отметить, что в период пандемии COVID-19 семьи из первого квинтиля были вынуждены сократить расходы на ЛС и БАД. Ранее мы отмечали, что вероятность покупки ЛС и БАД выросла во всех группах, однако только в первом квинтиле она сопровождалась снижением расходов на них. Это означает, что при росте потребности в лекарственной терапии в 2020—2021 гг. самые бедные домохозяйства сокращали данную статью расходов, так как сильнее других испытали на себе экономические последствия кризиса, вызванного пандемией COVID-19.

Наличие проблем со здоровьем у членов домохозяйства на протяжении всего периода является стабильным фактором роста расходов на ЛС и БАД, так же, как и проживание в домохозяйстве лиц пенсионного возраста. В среднем, если в домохозяйстве имеются индивиды с мультиморбидностью, это увеличивает расходы на ЛС и БАД на 20—28 п. п. в зависимости от квинтиля, а при наличии индивидов с плохой самооценкой здоровья — на 23—32,3 п. п. Причем чем выше квинтиль, тем выше вклад факторов здоровья. Регулярное посещение врача оказывает существенное влияние на расходы на ЛС и БАД, особенно оно заметно в нижних квинтильных группах.

Наличие образования снижает расходы на ЛС и БАД во всех доходных группах, кроме нижнего квинтиля. Это связывается с тем фактом, что образованные люди лучше обрабатывают информацию и принимают более эффективные решения, покупая необходимые им ЛС и БАД по оптимальной цене.

Хотя ранее было получено, что наличие детей в домохозяйстве повышает вероятность покупки ЛС и БАД (табл. 3), мы видим, что эта статья расходов в семьях с детьми ниже, чем в семьях без детей. Скорее всего в семьях с детьми в целом более молодые и, соответственно, более здоровые взрослые члены домохозяйства, не нуждающиеся в дорогостоящей лекарственной терапии.

Таким образом, факторы, характеризующие состояние здоровья и состав домохозяйств, действуют в одном направлении в семьях с разным уровнем дохода, однако вклад этих факторов выше в домохозяйствах из более высоких доходных квинтилей. При этом мы наблюдаем различия в отношении таких факторов, как доходы и образование, значимость которых проявляется по-разному для разных квинтильных групп. Кроме того, пандемия COVID-19 лишь усугубила эти различия.

Заключение

В данной статье мы рассматривали факторы, влияющие на вероятность и величину среднедушевых расходов на ЛС и БАД в зависимости от среднедушевых доходов домохозяйств. В статье проанализированы данные за отдельные годы, а также за весь исследуемый период с 2010 по 2021 г., затрагивающий кризис, вызванный пандемией COVID-19. Мы стремились понять, насколько устойчивы факторы, объясняющие расходы на ЛС во времени для разных квинтильных групп, и каким образом пандемия COVID-19 повлияла на поведение домохозяйств на рынке ЛС и БАД.

Наше предположение состояло в том, что доходы будут играть существенную роль для семей, находящихся в низших доходных квинтилях, однако мы не ожидали обнаружить столь большую разницу между квинтильными группами. Так, семьи из первого квинтиля вынуждены чаще отказываться от покупки ЛС и БАД, а их расходы на лекарства существенно ниже расходов других домохозяйств и гораздо больше подвержены влиянию фактора дохода. Проблема доступности лекарственной терапии стоит и перед семьями, находящимися во втором квинтиле. Они хоть и не отказываются совсем от покупки ЛС из-за низких доходов, но так же, как и семьи из первого квинтиля, вынуждены экономить, выбирая ЛС и БАД. Как и ожидалось, вероятность покупки ЛС и БАД во время пандемии выросла у семей с любым уровнем дохода. Это наблюдение соответствует общемировым тенденциям [Ahn, Kim, Koh, 2022; Jiang, McCoy, 2020]. Между тем, для самых бедных российских семей 2020 и 2021 гг. оказались временем, когда они были вынуждены существенно сокращать расходы на ЛС и БАД, даже несмотря на возросшую потребность в лечении.

Анализ по годам лишь подтвердил сохранение проблемы неравного доступа к ЛС и БАД, которая усугубилась в период пандемии COVID-19. В 2010—2021 гг. семьи из самой низкой доходной группы чаще приобретали лекарства, но были вынуждены экономить на них гораздо сильнее, чем в прошлые годы, снижая размер среднедушевых расходов на них. Это могло происходить как за счет отказа от каких-либо видов ЛС и БАД в пользу только самых необходимых, так и за счет выбора наиболее дешевых аналогов.

В ходе изучения роли доходов в принятии решения о покупке ЛС и БАД было замечено, что факторы, характеризующие состояние здоровья семей в разных квинтилях, действуют однонаправленно: чем хуже здоровье по разным показателям, тем выше вероятность покупки ЛС и выше расходы на них. При этом чем выше квинтиль, тем сильнее вклад факторов состояния здоровья, тогда как для самого нижнего квинтиля доход является наиболее важным сдерживающим фактором расходов на ЛС и БАД. Этот вывод хорошо согласуется с результатами ис-

следования, проведенного в Китае, где также утверждается, что для низкодоходных групп расходы на медицину определяются не столько состоянием здоровья, сколько доходами [Zhao, Zhong, 2015].

Данное исследование имеет несколько ограничений. Первое состоит в том, что зависимая переменная включает в себя и лекарственные препараты, и биологически активные добавки. При наличии соответствующих данных было бы полезным разделить эти две группы товаров и отдельно оценить факторы спроса на них. Второе ограничение связано с тем, что данные о расходах на ЛС и БАД содержатся в базе данных домохозяйств, что не позволяет отследить, кто именно из членов домохозяйства является потребителем ЛС и БАД. Это существенно снижает возможности для анализа по разным группам индивидов и учета ряда индивидуальных факторов, таких как возраст, профессия и т. д. Наконец, изучение расходов на ЛС и БАД по доходным квинтилям на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ ограничено структурой самой выборки, которая смещена в сторону низкодоходных групп. Это затрудняет исследование расходов на ЛС и БАД в верхних квинтилях, но довольно хорошо отражает ситуацию с нижними и средними квинтилями. Кроме того, при разделении домохозяйств на квинтильные группы мы не нормировали их доходы на региональный прожиточный минимум. Последнее могло привести к тому, что в высокодоходном квинтиле было бы больше домохозяйств из богатых регионов. Данное ограничение частично сглажено за счет включения в эконометрические модели региональных ИПЦ и места проживания.

Учитывая перечисленные выше ограничения, можно обозначить ряд важных практических выводов из проведенного исследования. Так, на протяжении всего рассматриваемого периода наблюдалось неравенство в доступе к ЛС и БАД в зависимости от дохода, и это неравенство усугубилось в период пандемии COVID-19. Мы не можем безоговорочно утверждать, что семьи из низших доходных квинтилей, расходуя меньше средств на ЛС и БАД, обязательно потребляют их в недостаточном объеме или покупают продукцию худшего качества. Многие ЛС и БАД представлены разными производителями и цены на препараты-дженерики могут отличаться от стоимости оригинальных препаратов в несколько раз. Возможно, высокодоходные группы покупают ЛС и БАД более дорогих производителей, переплачивая одновременно за бренд и качество. Поэтому важным дополнением к нашему исследованию было бы проведение опроса, позволяющего оценить неудовлетворенную потребность в ЛС и БАД семей из низкодоходных групп. Чтобы обезопасить семьи с низкими доходами от вынужденного отказа от лекарственной терапии, важно предусмотреть механизмы поддержки, такие как бесплатное лекарственное обеспечение, например, за счет расширения сферы охвата льготного лекарственного обеспечения. Также, учитывая роль фактора образования, важно предусмотреть программы, повышающие грамотность населения в отношении применения лекарственной терапии и использования БАД для профилактики заболеваний. В целом, учитывая высокий вклад факторов, характеризующих состояние здоровья, принятие решений о расходах на ЛС и БАД важно проводить в разрезе не только домохозяйств, но и индивидов, с тем, чтобы можно было изучить расходы на ЛС и БАД в зависимости от индивидуальных факторов, учитывающих группы заболеваний, риск-факторы им сопутствующие, а также индиви-

дуальные социально-экономические факторы. Это поможет оценить потребность в лекарственной терапии домохозяйств из низкодоходных квинтилей и рассчитать необходимый бюджет для ее удовлетворения.

Список литературы (References)

Засимова Л. С., Коссова Е. В. Расходы населения России на лекарственные средства: эмпирический анализ // Прикладная эконометрика. 2016. Т. 42. № 2. С. 75—99. URL: <https://ideas.repec.org/a/ris/apltrx/0292.html> (дата обращения: 20.12.2023).

Zasimova L. S., Kossova E. V. (2016) Expenditures of the Russian Population on Medicines: An Empirical Analysis. *Applied Econometrics*. Vol. 42. No. 2. P. 75—99. URL: <https://ideas.repec.org/a/ris/apltrx/0292.html> (accessed: 20.12.2023). (In Russ.)

Засимова Л. С., Хусаинова А. Г. Медицинские и экономические факторы расходов населения на лекарственные средства и биологически активные добавки во время пандемии COVID-19 // Социальные аспекты здоровья населения. 2022. № 6. <https://doi.org/10.21045/2071-5021-2022-68-6-3>.

Zasimova L. S., Khusainova A. G. (2022) Medical and Economic Factors of Household Spending on Medicines and Dietary Supplements during the COVID-19 Pandemic. *Social Aspects of Public Health*. No. 6. <https://doi.org/10.21045/2071-5021-2022-68-6-3>. (In Russ.)

Карцева М. А., Кузнецова П. О. Здоровье, доходы, возраст: эмпирический анализ неравенства в здоровье населения России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 2. С. 160—185. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2355>.

Kartseva M. A., Kuznetsova P. O. (2023) Health, Income, Age: Empirical Analysis of Health Inequality in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 160—185. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2355>. (In Russ.)

Ahn S., Kim S., Koh K. (2022) Associations of the COVID-19 Pandemic with Older Individuals' Healthcare Utilization and Self-Reported Health Status: A Longitudinal Analysis from Singapore. *BMC Health Services Research*. Vol. 22. Art. 66. <https://doi.org/10.1186/s12913-021-07446-5>.

Blam I., Kovalev S. (2003) Commercialization of Medical Care and Household Behavior in Transitional Russia. Geneva: United Nations Research Institute for Social Development.

Brinda E. M., Rajkumar A. P., Enemark U., Prince M., Jacob K. S. (2012) Nature and Determinants of Out-of-Pocket Health Expenditure among Older People in a Rural Indian Community. *International Psychogeriatrics*. Vol. 24. No. 10. P. 1664—1673. <https://doi.org/10.1017/S104161021200083X>.

Czeisler M. É., Marynak K., Clarke K. E.N., Salah Z., Shakya I., Thierry J. M., Ali N., McMillan H., Wiley J. F., Weaver M. D., Czeisler C. A., Rajaratnam S. M.W., Howard M. E. (2020) Delay or Avoidance of Medical Care Because of COVID-19-Related Concerns — United

States, June 2020. *Morbidity and Mortality Weekly Report*. Vol. 69. No. 36. P. 1250—1257. <https://doi.org/10.15585/mmwr.mm6936a4>.

Gerdtham U.-G., Johannesson M. (1999) New Estimates of the Demand for Health: Results Based on a Categorical Health Measure and Swedish Micro Data. *Social Science & Medicine*. Vol. 49. No. 10. P. 1325—1332. [https://doi.org/10.1016/s0277-9536\(99\)00206-3](https://doi.org/10.1016/s0277-9536(99)00206-3).

Gerry C. J., Kaneva M. (2021) Adapting to the Challenges of Chronic Non-Communicable Diseases: Evidence from Russia. *Applied Research in Quality of Life*. Vol. 16. No. 4. P. 1537—1553. <https://doi.org/10.1007/s11482-020-09831-4>.

Gerry C. J., Kaneva M., Zasimova L. (2017) Reforming Voluntary Drug Insurance in Russian Healthcare: Does Social Solidarity Matter? *Health Policy*. Vol. 121. No. 11. P. 1177—1185. <https://doi.org/10.1016/j.healthpol.2017.09.001>.

Grossman M. (1972) On the Concept of Health Capital and the Demand for Health. *Journal of Political Economy*. Vol. 80. No. 2. P. 223—255. <https://doi.org/10.1086/259880>.

Grossman M. (2000) The Human Capital Model. In: Culyer A. J., Newhouse J. P. (eds.) *Handbook of Health Economics*. Vol. 1. Part A. Amsterdam: Elsevier. P. 347—408. [https://doi.org/10.1016/S1574-0064\(00\)80166-3](https://doi.org/10.1016/S1574-0064(00)80166-3).

Heckman J. J. (1976) The Common Structure of Statistical Models of Truncation, Sample Selection and Limited Dependent Variables and a Simple Estimator for Such Models. *Annals of Economic and Social Measurement*. Vol. 5. No. 4. P. 475—492.

Heckman J. J. (1979) Sample Selection Bias as a Specification Error. *Econometrica*. Vol. 47. No. 1. P. 153—161. <https://doi.org/10.2307/1912352>.

Jiang D. H., McCoy R. G. (2020) Planning for the Post-COVID Syndrome: How Payers Can Mitigate Long-Term Complications of the Pandemic. *Journal of General Internal Medicine*. Vol. 35. No. 10. P. 3036—3039. <https://doi.org/10.1007/s11606-020-06042-3>.

Kaneva M., Gerry C. J., Baidin V. (2018) The Effect of Chronic Conditions and Multi-Morbidity on Self-Assessed Health in Russia. *Scandinavian Journal of Public Health*. Vol. 46. No. 8. P. 886—896. <https://doi.org/10.1177/1403494817746283>.

Leibowitz A. A. (2004) The Demand for Health and Health Concerns after 30 Years. *Journal of Health Economics*. Vol. 23. No. 4. P. 663—671. <https://doi.org/10.1016/j.jhealeco.2004.04.005>.

Mueller C., Schur C., O'Connell J. (1997) Prescription Drug Spending: The Impact of Age and Chronic Disease Status. *American Journal of Public Health*. Vol. 87. No. 10. P. 1626—1629. <https://doi.org/10.2105/ajph.87.10.1626>.

Muschol J., Gissel C. (2021) COVID-19 Pandemic and Waiting Times in Outpatient Specialist Care in Germany: An Empirical Analysis. *BMC Health Services Research*. Vol. 21. No. 1. P. 1—10. <https://doi.org/10.1186/s12913-021-07094-9>.

Paez K. A., Zhao L., Hwang W. (2009) Rising Out-Of-Pocket Spending for Chronic Conditions: A Ten-Year Trend. *Health Affairs*. Vol. 28. No. 1. P. 15—25. <https://doi.org/10.1377/hlthaff.28.1.15>.

Ruger J. P., Kim H.-J. (2007) Out-of-Pocket Healthcare Spending by the Poor and Chronically Ill in the Republic of Korea. *American Journal of Public Health*. Vol. 97. No. 5. P. 804—811. <https://doi.org/10.2105/AJPH.2005.080184>.

Sanwald A., Theurl E. (2017) Out-of-Pocket Expenditures for Pharmaceuticals: Lessons from the Austrian Household Budget Survey. *The European Journal of Health Economics*. Vol. 18. No. 4. P. 435—447. <https://doi.org/10.1007/s10198-016-0797-y>.

Sari N., Langenbrunner J. C. (2001) Consumer Out-of-Pocket Spending for Pharmaceuticals in Kazakhstan: Implications for Sectoral Reform. *Health Policy and Planning*. Vol. 16. No. 4. P. 428—434. <https://doi.org/10.1093/heapol/16.4.428>.

Sum G., Hone T., Atun R., Millett C., Suhrcke M., Mahal A., Choon-Haut Koh G., Lee J. (2018) Multimorbidity and Out-of-Pocket Expenditure on Medicines: A Systematic Review. *BMJ Global Health*. Vol. 3. No. 1. <https://doi.org/10.1136/bmjgh-2017-000505>.

Van Minh H., Kim Phuong N. T., Saksena P., James C. D., Xu K. (2013) Financial Burden of Household Out-of-Pocket Health Expenditure in Viet Nam: Findings from the National Living Standard Survey 2002—2010. *Social Science & Medicine*. Vol. 96. P. 258—263. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2012.11.028>.

WHO (2004) Equitable Access to Essential Medicines: A Framework for Collective Action. Geneva: World Health Organization.

You X., Kobayashi Ya. (2011) Determinants of Out-of-Pocket Health Expenditure in China: Analysis Using China Health and Nutrition Survey Data. *Applied Health Economics and Health Policy*. Vol. 9. No. 1. P. 39—49. <https://doi.org/10.2165/11530730-000000000-00000>.

Yue Y. R., Hong H. G. (2012) Bayesian Tobit Quantile Regression Model for Medical Expenditure Panel Survey Data. *Statistical Modelling*. Vol. 12. No. 4. P. 323—346. <https://doi.org/10.1177/1471082X1201200402>.

Zazdravnykh E. A., Aistov A. V., Aleksandrova E. A. (2021) Total Expenditure Elasticity of Healthcare Spending in Russia. *Russian Journal of Economics*. Vol. 7. No. 4. P. 326—353. <https://doi.org/10.32609/j.ruje.7.76219>.

Zhao J., Zhong H. (2015) Medical Expenditure in Urban China: A Quantile Regression Analysis. *International Journal of Health Economics and Management*. Vol. 15. No. 4. P. 387—406. <https://doi.org/10.1007/s10754-015-9174-0>.

Приложение 1**Границы квинтильных групп, руб. в ценах 2010 г.**

	1 квинтиль	2 квинтиль	3 квинтиль	4 квинтиль	5 квинтиль
2010	100—6713	6720—9102	9116—11708	11719—15965	15990—1590000
2011	62—6704	6715—9106	9111—11708	11719—15976	15986—833365
2012	295—6699	6717—9109	9115—11709	11718—15972	15990—221543
2013	136—6713	6718—9108	9110—11704	11712—15949	15986—249198
2014	99—6714	6736—9105	9113—11700	11712—15964	16039—134278
2015	132—6709	6717—9108	9110—11707	11727—15967	15983—2345460
2016	354—6708	6716—9101	9111—11702	11711—15977	15986—181802
2017	97—6712	6725—9109	9112—11709	11711—15962	15982—849264
2018	153—6706	6716—9103	9109—11708	11720—15966	15987—703949
2019	101—6711	6717—9108	9112—11708	11717—15947	15991—697173
2020	95—6710	6715—9108	9116—11710	11712—15971	15980—263644
2021	501—6708	6733—9103	9111—11710	11714—15970	15995—435902

Источник: рассчитано авторами на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Приложение 2

Дескриптивные статистики непрерывных переменных за 2010—2021 гг.

Название переменной	Число наблюдений	Среднее значение	Стандартное отклонение	Минимальное значение	Максимальное значение
Среднедушевые расходы домохозяйства на ЛС и БАД	48111	602,20	916,12	2	38322
Среднедушевые доходы домохозяйства	61444	12565,58	17552,96	62	2345460

Источник: рассчитано авторами на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Приложение 3

Дескриптивные статистики бинарных переменных за 2010—2021 гг.

Название переменной	Число наблюдений, всего	% от общего числа наблюдений
<i>Наличие расходов на ЛС и БАД</i> (домохозяйства, имевшие расходы на ЛС и БАД в течение месяца, предшествующего опросу)	64078	76
<i>Мультиморбидность</i> (наличие в семье хотя бы одного человека с несколькими хроническими заболеваниями)	64096	61
<i>Плохое здоровье</i> (наличие в семье хотя бы одного человека, оценивающего свое здоровье как плохое или совсем плохое)	63947	26
<i>Частое посещение врача</i> (наличие в семье хотя бы одного человека, посещающего врача ежемесячно или чаще)	63693	21
<i>Начальное образование</i> (семьи, в которых самый высокий уровень образования ее членов — начальное образование)	64012	9
<i>Среднее образование</i> (семьи, в которых самый высокий уровень образования ее членов — среднее)	64012	52
<i>Высшее образование</i> (семьи, в которых хотя бы у одного человека имеется высшее образование и/или научная степень)	64012	39
<i>Наличие пенсионера</i> (семьи, в которых имеется хотя бы один пенсионер)	64124	55
<i>Наличие ребенка</i> (семьи, в которых имеется хотя бы один ребенок до 14 лет включительно)	64125	29
<i>Проживание в городе</i> (семьи, проживающие в городской местности на момент проведения опроса)	64125	76

Источник: рассчитано авторами на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ.

DOI: [10.14515/monitoring.2023.6.2399](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.6.2399)

А. А. Данилова, Е. В. Забелина, А. Ю. Телицына, Ю. В. Честюнина

ФАКТОРЫ СУБЪЕКТИВНОГО ЗДОРОВЬЯ: СТРУКТУРНАЯ МОДЕЛЬ НА ЭТАПЕ ПОЗДНЕЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Правильная ссылка на статью:

Данилова А. А., Забелина Е. В., Телицына А. Ю., Честюнина Ю. В. Факторы субъективного здоровья: структурная модель на этапе поздней социализации // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 6. С. 144—170. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.6.2399>.

For citation:

Danilova A. A., Zabelina E. V., Telitsyna A. Y., Chestyunina Y. V. (2023) Factors of Subjective Health: Structural Model in the Period of Late Socialization. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 144–170. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.6.2399>. (In Russ.)

Получено: 15.03.2023. Принято к публикации: 31.10.2023.

ФАКТОРЫ СУБЪЕКТИВНОГО ЗДОРОВЬЯ: СТРУКТУРНАЯ МОДЕЛЬ НА ЭТАПЕ ПОЗДНЕЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

ДАНИЛОВА Анастасия Анатольевна — кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры психологии, Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия
E-MAIL: ensti1988@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6701-1941>

ЗАБЕЛИНА Екатерина Вячеславовна — доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии, Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия
E-MAIL: katya_k@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2365-6016>

ТЕЛИЦЫНА Александра Юрьевна — кандидат биологических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: atelitsyna@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0186-3989>

ЧЕСТЮНИНА Юлия Владимировна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры «Общая психология и психофизиология», Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия
E-MAIL: Chestyunina@list.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8549-8826>

FACTORS OF SUBJECTIVE HEALTH: STRUCTURAL MODEL IN THE PERIOD OF LATE SOCIALIZATION

*Anastasiya A. DANILOVA*¹ — *Cand. Sci. (Ped.), Senior Lecturer at the Department of Psychology*
E-MAIL: ensti1988@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6701-1941>

*Ekaterina V. ZABELINA*¹ — *Dr. Sci. (Psych.), Associate Professor, Professor of the Department of Psychology*
E-MAIL: katya_k@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2365-6016>

*Alexandra Yu. TELITSYNA*² — *Cand. Sci. (Biol.), Associate Professor, Senior Research Fellow at the Center for Civil Society and Nonprofit Sector Studies*
E-MAIL: atelitsyna@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0186-3989>

*Yulia V. CHESTYUNINA*³ — *Cand. Sci. (Psych.), Associate Professor at the Department of General Psychology and Psychophysiology*
E-MAIL: Chestyunina@list.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8549-8826>

¹ Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

² HSE University, Moscow, Russia

³ Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

Аннотация. Здоровье людей пенсионного возраста, как объективное, так и субъективное, рассматривается в качестве критерия эффективной поздней

Abstract. The health of people of retirement age, both objective and subjective, is considered as a criterion for effective late socialization. The article presents

социализации. В статье представлены результаты разработки модели факторов субъективного здоровья, а также ее эмпирической верификации применительно к этапу поздней социализации — на выборке пенсионеров, проживающих в г. Челябинске и Челябинской области (Россия) ($N = 291$). В результате теоретического анализа была представлена модель факторов субъективного здоровья в условиях поздней социализации, в которой, как предполагается, биологические, социально-экономические и когнитивно-эмоциональные факторы влияют на формирование субъективного здоровья людей на пенсии. Метод анкетирования применялся для регистрации биологических (пол, хронологический возраст, наличие или отсутствие инвалидности) и социально-экономических показателей (образование, религиозная идентичность, социальное окружение и др.). Для оценки когнитивно-эмоционального фактора были использованы психодиагностические методики, определяющие субъективный возраст и базисные убеждения пенсионеров. Основным методом анализа данных выступил метод моделирования структурными уравнениями. Результаты моделирования показали хорошее соответствие эмпирических данных разработанной модели. Обнаружено, что все три группы факторов вносят вклад в улучшение субъективного здоровья пенсионеров, при этом когнитивно-эмоциональные факторы являются медиаторами, опосредующими влияние биологических и социально-экономических переменных. Результаты исследования актуализируют значимость когнитивно-эмоциональных факторов в процессе поздней социализации личности и обосновывают

the results of developing a model of subjective health factors, as well as its empirical verification in relation to the stage of late socialization — on a sample of pensioners living in Chelyabinsk and the Chelyabinsk region of Russia ($N = 291$). Based on the theoretical analysis, the authors present a model of subjective health factors in conditions of late socialization, where biological, socio-economic and cognitive-emotional factors contribute to the shaping of subjective health evaluation. The survey method was used to register biological (gender, chronological age, presence or absence of disability) and socio-economic indicators (education, religious identity, social environment, etc.). While assessing the cognitive-emotional factor, the authors used psychodiagnostic techniques to determine the subjective age and basic beliefs of pensioners. The simulation results based on the method of structural equation modeling showed a good fit of the empirical data and theoretical model. It was found that all three groups of factors contribute to improving the subjective health of pensioners, while cognitive-emotional factors mediate the influence of biological and socio-economic variables. The results of the study highlight the importance of cognitive-emotional factors in the process of individual late socialization and substantiate the importance of using cognitive psychotherapy at the late age in normal aging.

важность применения когнитивной психотерапии в позднем возрасте при нормальном старении.

Ключевые слова: здоровье, пенсионеры, поздняя социализация, субъективное здоровье, объективное здоровье, субъективный возраст, базисные убеждения

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00421, <https://rscf.ru/project/22-28-00421/>.

Keywords: health, pensioners, late socialization, subjective health, objective health, subjective age, basic beliefs

Acknowledgments. The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 22-28-00421, <https://rscf.ru/project/22-28-00421/>.

Введение

Рост доли пожилых людей в условиях старения общества требует осмысления специфики поддержания «здоровой старости» в период поздней социализации. Здоровье рассматривается как сложный конструкт, в котором наравне с объективными медицинскими составляющими большое значение приобретает субъективная составляющая. Она выражается в положительной самооценке соматического состояния и формирует благоприятные условия для развития практических умений поддержания здорового образа жизни [Кудашов, 2011; Dieteren et al., 2020].

На фоне этого социального тренда все большее число исследователей рассматривают проблему вторичной социализации как процесса и результата адаптации к изменяющимся условиям [Дробышева, Журавлев, 2016; Янцен, 2020; Тимошенко, 2020; Прохорова, 2022]. Поздняя социализация как разновидность вторичной социализации представляет собой процесс и результат переосмысления человеком своей жизни и окружающей реальности, сопровождающийся изменениями сознания и поведения при адаптации к новому социальному статусу пенсионера [Забелина, Честюнина, 2021]. При этом ярко прослеживается смещение вектора в рассмотрении старости как периода стагнации, увядания, постепенного отдаления от общественной и социальной жизни, в сторону изучения «третьего возраста» как периода потенциальных возможностей и развития [Ермолаева, Пряхина, 2008; Бойко и др., 2014]. В связи с этим актуализируется вопрос субъективного здоровья пожилых людей как одного из показателей эффективной поздней социализации [Вангородская, 2018; Короленко, Калачикова, 2021].

Анализ литературы и построение теоретической модели

Здоровье — важный ресурс в любой возрастной группе. Однако именно в пожилом возрасте в связи с естественными процессами старения оно становится одной из базовых ценностей [Иванова, Иванкина, 2015]. В многоуровневых концепциях отмечается, что здоровье представляет собой структуру, включаю-

щую: 1) физиологический (базовый) уровень: клинические индикаторы здоровья здесь — это объективные показатели, которые фиксируются медиками, например, рост, вес, давление, биомаркеры и другие; 2) индивидуально-психологический уровень: самооцененные объективные индикаторы — квазиобъективные показатели, связанные с самоощущением клинических индикаторов (личные ответы на вопросы о росте и весе, наличии давления, инвалидности и т. д.); 3) личностно-смысловой уровень: самооцененные субъективные измерители — показатели, связанные с личностью человека и его опытом (оценка собственного здоровья, настроение, отношение к боли и т. д.) [Ziebarth, 2010]. В представленной структуре явно прослеживаются составляющие, которые могут быть обозначены как объективное и субъективное здоровье [Беловол и др., 2016]. Результаты исследований свидетельствуют о том, что субъективное и объективное здоровье могут быть связаны, но не тождественны. Так, японские пенсионеры с ослабленным объективным и более высоким субъективным здоровьем участвуют в социальной деятельности в той же степени, что и пожилое население в целом [Shimizu et al., 2023]. Можно сделать вывод, что субъективное здоровье не равно здоровью объективному (физическому), но при этом они составляют некое целое в области здоровья индивида.

Стоит отметить, что в научной литературе до настоящего времени не сформировалось четкого понимания категории «субъективное здоровье». В клинических исследованиях качества жизни, связанного со здоровьем, субъективные измерения обычно используют для оценки состояния пациента после лечения и служат мерой эффективности реабилитационных процедур [Лебедева, Костенко, 2019]. Исследования в области возрастной психологии и геронтологии отмечают, что субъективное здоровье «позволяет человеку функционировать, чувствовать себя хорошо, быть продуктивным и вести активный образ жизни» [Ослон и др., 2022: 119]. Оно выступает фактором, определяющим будущие результаты в отношении здоровья [Almgren et. al., 2009], которые в свою очередь находятся в тесной связи с самооценкой здоровья, удовлетворенностью им, а также удовлетворенностью жизнью [Кудашов, 2011]. Важность изучения субъективного здоровья особенно подчеркивается современными исследователями с позиции понимания его как составляющей медицинской грамотности пожилого населения [Sørensen et al., 2015]. Медицинская грамотность потенциально влияет на ежедневный уход за собой и бережное отношение к себе. Исследование, проведенное в Нидерландах, выявило, что показатели субъективного здоровья были значительно ниже у людей, ведущих нездоровый образ жизни (оценка производилась по таким показателям, как курение, употребление алкоголя, нарушения питания, гиподинамия) [Dieteren et. al., 2020]. Таким образом, субъективное здоровье может рассматриваться в качестве фактора, обуславливающего выбор в пользу здорового образа жизни. Именно субъективное здоровье пожилых людей в значительной степени влияет на его объективные составляющие, выступает предиктором смертности и многофакторным маркером качества жизни [Беловол и др., 2016; Иванова, Иванкина, 2015; Колпина и др., 2020; Ouchida, 2015]. Иными словами, сегодня происходят кардинальные изменения в паттернах болезни и здоровья, которые приводят к тому, что «вопросы о том, является человек больным или здо-

ровым, постепенно обособляются от объективных показателей и все чаще отдаются на откуп субъективному восприятию человеком своих симптомов как требующих или не требующих профессионального внимания» [Лебедева, Костенко, 2019: 99]. Обобщая имеющийся опыт по заданной проблематике, под субъективным здоровьем будем понимать *субъективное восприятие (самооценку) состояния своего здоровья, формирующее благоприятные условия для развития практических умений поддержания здорового образа жизни.*

Интересен то факт, что на фоне неизбежной тенденции к ухудшению объективного здоровья отмечается благоприятный прогноз в становлении показателей субъективного здоровья пожилых людей, которые могут быть сохранены или даже улучшены. На материалах исследований самооценки здоровья среди людей пенсионного возраста Вологодской области путем анализа данных двух волн социологического опроса, проведенного в 2015 и 2018 гг., был небольшой положительный рост самооценки здоровья среди пенсионеров. Результаты исследования 2018 г. демонстрируют, что каждый четвертый опрошенный представитель старшего поколения (25 %) оценивает состояние своего здоровья как отличное и хорошее, в то время как в 2015 г. доля положительных оценок составляла 22 % [Барсуков, Груздева, 2019]. Данный факт, свидетельствующий о возможности положительной динамики субъективного здоровья, позволяет рассматривать последнее в качестве эффективного критерия успешности поздней социализации. В связи с этим возникает необходимость выявления основных факторов, детерминирующих положительные оценки субъективного здоровья пожилых людей.

Анализ литературы [Сергиенко и др., 2014; Мелехин, 2016; Лифшиц, 2019; Кислая, Трегуб, 2022] позволил выделить три группы таких факторов: биологические, социально-экономические и когнитивно-эмоциональные. Эти факторы формируют субъективное представление человека о собственном здоровье (не всегда соответствующее реальному его состоянию) и способствуют выработке благоприятных для здоровья привычек (отказ от алкоголя и курения, занятия спортом и др.), что влияет на заболеваемость и смертность.

В числе *биологических факторов* можно выделить: физическое состояние здоровья, пол и хронологический возраст [Паршина, 2015; Сергиенко и др., 2022]. Пожилой возраст предполагает ухудшение физического здоровья в определенной степени (наличие или отсутствие инвалидности, хронических заболеваний). В. В. Паршина, оценивая социально-психологические проблемы в разных возрастных группах, отмечает, что потенциал пожилых инвалидов практически во всех сферах жизнедеятельности гораздо ниже, чем аналогичный у инвалидов молодого возраста [Паршина, 2015]. В свою очередь, в американском исследовании были установлены особенности взаимосвязи пола с самооценкой здоровья и самовосприятием счастья. Пол выступал модератором этой связи, а возраст — ковариатой. Отмечается, что при самооценке здоровья результаты мужчин в большей степени зависят от занятости, тогда как результаты женщин в большей степени зависят от образования и семейного положения [Maharlouei et al., 2020]. Таким образом, биологические факторы накладывают ограничения на объективные стороны повседневной жизни, что формирует определенное субъективное психологическое состояние пожилых людей.

Социально-экономические факторы субъективного здоровья достаточно четко определены в гериатриологических, медицинских, социально-психологических исследованиях. К ним можно отнести: уровень образования [Гордина, Гордин, 2021; Есмурзаева, Новикова, 2021; Перинская, 2022], социальное окружение, семью [Ирсетская, 2016; Анисимова и др., 2022], уровень достатка и рабочий статус [Дробышева, Журавлев, 2016; Забелина, Честюнина, 2021; Kung, 2020], религиозную идентичность [Ясин, Сердакова, 2016; Хайрльварина и др., 2019] и другие. Обозначенные факторы чаще носят объективный характер и зависят от социально-политической, экономической и культурной ситуации в стране и конкретном регионе.

Когнитивно-эмоциональные факторы отражают внутренние субъективные ресурсы человека. В отличие от социально-экономических, они остаются не столь определенными и малоизученными. В научной литературе встречаются исследования, посвященные отдельным когнитивно-эмоциональным факторам. Так, в качестве наиболее значимых детерминант здоровья выделяют субъективный возраст [Мелехин, Сергиенко, 2015; Павлова, Сергиенко, 2019; Shrirā et al., 2014; Stephan, Sutin, 2018], отношение ко времени [Балашова, Микеладзе, 2015; Demiray, Bluck, 2014; Daly et al., 2019], а также базисные убеждения [Конарева, Сергиенко, 2017; Лифшиц, 2019]. Когнитивно-эмоциональные факторы в первую очередь формируют фокус жизненного внимания, и, как следствие, отношение к болезням. В частности, особенности развития болевого синдрома во многом зависят от индивидуальных особенностей когнитивно-эмоционального функционирования, которое в контексте болевой перцепции включает сложные взаимоотношения внимания, прогнозирования и ожидания, феномена катастрофизации и других факторов, влияющих на оценочный компонент боли [Коберская, Табеева, 2021].

Представленный список факторов здоровья не является исчерпывающим, однако он позволяет с достаточной степенью полноты диагностировать переменные, являющиеся гипотетическими предикторами сохранения субъективного здоровья в пенсионном возрасте.

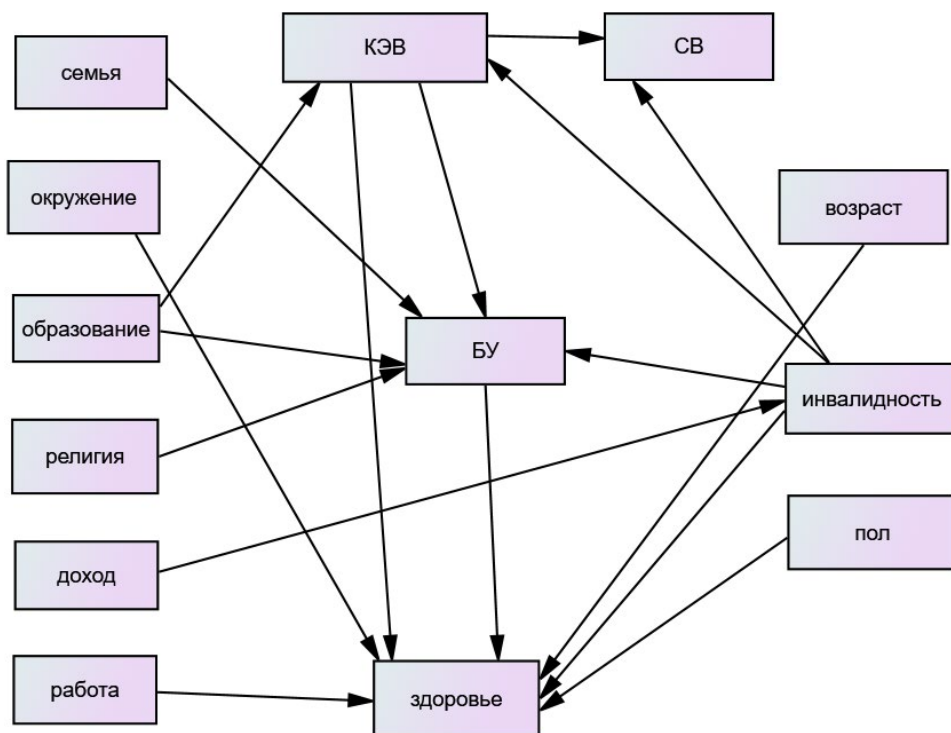
На сегодняшний день науке известны результаты исследований влияния отдельных факторов на субъективную оценку здоровья в пожилом возрасте. Вместе с тем существует дефицит работ, изучающих влияние этих факторов в совокупности, а также определяющих вклад каждого фактора в повышение уровня самооценки здоровья в пенсионном возрасте. Для частичного восполнения этого дефицита исследование ставит цель — разработать теоретическую модель факторов субъективного здоровья и верифицировать ее в эмпирическом исследовании на выборке людей старшего возраста в период поздней социализации (пенсионеров).

На основе анализа научной литературы представляется возможным представить теоретическую модель графически (см. рис. 1).

В теоретической модели отражены следующие элементы и их связи. В качестве предикторов субъективного здоровья выступают биологические факторы (пол, хронологический возраст, наличие или отсутствие инвалидности), социально-экономические факторы (образование, религиозная идентичность, социальное окружение, уровень дохода, семейный и рабочий статус) и когнитивно-эмоциональные факторы (базисные убеждения, субъективный возраст). При этом

когнитивно-эмоциональные факторы рассматриваются как медиаторы, опосредующие влияние биологических и социально-экономических переменных на самооценку здоровья пожилого человека. Кроме того, согласно ряду исследований [Кислая, Трегуб, 2022; Галкин, 2022], биологические и социально-экономические факторы могут влиять на субъективное здоровье непосредственно, что также отражено в теоретической модели. Эффектом (результатом воздействия факторов) является определенный уровень субъективного здоровья.

Рис. 1. Теоретическая модель факторов субъективного здоровья

Примечание. СВ — социальный возраст, КЭВ — когнитивно-эмоциональный возраст, БУ — базисные убеждения, здоровье — субъективное здоровье. Биологические факторы: возраст, пол и инвалидность. Социально-экономические факторы: образование, религиозность (религия), социальное окружение (окружение), доход, семейный (семья) и рабочий статус (работа).

Условно выделенные биологические и социально-экономические факторы в рамках этой модели рассматриваются как независимые переменные, поскольку они как бы даны человеку извне, объективно, на них трудно влиять по собственному желанию (например, сложно изменить генетику). Когнитивно-эмоциональные факторы (субъективный возраст и базисные убеждения) рассматриваются как внутренние, субъективные переменные, поскольку, опосредуя внешние (объективные) события, они могут изменить их восприятие и отношение к ним. Следова-

тельно, предполагается их медиаторная роль в этой модели. Наконец, самооценка физического состояния пенсионерами, по-видимому, является еще более субъективным фактором, который изменяется в ответ на трансформацию внешних социальных условий с учетом их восприятия человеком. Поскольку удовлетворенность различными аспектами жизни наиболее подвержена колебаниям в ответ на изменения внешних и внутренних условий [Щукина, Ширман, 2022], мы рассматриваем субъективное здоровье как зависимую переменную.

Далее данная модель верифицировалась в эмпирическом исследовании. В общем виде гипотеза исследования сформулирована следующим образом: на субъективное здоровье в период поздней социализации влияют биологические, социально-экономические и когнитивно-эмоциональные факторы, причем последние могут выступать медиаторами, опосредующими влияние остальных факторов.

Методы и выборка

С целью диагностики факторов, влияющих на здоровье пенсионеров, применялись следующие методики.

Для выявления биологических и социально-экономических факторов проводилось анкетирование респондентов. В качестве биологических факторов диагностировались пол (1 — мужской, 2 — женский) респондентов, их хронологический возраст, а также наличие инвалидности (1 — есть, 2 — нет).

В качестве социально-экономических факторов выяснялись следующие показатели: уровень образования (1 — начальное, 2 — общее среднее (школа), 3 — среднее профессиональное, 4 — высшее), семейный (1 — женат / замужем, 2 — холост / не замужем) и рабочий статус (1 — работаю, 2 — не работаю), уровень религиозности (1 — атеист, 2 — безразличен к религии, 3 — допускаю существование высших сил, 4 — я верующий человек, 5 — я верую и стараюсь соблюдать обряды своей религии), социальное окружение (я проживаю: 1 — один/одна, 2 — вместе с мужем/женой, 3 — вместе с детьми и/или другими родственниками), уровень дохода (1 — свожу концы с концами, 2 — низкий, 3 — ниже среднего, 4 — средний, 5 — выше среднего, 6 — высокий, 7 — очень высокий).

Когнитивно-эмоциональные факторы выявлялись через диагностику субъективного возраста и базисных убеждений пенсионеров. Для изучения особенностей субъективного возраста пенсионеров использовался модифицированный вариант опросника «Age-of-Me» [Barak, 2009] ($\alpha = 0,913$) (см. Приложение 1). Данная методика позволяет оценить возраст по четырем направлениям: когнитивно-эмоциональный возраст (на который человек себя ощущает) ($M = 54,6$, $SD = 15,38$), биологический (физический) возраст (на который человек выглядит) ($M = 57,9$, $SD = 12,57$), социальный возраст (на который человек действует) ($M = 56,7$, $SD = 12,51$) и интеллектуальный возраст (на который человек проявляет свои интересы) ($M = 56,87$, $SD = 11,79$).

Базисные убеждения определялись с помощью «Шкалы базисных убеждений личности» (в модификации М. А. Падун и А. В. Котельниковой) [Падун, Котельникова, 2008] ($\alpha = 0,813$). Шкала впервые предложена Р. Янов-Бульман (World assumptions scale), в ее основе лежит когнитивная концепция базовых убеждений личности. Методика позволяет оценить установки в отношении окружающе-

го мира («Доброжелательность окружающего мира» ($M = 3,6$, $SD = 0,90$), «Справедливость» ($M = 3,58$, $SD = 0,82$), «Контроль» ($M = 3,8$, $SD = 0,66$)) и в отношении себя в этом мире («Образ Я» ($M = 4,06$, $SD = 0,85$), «Удача» ($M = 3,8$, $SD = 0,85$)) (см. Приложение 2).

Субъективная оценка уровня здоровья проводилась с помощью авторской шкалы оценки физического состояния, которая разработана на базе шкалы, принятой ВОЗ (Self-Assessed Health Status) [Au, Johnston, 2014]. С помощью 5—бальной шкалы Ликерта (1 — очень плохое, 2 — плохое, 3 — удовлетворительное, 4 — хорошее, 5 — отличное) респондентам предлагалось оценить свое физическое состояние ($M = 3,12$, $SD = 0,73$) (см. Приложение 3). Таким образом, большее значение этого показателя в модели соответствует большей удовлетворенности состоянием здоровья у респондентов.

Главным математическим методом исследования стал метод моделирования структурными уравнениями [Burne, 2016]. Будучи основанным на нескольких статистических методах (корреляция, множественная регрессия, факторный анализ, общие линейные модели), он далеко выходит за их пределы [Наследов, 2018]. Суть метода заключается в построении структурной модели направленных (причинно-следственных) и ненаправленных (корреляционных) связей между изучаемыми конструктами с целью ее дальнейшей проверки на соответствие эмпирическим данным и коррекции модели. Переменные и связи между ними графически отображаются в виде блок-схемы, которая при помощи компьютерной программы AMOS трансформируются в систему линейно-регрессионных уравнений. Программное обеспечение позволяет оценить степень соответствия модели исходным данным и параметры модели (регрессионные коэффициенты) [Наследов, 2018]. Насчитывают более 20 видов показателей согласованности [Burne, 2016], однако в каждом конкретном случае достаточно трех или пяти [Наследов, 2018]. В рамках данного исследования мы применяли следующие показатели соответствия: CFI — сравнительный критерий согласия; χ^2 — проверяет нулевую гипотезу на предмет того, что разность между эмпирической и воспроизведенной по модели матрицами ковариаций равна нулю; GFI — показатель качества соответствия; RMSEA — квадратный корень среднеквадратической ошибки аппроксимации; PCLOSE проверяет нулевую гипотезу о том, что $RMSEA \leq 0,05$.

Обработка данных осуществлялась с помощью статистического пакета SPSS. 24,0, включая модуль AMOS. Для заключения о соответствии модели субъективного здоровья исходным данным были использованы рекомендованные значения критериев, подтверждающие состоятельность модели: p — уровень значимости критерия, $\chi^2 > 0,05$, $CFI > 0,95$, $RMSEA < 0,05$, $GFI > 0,9$, $PCLOSE = 0,5$ [Наследов, 2018]. Все диагностируемые показатели вошли в модель в исходном виде за исключением субшкал базисных убеждений, которые в силу высоких корреляций предварительно были подвергнуты факторному анализу. Он показал единый латентный фактор — базисные убеждения. В модель было включено значение этого латентного фактора.

Выборка была сформирована стихийно из пенсионеров, проживающих в Челябинске (Челябинская область, Россия), и включала различные категории (проживающих отдельно, в семьях, в домах престарелых и т. д.), разных типов профессий,

уровня образования, семейного и рабочего статуса. Изначально было представлено несколько баз исследования: Челябинский государственный университет, Челябинский геронтологический центр и другие. Далее мы просили респондентов порекомендовать кандидатов для участия в исследовании из круга их знакомых. Критерием для включения в выборку был статус пенсионера в течение как минимум одного года, а также отсутствие психиатрического диагноза (клиническая норма). Соответственно, критерием для исключения из выборки было отсутствие пенсионного возраста и статуса пенсионера.

Всего было опрошено 291 человек (средний возраст 65,5 лет, из них 25,7 % мужчины, 25,7 % имеют инвалидность, 53,6 % состоят в браке, 47 % имеют высшее образование, 16 % проживают в доме престарелых (см. табл. 1). Опросники предлагались респондентами в бумажном варианте, заполнялись индивидуально под наблюдением исследователя.

Таблица 1. Характеристики выборки

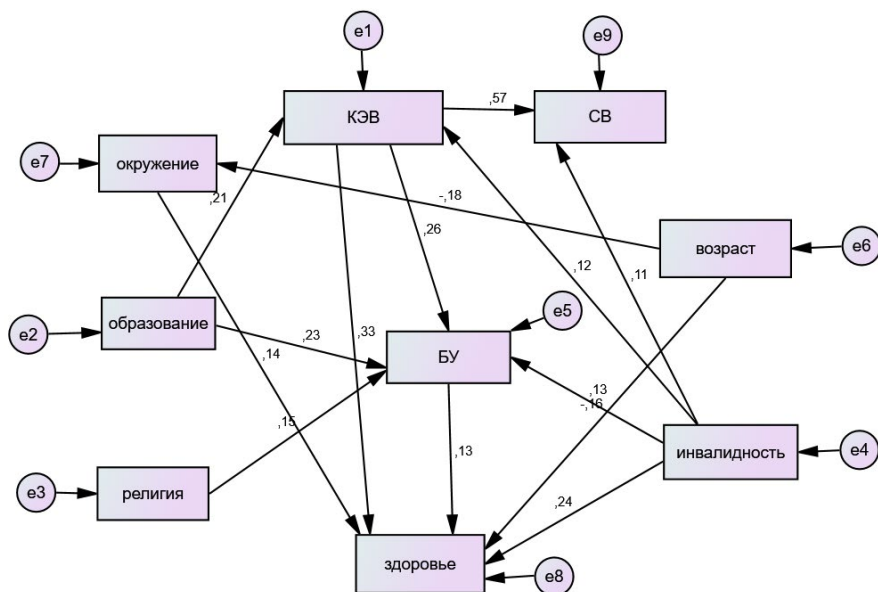
№	Респонденты	Пол		N
		Мужчины	Женщины	
1	Всего	75	216	291
2	Работающие	42	92	134
3	Неработающие	33	124	157
4	Инвалиды	15	60	75
5	Без статуса инвалида	26	190	216
6	Замужем/Женаты	50	106	156
7	Проживающие одни	25	110	135

Результаты

Результаты моделирования структурными уравнениями показали удовлетворительные индексы соответствия эмпирических данных теоретической модели (CMIN = 44,351, df = 22, p = 0,003; GFI = 0,968; CFI = 0,933; RMSEA = 0,059; Pclose = 0,252) (см. рис. 2). Все элементы модели показывают значимые взаимосвязи (см. табл. 2).

Результаты анализа эмпирической модели в целом подтверждают основную гипотезу: на самооценку здоровья в пенсионном возрасте влияют все диагностируемые группы факторов, при этом когнитивно-эмоциональные факторы опосредуют влияние биологических и социально-экономических. Необходимо отметить, что не все диагностируемые показатели выявили значимые связи с субъективным здоровьем, поэтому часть из них (пол, семейный и рабочий статус, а также доход) были исключены из итогового варианта эмпирической модели.

Рис. 2. Эмпирическая модель субъективного здоровья в период поздней социализации

CMIN=44,351; df=22; p=,003; CFI=,933; RMSEA=,059; GFI=,968; Plclose=,252

Примечание. СВ — социальный возраст, КЭВ — когнитивно-эмоциональный возраст, БУ — базисные убеждения¹.

Таблица 2. Стандартизированные регрессионные коэффициенты в модели

			Estimate	S.E.	C.R.	P
КЭВ	<---	Образование	4,105	1,088	3,774	<,001
КЭВ	<---	Инвалидность	4,448	2,161	2,059	,040
БУ	<---	Образование	,305	,072	4,262	<,001
БУ	<---	Религия	,139	,050	2,775	,006
БУ	<---	Инвалидность	,337	,140	2,413	,016
БУ	<---	КЭВ	,018	,004	4,809	<,001
Окружение	<---	Возраст	-,022	,007	-3,130	,002
СВ	<---	КЭВ	,430	,036	11,899	<,001
СВ	<---	Инвалидность	3,139	1,371	2,289	,022
Здоровье	<---	КЭВ	,018	,003	6,303	<,001
Здоровье	<---	БУ	,102	,042	2,456	,014
Здоровье	<---	Инвалидность	,492	,104	4,723	<,001
Здоровье	<---	Возраст	-,016	,005	-3,133	,002
Здоровье	<---	Окружение	,120	,042	2,847	,004

Примечание. СВ — социальный возраст, КЭВ — когнитивно-эмоциональный возраст, БУ — базисные убеждения.

¹ На схеме приведены нестандартизированные коэффициенты.

Из биологических факторов на самооценку здоровья пенсионеров оказывают прямое влияние хронологический возраст и наличие инвалидности. При этом, вполне логично, наличие инвалидности и более старший возраст умеренно снижают субъективную оценку здоровья.

Небольшой вклад в повышение уровня субъективного здоровья напрямую вносит такой фактор, как социальное окружение. Чем с большим количеством родственников проживает респондент на пенсии, тем лучше физически он себя чувствует. Вероятно, постоянное общение с членами семьи, интерес к проблемам и достижениям близких людей заполняет часть внимания пенсионеров, позволяя чувствовать себя более активными и здоровыми. Эта важность социального окружения в пенсионном возрасте, причастность к некому совместному делу подтверждается в ряде исследований [Ирсетская, 2016; Анисимова и др., 2022]. Также объяснима обратная связь хронологического возраста и социального окружения: чем старше становится человек на пенсии, тем более вероятно, что он остается в одиночестве (дети образуют собственные семьи и стремятся отселиться от родителей, со временем один из членов супружеской пары умирает).

Примечательно, что другие социально-экономические факторы — образование и религиозность — не оказывают прямого влияния на самооценку здоровья пенсионеров. Тем не менее, они вносят опосредованный вклад в формирование этой самооценки через связь с когнитивно-эмоциональными факторами — базисными убеждениями и субъективным возрастом. Так, более высокий уровень образования вносит умеренный вклад в формирование позитивных представлений о себе и о мире, что, в свою очередь, способствует повышению физического самочувствия пенсионеров. Этот факт можно объяснить механизмами психосоматики [Шершнева, Шершнева, 2017], когда позитивные убеждения человека активизируют жизненные силы организма, позволяя лучше справляться с заболеваниями, повышают настроение и улучшают физическое самочувствие. И наоборот, представление о мире как несправедливом, низкая ценность собственного Я, уверенность в собственной бессилии снижает жизненный тонус, подавляет иммунитет, заставляя чувствовать себя менее здоровым.

Второй предиктор базисных убеждений в этом возрасте — это уровень религиозности. Он также вносит небольшой вклад в поддержание позитивных представлений о себе и о мире: чем в большей степени человек ощущает присутствие Бога в своей жизни, тем с большей уверенностью он соглашается с утверждением о том, что мир доброжелателен и справедлив по отношению к нему, и сам по себе он представляет ценность. Эти убеждения, в свою очередь, вносят вклад в повышение субъективного физического самочувствия пенсионеров. Полученные факты соотносятся с данными ранее проведенных исследований о роли религии в субъективном благополучии пожилых людей [Ясин, Сердакова, 2016; Дивисенко, Белов, 2017; Боташева и др., 2019].

Кроме того, как видно из эмпирической модели, наличие или отсутствие статуса инвалида играет важную роль в формировании субъективного здоровья в период поздней социализации. Этот биологический фактор не только напрямую влияет на уровень самооценки здоровья респондентов, но и оказывает опосредованное воздействие через базисные убеждения и субъективный возраст. Этот факт

не только согласуется с предыдущими исследованиями [Паршина, 2015], но и подтверждает необходимость специальных мер по работе с такой категорией населения, как инвалиды. Поскольку одним из приоритетов нашей страны является стремление стать инклюзивным обществом [Стоянова, 2016], необходимы дальнейшие исследования формирования позитивных базисных установок у людей с ограниченными возможностями здоровья, а также выявление резервов снижения их субъективного возраста (субъективной молодости).

Наибольший вклад в поддержание субъективного здоровья на пенсии вносит субъективный возраст, а именно его когнитивно-эмоциональный компонент (возраст, на который человек себя ощущает). Чем более молодым чувствует себя человек, тем более высокой будет его самооценка здоровья. В свою очередь, «ощущение молодости» поддерживается более высоким уровнем образования и отсутствием инвалидности. Вероятно, объективное отсутствие физических ограничений и широкий круг знаний и умений, в том числе профессиональных, позволяют человеку и на пенсии чувствовать себя моложе своих лет. Кроме того, когнитивно-эмоциональный возраст во многом определяет возраст социальный — тот, на который человек действует, то есть, по сути, указывает на социальную активность пенсионеров. И хотя социальный возраст напрямую не сказывается на ощущении собственного здоровья, он является важным компонентом в рамках общей модели субъективного здоровья в период поздней социализации, что подтверждается другими исследованиями [Непочатых, Стрекачева, 2021].

Обсуждение

В целом полученные результаты подтвердили выдвинутую гипотезу. При этом часть переменных в модели не выявила значимых связей. Так, отсутствие значимых связей по показателям пол, семейный, рабочий статус и уровень дохода противоречит результатам ряда исследований [Паутова, 2015; Lawrence et al., 2019; Maharlouei et al., 2020]. В то же время имеются и аналогичные полученным данным результаты по отдельным факторам. В частности, в серии из четырех исследований не было обнаружено значимой связи между полом и субъективным здоровьем как вариантом медицинской грамотности [Cajita et al., 2016]. Отмечается также, что субъективное здоровье, выступая оценочным компонентом субъективного благополучия при оценке личных возрастных стереотипов пожилых людей, подвергается личным возрастным и культурным стереотипам [Wurm et al., 2017]. Вероятно, в этом и можно усмотреть причины различий в научных результатах. Кроме того, мы не получили прямой или опосредованной связи оценки уровня дохода и субъективного здоровья. Для прояснения этого противоречия необходимы дополнительные исследования на расширенной выборке, включающей представителей различных регионов страны.

С другой стороны, факторы, не показавшие значимых связей в модели, могут быть включены в отдельный блок детерминант субъективного здоровья, который на фоне большого количества включенных в анализ переменных «ушли на задний план». Учитывая имеющиеся данные о различиях в детерминации субъективного здоровья у мужчин и женщин (у мужчин доминирует фактор занятости, а у женщин — образования и семейного положения) [Maharlouei et al., 2020], можно

объяснить полученные в исследовании результаты неоднородностью выборки — большей долей женщин-пенсионеров.

Важным фактом, выявленным в исследовании, следует считать обнаружение опосредующей роли базисных убеждений и субъективного возраста в повышении уровня субъективного здоровья пенсионеров. Несмотря на то, что многие ученые разделяют мнение о связи более молодого субъективного возраста с более высокой удовлетворенностью жизнью в старшем возрасте [Жуцев, 2021; Павлова, Сергиенко, 2019; Shrira et. al., 2014], это исследование показывает, что когнитивно-эмоциональный возраст может дополнительно смягчать действие биологических факторов, таких как инвалидность. Этот факт открывает возможности коррекции субъективного здоровья с помощью развития «чувства молодости» у пожилых людей, как в когнитивном, так и в социальном плане.

Результаты исследования расширяют представления о базисных убеждениях личности [Конарева, Сергиенко, 2017; Лифшиц, 2019], позволяя рассматривать их как медиаторы между социально-экономическими (образование, религиозность), биологическими (возраст) факторами и субъективным здоровьем. Это направление исследований видится перспективным, поскольку потенциально позволяет повысить субъективное здоровье пенсионеров с помощью коррекции представлений о себе и мире, несмотря на негативные внешние предпосылки и вопреки им.

Ограничения

Главным ограничением исследования является наличие относительно небольшой выборки респондентов из одного региона России, что может затруднять возможности экстраполяции данных на генеральную совокупность. Выборка не сбалансирована по полу (превалируют женщины) и уровню образования (почти половина респондентов имеют высшее образование). В то же время, по данным Росстата, в старшем возрасте доля женщин почти в три раза больше, чем мужчин, и эта тенденция является общей характеристикой населения страны². Тем не менее данное ограничение необходимо преодолеть в будущих исследованиях, проверив модель на выборках жителей других регионов страны.

В социально-экономические факторы субъективного здоровья не вошли показатели материального положения и реальных доходов респондентов, что можно также считать значимым ограничением исследования. С другой стороны, поскольку для сбора данных используются отчеты самооценки, существует вероятность искажения данных в этом вопросе, так как тема личных финансов является достаточно табуированной в обществе [Дробышева, Журавлев, 2016]. В то же время определить четкие градации уровней дохода для сравнения разных регионов страны может быть затруднительно в будущих исследованиях [Chestyunina et al., 2022]. Сегодня все больше исследователей отдают предпочтение субъективной оценке дохода как более чувствительному показателю по сравнению с объективным уровнем [Хашченко, 2011; Дейнека, 2000].

² РОССТАТ. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2022 года (Статистический бюллетень). URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_naselpv_01-01-2022.pdf (дата обращения 21.09.2023)

Заключение и выводы

Проведенное исследование вносит вклад в выявление факторов поздней социализации посредством разработки и верификации модели факторов субъективного здоровья на примере людей пенсионного возраста. Оригинальность разработанной модели заключается прежде всего в возможности проследить взаимосвязи между несколькими типами факторов: биологических, социально-экономических и когнитивно-эмоциональных.

Результаты эмпирического исследования подтвердили, что биологические (хронологический возраст и инвалидность) и социально-экономические факторы (социальное окружение) вносят вклад в повышение уровня субъективного здоровья пенсионеров. Однако когнитивно-эмоциональные факторы (субъективный возраст и базисные убеждения) оказывают не менее сильный эффект на самооценку здоровья в этом возрасте. Более того, когнитивно-эмоциональные факторы являются медиаторами, опосредующими влияние биологических (инвалидность, возраст) и социально-экономических (уровень образования и религиозности) факторов на субъективное здоровье пенсионеров. Этот факт свидетельствует о том, что уровень субъективного здоровья на пенсии можно повышать не только с помощью увеличения уровня образованности и медицинской грамотности, но и с помощью психотерапевтической работы по развитию позитивных представлений о себе и других людях. Кроме того, негативные последствия инвалидизации пожилых людей также могут смягчаться развитием позитивных представлений о мире и собственном возрасте, в том числе через включение в посильные виды социальной активности (приобретение более молодого социального возраста).

Учитывая ограничения этого исследования, в будущих работах планируется проверить полученную модель на материале представителей пенсионеров из разных регионов и других стран для выявления региональной и национально-культурной специфики факторов субъективного здоровья.

Список литературы (References)

Анисимова О. С., Бондаренко Ю. С., Бучкова А. И., Килинская Н. В. Модель социально-психологического сопровождения пожилых людей в посттрудовой период и социологический анализ основных критериев ее результативности и эффективности // Социодинамика. 2022. № 11. С. 56—71. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2022.11.39101>.

Anisimova O. S., Bondarenko Yu. S., Buchkova A. I., Kilinskaia N. V. (2022) A Model of Socio-Psychological Support of Elderly People in the Post-labor Period and a Sociological Analysis of the Main Criteria for Its Effectiveness and Efficiency. *Sociodynamics*. No. 11. P. 56—71. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2022.11.39101>. (In Russ.)

Балашова Е. Ю., Микеладзе Л. И. Особенности временной перспективы при нормальном старении и депрессиях позднего возраста // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 39. С. 3. <https://doi.org/10.54359/ps.v8i39.563>.

Balashova E. Yu., Mikeladze L. I. (2015) Features of the Temporal Perspective in Normal Aging and Geriatric Depressio. *Psychological Research*. Vol. 8. No. 39. P. 3. <https://doi.org/10.54359/ps.v8i39.563>. (In Russ.)

Барсуков В. Н., Груздева М. А. Здоровье населения старших возрастов сквозь призму социологических исследований // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. Материалы IV международной научно-практической интернет-конференции, г. Вологда, 25 марта — 2 апреля 2019.. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019.

Barsukov V. N., Gruzdeva M. A. (2019) Health of the Older Population through the Prism of Sociological Research. In: *Global Challenges and Regional Development in the Mirror of Sociological Measurement. Materials of the IV Scientific and Practical Internet Conference. 25 March — 2 April 2019*. Vologda. Vologda: VolRC RAS. (In Russ.)

Беловол Е. В., Бойко З. В., Радыш И. В., Радыш Б. Б., Шурупова Е. Ю. Здоровье лиц «третьего возраста»: объективное и субъективное в представлениях пожилых людей о своем здоровье // Экология человека. 2016. Т. 23. № 4. С. 45—49. <https://doi.org/10.33396/1728-0869-2016-4-45-49>.

Belovol E. V., Boyko Z. V., Radysh I. V., Radysh B. B., Shurupova E. Yu. (2016) The Health of «Third Age» Persons: Objective and Subjective Rating of Health Among the Elderly. *Human Ecology*. Vol. 23. No. 4. P. 45—49. <https://doi.org/10.33396/1728-0869-2016-4-45-49>. (In Russ.)

Бойко З. В., Беловол Е. В., Грэнвальд М., Сегень В. Концепция непрерывного образования как фактор повышения качества жизни в третьем возрасте (на примере организации образования в Польше) // Вестник РУДН, серия «Психология и педагогика». 2014. № 4. С. 93—100. URL: <https://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics/article/view/7846> (дата обращения: 16.12.2023).

Boyko Z. V., Belovol E. V., Groenwald M., Siegień W. (2014) Conception of Lifelong Education as a Factor of Life Quality Improving for Third Age People (By the Example of Education in Poland). *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. No. 4. P. 93—100. URL: <https://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics/article/view/7846> (accessed: 16.12.2023). (In Russ.)

Боташева С. К., Айбазова М. Б., Кипкеева А. Д. Влияние религии на здоровье и благополучие человека // Современные научные исследования и инновации. 2019. № 3. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2019/03/88827> (дата обращения: 24.02.2023).

Botasheva S. K., Aibazova M. B., Kipkeeva A. D. (2019) The Influence of Religion on Human Health and Well-Being. *Modern Scientific Research and Innovation*. No. 3. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2019/03/88827> (accessed: 24.02.2023). (In Russ.)

Вангородская С. А. Факторы самосохранительного поведения населения региона (по результатам эмпирических исследований) // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4. № 2. С. 13—25 <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2018-4-2-0-2>

Vangorodskaya S. A. (2018) Factors of Self-Preservation Behavior of the Population of the Region (According to the Results of Empirical Studies). *Scientific Result. Sociology and Management*. Vol. 2. No. 4. P. 13—25. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2018-4-2-0-2>. (In Russ.)

Галкин К. А. Особенности социальных неравенств в здоровье пожилых людей в России и Европе: обзор исследований // *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*. 2022. Т. 47. № 1. С. 14—22. <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2022-47-1-14-22>.

Galkin K. A. (2022) Features of Social Inequalities in the Health of Older People in Russia and Europe: Research Review. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*. Vol. 47. No. 1. P. 14—22. <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2022-47-1-14-22>. (In Russ.)

Гордина О. В., Гордин А. И. Неформальное образование представителей старшего поколения как фактор их активного долголетия // *Педагогика. Вопросы теории и практики*. 2021. Т. 6. № 3. С. 349—356. <https://doi.org/10.30853/ped210069>.
Gordina O. V., Gordin A. I. (2021) Non-Formal Education for the Older Generation Representatives as Factor of Their Active Ageing. *Pedagogy. Theory & Practice*. Vol. 6. No. 3. P. 349—356. <https://doi.org/10.30853/ped210069>. (In Russ.)

Дейнека О. С. Экономическая психология. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000.
Deineka O. S. (2000) *Economic Psychology*. SPb.: Publishing House of St. Petersburg University. (In Russ.)

Дивисенко К. С., Белов А. Э. Социальные исследования субъективного благополучия в контексте духовности и религиозности // *Социологический журнал*. 2017. Т. 23. № 2. С. 51—73. <https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.2.5159>.
Divisenko K. S., Belov A. E. (2017) Social Studies of Subjective Well-Being in the Context of Spirituality and Religiosity. *Sociological Journal*. Vol. 23. No. 2. P. 51—73. <https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.2.5159>. (In Russ.)

Дробышева Т. В., Журавлев А. Л. Система факторов экономического сознания в условиях вторичной экономической социализации личности и группы // *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология*. 2016. Т. 1. № 2. С. 207—232.
Drobysheva T. V., Zhuravlev A. L. (2016) The System of the Economic Consciousness Factors in the Secondary Socialization of the Personality and Group. *Institute of Psychology Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology*. Vol. 1. No. 2. P. 207—232. (In Russ.)

Ермолаева М. В., Пряхина С. Б. К вопросу о потенциалах развития личности в старости // *Мир психологии*. 2008. № 2. С. 244—255.
Yermolaeva M. V., Pryakhina S. B. (2008) To the Question of Potentials of a Personality Development in an Old Age. *The World of Psychology*. No. 2. P. 244—255. (In Russ.)

Есмурзаева Ж. Б., Новикова Е. Б. Цифровая социализация людей старшего возраста: опыт стран ЕС // *Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ*. 2021. № 4. URL: <https://e-journal.omgau.ru/index.php/vyp-rus/2021-god/4-27-oktyabr-dekabr-2021-g> (дата обращения: 16.02.2023).
Esmurzaeva Zh. B. Novikova E. B. (2021) Digital Inclusion of Older Persons: The EU Policy. Research and Scientific. *Electronic Journal of Omsk SAU*. No. 4. URL: <https://e-journal.omgau.ru/index.php/vyp-rus/2021-god/4-27-oktyabr-dekabr-2021-g> (accessed: 16.02.2023). (In Russ.)

Забелина Е. В., Честюнина Ю. В. Поздняя экономическая социализация, разработка и верификация модели // Актуальные проблемы психологического знания. 2021. № 1—2. С. 116—127.

Zabelina E. V., Chestyunina Yu. V. (2021) Late Economic Socialization: Model Development and Verification. *Actual Problems of Psychological Knowledge*. No. 1—2. P. 116—127. (In Russ.)

Иванова В. С., Иванкина Л. И. Самооценка здоровья пожилых людей как фактор их благополучия // Экономика России в XXI веке: сборник научных трудов XII Международной научно-практической конференции «Экономические науки и прикладные исследования». Томск: Изд-во ТПУ, 2015. Т. 1. С. 403—407.

Ivanova V. S., Ivankina L. I. (2015) Self-Assessment of the Health of Elderly People as a Factor of Their Well-Being. In: *Economics of Russia in the XXI Century: Collection of Scientific Papers of the XXI International Scientific and Practical Conference «Economic Sciences and Applied Research»*. Tomsk: TPU Publishing House. Vol. 1. P. 403—407.

Ирсетская Е. А. Практики взаимодействия пенсионеров с ближним окружением // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2016. № 2. С. 63—70. <https://philosophy.rsuh.ru/jour/article/view/50> (дата обращения: 15.12.2023).

Irsetskaya E. A. (2016) Practices of Interaction of Pensioners with an Immediate Surrounding. *RSUH Series: Philosophy. Sociology. Art Studies*. No. 2. P. 63—70. <https://philosophy.rsuh.ru/jour/article/view/50> (accessed: 15.12.2023). (In Russ.)

Кислая С. С., Трегуб И. В. Исследование влияния социально-экономических факторов на уровень здоровья пожилого населения России // Учет и статистика. 2022. № 3. С. 55—62. <https://doi.org/10.54220/1994-0874.2022.55.40.008>.

Kislaya S. S., Tregub I. V. (2022) Study of the Socio-Economic Factors Influence on the Elderly Russians Health Level. *Accounting and Statistics*. No. 3. P. 55—62. <https://doi.org/10.54220/1994-0874.2022.55.40.008>. (In Russ.)

Коберская Н. Н., Табеева Г. Р. Роль когнитивных и эмоциональных факторов в формировании боли // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 2021. Т. 121. № 11. С. 111—118. <https://doi.org/10.17116/jnevro20211211111111>.

Koberskaya N. N., Tabeeva G. R. (2021) The Role of Cognitive and Emotional Factors in the Formation of Pain. *Journal of Neurology and Psychiatry Named After. S. S. Korsakov*. 2021. Vol. 121. No. 11. P. 111—118. <https://doi.org/10.17116/jnevro20211211111111>. (In Russ.)

Колпина Л. В., Бояринова И. В., Вангородская С. А. Некоторые аспекты субъективной детерминации здоровья представителей старших возрастных групп // НОМОТНИКА: Философия. Социология. Право. 2020. Vol. 45. № 4. С. 644—654. <https://doi.org/10.18413/2712-746X-2020-45-4-644-654>.

Kolpina L. V., Boyarinova I. V., Vangorodskaya S. A. (2020) Some Aspects of Subjective Determination of the Health of Older Age Groups. *NOMOTNIKA: Philosophy. Sociology. Law*. Vol. 45. No. 4. P. 14—22. <https://doi.org/10.18413/2712-746X-2020-45-4-644-654>. (In Russ.)

Конарева И. Н., Сергиенко М. И. Характеристики базисных убеждений женщин юношеского и позднего возраста // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2017. Т. 3. № 3. С. 82—91.

Konareva I. N., Sergienko M. I. (2017) Specifications of Basic Beliefs of the Women in Youth and Old Ages. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology*. Vol. 3. No. 3. P. 82—91. (In Russ.)

Короленко А. В., Калачикова О. Н. Здоровье и активное долголетие населения (на материалах регионального исследования) // Международный демографический форум «Демография и глобальные вызовы» / отв. Ред Н. В. Яковенко. Воронеж: «Цифровая полиграфия», 2021.

Korolenko A. V., Kalachikova O. N. (2021) Health and Active Longevity of the Population (Based on Regional Research). In: Yakovenko N. V. (ed.) *International Demographic Forum «Demography and Global Challenges»*. Voronezh: «Digital Printing». (In Russ.)

Кудашов В. И. Когнитивное управление формированием здорового образа жизни // Сибирское медицинское обозрение. 2011. № 1. С. 109—111. URL: https://smr.krasgmu.ru/files/29_1418029867_smo_2011,_n1_67_.pdf (дата обращения: 15.12.2023).

Kudashov V. I. (2011) Cognitive Control of the Formation of a Healthy Lifestyle. *Siberian Medical Review*. No. 1. P. 109—111. URL: https://smr.krasgmu.ru/files/29_1418029867_smo_2011,_n1_67_.pdf (accessed: 15.12.2023). (In Russ.)

Кушев О. И. Субъективный возраст и удовлетворенность жизнью у людей пожилого возраста // Вестник магистратуры. 2021. № 1—3. С. 52—54.

Kushchev O. I. (2021) Subjective Age and Life Satisfaction in Elderly People. *Bulletin of the Magistracy*. No. 1—3. P. 52—54. (In Russ.)

Лебедева А. А., Костенко В. Ю. Субъективное здоровье в поле проблем психологии и психиатрии // Неврологический вестник. Журнал им. В. М. Бехтерева. 2019. Т. 51. № 4. С. 98—101. <https://publications.hse.ru/articles/362895111> (дата обращения: 15.12.2023).

Lebedeva A. A., Kostenko V. Yu. (2019) Subjective Health in the Field of Problems of Psychology and Psychiatry. *Neurological Bulletin. Journal named after V. M. Bekhterev*. Vol. 51. No. 4. P. 98—101. <https://publications.hse.ru/articles/362895111> (accessed: 15.12.2023). (In Russ.)

Лифшиц М. В. Взаимосвязь базовых убеждений, насыщенности жизни стрессом и психологического благополучия // Человеческий капитал. 2019. № 10. С. 126—132. <https://doi.org/10.25629/HC.2019.10.15>.

Lifshits M. V. (2019) Interconnection of Basic Assumptions, Saturation of Live with Stress and Psychological Well-Being. *Human Capital*. No. 10. P. 126—132. <https://doi.org/10.25629/HC.2019.10.15>. (In Russ.)

Мелёхин А. И. Алгоритм комплексной гериатрической оценки состояния здоровья в пожилом и старческом возрасте // Клиническая и медицинская психо-

логия: исследования, обучение, практика. 2016. № 3. URL: http://medpsy.ru/climp/2016_3_13/article04.php (дата обращения: 15.12.2023).

Melekhin A I. (2016) Algorithm of Complex Geriatric Assessment of Health Status in the Elderly and Senile Age. *Clinical and Medical Psychology: Research, Training, Practice*. No. 3. P. 126—132. URL: http://medpsy.ru/climp/2016_3_13/article04.php (accessed: 15.12.2023). (In Russ.)

Мелехин А. И., Сергиенко Е. А. Субъективный возраст как предиктор жизнедеятельности в поздних возрастах // Современная зарубежная психология. 2015. Т. 4. № 3. С. 6—14. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2015040301>.

Melehin A. I., Sergienko E. A. (2015) The Subjective Age as a Predictor of Vital Functions of Elder People. *Journal of Modern Foreign Psychology*. Vol. 4. No. 3. P. 6—14. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2015040301>. (In Russ.)

Наследов А. Д. IBM SPSS Statistics 20 и AMOS: профессиональный статистический анализ данных. СПб.: Питер, 2018.

Nasledov A. D. (2018) IBM SPSS Statistics 20 and AMOS: Professional Statistical Data Analysis. Saint Petersburg: Piter. (In Russ.)

Непочатых Е. П., Стрекачева Е. С. Особенности активного долголетия граждан старшего поколения с разным уровнем социальной активности // Коллекция гуманитарных исследований. Электронный научный журнал. 2021. № 2. С. 24—33. [https://doi.org/10.21626/j-chr/2021-2\(27\)/3](https://doi.org/10.21626/j-chr/2021-2(27)/3).

Nepochatyh E. P., Strekacheva E. S. (2021) Features of Active Longevity of Older Citizens with Different Levels of Social Activity. *The Collection of Humanitarian Researches. Electronic Scientific Journal*. No. 2. P. 24—33. [https://doi.org/10.21626/j-chr/2021-2\(27\)/3](https://doi.org/10.21626/j-chr/2021-2(27)/3). (In Russ.)

Ослон В. Н., Прокопьева Л. М., Колесникова У. В. Активность образа жизни, субъективное здоровье и субъективное благополучие детей старшего подросткового и юношеского возраста в Российской Федерации // Психологическая наука и образование. 2022. Том 27. № 6. С. 116—129. <https://doi.org/10.17759/pse.2022270609>.

Oslon V. N., Prokopyeva L. M., Kolesnikova U. V. (2022) Lifestyle Activity, Subjective Health and Subjective Well-Being of Children of Older Adolescence and Youth in the Russian Federation. *Psychological Science and Education*. Vol. 27. No. 6. P. 116—129. <https://doi.org/10.17759/pse.2022270609>.

Павлова Н. С., Сергиенко Е. А. Исследование качества жизни во взаимосвязи с субъективным возрастом на этапе позднего онтогенеза // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2019. № 2. С. 36—53. <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2019-2-36-53>.

Pavlova N. S., Sergienko E. A. (2019) The Life Quality Research in Correlation with Subjective Age at the Late Ontogenesis Stage. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series Psychology*. No. 2. P. 36—53. <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2019-2-36-53>. (In Russ.)

Падун М. А., Котельникова А. В. Модификация методики исследования базисных убеждений личности Р. Янофф-Бульман // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 4. С. 98—106.

Padun M. A., Kotel'nikova A. V. (2008) Modification of R. Janoff-Bulman's Procedure for Personality Basic Beliefs Study. *Psychological Journal*. Vol. 29. No. 4. P. 98—106. (In Russ.)

Паршина В. В. Сравнительный анализ социально-психологических проблем молодых и пожилых инвалидов // Таврический научный обозреватель. 2015. № 3. С. 42—44.

Parshina V. V. (2015) Comparative Analysis of Socio-Psychological Problems Young and Elderly Disabled. *The Tauride Scientific Observer*. No. 3. P. 42—44. (In Russ.)

Паутова Н. И., Паутов И. С. Гендерные особенности самооценки здоровья и его восприятия как социокультурной ценности (по данным 21-й волны RLMS-HSE) // Женщина в российском обществе. 2015. № 2. С. 64—80. URL: <https://womaninrussiansociety.ru/article/pautova-n-j-pautov-i-s-gender-characteristics-of-health-self-assessment-and-perception-as-a-socio-cultural-value-based-on-the-data-of-the-21st-round-of-rlms-hse-pp-60-75/> (дата обращения: 17.12.2023).

Pautova N. I., Pautov I. S. (2015) Gender Characteristics of Self-Assessment and Perception as a Socio-cultural Value (Based on Data of the 21st Round of RLMS-HSE). *Woman in Russian Society*. No. 2. P. 64—80. URL: <https://womaninrussiansociety.ru/article/pautova-n-j-pautov-i-s-gender-characteristics-of-health-self-assessment-and-perception-as-a-socio-cultural-value-based-on-the-data-of-the-21st-round-of-rlms-hse-pp-60-75/> (accessed: 17.12.2023). (In Russ.)

Перинская Н. А. Цифровая социализация россиян пожилого возраста // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2022. № 2. С. 55—60.

Perinskaya N. A. (2022) Digital Socialization of Elderly Russians. *Scientific Works of the Moscow University for the Humanities*. No. 2. P. 55—60. (In Russ.)

Прохорова М. В. Адаптационный потенциал к социальному старению // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2022. № 1. С. 110—116. https://doi.org/10.52452/18115942_2022_1_110.

Prokhorova M. V. (2022) Adaptive Capability to Social Ageing. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*. No. 1. P. 110—116. https://doi.org/10.52452/18115942_2022_1_110. (In Russ.)

Сергиенко Е. А., Цириг Д. А., Пахомова Я. Н., Пономарева И. В. Субъективный возраст женщин с раком молочной железы в системе психологических факторов // Клиническая и специальная психология. 2022. Т. 11. № 1. С. 67—89. <https://doi.org/10.17759/cpse.2022110104>.

Sergienko E. A., Tsiring D. A., Pakhomova Ya. N., Ponomareva I. V. (2022) Subjective Age of Women with Breast Cancer in the System of Psychological Factors. *Clinical Psychology and Special Education*. Vol. 11. No. 1. P. 67—89. <https://doi.org/10.17759/cpse.2022110104>. (In Russ.)

Сергиенко Е. А. Субъективный возраст и психологическое здоровье // Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного

российского общества / отв. ред. Журавлев А. Л., Воловикова М. И., Галкина Т. В. М: Издательство Института психологии РАН, 2014. С. 257—280.

Sergienko E. A. (2014) Subjective Age and Mental Health. In: Zhuravlev A. L., Volovikova M. I., Galkina T. V. (eds.) *Psychological Health of the Individual and Spiritual and Moral Problems of Modern Russian Society*. Moscow: IPRAS Press. P. 257—280 (In Russ.)

Стоянова А. С. Формирование инклюзивного общества в России: основы правового регулирования // Образование: традиции и инновации: материалы XII международной научно-практической конференции. Прага: World Press, 2016. С. 306—308.
Stoyanova A. S. (2016) Formation of an Inclusive Society in Russia: Fundamentals of Legal Regulation. *Education: Traditions and Innovations: Materials of the XII International Scientific and Practical Conference*. Prague: World Press. P. 306—308. (In Russ.)

Тимошенко Н. А. Особенности решения социальных проблем и помощи во вторичной социализации пожилых граждан в Ставропольском крае // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 1. С. 17—19. <https://doi.org/10.24411/1991-5497-2020-00007>.

Timoshenko N. A. (2020) Specifics of Solving Social Problems and Support in the Secondary Socialization for Elderly Citizens in Stavropol Region. *The World of Science, Culture and Education*. No. 1. P. 17—19. <https://doi.org/10.24411/1991-5497-2020-00007>. (In Russ.)

Хайрльварина Г. Р., Шаяхметова Э. Ш., Матвеева Л. М., Самигуллин Р. Р., Митина Г. В. Взаимосвязь качества жизни и религиозной идентичности пожилых людей // Minbar. Islamic Studies. 2019. Т. 12. № 3. С. 835—849. <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2019-12-3-835-849>.

Khayerlvarina G. R., Shayakhmetova E. Sh., Matveeva L. M., Samigullin R. R., Mitina G. V. (2019) The Relationship Between the Quality of Life and Religious Identity of Elderly People. *Minbar. Islamic Studies*. Vol. 12. No. 3. P. 835—849. <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2019-12-3-835-849>. (In Russ.)

Хашченко В. А. Субъективное экономическое благополучие как предиктор субъективного качества жизни // Теоретическая и экспериментальная психология. 2011. Т. 4. № 4. С. 13—29. URL: <https://tepsyj.ru/volumes/2011-4/> (дата обращения: 16.12.2023).

Khaschenko V. A. Subjective Economic Well-Being as a Predictor of Subjective Quality of Life. *Theoretical and Experimental Psychology*. 2011. Vol. 4. No. 4. P. 13—29. URL: <https://tepsyj.ru/volumes/2011-4/> (accessed: 16.12.2023). (In Russ.)

Шершнева А. И., Шершнева О. Ю. Проблема психосоматических заболеваний в современном мире // Научно-практическая конференция, посвященная Дню психического здоровья / под ред. Ивашиненко Д. М. Тула: Тульский государственный университет, 2017. С. 173—176.

Shershneva A. I., Shershneva O. Yu. (2017) The Problem of Psychosomatic Diseases in the Modern World. In: Ivashinenko D. M. (ed.) *Scientific and Practical Conference Dedicated to the Day of Mental Health*. Tula: Tula State University. P. 173—176. (In Russ.)

Щукина М. А., Ширман Л. А. Психологические предикторы удовлетворенности жизнью людей старшего возраста (на примере клиентов благотворительного фонда) // Национальный психологический журнал. 2022. № 1. С. 15—29. URL: <https://npsyj.ru/articles/article/9462/> (accessed: 16.12.2023).

Shchukina M. A., Shirman L. A. (2022) Psychological Predictors of Life Satisfaction in Older People (On the Example of Clients of a Charitable Foundation). *National Psychological Journal*. No. 1. P. 15—29. URL: <https://npsyj.ru/articles/article/9462/> (accessed: 16.12.2023). (In Russ.)

Янцен М. А. Социализация пожилых людей: социологический аспект // Народонаселение. 2020. Т. 23. № 3. С. 71—82. <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.3.7>.

Yantsen M. A. (2020) Socialization of the Elderly: Sociological Aspect. *Population*. Vol. 23. No. 3. P. 71—82. <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.3.7>. (In Russ.)

Ясин М. И., Сердакова К. Г. Эмпирическое исследование религиозности и субъективного благополучия в пожилом возрасте // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2016. № 9. С. 74—85. URL: http://www.sced.ru/ru/index.php?option=com_content&view=article&id=474:nauchnoe-obozenie-gumanitarnye-issledovaniya-9-2016&catid=43&Itemid=156 (дата обращения: 16.12.2023).

Yasin M. I., Serdakova K. G. (2016) Empirical Study of Religiosity and Subjective Well-Being in Old Age. *Scientific Review: Humanitarian Studies*. No. 9. P. 74—85. URL: http://www.sced.ru/ru/index.php?option=com_content&view=article&id=474:nauchnoe-obozenie-gumanitarnye-issledovaniya-9-2016&catid=43&Itemid=156 (accessed: 16.12.2023). (In Russ.)

Almgren G., Magarati M., Mogford L. (2009) Examining the Influences of Gender, Race, Ethnicity, and Social Capital on the Subjective Health of Adolescents. *Journal of Adolescence*. Vol. 32. No. 1. P. 109—133. <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2007.11.003>.

Au N., Johnston D. W. (2014) Self-Assessed Health: What Does It Mean and What Does It Hide? *Social Science & Medicine*. Vol. 121. P. 21—28. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2014.10.007>.

Barak B. (2009) Age Identity: A Cross-Cultural Global Approach. *International Journal of Behavioral Development*. Vol. 33. No. 1. P. 2—11. <https://doi.org/10.1177/0165025408099485>.

Byrne B. M. (2016) *Structural Equation Modelling with AMOS: Basic Concepts, Applications, and Programming*. New York, NY: Routledge.

Cajita M. I., Cajita T. R., Han H. R. (2016) Health Literacy and Heart Failure: A Systematic Review. *The Journal of Cardiovascular Nursing*. Vol. 31. No. 2. P. 121—30. <https://doi.org/10.1097/JCN.0000000000000229>.

Chestyunina Y., Vedeneeva, E., Trushina, I., Kurnosova, S. (2022) Late Economic Socialization: Regional Dimension. *Human Factors in Aging and Special Needs*. Vol. 38. <http://doi.org/10.54941/ahfe1001665>.

Daly M., Hall P. A., Allan J. L. (2019) Time Perspective and All-Cause Mortality: Evidence from the English Longitudinal Study of Ageing. *Annals of Behavioral Medicine*. Vol. 53. No. 5. P. 486—492. <https://doi.org/10.1093/abm/kay046>.

Demiray B., Bluck, S. (2014) Time Since Birth and Time Left to Live: Opposing Forces in Constructing Psychological Wellbeing. *Ageing and Society*. Vol. 34. No. 7. P. 1193—1218. <https://doi.org/10.1017/S0144686X13000032>.

Dieteren C. M., Brouwer W. B. F., Exel J. (2020). How Do Combinations of Unhealthy Behaviors Relate to Attitudinal Factors and Subjective Health Among the Adult Population in the Netherlands? *BMC Public Health*. Vol. 20. No. 441. <https://doi.org/10.1186/s12889-020-8429-y>.

Kung C. S. J. (2020) Health in Widowhood: The Roles of Social Capital and Economic Resources. *Social Science & Medicine*. Vol. 253. Art. 112965. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2020.112965>.

Lawrence E. M., Rogers R. G., Zajacova A., Wadsworth T. Marital Happiness, Marital Status, Health, and Longevity. *Journal of Happiness Studies*. Vol. 20. P. 1539—1561. <https://doi.org/10.1007/s10902-018-0009-9>.

Maharlouei N., Cobb S., Bazargan M., Assari S. (2020) Subjective Health and Happiness in the United States: Gender Differences in the Effects of Socioeconomic Status Indicators. *Journal of Mental Health & Clinical Psychology*. Vol. 2. No. 4. P. 8—17. <https://doi.org/10.29245/2578-2959/2020/2.1196>.

Ouchida K. M., Lachs M. S. (2015) Not for Doctors Only: Ageism in Healthcare. *Generations*. Vol. 39. No. 3. P. 46—57.

Shrira A, Bodner E, Palgi Y. (2014) The Interactive Effect of Subjective Age and Subjective Distance-To-Death on Psychological Distress of Older Adults. *Aging & Mental Health*. Vol. 18. No. 8. P. 66—70. <https://doi.org/10.1080/13607863.2014.915925>.

Shimizu Y., Suzuki M., Hata Y., Sakaki T. (2023) The Relationship Between Frailty and Social Participation: Focus on Subjective Health. *BMC Research Notes*. Vol. 16. No. 123. <https://doi.org/10.1186/s13104-023-06407-x>.

Sørensen K., Pelikan J. M., Röthlin F., Ganahl K., Slonska Z., Doyle G., Fullam J., Kondilis B., Agrafiotis D., Uiters E., Falcon M., Mensing M., Tchamov K., Broucke S., Brand H. (2015) Health Literacy in Europe: Comparative Results of the European Health Literacy Survey (HLS-EU). *European Journal of Public Health*. Vol. 25. No. 6. P. 1053—1058. <https://doi.org/10.1093/eurpub/ckv043>.

Stephan Y., Sutin A. R., Terracciano A. (2018) Subjective Age and Mortality in Three Longitudinal Samples. *Psychosomatic Medicine*. Vol. 80. No. 7. P. 59—64. <https://doi.org/10.1097/PSY.0000000000000613>.

Wurm S., Diehl M., Kornadt A. E., Westerhof G. J., Wahl H. W. (2017) How do Views on Aging Affect Health Outcomes in Adulthood and Late Life? Explanations for an Established Connection. *Developmental Review*. Vol. 46. P. 27—43. <https://doi.org/10.1016/j.dr.2017.08.002>.

Ziebarth N. (2010) Measurement of Health, Health Inequality, and Reporting Heterogeneity. *Social Science and Medicine*. No. 71. P. 116—124. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2010.03.016>.

Приложение 1

«Age-of-Me» (Шкала субъективного возраста)

Закончите, пожалуйста, каждое из нижеперечисленных предложений:

1. Я чувствую себя, как мне кажется, на ___ лет.
2. Я считаю, что я выгляжу на ___ лет.
3. На мой взгляд, я действую как человек ___ лет.
4. Мои интересы, главным образом, соответствуют интересам человека ___ лет.

Приложение 2

Шкала базисных убеждений личности

Инструкция. Оцените, пожалуйста, насколько Вы согласны или не согласны с приведенными ниже утверждениями и отметьте одну из граф напротив каждого утверждения в соответствии со шкалой: 1. совершенно не согласен, 2. не согласен, 3. не совсем согласен, 4. в общем-то, согласен, 5. согласен, 6. полностью согласен.

1	Как правило, несчастья случаются с людьми из-за ошибок, которые они совершили.	1 2 3 4 5 6
2	Мне часто кажется, что во мне слишком мало хорошего.	1 2 3 4 5 6
3	В общем-то, судьба ко мне благосклонна.	1 2 3 4 5 6
4	Вряд ли что-то сможет помешать мне получить от жизни все, что я хочу.	1 2 3 4 5 6
5	Я полагаю, что людям доверять нельзя.	1 2 3 4 5 6
6	Непорядочные люди очень редко получают по заслугам.	1 2 3 4 5 6
7	У меня есть основания быть о себе невысокого мнения.	1 2 3 4 5 6
8	Мне кажется, что я не так удачлив(а), как большинство людей.	1 2 3 4 5 6
9	Как правило, я в состоянии действовать так, чтобы получить максимально благоприятный результат.	1 2 3 4 5 6
10	Я опасюсь, что человек, которому я доверюсь, может предать меня.	1 2 3 4 5 6
11	Как правило, хорошим людям сопутствуют счастье и удача.	1 2 3 4 5 6
12	Можно сказать, что я себе нравлюсь.	1 2 3 4 5 6
13	Люди по природе своей недружелюбны и злы.	1 2 3 4 5 6
14	В моей жизни, как правило, не приходится рассчитывать на удачное стечение обстоятельств.	1 2 3 4 5 6
15	В целом люди достойны доверия.	1 2 3 4 5 6
16	Полагаю, что я в силах сделать все возможное, чтобы предотвратить неудачи.	1 2 3 4 5 6
17	Меня вполне можно назвать интересным и привлекательным человеком.	1 2 3 4 5 6
18	По большому счету, людей не очень-то волнуют проблемы других.	1 2 3 4 5 6
19	Вряд ли я могу полностью довериться кому-либо.	1 2 3 4 5 6
20	Удача улыбается мне значительно реже, чем другим.	1 2 3 4 5 6
21	Если посмотреть внимательно, то увидишь, что мир полон добра.	1 2 3 4 5 6
22	В большинстве случаев хорошие люди получают то, что заслуживают в жизни.	1 2 3 4 5 6
23	Мои достоинства вполне перевешивают мои недостатки.	1 2 3 4 5 6
24	Я считаю, что в целом бессмысленно предпринимать какие-либо меры для защиты себя от неудач.	1 2 3 4 5 6

25	Фортуна слишком часто поворачивается ко мне спиной.	1 2 3 4 5 6
26	Сомневаюсь, что я в состоянии контролировать события, которые происходят в моей жизни.	1 2 3 4 5 6
27	Мне кажется, что если я буду откровенен(а) с людьми, они используют это против меня.	1 2 3 4 5 6
28	Я считаю, что мне часто везет.	1 2 3 4 5 6
29	С достойными, хорошими людьми неудачи случаются так же часто, как и с плохими.	1 2 3 4 5 6
30	Мне вполне по силам выбрать максимально выигрышную стратегию поведения в сложных жизненных ситуациях.	1 2 3 4 5 6
31	Люди в большинстве своем добры и готовы прийти на помощь.	1 2 3 4 5 6
32	Оглядываясь назад, я понимаю, что случай был ко мне благосклонен.	1 2 3 4 5 6
33	Доверять людям небезопасно.	1 2 3 4 5 6
34	Если человек совершает хорошие поступки, то судьба, как правило, к нему благосклонна.	1 2 3 4 5 6
35	В общем-то, я ценю себя достаточно высоко.	1 2 3 4 5 6
36	Я вполне везучий человек.	1 2 3 4 5 6
37	Сомневаюсь, что могу быть достаточно интересным(ой) и привлекательным(ой) для многих людей.	1 2 3 4 5 6

Приложение 3.

Шкала субъективного здоровья

Оцените уровень Вашего физического состояния

☐	Очень плохое
☐	Плохое
☐	Удовлетворительное
☐	Хорошее
☐	Отличное

DOI: [10.14515/monitoring.2023.6.2476](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.6.2476)

В. М. Пешкова

ОТНОШЕНИЕ К БРАКАМ С МИГРАНТАМИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И УРОВНЯ КСЕНОФОБИИ (НА ПРИМЕРЕ МОСКВЫ)

Правильная ссылка на статью:

Пешкова В. М. Отношение к бракам с мигрантами как показатель социального взаимодействия и уровня ксенофобии (на примере Москвы) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 6. С. 171—196. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.6.2476>.

For citation:

Peshkova V. M. (2023) Attitude to Marriages with Migrants as an Indicator of Social Interaction and the Level of Xenophobia (On the Example of Moscow). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 171–196. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.6.2476>. (In Russ.)

Получено: 19.08.2023. Принято к публикации: 21.11.2023.

ОТНОШЕНИЕ К БРАКАМ С МИГРАНТАМИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И УРОВНЯ КСЕНОФОБИИ (НА ПРИМЕРЕ МОСКВЫ)

ПЕШКОВА Вера Михайловна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия

E-MAIL: pever@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3530-922X>

Аннотация. Статья рассматривает взаимодействие российского населения с мигрантами в брачно-семейной сфере на примере отношения жителей Москвы к бракам с выходцами из стран Закавказья, Средней Азии и Северного Кавказа. Особое внимание уделяется тому, как опыт подобных браков влияет на контакты в других сферах, на отношение к таким контактам в будущем, а также на восприятие миграции в целом. Эмпирическая часть исследования проведена в конце 2020 г. и включает количественные (опрос 452 человек) и качественные (24 интервью) данные. Результаты исследования подтверждают основное положение теории контакта. Респонденты, у которых есть родственники, состоящие (состоявшие) в браке с мигрантами, имеют более широкий круг общения, чаще обращают внимание на разнообразие своего окружения, а также более положительно настроены по отношению к этому общению в настоящем и в будущем по сравнению с теми, у кого таких родственников нет. В то же время отношение к мигрантам зависит как от сферы взаимодействия, так и того,

ATTITUDE TO MARRIAGES WITH MIGRANTS AS AN INDICATOR OF SOCIAL INTERACTION AND THE LEVEL OF XENOPHOBIA (ON THE EXAMPLE OF MOSCOW)

Vera M. PESHKOVA^{1,2} — Cand. Sci. (Hist.), Senior Research Fellow

E-MAIL: pever@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3530-922X>

¹ Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. The article examines the interaction of the Russian population with migrants in the marriage and family sphere based on the example of the Moscow residents' attitude to marriages with migrants from the Transcaucasia, Central Asia, and the North Caucasus. The author studies how the experience of such marriages affects contacts in other areas of interaction, attitudes towards such contacts in the future, and perceptions of migration in general. The empirical part of the study was conducted at the end of 2020 and includes population survey ($N = 452$) and a series of in-depth interviews ($N = 24$). The results of the study confirm the main statement of the contact theory. Respondents who have relatives married to migrants have a wider circle of contacts, are more likely to pay attention to the diversity of their environment and are also more positive about this communication in the present and future compared to those who do not have such relatives. At the same time, the attitude towards migrants depends both on the sphere of interaction and on where the migrant comes from. Such attitudes are also influenced by the

откуда родом мигрант. На подобное отношение также влияет приписывание мигрантам этнических, расовых и профессиональных характеристик. Кроме того, личный опыт не всегда означает однозначно положительное отношение, а отрицательное отношение в момент обследования — не гарантирует негативного отношения в будущем. Поэтому неудивительно, что, с одной стороны, отношение москвичей к мигрантам характеризуется довольно высоким уровнем ксенофобии, с другой, — достаточно активным личным общением в разных сферах социального взаимодействия.

Ключевые слова: миграция, мигранты, отношение к мигрантам, социальное взаимодействие, ксенофобия, мигрантофобия, межгрупповые контакты, смешанные браки

attribution of ethnic, racial, and religious characteristics to migrants. In addition, personal experience does not always mean a clearly positive attitude, and a negative attitude at the time of the survey does not guarantee a negative attitude in the future. Therefore, it is not surprising that, on the one hand, the attitude of Muscovites towards migrants is characterized by a fairly high level of xenophobia, and on the other hand, by relatively active personal communication in various spheres of social interaction.

Keywords: migration, migrants, attitudes towards migrants, social interaction, xenophobia, migrant phobia, intergroup contacts, mixed marriages

Введение и постановка проблемы

Миграция является неотъемлемым и важнейшим фактором развития современной России после дезинтеграции СССР, очевидно, ставшей одной из основных причин активизации как внутрироссийской, так и международной мобильности. Миграционная ситуация в России имеет свои особенности. Во-первых, большинство внешних мигрантов, прежде всего, трудовых, составляют приезжие из стран СНГ, почти половина из них — выходцы из Центральной Азии. Заметную долю также составляют мигранты из Закавказья и Украины¹. Во-вторых, динамика и интенсивность миграционных процессов, а также состав миграции меняются, дополняются активными внутрироссийскими перемещениями населения, что приводит, в том числе, к еще большему усложнению исторически сформировавшегося разнообразного состава населения и миграционной ситуации в России [Леденева, 2021]. В-третьих, не только в массовом сознании, но и в общественно-политическом и академическом дискурсах происходит этнизация миграции или описание и понимание миграционных проблем преимущественно в этнических категориях и терминах [Малахов, 2004; Нам, 2023].

В совокупности в российском контексте данные факторы проблематизируют отношение к мигрантам через этнически/культурную призму «видимые другие» [Дробужева, 2015], что объясняет, почему наиболее распространенной формой ксенофобии зачастую является мигрантофобия и этнофобия [Мукомель, 2017]. Это

¹ Численность и миграция населения Российской Федерации в 2021 году. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283/> (дата обращения: 10.05.23).

подтверждают и многочисленные опросы общественного мнения, выявляющие достаточно высокий уровень ксенофобии в форме мигрантофобии и этнофобии, осложняющий социальное взаимодействие и интеграционные процессы в России². Но сосредотачиваясь на фиксации уровня ксенофобии/мигрантофобии в разные периоды времени, исследователи значительно меньше внимания уделяют выявлению факторов, влияющих на этот уровень. Однако в современной российской миграционной ситуации именно понимание причин снижения уровня ксенофобии/мигрантофобии, имеет особую актуальность.

В зарубежной науке и политике есть множество исследований факторов, влияющих на отношение принимающего населения к мигрантам, а также механизмов снижения конфликтности. Одним из таких механизмов, снижающих уровень негативизма и тревожности, согласно теории контакта, является опыт личного общения [Hamberger, Hewstone, 1997; Pratsinakis et al., 2016; Варшавер, 2015; Космарская, Савин, 2021; Степанов, 2016; Соколов, 2017; Щеголькова, 2020].

Одним их наиболее эффективно работающих инструментов по изучению генерализованных установок по отношению к контактам и определению дистанции между членами любых аут-групп является шкала Э. Богардуса. Общий вывод инициированных им в 1920-е годы исследований состоит в том, что обычно люди чувствуют себя более комфортно с теми, кого воспринимают в качестве таких же, как «мы», похожих на «нас» [Bogardus, 1933; Wark, Galliher, 2007]³. Степень комфорта или близости измеряется с помощью серии вопросов (в формулировках «Готовы ли Вы...?», «Хотели бы Вы...?»), направленных на выявление степени принятия человека из другой социальной (этнической, расовой и пр.) группы в качестве супруга/и; близкого друга/подруги; соседа/соседки; коллеги; начальника(ицы), гражданина своей страны и пр. Показатель, означающий максимальную степень близости в общении, присваивается вступлению в брак с партнером другого социального происхождения [Bogardus, 1933; Wark, Galliher, 2007]⁴. Принятие представителя какой-то социальной группы для общения в сфере с меньшей социальной дистанцией подразумевает принятие общения с ним в сфере с относительно большей социальной дистанцией. Иными словами, если индивид отвечает, что готов видеть представителя другой группы в качестве близкого родственника по браку, то он будет готов видеть его и в качестве друга, соседа, коллеги или в качестве гражданина своей страны⁵.

Множество регулярно проводимых различными центрами общественного мнения количественных опросов, а также специальных социологических исследований отношения к миграции [Гудков, 2007; Мукомель, 2014, 2017], насколько

² См., например, Отношение к мигрантам из Средней Азии. Мигранты из Средней Азии на российском рынке труда // ФОМ. 2022. 22 марта. URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14701> (дата обращения: 20.12.2023); Отношение к мигрантам-соседям и мигрантам-коллегам. ФОМ выяснил, как относятся россияне к мигрантам из других регионов и других государств // ФОМ. 2012. 25 мая URL: <https://fom.ru/Mir/10442> (дата обращения: 20.12.2023); Иностранцы мигранты в России: как снизить межнациональную напряженность? // ВЦИОМ. 2008. 23 июня URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/inostrannye-migranty-v-rossii-kak-snitit-mezhnatsionalnuyu-napryazhennost> (дата обращения: 20.12.2023).

³ См. также Glen S. Bogardus Scale: Definition & Example. StatisticsHowTo.com: Elementary Statistics for the Rest of Us! URL: <https://www.statisticshowto.com/bogardus-scale/> (дата обращения: 10.05.2023).

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

нам известно, уделяли очень мало внимания установкам россиян к бракам с мигрантами. Чаще всего ученые фокусируются на выявлении отношения к бракам, в большинстве случаев не с мигрантами, за некоторым исключением [Константинов, Осин, 2020], а с представителями других национальностей. Например, в исследовании «Левада-Центра»*⁶ 2020 г., наименьшая степень готовности отмечается в отношении приема в семью представителей таких национальностей, как китайцы, цыгане и чеченцы, а евреи и украинцы более предпочтительны в роли потенциальных членов семьи⁷. За последние десять лет, согласно опросам ВЦИОМ, число россиян, негативно относящихся к браку с людьми отличного вероисповедания и национальности, уменьшилось, но тенденция отдавать предпочтение вступлению в брак с представителями «славянских или европейских национальностей» сохраняется⁸.

Исходя из сказанного, изучение опыта общения российского населения с мигрантами в брачно-семейной сфере и отношения к подобному общению в целом представляет особый интерес, поскольку позволяет приблизиться к пониманию степени принятия мигрантов и в других социальных ситуациях, а также готовности к контактам и представлений о возможных/желаемых результатах подобных контактов, в том числе, интеграции, в будущем.

В статье предпринимается попытка подойти к рассмотрению проблемы влияния опыта контакта с мигрантами в брачно-семейной сфере на отношение к подобному и другим контактам в будущем. В начале дается краткая характеристика общения принимающего населения (на примере москвичей) в брачно-семейной сфере, в сфере дружеского, соседского и профессионального общения. Далее анализируется, как подобный опыт влияет на контакты в названных сферах, на установки по отношению к таким контактам в будущем, а также на восприятие миграции в целом. Следуя логике теории контакта и методике Богардуса, ожидается, что москвичи, имеющие опыт такого общения в брачно-семейной сфере, будут более открыты, во-первых, общению и в других социальных сферах, а также положительно настроены на подобное общение в будущем. При этом важно оговориться, что мы сосредоточимся на отношении москвичей к тем мигрантам, кого, как уже отмечалось выше, массовое сознание чаще всего воспринимает в качестве «видимых других» [Дробижева, 2015]. Последние включают не только внешних мигрантов преимущественно из Закавказья и Центральной Азии, но и внутренних — из республик Северного Кавказа [Аблажей, 2012; Зверева, 2014].

Обзор литературы

Исходя из постановки проблемы, в первую очередь важно обратиться к корпусу научной литературы, посвященной теории контакта. Сама теория получила

⁶ Здесь и далее * означает — включен в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

⁷ Ксенофобия и национализм. Данные опроса Левада-Центра* // Левада-Центр*. 2020. 23 сентября. URL: <https://www.levada.ru/2020/09/23/ksenofobiya-i-natsionalizm-2/print/> (дата обращения: 10.02.2021).

⁸ См., например, Россияне о межнациональных браках // ВЦИОМ. 2010. 27 августа. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiyane-o-mezhnacjonalnykh-brakakh> (дата обращения: 20.12.2023); Любовь не по расчёту, или О браках за пределами привычной среды // ВЦИОМ. 2020. 8 июля. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/lyubov-ne-po-raschetu-ili-o-brakakh-za-predelami-privychnoj-sredy> (дата обращения: 20.12.2023).

развитие во второй половине XX века после выхода в 1954 г. книги Г. Оллпорта «Природа предрассудка» [Allport, 1954]. Согласно ей, чем больше представители различных социальных групп взаимодействуют, тем более интегрированным становится общество, и тем более позитивными — само взаимодействие и отношение к нему. Однако ослабление предрассудков и стереотипизации будет различаться в зависимости от частоты и продолжительности контакта, а также количества вовлеченных в него людей [Pettigrew, 1998; Варшавер, 2015]. В зарубежных работах также изучаются факторы, способствующие или препятствующие контактам, степень их влияния на отношение к мигрантам у разных категорий населения, воздействия на уровень мигрантофобии дружбы, соседства, профессионального общения и т. д. [Martinović, 2013; Heath et al., 2020]. На материале, собранном в различных европейских странах количественными методами и затем обработанном на основе статистических моделей, значимость контактов с мигрантами для снижения уровня ксенофобии фиксируется уже довольно давно [Hamberger, Hewstone, 1997; Hayes, Dowds, 2006]. В российских публикациях сюжет о проблеме контактов с мигрантами также часто упоминается в контексте изучения отношения к миграции, масштабов и форм ксенофобии (см., например, [Бритвина, Могильчак, 2018; Мукомель, 2014; Соколов, 2017; Космарская, Савин, 2021]).

Другое направление в рамках теории контакта сосредотачивается на проблеме того, как тот или иной опыт взаимодействия с мигрантами влияет на общение в разных социальных сферах, в том числе в брачно-семейной. Например, выявлено, что опыт соседского общения, особенно на уровне районов, влияет на браки с мигрантами нелинейным образом: с одной стороны, усложнение этнокультурного состава населения способствует большему принятию мигрантов, с другой — повышение концентрации приезжих приводит к враждебному отношению, особенно по мере ухудшения социально-экономических условий [Pratsinakis et al., 2016].

Наиболее исследуемой формой смешанного брака, как в отечественных [Топилин, 1995; Лурье, 2018], так и в зарубежных исследованиях [Kalmijn, 1998; Fúlías-Souroulla, 2008; Gorenburg, 2006], является межэтнический/межнациональный брак. Поскольку проблематика смешанных браков находится на пересечении межгрупповых и межличностных отношений, к ней применяются теоретико-методологические подходы как социологии, так и социальной-психологии. Чаще всего это происходит из перспективы теории социального обмена, в частности, из перспективы теории брачного рынка в социологии и теории взаимозависимости в социальной психологии [Clark et al., 2015]. В зарубежных социальных науках также изучаются структурные и индивидуальные факторы, влияющие как на отношение к смешанным бракам, так и на саму практику подобных свиданий и браков [Campbell, Herman, 2015]. Отдельное направление исследований оценивает положительные и отрицательные последствия смешанных браков как для состоящих в них людей и их детей, так и для общества в целом [Gaines, Clark, Afful, 2015]. Рост числа межэтнических браков в странах, принимающих мигрантов, считается одним из показателей их интеграции [Hooghiemstra, 2001; González-Ferrer et al., 2016]. В отечественной традиции межнациональные браки также рассматривались как фактор ассимиляции и формирования единого советского народа [Лурье, 2018; Сусоколов, 1987].

На наш взгляд, наиболее близкой к предлагаемому обследованию по постановке вопроса является работа Е. Сороко, в которой приводятся результаты измерения дистанции в смешанных межэтнических браках, а также обращается внимание на влияние трудовой миграции на долю таких браков [Сороко, 2014]. Однако специальных социологических работ, посвященных опыту взаимодействия с мигрантами, а не с представителями разных национальностей в брачно-семейной сфере и отношению к подобному взаимодействию в будущем как показателю отношения к общению с мигрантами в других социальных сферах, насколько нам известно, не существует.

Методология и методика

Эмпирическую часть работы⁹ составляют материалы количественного и качественного обследования масштабов, форматов и трудностей взаимодействия жителей российской столицы с мигрантами, а также их представлений о возможности/желательности подобных контактов в будущем. Выбор Москвы объясняется тем, что основной приток мигрантов приходится на российские столицы и столичные агломерации в целом¹⁰. Объектом исследования являются люди, родившиеся в Москве или живущие в ней достаточно долго (7 лет и более), имеющие постоянную регистрацию, жилье и работу.

Поскольку полевая часть исследования проходила в Москве в 2020 г., во время ограничений, вызванных пандемией COVID-19, количественное обследование было проведено в онлайн-формате. Выборка ($N = 452$) сформирована в соответствии с квотами по возрасту, полу и образованию соответственно статистическим данным о населении Москвы в 2020 г.¹¹ Доля респондентов в возрасте 18—24 года составила 7 %, в возрасте 25—44—38 %, 45—59 лет — 26 %, и 60 лет и старше — 29 %. Женщины составили 55 %, мужчины — 45 %. Респонденты с высшим или неполным высшим образованием — 60 % (из них 51 % с высшим, 6 % — с незаконченным высшим и 3 % — с научной степенью), с остальными видами образования — 40 % (из них со средним образованием — 6 %, со средним специальным — 33 % и с незаконченным средним — 1 %). Выборка получилась практически мононациональной — почти 90 % респондентов ответили, что считают себя русскими по национальности. Территориально респонденты распределены по всем округам столицы. Почти две трети участников опроса (61 %) родились в Москве, 23 % проживают более 20 лет, около 16 % — от 7 до 20 лет.

В качестве методической основы для разработки анкеты использовалась шкала Э. Богардуса, которая, как упоминалось выше, состоит из серии вопросов, направленных на выявление готовности принять человека из другой социальной группы в качестве супруга(и), близкого друга, соседа, коллеги, начальника, гражд-

⁹ В эмпирической части использованы материалы научного проекта «Контакты с мигрантами как фактор воздействия на уровень ксенофобии: российская специфика (на примере Москвы)» (2020—2021 гг.) (участники: Космарская Н. П., Савин И. С., Пешкова В. М.).

¹⁰ Численность и миграция населения Российской Федерации в 2022 году. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 08.12.2023).

¹¹ Расчет квот и онлайн опрос проводился исследовательской компанией Tiburon Rresearch («Тибурон»). Статистические данные для расчета квот могут быть получены по запросу в компании Tiburon. См. <https://tiburon-research.ru/> (дата обращения: 10.12.2023).

данина своей страны и пр¹². В наш инструментарий включены не только измерение отношения к потенциальным контактам в брачно-семейной, дружеской, соседской и социально-трудовой сфере, но и вопросы на выявление личного опыта в этих сферах. В связи с возрастающим вниманием к росту числа детей мигрантов и необходимости их адаптации и интеграции [Полетаев, 2018; Деминцева и др., 2017], в анкету был также включен вопрос на выявление опыта общения детей или внуков респондентов с детьми из семей мигрантов, а также на отношение участвующих в опросе москвичей к подобному общению в будущем.

При разработке анкеты учитывались несколько обстоятельств. Во-первых, в контексте российской миграционной ситуации, как упоминалось выше, отношение к так называемым «видимым другим» мигрантам часто объединяет восприятие их через визуальную и культурную инаковость, независимо от того, сколько лет они прожили в России и насколько глубоко интегрированы в российский социум [Зверева, 2014]. Поэтому общественное мнение в категорию «мигрантов» зачастую включает не только приезжих из других стран (Закавказья и Центральной Азии), но и российских граждан (Северный Кавказ) (см., например, [Космарская, 2022: 30]). Во-вторых, стремясь, с одной стороны, избежать этнизации мигрантов, с другой, негативных коннотаций, связанных с термином «мигрант», при формулировке вопросов в анкете выбрано, как нам представляется, более нейтральное словосочетание для определения этой категории мигрантов как: «люди, приехавшие из...», определяемое через перечисление конкретных стран и регионов Закавказья — Армения, Азербайджан, Грузия; Центральная Азия — Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан; Северный Кавказ — Чечня, Дагестан.

Соответственно, показатель «наличие/отсутствие опыта в брачно-семейной сфере» сформирован на основе ответа на вопрос «Среди членов Вашей семьи есть те, кто состоит (или состоял) в браке с людьми, приехавшими из...» обозначенных выше стран и регионов. Вопрос об отношении к подобной ситуации в будущем выглядит следующим образом: «Как Вы отнесетесь к ситуации, если кто-то из членов Вашей семьи захочет вступить в брак с человеком, приехавшим из...» тех же самых стран и республик. Хотя непосредственно в браке участвуют двое, как правило, семья не существует изолированно, поскольку чаще всего встроена в широкую сеть семейных отношений, иногда включающую не только самых близких, но и дальних родственников [Kalmijn, 1998]. Поэтому, с точки зрения обозначенной выше проблемы, предлагаемая формулировка вопроса выглядит более удачной.

В качественной части исследования также в конце 2020 г. проведено 24 интервью с москвичами (список информантов см. в приложении 1). Поиск информантов осуществлялся через личные контакты и социальные сети. Мы старались сделать выборку более разнообразной с точки зрения пола, возраста и образования, социального статуса, а также района проживания информантов, чтобы, по возможности, выявить разные точки зрения на проблему исследования. Формат — сочетание полуструктурированного интервью с путеводителем и биографическим интервью (когда отношение к проблеме исследования выявлялось через

¹² Glen S. Bogardus Scale: Definition & Example. StatisticsHowTo.com: Elementary Statistics for the Rest of Us! URL: <https://www.statisticshowto.com/bogardus-scale/> (дата обращения: 10.05.2023).

биографический рассказ). Был избран максимально «мягкий» подход: интерес к теме миграции и контактам с мигрантами и сопутствующим сюжетам заранее не объявлялся, чтобы не повлиять на мнение информантов. Информантам сообщалось, что изучаются проблемы и трудности общения людей в Москве: как изменились люди в городе под влиянием различных причин, как информанты воспринимают эти перемены, встречаются ли трудности взаимодействия с людьми в публичных пространствах, жилых домах; изменились ли круги общения информанта, в чем это проявляется, как им/ею оценивается и пр. Прямые вопросы об отношении к мигрантам задавались только в конце интервью. Средняя продолжительность интервью — 1,5 часа.

Результаты исследования

Опыт общения с мигрантами в разных социальных ситуациях. Согласно результатам опроса, многие участники исследования имеют достаточно разнообразный личный опыт общения с приезжими из стран Закавказья и Средней Азии, а также из Северного Кавказа. Более половины (57 %) имеют соседей, приехавших из рассматриваемых стран и республик (см. табл. 1 в Приложении 2). У половины (51 %) есть друзья из этой категории (см. табл. 2 в приложении 2), хотя только примерно треть поддерживает с ними регулярное общение (каждый день, либо каждую неделю) (см. табл. 3 в приложении 2). За последние три года нанимали мигрантов для получения разных платных услуг (ремонта, домашней работы или работы на дачном участке) 44 % участников опроса (см. табл. 5 в приложении 2). Примерно у каждого третьего есть коллега или руководитель из этих стран (см. табл. 1—6 в приложении 2).

В то же время, несмотря на довольно высокую долю контактов в получившейся выборке, для части участвующих в качественном этапе исследования москвичей общение с приезжими зачастую ограничивается фоновым присутствием в общем городском пространстве (например, на детских игровых площадках, в общественном транспорте, в магазинах) или, можно сказать, поверхностными взаимодействиями, как, например, с водителями такси, курьерами, с продавцами на рынках. Часть информантов определяет мигрантов с помощью обобщающих и стереотипизирующих категорий (например, «люди кавказской внешности» (информант № 9), а часть — через их этническую принадлежность. Еще одним критерием характеристики является уровень квалификации/профессионализма и образования: чем они выше, тем более положительно участники исследования оценивают и мигранта, и контакт с ним. Интервью также продемонстрировали, что отношение к приезжим имеет положительную или отрицательную оценку при детализации описания интенсивности, длительности и тональности контакта в соответствующей сфере. То есть, например, получив личный положительный опыт общения с мигрантами, выполняющими, допустим, ремонтные работы, информант в целом более положителен в оценке их профессиональных качеств, и в будущем, скорее, обратится к услугам мигрантов. Те же информанты, которые, рассказывают о подобных работах со слов своих знакомых или родственников, получивших негативный опыт в этой сфере общения с мигрантами, как правило, и для себя не высказывают готовности обращаться к услугам мигрантов.

По сравнению с другими вариантами общения брачно-семейные отношения выглядят наиболее приватной сферой: только 19 % респондентов ответили, что у них есть члены семьи, состоящие либо состоявшие в браке с приезжими. Больше всего упоминаются браки с приехавшими из Армении (9 %), затем на 5 п. п. меньше и примерно в равной степени браки с мигрантами из Грузии (4 %), Азербайджана (4 %), из Узбекистана (3 %), Дагестана (3 %), Таджикистана (3 %), Чечни (2 %). Меньше всего среди участников опроса членов семьи с опытом брака с людьми родом из Кыргызстана (0,7 %).

Согласно опросу, наличие подобного опыта определенно усиливает активность и в других социальных сферах. Среди тех, у кого есть члены семьи, состоящие (состоявшие) в таком браке, друзей из рассматриваемых стран и регионов в два раза больше (86 %), чем среди тех, у кого нет подобных родственников (43 %) (см. табл. 2 в приложении 2). Похожая тенденция прослеживается при анализе общения с соседями по дому: 16 % тех, у кого есть такие родственники, ответили, что общаются с соседями, приехавшими из названных стран и регионов каждый день, против 6 % тех, у кого таких родственников нет. Практически не общаются с соседями 20 % опрошенных, у кого есть родственники, состоящие в смешанном браке, против 43 % у кого таких родственников нет (см. табл. 4 в Приложении 2). Почти две трети (64 %) тех, у кого есть члены семьи с опытом общения в брачно-семейной сфере, и 38 % тех, у кого таких родственников нет, обращаются с бытовыми просьбами к своим соседям (см. табл. 5 в приложении 2). Имеющие подобный опыт взаимодействия также чаще нанимают мигрантов из этих стран и республик для ремонта, домашней работы или работы на даче (59 % против 39 %), а также среди них несколько больше коллег (в среднем 54 % против 30 %) родом из названных стран и регионов (см. табл. 6 и 7 в приложении 2).

Отношение москвичей к потенциальным контактам с мигрантами. Рассмотрим отношение участников исследования к вероятности общения с мигрантами в разных социальных ситуациях в будущем. Для большей наглядности проанализируем однозначно положительное отношение респондентов (сумма ответов «положительно» и «скорее положительно») в разных социальных ситуациях. Очевидно, что количество респондентов, сообщающих об однозначном принятии взаимодействия с мигрантами в разных социальных ситуациях в будущем невелика:

- соседство (11 %);
- брак с партнером из другой страны или региона, но равного социального статуса (9 %);
- наличие детей из семей родом из рассматриваемых стран и регионов в классе, где учатся дети или внуки респондентов (8 %);
- работа под руководством или в коллективе с преобладанием мигрантов (7 %);
- наличие родственников, состоящих (состоявших) в смешанном браке с мигрантами (6 %) (см. табл. 8—11 в приложении 2 и табл. 1 и 2 в тексте).

В выражении отрицательного отношения (сумма ответов «отрицательно» и «скорее отрицательно») участники опроса, можно сказать, более определены. Наименьшее неприятие вызывает потенциальный сосед, приехавший из рассматриваемых регионов (32 %), и дети из семей мигрантов в классе, где учатся дети

или внуки респондентов (26%), наибольшее — потенциальный брак (50%) и работа в коллективе с преобладанием приезжих (50%) (см. табл. 8—11 в приложении 2). Одинаковое отрицательное отношение к общению как в брачно-семейной, так и в трудовой сфере, является неожиданным результатом опроса, что, однако, требует дальнейшего исследования.

На принятие москвичами, участвующими в исследовании, потенциального контакта в брачно-семейной сфере влияет то, из какой страны участник общения. Если проанализировать оценки (положительную, нейтральную и отрицательную) в совокупности, более лояльное отношение характерно по отношению к мигрантам из Армении и Грузии (см. табл. 1). Отношение к приезжим из стран Центральной Азии, республик Северного Кавказа и Азербайджана более настороженное. И даже предположение о возможности совпадения статуса потенциального партнера с социальным положением семьи респондента повышает шансы на принятие мигранта в качестве родственника лишь на несколько статистически незначимых процентных пунктов.

Таблица 1. Отношение москвичей к потенциальному браку члена семьи с партнером, приехавшим из нижеперечисленных стран и регионов, в % (N = 452)

Страна/регион	Положительное	Нейтральное	Отрицательное	Всего
Армения	9	48	43	100
Азербайджан	5	39	56	100
Грузия	8	48	44	100
Кыргызстан	5	37	58	100
Узбекистан	5	37	58	100
Таджикистан	5	34	61	100
Чечня	5	36	59	100
Дагестан	5	38	57	100
В среднем	6	40	54	100

На основании количественных данных можно предположить, что возможным объяснением в целом более лояльного отношения к потенциальным бракам с мигрантами из Армении и Грузии является их религиозная принадлежность (христианство). Эти данные частично подтверждают материалы интервью. Согласно им, в основе однозначного непринятия подобных браков, как правило, обобщающие категоричные суждения о нежелательности «смешения кровей» (информант № 2), разных традициях и особенно религии. Но, чем более разнообразное восприятие мигрантов у информанта, тем более взвешенная оценка, в том числе в отношении их принятия в качестве будущего члена семьи. Как правило, эта часть информантов допускает брак с приезжими при соблюдении условий, объединенных принципом «ровня» по признаку: религии («если она примет христианство, почему нет?» (информант № 10); образования и профессии («не думаю, что моя дочка вышла бы замуж за сына кочегара» (информант № 12) и, в целом социального статуса («там тоже есть интеллигенция, и эта интеллигенция, думаю, не уступит московской интеллигенции» (информант № 17).

Влияние опыта общения в брачно-семейной сфере на отношение к общению в разных социальных сферах в будущем. Анализ результатов опроса демонстрирует, что опыт общения москвичей с мигрантами в брачно-семейной сфере действительно является одним из факторов распространенности контактов с мигрантами и в других социальных сферах, а также показателем отношения к подобным контактам в будущем. Те респонденты, у кого есть родственники, состоящие (состоявшие) в подобных союзах, более положительно относятся к подобным бракам в будущем по сравнению с теми, у кого таких родственников нет (см. табл. 2). И в этом случае отношение к мигрантам из Грузии и Армении более лояльное, чем к мигрантам из остальных стран и регионов. Эта вероятность укрепляется, если ожидается, что потенциальный партнер имеет аналогичный доход и социальный статус. Например, в случае мигрантов из Чечни, совпадение социального положения последних со статусом и доходом участвующих в опросе москвичей, увеличивает долю принимающих смешанный брак в будущем на 20 п. п. (см. табл. 3).

Таблица 2. Доля опрошенных москвичей, относящихся положительно к потенциальному браку с приезжим из перечисленных ниже стран и регионов в зависимости от наличия/отсутствия среди членов их семьи родственников, состоящих (состоявших) в таких браках, в %

Страны и регионы	Наличие (N = 86)	Отсутствие (N = 366)	Всего (N = 452)
Армения	28**	5	9
Азербайджан	13*	3	5
Грузия	22**	5	8
Кыргызстан	11*	3	4
Узбекистан	12*	3	5
Таджикистан	14*	3	5
Чечня	12*	3	5
Дагестан	13*	4	5

Примечание: ** значимость на уровне $p < 0,01$, * на уровне $p < 0,05$.

Таблица 3. Доля опрошенных москвичей, относящихся положительно к потенциальному браку с приезжим из перечисленных ниже стран и регионов с тем же статусом и доходом, в зависимости от наличия/отсутствия среди членов их семьи родственников, состоящих (состоявших) в таких браках, в %

Страны и регионы	Наличие (N = 86)	Отсутствие (N = 366)	Всего (N = 452)
Армения	33**	8	13
Азербайджан	22**	4	8
Грузия	27**	7	11
Кыргызстан	19**	5	8
Узбекистан	19**	5	8
Таджикистан	17**	5	7
Чечня	24**	4	8
Дагестан	21**	5	8

Примечание: **значимость на уровне $p < 0,01$, * на уровне $p < 0,05$.

Аналогично для общения с соседями: среди москвичей, имеющих родственников состоящих (состоявших) в браке с приезжим, тех, кто отнесется однозначно положительно к соседу-мигранту в будущем, больше, по сравнению с теми, кто ответил, что таких родственников нет. Причем на степень принятия также определенное влияние оказывает то, из какой страны потенциальный сосед. Наибольшее принятие характерно в отношении потенциальных соседей из Грузии 29% и Армении 31%, против 14% и 15%, соответственно. В случае приезжих из Узбекистана и Чечни количество ответивших положительно в зависимости от опыта общения с мигрантами в брачно-семейной сфере больше на 9 п. п. (с 7% до 16% и с 6% до 15%, соответственно) (см. табл. 12 в приложении 2).

Поскольку сфера трудовых отношений, как правило, не подразумевает глубокого межличностного общения, можно было бы ожидать отсутствия связи с наличием опыта общения с мигрантами в брачно-семейной сфере. Однако, так же, как и для предыдущих социальных сфер, наличие или отсутствие у респондентов членов семей, состоящих (состоявших) в смешанном браке, является одним из показателей отношения к потенциальному общению в трудовой сфере. Соответственно, принятие мигрантов в качестве коллег и руководителя в большей степени характерно для тех, у кого есть такие родственники, чем для тех, у кого таких родственников нет. Вот только несколько примеров. В отношении потенциального начальника, приехавшего из Чечни, процент принимающих составляет 13% против 3%, потенциального коллеги 18% против 3%; приехавшего из Армении 20% против 9% и 21% против 5%; Азербайджана 15% против 5 и 18% против 4%; из Кыргызстана 12% против 4% и 13% против 5%, соответственно (см. табл. 13—14 в приложении 2).

Респонденты, имеющие родственников, состоящих (состоявших) в таком браке, также в целом спокойнее относятся к проективной ситуации, как совместного обучения своих детей и внуков со сверстниками, приехавшими из рассматриваемых регионов, так и к дружбе с ними. Например, положительно отнесутся к наличию в классе с их детьми/внуками детей из семей из Азербайджана 20% тех, имеет родственников в смешанном браке, против 5% тех, у кого таких родственников нет (см. табл. 15 в приложении 2). Аналогичным образом степень негативизма снижается и в случае оценки проективной ситуации дружеского общения детей и внуков респондентов с детьми из семей из Средней Азии, Северного Кавказа и Закавказья: против такого общения 17% тех, у кого нет родственников и только 6% — у кого есть (см. табл. 16 в приложении 2). Отношение участвующих в опросе москвичей к общению детей и внуков с детьми мигрантов также в определенной степени зависит от того, из какого региона семья одноклассника(цы). Особенно заметное отличие наблюдается при оценке общения с детьми из семей родом из Армении, Грузии, Кыргызстана и Узбекистана. Степень негативизма (количество тех, кто отнесется отрицательно) при наличии родственников из указанных регионов в отношении приезжих из Кыргызстана снижается на 22 п. п. (7% против 29%), Узбекистана на 21 п. п. (7% против 28%), Армении на 20 п. п. (2% против 22%) и Грузии на 18 п. п. (7% против 25%) (см. табл. 15 в приложении 2).

Наконец, наличие или отсутствие родственников, состоящих (состоявших) в смешанном браке, также является одним из показателей отношения к миграции в це-

лом. Среди тех, у кого нет таких членов семьи, почти треть не видят в миграции ничего хорошего, против 13% тех, у кого они есть. Различие также проявляется при оценке положительных сторон миграции: у кого есть родственники, имеющие (имевшие) партнеров, родом из указанных стран и регионов, считают мигрантов трудолюбивыми и добросовестными в своей работе 40%, а те, у кого таких членов семьи нет — 13%.

Обсуждение результатов и выводы

Отношение к контактам с мигрантами в брачно-семейной сфере следует рассматривать, во-первых, в контексте других социальных взаимодействий; и, во-вторых, в контексте общей миграционной ситуации. Данные нашего исследования подтверждают результаты многих опросов общественного мнения в части существования достаточно заметной степени непринятия населением столицы приезжих. В то же время материалы опроса и интервью показали, что контакты с мигрантами довольно заметно присутствуют в личном опыте москвичей в разных вариантах общения: дружеского, соседского, трудового и брачно-семейного. При этом величина социальной дистанции зависит как от сферы взаимодействия, так и того, откуда родом другой участник общения. Наименьшая социальная дистанция наблюдается с приезжими из Армении и Грузии. С мигрантами из Средней Азии, Азербайджана и Северного Кавказа значимых различий в величине социальной дистанций не обнаружено, даже несмотря на то, что последние по определению являются москвичам согражданами. Подобное отношение можно объяснить присущим российскому массовому сознанию стереотипным восприятием как внешних, так и внутренних мигрантов с помощью этнических, расовых (фенотипических) и конфессиональных категорий. Основываясь на наших данных, также можно предположить, что базовым для принятия/непринятия москвичами мигрантов из рассматриваемых стран, скорее, является не этническая, а конфессиональная категоризация. Часть столичных жителей не различает этническую принадлежность приезжих, а категоризируют их по внешним, фенотипическим признакам, в соответствии с которым мигранты из Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана оказываются в одной группе «среднеазиатов», а мигранты из Азербайджана и Дагестана — «кавказцев».

Данные этого исследования также поддерживают результаты многих других исследований контактов, что брачно-семейные отношения являются наиболее приватной сферой социального взаимодействия. Личный опыт общения, а именно наличие родственников, состоящих (состоявших) в браке с мигрантами из Средней Азии, Северного Кавказа и Закавказья, есть почти у пятой части участников исследования. Эти цифры тем более удивительны, если вспомнить, что к вероятности подобной ситуации в будущем отрицательно относятся от 40 до 50% респондентов в зависимости от региона происхождения приезжих, а положительно — не более одной десятой части опрошенных. Предположительно, это говорит о том, что мнение по поводу возможного развития событий и тем, как в реальности складываются эти события, не всегда коррелируют. Личный опыт не всегда означает однозначно положительного отношения к подобному общению в будущем, но в то же время и отрицательное отношение в момент обследования не гарантирует негативного отношения в будущем. Иными словами, исследование контактов всегда

должно быть комплексным и включать в себя не только количественное измерение, но и качественную конкретизацию того, какой контакт, какова его интерпретация и как опыт данного контакта и его интерпретация влияют на контакты в будущем. Факт контакта ведет не к однозначно положительному, но к более осмысленному отношению к мигрантам, а оно зависит не только от предыдущего опыта, но и от его интерпретации.

Тем не менее очевидно, что опыт общения москвичей с мигрантами через членов семьи, состоящих (состоявших) в таком браке, является показателем отношения к контактам в разных социальных сферах, а также отношения к мигрантам и миграции в целом. Участники исследования, имеющие среди членов своих семей родственников, состоящих (состоявших) в браке с мигрантами, в целом имеют более широкий круг общения, чаще обращают внимание на разнообразие своего окружения, а также более лояльны и открыты к этому общению в будущем по сравнению с теми, у кого таких родственников нет. Эти данные в целом подтверждают основные положения теории контактов: опыт общения принимающего населения с мигрантами и взаимодействия в брачно-семейной сфере означают и большее принятие, и открытость в других социальных сферах, и более положительное отношение к миграции в целом.

Тем не менее, проведенное исследование ограничено тем, что только обозначило некоторые тенденции в области проблемы соотношения и, особенно, влияния опыта межгрупповых контактов в брачно-семейной сфере на социальное взаимодействие в других сферах и уровень ксенофобии. Представленные в статье наблюдения и выводы требуют уточнения на репрезентативной, а не ограниченной онлайн-исследованием выборке; а также на большем количестве интервью, сфокусированных на теме смешанных браков.

Список литературы (References)

- Аблажей Н. Н. Образ трудового мигранта в прессе и массовом сознании россиян // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. № 6. С. 17—23. URL: <https://vestnik.nsu.ru/historyphilology/11-6-ablazhey> (дата обращения: 12.12.2023).
- Ablazhey N. N. (2012) The Image of a Work Immigrant in the Press and in the Mass Thinking of Russians. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. Vol. 11. No. 6. P. 17—23. URL: <https://vestnik.nsu.ru/historyphilology/11-6-ablazhey> (accessed 12.12.2023). (In Russ.)
- Бритвина И. Б. Могильчак Е. Л. Типология жителей российского мегаполиса по отношению к иноэтничным мигрантам // Мир России. 2018. № 1. С. 114—134. <http://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-1-114-134>.
- Britvina I. B. Mogilchak E. L. (2018) Typology of the inhabitants of the Russian Metropolis in Relation to Migrants of Other Ethnicities. *World of Russia*. No. 1. P. 114—134. (In Russ.) <http://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-1-114-134>. (In Russ.)
- Варшавер Е. А. Теория контакта: обзор // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 5. С. 183—214. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.5.13>.

Varshaver E. A. (2015) Contact Theory: Review. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No 5. P. 183—214. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.5.13>. (In Russ.)

Гудков Л. Почему мы не любим приезжих? // Мир России. 2007. Т. 16. № 2. С. 48—82. Gudkov L. D. (2007) Why Do We Dislike the Non-Residents? *Mir Rossii*. Vol. 16. No. 2. P. 48—82. (In Russ.)

Деминцева Е., Зеленова Д., Космидис Е., Опарин Д. Возможности адаптации детей мигрантов в школах Москвы и Подмосковья // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4. № 4. С. 80—109. <https://doi.org/10.17323/demreview.v4i4.7529>. Demintseva E., Zelenova D., Kosmidis E., Oparin D. (2017) Adaptation possibilities of children of migrants in schools of Moscow and Moscow region. *Demographic review*. Vol. 4. No. 4. P. 80—109. <https://doi.org/10.17323/demreview.v4i4.7529>. (In Russ.)

Дробижева Л. М. Потенциал межнационального согласия: осмысление понятия и социальная практика в Москве // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 80—90. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2624&jn=socis&jn=socis&jid=5833 (дата обращения: 12.09.2023).

Drobizheva L. M. (2015) The Potential of Interethnic Consent. Comprehension of the Concept and Social Practice in Moscow. *Sociological Studies*. No. 11. P. 80—90. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2624&jn=socis&jn=socis&jid=5833 (accessed 12.09.2023). (In Russ.)

Зверева Н. Дискурсы о мигрантах в современной российской прессе: стратегии борьбы за значение // Новое литературное обозрение. 2014. № 4. С. 88—96.

Zvereva N. (2014) Discourse on Migrants in the Contemporary Russian Media: Strategies of Struggle for the Meaning. *New Literary Observer*. No. 4. P. 88—96. (In Russ.)

Константинов В. В., Осин Р. В. Отношение принимающего населения к трудовым мигрантам: представления, взгляды, социальная дистанция // Нижегородский психологический альманах. 2020. Т. 1. № 2. С. 152—163.

Konstantinov V. V., Osin R. V. (2020) Attitude of the Host Population Towards Labor Migrants: Ideas, Views, Social Distance. *Nizhny Novgorod Psychological Almanac*. Vol. 1. No. 2. P. 152—163. (In Russ.)

Космарская Н. П., Савин И. С. Отношение москвичей к мигрантам сквозь призму контактной гипотезы // Этнографическое обозрение. 2021. № 1. С. 94—111. <https://doi.org/10.31857/S086954150013600-0>.

Kosmarskaya N. P., Savin I. S. (2021) Perception of Migrants by Muscovites Through the Lens of the Contact Hypothesis. *Ethnographic Review*. No. 1. P. 94—111. <https://doi.org/10.31857/S086954150013600-0>. (In Russ.)

Космарская Н. П. Изучение низовых представлений о мигрантах в России и Европе: методы, концепты, локальные контексты // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. No 5. С. 26—48. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.5.2054>.

Kosmarskaya N. P. (2022) Research on Popular Perception of Migrants in Russia and in Europe: Methods, Concepts, Local Contexts (A Review). *Monitoring of Public Opin-*

ion: *Economic and Social Changes*. No. 5. P. 26—48. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.5.2054>. (In Rus)

Леденева В. Ю. Влияние трудовой миграции на этносоциальную структуру в национальных регионах России // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 16. Ч. 2: XII Международная научно-практическая конференция Регионы России: Стратегии развития и механизмы реализации приоритетных национальных проектов и программ, конференция Научно-технологическое развитие России: Приоритеты, проблемы, решения / отв. ред. В. И. Герасимов. М.: РАН. ИНИОН, 2021. Ч. 2. С. 669—671.

Ledeneva V. Yu. (2021) Influence of Labor Migration on the Ethno-Social Structure in the National Regions of Russia. In Gerasimov V. I. (ed.) *Russia: Tendencies and Development Prospects. Yearbook*. Vol. 16. Part 2: *XII International Scientific and Practical Conference Regions of Russia: Development Strategies and Mechanisms for Implementing Priority National Projects and Programs, Conference Scientific and Technological Development of Russia: Priorities, Problems, Solutions*. Moscow: INION RAS. P. 669—671. (In Russ.)

Лурье С. В. Межнациональные браки как часть советского государственного сценария: социокультурный подход // *Общественные науки и современность*. 2018. № 3. С. 108—121. <https://doi.org/10.7868/S0869049918030085>.

Lourie S. V. (2018) Interethnic Marriages as Part of the Soviet State Script: A Sociocultural Approach. *Social Sciences and Contemporary World*. No. 3. P. 108—121. <https://doi.org/10.7868/S0869049918030085>. (In Russ.)

Малахов В. С. Этнизация феномена миграции в публичном дискурсе и институтах // *Космополис* 2004. № 1. С. 56—69. URL: <https://iphras.ru/uplfile/histpol/biblio/yandbtm%5B1%5D.pdf> (дата обращения: 12.12.2023).

Malakhov V. S. (2004) Ethnicization of the Phenomenon of Migration in Public Discourse and Institutions. *Cosmopolis*. P. 56—69. URL: <https://iphras.ru/uplfile/histpol/biblio/yandbtm%5B1%5D.pdf> (accessed 12.12.2023). (In Russ.)

Мукомель В. И. Ксенофобия и мигрантофобии в контексте культуры доверия // *Мир России*. 2014. № 1. С. 137—166. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/4977> (дата обращения: 12.12.2023).

Mukomel V. I. (2014) Xenophobia and Migrantophobia in the Context of a Culture of Trust. *World of Russia*. No. 1. P. 137—166. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/4977> (accessed 12.12.2023). (In Russ.)

Мукомель В. И. Ксенофобия: этнофобии и мигрантофобии принимающего населения // *Социальные факторы межэтнической напряженности в России* / отв. ред. Епихина Ю. Б., Черныш М. Ф. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. С. 146—196.

Mukomel V. I. (2017) Xenophobia: Ethnophobia and Migrantophobia of the Host Population. *Social Factors of Interethnic Tension in Russia*. In: Epikhina Yu. B., Chernysh M. F. (eds.) *Social Factors of Interethnic Tension in Russia*. Moscow: FCTAS RAS. P. 146—196. (In Russ.)

Нам И. В. Этнизация миграции: общественно-политический и академический дискурсы // *Политическое пространство и социальное время: аксиология власти*

и общественный идеал. Сборник научных трудов XLI Международного Харакского форума / под общей редакцией Т. А. Сенюшкиной; науч. ред. Е. А. Сенюшкин. Симферополь: «АРИАЛ», 2023. С. 223—227.

Nam I. V. (2023) Ethnicization of Migration: Socio-Political and Academic Discourses. In Senyushkina T. A. (ed.) *Political Space and Social Time: Axiology of Power and Social Ideal*. Collection of Scientific Papers of the XLI International Harak Forum. Simferopol: "ARIAL". P. 223—227. (In Russ.)

Полетаев Д. В. Интеграция детей иностранцев в России на примере Москвы // Интеграция и адаптация мигрантов и беженцев в России. СПб., 2018. С. 97—109. URL: https://www.spbredcross.org/images/pr_grant/Sbornik-materialov.pdf (дата обращения: 12.12.2023).

Poletaev D. V. (2018) Integration of Children of Foreigners in Russia on the Example of Moscow. *Integration and Adaptation of Migrants and Refugees in Russia*. Saint-Petersburg. P. 97—109. URL: https://www.spbredcross.org/images/pr_grant/Sbornik-materialov.pdf (accessed 12.12.2023). (In Russ.)

Соколов Н. В. Работящие, но чужие: парадокс восприятия мигрантов массовым сознанием (по результатам исследований в Санкт-Петербурге) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 1. С. 80—96. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.1.06>.

Sokolov N. V. (2017) Hard-Working but Outsiders: Paradox of Perception of Migrants in Mass Consciousness (the Case of St. Petersburg). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 80—96. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.1.06>. (In Russ.)

Сороко Е. Л. Этнически смешанные супружеские пары в Российской Федерации // Демографическое обозрение. 2014. Т. 1. № 4. С. 96—123. <https://doi.org/10.17323/demreview.v1i4.1804>.

Soroko E. L. (2014). Ethnically Mixed Families in the Russian Federation. *Demographic Review*. Vol. 1. No. 4. P. 96—123. <https://doi.org/10.17323/demreview.v1i4.1804>. (In Russ.)

Степанов В. В. Общественное восприятие миграции и мигрантов в современной России // Миграция и мигранты в России и мире: опыт социально-антропологических и этнографических наблюдений. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 112—117.

Stepanov V. V. (2016) Public Perception of Migration and Migrants in Modern Russia. In: Stepanov V. V. (ed.) *Migration and Migrants in Russia and the World: An Experience of Socio-Anthropological and Ethnographic Observations*. Moscow: IEA RAN. P. 112—117. (In Russ.)

Сусоколов А. А. Межнациональные браки в СССР. М.: Мысль, 1987

Susokolov A. A. (1987) Interethnic Marriages in the USSR. Moscow: Mysl. (In Russ.)

Топилин А. В. Межнациональные семьи и миграция: вопросы взаимовлияния // Социологические исследования. 1995. № 7. С. 76—82.

Topilin A. V. (1995) Interethnic Families and Migration: Issues of Mutual Influence. *Sociological Studies*. No. 7. P. 76—82. (In Russ.)

Щеголькова Е. Ю. Межэтнические отношения в оценках россиян: социологический анализ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 499—520. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1260>.
Shchegolkova E. Yu. (2020) Interethnic Relations in the Assessments of Russians: A Sociological Analysis. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 499—520. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1260>. (In Russ.)

Allport G. W. (1979) *The Nature of Prejudice*. Reading, MA: Addison-Wesley.

Bogardus E. S. (1933) A Social Distance Scale. *Sociology & Social Research*. No. 17. P. 265—271. URL: https://brocku.ca/MeadProject/Bogardus/Bogardus_1933.html (accessed: 10.12.2023).

Clark E. M., Harris A. L., Hasan M., Votaw K. B., P. Fernandez (2015) Concluding Thoughts: Interethnic Marriage Through the Lens of Interdependence Theory. *Journal of Social Issues*. Vol. 71. No. 4. P. 821—833. <https://doi.org/10.1111/josi.12151>.

Campbell M. E., Herman M. R. (2015) Both Personal and Public: Measuring Interethnic Marriage Attitudes. *The Society for the Psychological Study of Social Issues*. Vol. 71. No. 4. P. 712—732. <https://doi.org/10.1111/josi.12145>.

Fulias-Souroulla M. (2008) Marriage and Migration: Representations and Attitudes of Greek Cypriots Towards Inter-Societal Marriage. *The Cyprus Review*. Vol. 20. No. 2. P. 117—144.

Gaines S. O., Clark E. M., Afful S. E. (2015) Interethnic Marriage in the United States: An Introduction. *Journal of Social Issues*. Vol. 71. No. 4. P. 647—658. <https://doi.org/10.1111/josi.12141>.

González-Ferrer A., Kulu H., Hannemann T., Obucina O., Cortina C., Castro T., Rahnu L., Puur A., Sakkeus L., Klesment M., Potarca G., Bernardi L. and Hărăguș M. (2016) Report: Country-Specific Case Studies on Mixed Marriages. *Families and Societies*. Working Paper Series. No. 57.

Gorenburg D. (2006) Rethinking Interethnic Marriage in the Soviet Union. *Post-Soviet Affairs*. Vol. 22. No. 2. P. 145—165. <https://doi.org/10.2747/1060-586x.22.2.145>.

Hayes B. C., Dowds L. (2006) Social Contact, Cultural Marginality or Economic Self-Interest? Attitudes Towards Migrants in Northern Ireland. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 32. No. 3. P. 455—476. <https://doi.org/10.1080/13691830600554890>.

Hamberger J., Hewstone M. (1997) Inter-Ethnic Contact as a Predictor of Blatant and Subtle Prejudice: Tests of a Model in Four West European Nations. *British Journal of Social Psychology*. Vol. 36. No. 2. P. 173—190. <https://doi.org/10.1111/j.2044-8309.1997.tb01126.x>.

Heath A., Davidov E., Ford R., Green E., Ramos A., Schmidt P. (2019) Contested Terrain: Explaining Divergent Patterns of Public Opinion Towards Immigration within Europe. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 46. No. 3. P. 1—14. <http://doi:10.1080/1369183x.2019.1550145>.

Hooghiemstra E. (2001) Migrants, Partner Selection and Integration: Crossing Borders? *Journal of Comparative Family Studies*. Vol. 32. No. 4. P. 601—626. URL: <https://www.jstor.org/stable/i40076479> (accessed: 10.12.2023).

Kalmijn M. (1998) Intermarriage and Homogamy: Causes, Patterns, Trends Source. *Annual Review of Sociology*. Vol. 24. P. 395—421. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.24.1.395>.

Martinović B. (2013) The Inter-Ethnic Contacts of Immigrants and Natives in the Netherlands: A Two-Sided Perspective. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 39. No. 1. P. 69—85. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2013.723249>.

Pettigrew T. F. (1998) Intergroup Contact Theory. *Annual Review of Psychology*. Vol. 49. No. 1. P. 65—85.

Pratsinakis M., Hatziprokopiou P., Labrianidis L., Vogiatzis N. (2016) Living Together in Multi-Ethnic Cities: People of Migrant Background, Their Interethnic Friendships and the Neighbourhood. *Urban Studies*. Vol. 54. No. 1. P. 102—118. <https://doi.org/10.1177/0042098015615756>.

Wark C., Galliher J. F. (2007) Emory Bogardus and the Origins of the Social Distance Scale. *The American Sociologist*. Vol. 38. No. 4. P. 383—395. <https://doi.org/10.1007/s12108-007-9023-9>.

Приложение 1**Список информантов**

№	Пол	Год рождения	Профессия	Сколько лет в Москве
1.	Муж.	1996	строитель	с рождения
2.	Муж.	1960	пенсионер	22 года
3.	Жен.	2002	студентка	с рождения
4.	Муж.	1986	инженер	10 лет
5.	Жен.	1988	психолог	с рождения
6.	Муж.	1995	рабочий	7 лет
7.	Жен.	1955	преподаватель, пенсионер	42 года
8.	Муж.	1989	штукатур	25 лет
9.	Муж.	1985	менеджер	с рождения
10.	Муж.	1972	ремонт компьютеров	с рождения
11.	Жен.	2000	студент	10 лет
12.	Жен.	1955	инженер-конструктор	40 лет
13.	Жен.	1985	риэлтор	с рождения
14.	Муж.	1991	электрик	с рождения
15.	Жен.	1967	преподаватель	35 лет
16.	Жен.	1990	менеджер	7 лет
17.	Жен	1971	архитектор	с рождения
18.	Жен.	1961	библиотекарь	35 лет
19.	Муж.	1961	художник	с рождения
20.	Муж.	1985	строитель	13
21.	Муж.	1966	инженер	41
22.	Муж.	2003	студент	8 лет
23.	Жен.	1963	учитель	20 лет
24.	Жен.	1981	спортивный тренер	с рождения

Приложение 2

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос о наличии у опрошенных соседей (по этажу или подъезду), по их мнению, приехавших в Москву из стран Средней Азии, Закавказья или республик Северного Кавказа, в зависимости от наличия/отсутствия среди членов их семьи родственников, состоящих (состоявших) в браках с мигрантами, в %

Наличие соседей	Наличие (N = 56)	Отсутствие (N = 201)	Всего (N = 257)
Есть соседи	65	55	57
Нет соседей	35	45	43

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос о наличии у опрошенных друзей, приехавших в Москву из стран Средней Азии, Закавказья или республик Северного Кавказа, в зависимости от наличия/отсутствия среди членов их семьи родственников, состоящих (состоявших) в браках с мигрантами, в %

Наличие друзей	Наличие (N = 74)	Отсутствие (N = 157)	Всего (N = 231)
Есть друзья среди мигрантов	86	43	51
Нет друзей среди мигрантов	14	57	48
Вообще нет друзей	0	1	1

Таблица 3. Частота общения опрошенных москвичей с друзьями, родом из стран Средней Азии, Закавказья или республик Северного Кавказа, в зависимости от наличия/отсутствия среди членов их семей родственников, состоящих (состоявших) в браке с мигрантами, в %

Частота	Наличие (N = 74)	Отсутствие (N = 157)	Всего (N = 231)
Каждый день	22	6	11
Каждую неделю	22	28	26
Примерно раз в месяц	36	36	36
Раз в несколько месяцев	20	23	22
Практически не общаются	0	7	5

Таблица 4. Частота общения опрошенных москвичей с соседями, по их мнению, приехавшими в Москву, из стран Средней Азии, Закавказья или республик Северного Кавказа, в зависимости от наличия/отсутствия среди членов их семей родственников, состоящих (состоявших) в браках с мигрантами, в %

	Наличие (N = 56)	Отсутствие (N = 201)	Всего (N = 257)
Каждый день	16	6	8
Каждую неделю	38	24	27
Примерно раз в месяц	18	16	17
Раз в несколько месяцев	9	10	10
Практически не общаются	20	43	38

Таблица 5. Частота обращения опрошенных с бытовыми просьбами к соседям, по их мнению, приехавшим в Москву из стран Средней Азии, Закавказья или республик Северного Кавказа, в зависимости от наличия/отсутствия среди членов их семей родственников, состоящих (состоявших) в браках с мигрантами, в %

Частота	Наличие (N=56)	Отсутствие (N=201)	Всего (N=257)
Часто	14	2	5
Иногда	50	36	39
Не обращаюсь	34	61	55
Другое	2	1	1

Таблица 6. Ответы опрошенных москвичей об опыте найма за последние три года мигрантов из стран Средней Азии, Закавказья или республик Северного Кавказа, в зависимости от наличия/отсутствия среди членов их семьи родственников, состоящих (состоявших) в браках с мигрантами, в %

Виды работ	Наличие (N=36)	Отсутствие (N=82)	Всего (N=118)
Для ремонта квартиры, дачи	42	22	26
Для домашней работы (няня, сиделка, помощь по хозяйству)	9	5	6
Для работы на дачном участке	22	16	17
Другое	5	4	4
Не нанимал(а)	41	61	57

Таблица 7. Распределение ответов на вопрос о наличии у опрошенных коллег, приехавших в Москву из нижеперечисленных регионов, в зависимости от наличия/отсутствия среди членов их семьи родственников, состоящих (состоявших) в браках с мигрантами, в %

Регион	Наличие	Отсутствие	Всего
Закавказье	56 (N=48)	35 (N=127)	39 (N=175)
Средняя Азия	50 (N=43)	28 (N=104)	32 (N=147)
Северный Кавказ	57 (N=49)	28 (N=102)	33 (N=151)

Таблица 8. Отношение опрошенных москвичей к потенциальному соседству (на этаже или в подъезде) с людьми, приехавшими, по их мнению, из нижеперечисленных стран и регионов, в % (N=452)

Страна/регион	Положительное	Нейтральное	Отрицательное	Всего
Армения	18	63	19	100
Азербайджан	10	57	33	100
Грузия	17	63	20	100
Кыргызстан	9	59	32	100
Узбекистан	9	59	32	100
Таджикистан	7	58	35	100
Чечня	8	50	42	100
Дагестан	8	53	39	100
В среднем	11	57	32	100

Таблица 9. Отношение опрошенных москвичей к потенциальному руководителю, приехавшему, по их мнению, из нижеперечисленных стран и регионов, в % (N = 452)

Страна/регион	Положительное	Нейтральное	Отрицательное	Всего
Армения	11	57	32	100
Азербайджан	7	49	44	100
Грузия	8	57	35	100
Кыргызстан	5	48	47	100
Узбекистан	6	48	46	100
Таджикистан	6	47	47	100
Чечня	5	48	47	100
Дагестан	5	50	45	100
В среднем	7	50	43	100

Таблица 10. Отношение опрошенных москвичей к потенциальному коллеге, приехавшему, по их мнению, из нижеперечисленных стран и регионов, в % (N = 452)

Страна/регион	Положительное	Нейтральное	Отрицательное	Всего
Армения	9	49	42	100
Азербайджан	7	41	52	100
Грузия	9	49	42	100
Кыргызстан	6	43	51	100
Узбекистан	6	43	51	100
Таджикистан	6	41	53	100
Чечня	6	40	54	100
Дагестан	5	42	53	100
В среднем	7	43	50	100

Таблица 11. Отношение опрошенных москвичей, имеющих детей и внуков, к гипотетической ситуации, если в одном классе с их ребенком или внуком (внучкой) будут учиться дети людей, приехавших, по их мнению, из нижеперечисленных стран и регионов, в % (N = 216)

Страна/регион	Положительное	Нейтральное	Отрицательное	Всего
Армения	14	67	19	100
Азербайджан	8	66	26	100
Грузия	11	68	21	100
Кыргызстан	7	69	24	100
Узбекистан	7	70	23	100
Таджикистан	7	67	26	100
Чечня	7	59	34	100
Дагестан	7	60	33	100
В среднем	8	66	26	100

Таблица 12. Доля опрошенных москвичей, относящихся положительно к потенциальному соседу с людьми, приехавшим в Москву, по их мнению, из перечисленных ниже стран и регионов, в зависимости от наличия/отсутствия среди членов их семей родственников, состоящих (состоявших) в браке с мигрантами, в %

Страны и регионы	Наличие (N = 86)	Отсутствие (N = 366)	Всего (N = 452)
Армения	31***	15	18
Азербайджан	15**	9	10
Грузия	29***	14	17
Кыргызстан	13**	8	9
Узбекистан	16**	7	9
Таджикистан	12**	6	7
Чечня	15**	6	8
Дагестан	13*	7	8

Примечание: *** значимость на уровне $p < 0,01$, ** на уровне $p < 0,05$, * на уровне $p < 0,1$.

Таблица 13. Доля опрошенных москвичей, относящихся положительно к потенциальному руководителю, приехавшему в Москву, по их мнению, из нижеперечисленных стран и регионов, в зависимости от наличия/отсутствия среди членов их семей родственников, состоящих (состоявших) в браке с мигрантами, в %

Страны и регионы	Наличие (N = 86)	Отсутствие (N = 366)	Всего (N = 452)
Армения	20***	9	11
Азербайджан	15***	5	7
Грузия	18***	6	8
Кыргызстан	12**	4	5
Узбекистан	14***	4	6
Таджикистан	13***	4	6
Чечня	13***	3	5
Дагестан	12***	4	5

Примечание: *** значимость на уровне $p < 0,01$, ** на уровне $p < 0,05$.

Таблица 14. Доля опрошенных москвичей, относящихся положительно к потенциальному коллеге, приехавшему в Москву, по их мнению, из перечисленных ниже стран и регионов, в зависимости от наличия/отсутствия среди членов их семей родственников, состоящих (состоявших) в браке с мигрантами, в %

Страны и регионы	Наличие (N = 86)	Отсутствие (N = 366)	Всего (N = 452)
Армения	21	6	9
Азербайджан	18	4	7
Грузия	23	6	9
Кыргызстан	13	5	6
Узбекистан	13	4	6
Таджикистан	13	4	6
Чечня	18	3	6
Дагестан	14	3	5

Таблица 15. Доля опрошенных москвичей, относящихся положительно и отрицательно к гипотетической ситуации, если в одном классе с их ребенком или внуком (внучкой), будут учиться дети из семей, приехавших в Москву, по их мнению, из перечисленных ниже стран и регионов, в зависимости от наличия/отсутствия у них родственников, состоящих (состоявших) в браке с мигрантами, в %

Страны и регионы	Положительно			Отрицательно		
	Наличие (N=46)	Отсутствие (N=170)	Всего (N=216)	Наличие (N=46)	Отсутствие (N=170)	Всего (N=216)
Армения	30	10	14	2	24	19
Азербайджан	20	5	8	13	29	26
Грузия	22	8	11	7	25	21
Кыргызстан	13	5	7	7	29	24
Узбекистан	13	5	7	7	28	23
Таджикистан	13	5	7	13	29	26
Чечня	17	4	7	15	39	34
Дагестан	11	4	8	17	37	33

Таблица 16. Отношение опрошенных москвичей к гипотетической ситуации, если их ребенок или внук (внучка) подружится с одноклассником из семьи, приехавшей в Москву из стран Закавказья, Средней Азии или республик Северного Кавказа, в зависимости от наличия/отсутствия у них родственников, состоящих (состоявших) в браке с мигрантами, в %

Варианты	Наличие (N=46)	Отсутствие (N=170)	Всего (N=216)
Пусть дружат, если им это нравится	74	57	60
Я не буду возражать, только если семья этого ребенка близка моей семье по уровню образования или социальному положению	20	24	23
Я бы не хотел(а), чтобы мой ребенок (внук, внучка) дружил(а) с детьми из таких семей	6	17	15
Другое	0	2	2

DOI: [10.14515/monitoring.2023.6.2192](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.6.2192)

В. И. Корсунова, О. В. Волченко

ЭФФЕКТ ИНТЕРВЬЮЕРА И ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО: ОЦЕНКА ИДЕАЛЬНОГО ВОЗРАСТА ЖИЗНЕННЫХ СОБЫТИЙ В СТРАНАХ ЕВРОПЫ

Правильная ссылка на статью:

Корсунова В. И., Волченко О. В. Эффект интервьюера и гендерное равенство: оценка идеального возраста жизненных событий в странах Европы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 6. С. 197—217. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.6.2192>.

For citation:

Korsunova V. I., Volchenko O. V. (2023) Interviewer Effect and Gender Equality: Ideal Age for Life Events in European Countries. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 197–217. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.6.2192>. (In Russ.)

Получено: 09.02.2022. Принято к публикации: 08.11.2023.

ЭФФЕКТ ИНТЕРВЬЮЕРА И ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО: ОЦЕНКА ИДЕАЛЬНОГО ВОЗРАСТА ЖИЗНЕННЫХ СОБЫТИЙ В СТРАНАХ ЕВРОПЫ

КОРСУНОВА Виолетта Игоревна — кандидат социологических наук, младший научный сотрудник Лаборатории сравнительных социальных исследований им. Р. Ф. Инглхарта, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: vikorsunova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-9180-5079>

ВОЛЧЕНКО Олеся Викторовна — кандидат социологических наук, младший научный сотрудник Лаборатории сравнительных социальных исследований им. Р. Ф. Инглхарта, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: ovolchenko@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2595-8069>

Аннотация. В статье рассматривается связь характеристик интервьюера и ответов на гендерно окрашенные вопросы в странах с разным уровнем гендерного равенства. В научной литературе можно выделить два основных подхода к объяснению эффекта интервьюера: модель социальной атрибуции и модель социальной дистанции. Согласно первому подходу, респонденты меняют ответы в зависимости от характеристик интервьюера; второй же подход предполагает также учет разницы в социальных характеристиках респондента и интервьюера. В представленном исследовании рассмотрены эффекты пола интервьюера (модель социальной атрибуции) и разницы в возрасте респондента и интервьюера (модель социальной дистанции) на оценку

INTERVIEWER EFFECT AND GENDER EQUALITY: IDEAL AGE FOR LIFE EVENTS IN EUROPEAN COUNTRIES

Violetta I. KORSUNOVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Junior Research Fellow at the Ronald F. Inglehart Laboratory for Comparative Social Research
E-MAIL: vikorsunova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-9180-5079>

Olesya V. VOLCHENKO¹ — Cand. Sci. (Soc.), Junior Research Fellow at the Ronald F. Inglehart Laboratory for Comparative Social Research
E-MAIL: ovolchenko@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2595-8069>

¹ HSE University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article examines the relationship between interviewer characteristics and responses to gender-specific questions in countries with different levels of gender equality. Existing literature provides two main approaches to explaining the interviewer effect: the social attribution model and the social distance model. According to the first approach, respondents change their answers depending on the characteristics of the interviewer; the second approach additionally considers the difference in the social characteristics of the respondent and the interviewer. This study examines the effects of the interviewer' gender (social attribution model) and the age difference between the respondent and the interviewer (social distance model) on the assessment of the ideal age for demo-

идеального возраста для различных событий в жизни женщин и мужчин. На основе данных девятого раунда Европейского социального исследования показано, что разница в оценке идеального возраста наступления демографических событий в жизни мужчин и женщин оказывается больше, если опрос проводится женщиной. В то же время данный эффект менее выражен в странах с высоким уровнем гендерного равенства. Кроме того, возраст, указываемый в качестве идеального для жизненных событий, оказывается меньше при большей разнице в возрасте респондента и интервьюера, и данный эффект остается схожим во всех исследуемых странах. Результаты исследования свидетельствуют о необходимости учета характеристик интервьюера при анализе опросных данных.

Ключевые слова: эффект интервьюера, сравнительные исследования, гендерное равенство, возраст наступления жизненных событий

Благодарность. Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Введение

Взаимодействие интервьюера и респондента, а также влияние этого взаимодействия на результаты опросов широко обсуждаются в литературе, посвященной методологии социологических исследований [Журавлева, 2009; Мягков, Журавлева, 2004; West, Blom, 2017]. Искажения результатов, вызванные эффектами интервьюера, особенно проблематично оценить в силу того, что они не предполагают каких-либо конкретных техник контроля. Кроме того, затруднителен сбор данных, касающихся оценочных суждений [Журавлева, 2009; Himelein, 2016], зачастую являющихся основными исследуемыми феноменами. Помимо этого, на ответы респондентов влияют представления о социальной желательности, давление которых особенно сильно возрастает в ходе личных интервью [Caputo, 2017].

graphic events in the lives of men and women. Based on the European Social Survey's Round 9 data, the authors show that the difference in the assessment of the ideal age for the onset of demographic events in the lives of men and women is greater if the survey is conducted by a woman. At the same time, this effect is less pronounced in countries with high levels of gender equality. In addition, the age reported as ideal for life events is lower when the age difference between respondent and interviewer is greater, and this effect remains robust across all countries considered. The results of the study indicate the need to account for the characteristics of the interviewer when analyzing population survey data.

Keywords: interviewer effect, comparative studies, gender equality, age of life events

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the HSE University Basic Research Program.

Предыдущие исследования указывают на особое значение характеристик интервьюера. Респонденты имеют склонность изменять свои ответы в зависимости от представлений о социальном положении интервьюера. С одной стороны, интервьюируемые могут регулировать свои ответы в соответствии с их представлениями о мнении интервьюера (модель социальной атрибуции) [Журавлева, 2009], с другой — могут учитывать разницу между своими социальными характеристиками и характеристиками интервьюера и изменять ответы в случае, если различия оказываются большими (модель социальной дистанции) [Мягков, Журавлева, 2004]. В любом случае учет характеристик интервьюера — важная часть процесса оценки как систематических смещений при сборе данных, так и ошибки измерения в целом.

Несмотря на достаточную изученность обсуждаемой темы, можно отметить, что сравнительный анализ эффектов интервьюера встречается в исследованиях крайне редко. В частности, характер и величина подобных эффектов могут быть связаны с социальным, культурным и политическим контекстом общества, в котором проводится опрос. Культурные различия в восприятии отдельных феноменов определяют, какие темы будут считаться сенситивными в данном обществе, а значит, и какие мнения будут ожидаемы, исходя из тех или иных характеристик интервьюера.

В работе рассматривается влияние пола интервьюера, а также разницы в возрасте респондента и интервьюера на оценку идеального возраста для различных демографических событий в зависимости от уровня гендерного равенства в стране. Предполагается, что данные характеристики интервьюера связаны как с оценкой идеального возраста наступления демографических событий, так и с разницей в оценке идеального возраста наступления этих событий в жизни мужчин и женщин. В то же время ожидается, что гендерное равенство в стране должно нивелировать влияние интервьюера.

Эффекты интервьюера

Эффекты интервьюера представляют собой особую проблему при проведении опросных исследований, так как они приводят к искажению получаемых данных. Изучение роли эффекта интервьюера занимает важное место в исследованиях, посвященных модели общей ошибки исследования. Эффекты интервьюера всеобщности: они могут проявляться в ошибке покрытия, в вероятности отказа от ответа, ошибке измерения и ошибке обработки [West, Blom, 2017]. В частности, даваемые респондентами ответы связаны с установками, поведением, опытом и ожиданиями интервьюеров [Blom, Korbmacher, 2013]. Эффекты интервьюера можно разделить на прямые и скрытые [Dijkstra, 1983]. К первым относятся явные действия интервьюеров, которые могут повлиять на ответы: наводящие вопросы, неточности в воспроизведении вопросов, пропуски вопросов и т.д. Несмотря на очевидные проблемы, которые приносят подобные искажения, данный вид эффектов может быть проконтролирован. В то же время скрытые эффекты интервьюера подразумевают искажения, связанные с наличием интервьюеров как таковых. Данный вид эффектов вызывает значительно больше сложностей, так как полученные искажения в ответах практически невозможно выявить [Schnell, Kreuter, 2005; Conrad et al., 2020].

Одна из причин появления скрытых эффектов — социальная желательность: респонденты склонны давать ответы, которые, по их мнению, больше одобряются

обществом [Tourangeau, Smith, 1996]. Например, в опросах оказывается больше людей с высоким доходом, что сказывается на результатах дальнейшего анализа [Hariri, Lassen, 2017], а в переписи населения — на порядок больше замужних женщин, нежели женатых мужчин [Краснова, 2008]. Помимо этого, социальная желательность затрудняет проведение опросов, затрагивающих чувствительные темы: респонденты с большей вероятностью дадут более желательный ответ или откажутся отвечать на вопрос [Tourangeau, Yan, 2007; Villarroel et al., 2008].

Данной проблеме посвящено множество работ. В частности, исследователи уделяют особое внимание различиям в ответах на вопросы, измеряющие ценностные ориентации, в том числе связанные с установками по поводу гендерного неравенства. Во многих культурных контекстах подобные вопросы затрагивают сенситивные темы, что приводит к большему количеству отказов давать ответ, а также искажениям, вызванным социальной желательностью. Примечательно, что в зависимости от воспринимаемой респондентами нормы ответы могут оказаться как более либеральными, так и более консервативными.

Между тем не только само по себе присутствие интервьюера оказывает влияние на ответы — его характеристики также детерминируют демонстрируемые респондентом социальные установки. С точки зрения модели социальной атрибуции респонденты изменяют свой ответ в зависимости от социальных черт интервьюера [Журавлева, 2009]. Данный феномен давно известен и связывается с так называемой солидарностью: респонденты склонны подстраивать свои ответы под те, что, по их мнению, будут более желательны с точки зрения интервьюера [Fowler, Mangione, 1989]. Данная проблема характерна для вопросов, связанных с субъективной оценкой различных феноменов [Himelein, 2016], что особенно важно при анализе ценностных установок. Например, результаты предыдущих исследований по теме показывают, что на вопросы о гендерном равенстве интервьюеры-женщины по сравнению с интервьюерами-мужчинами получают более эгалитарные ответы [Huddy et al., 1997; Kane, Macaulay, 1993]. Пол интервьюера оказывается важным параметром не только при прямой оценке гендерных установок, но и при оценке взаимоотношений. Например, респонденты склонны более положительно отзываться о брачных отношениях, если опрос проводится женщиной [Liu, Stainback, 2013].

Кроме того, в литературе выделяют модель социальной дистанции [Журавлева, 2009; Мягков, Журавлева, 2004], согласно которой респонденты оценивают социальную дистанцию между собой и интервьюером и изменяют свои ответы, если воспринимаемая дистанция оказывается большой. В частности, исследования показывают, что респонденты, считающие интервьюера более образованным, нежели они сами, менее склонны отказываться отвечать на вопросы [Yang, Yu, 2008]. Кроме того, вышеупомянутые различия в ответах на вопросы о гендерном равенстве в большей степени наблюдаются в случае, когда женщины опрашивают мужчин [Benstead, 2014]. Помимо этого, есть свидетельства того, что большая разница в возрасте между интервьюером и респондентом приводит к более выраженным искажениям в ответах [Hu, 2021].

Исходя из результатов предыдущих исследований, можно сделать вывод о влиянии характеристик интервьюера на оценочные суждения. С учетом двух теоретических подходов к определению эффектов интервьюера в данной работе рассматри-

ваются как прямые эффекты (пол), так и различия в характеристиках респондента и интервьюера (разница в возрасте респондента и интервьюера).

Восприятие возраста и гендерное равенство

Социальная норма предполагает, что основные биографические события в жизни женщин происходят раньше, чем в жизни мужчин. Представления о том, что женщины взрослеют раньше, объясняют разными способами. Сторонники эволюционной теории пытаются объяснить различия в восприятии возрастов мужчин и женщин биологическими особенностями [Buss, Schmitt, 2011, 2019]. С точки зрения теории социальных ролей различия являются следствием гендерной социализации женщин и мужчин, предполагающей разные цели и установки для представителей разных полов [Wood, Eagly, 2002; Zentner, Mitura, 2012]. Вне зависимости от выбранного подхода можно ожидать, что идеальный возраст для различных событий в жизни женщин будет ниже, чем соответствующий возраст для мужчин. Вместе с тем стоит отметить, что различия в возрасте будут меньше в более гендерно эгалитарных обществах.

В то же время в литературе не утихают дебаты об определении и измерении гендерного равенства. Анализируя имеющиеся работы по теме, можно найти множество подходов, каждый из которых имеет свои достоинства и недостатки. Изучение гендерного неравенства затрагивает все сферы социологического анализа. Эта форма неравенства рассматривается в отношении социального класса [Wright, 2002], включая положение на рынке труда [Jenkins, 2004], образование [Riphahn, Schwientek, 2015], представленность в политике [Dahlerup, 2018; Van der Vleuten, 2007], возможности социальной мобильности [Gundert, Mayer, 2012; Leung, 2017]. Помимо традиционных стратификационных систем, внимание исследователей обращено также на более приватные формы неравенства, такие как распределение бытовых обязанностей [Балабанова, 2005; Калабихина, Шайкенова, 2019], подверженность насилию [Туркина, 2019], воспринимаемые образы и критерии оценки успешности жизненной траектории [Whelehan, 2014].

Выбор определенного подхода является сложной задачей. В данной работе в качестве меры гендерного равенства используется распространенность ценностей равенства в стране. Ценности равенства — одна из составляющих эмансипативных ценностей, рассматриваемых в рамках пересмотренной Кристианом Вельцелем теории модернизации [Welzel, 2013]. Эмансипативные ценности охватывают различные сферы общественной жизни и отражают степени автономии индивидов в принятии решений и противопоставляются консервативным установкам, предполагающим зависимость решений и поведения индивидов от устоявшихся традиционных представлений. Появление и распространение эмансипативных ценностей связаны с ростом экономического благополучия, при котором либеральные установки и ориентация на самовыражение оказываются более выгодными.

Большая распространенность эмансипативных ценностей в обществе свидетельствует о его культурной модернизации. В рамках данной концепции ценности равенства отвечают за измерение отношения населения к гендерному равенству в трех социальных аспектах — образовании, политической жизни и на рынке труда. Данный подход предполагает, с одной стороны, учет мнения населения, а с дру-

гой — демонстрирует культурный контекст, который определяет имеющиеся нормы и отражается на представлении о социальной желательности.

Данные и методы

В качестве основного источника информации для анализа мы использовали базу данных девятого раунда Европейского социального исследования (ESS Round 9, далее — ЕСИ), проведенного в 27 странах Европы в 2018 г.¹ Помимо содержательных переменных в девятом раунде ЕСИ представлена информация об интервьюерах, проводивших опросы. Таким образом, данные позволяют выявить различия в ответах респондентов в зависимости от характеристик интервьюера. В данном случае мы рассматриваем различия, связанные с полом и возрастом интервьюера. Для анализа была использована разница в возрасте между респондентом и интервьюером, которая рассчитывалась как разность в количестве лет между возрастом респондента и возрастом интервьюера. Таким образом, если данный показатель принимал отрицательные значения, респондент оказывался младше интервьюера; если же показатель был положительным, то респондент был старше интервьюера; ноль означает, что возраст респондента и возраст интервьюера совпадают.

В данной работе используются три зависимые переменные. Все переменные описывают возраст, который, по мнению респондентов, идеален для начала совместной жизни с партнером, вступления в брак и появления детей. Во время опроса респонденты были случайным образом разделены на две группы (split ballot technique), одна из которых оценивала идеальный возраст для женщин, а другая — для мужчин² [ESS Round 9 Source Questionnaire, 2018: 34]. Таким образом, одной из ключевых независимых переменных является оцениваемая группа. Кроме того, к основным независимым переменным относятся пол интервьюера и гендерное равенство в стране.

Гендерное равенство в стране в данном случае измеряется на основании распространенности ценностей равенства [Welzel, 2013]. В первоначальном виде ценности равенства рассчитываются с помощью трех вопросов, однако в базах ЕСИ представлен только один из них (при этом лишь в восьмом раунде). Возможность использования только одного вопроса для измерения ценностей равенства объясняется тем, что ценностные установки суть аналитический конструкт — латентная переменная, являющаяся причиной значений наблюдаемых индикаторов³ [Coltman et al., 2008]. Наблюдаемые переменные в подобных конструктах считаются равнозначными и взаимозаменяемыми [Hanafiah, 2020; Simonetto, 2012].

Респондентов просили оценить, насколько они согласны с утверждением: «Когда рабочих мест не хватает, у мужчин должно быть преимущество перед женщинами при приеме на работу». Ответы фиксировались с помощью 5-значной шкалы, где 1 — «полностью согласен», а 5 — «совершенно не согласен». Также стоит отметить, что не все страны, участвовавшие в девятом раунде ЕСИ, также участвовали

¹ Все опросы проводились методом личных интервью с использованием планшета (Computer-Assisted Personal Interviews, CAPI). Во всех странах формировались случайные вероятностные выборки [Ghirelli et al., 2022].

² Применение такой техники связано с двумя факторами: во-первых, она позволяет уменьшить количество задаваемых одному респонденту вопросов [Liefbroer, Merz, 2009], во-вторых, таким образом достигался лучший уровень понимания вопросов респондентами [Billari et al., 2021].

³ В данном случае теоретическая модель предполагает, что установки относительно гендерного равенства являются причиной определенного уровня поддержки равенства на рынке труда, в образовании и политической сфере.

в восьмом раунде, поэтому для части из них данные были взяты из пятой волны Европейского исследования ценностей и седьмой волны Всемирного исследования ценностей⁴. С точки зрения теории и эмпирических наблюдений преобладающие ценности меняются за счет замещения поколений, что происходит крайне медленно и делает возможным использование данных более ранних опросов для анализа культурного контекста стран [Inglehart, Baker, 2000; Welzel, 2013; Akaliyski, Welzel, Hien, 2021; Inglehart, 2008; Inglehart, Ponarin, Inglehart, 2017]. Описательные статистики основных использованных переменных представлены в приложении 1.

Помимо основных переменных в анализе также были использованы несколько контрольных переменных, таких как пол респондента, возраст, количество лет, потраченных на образование, место жительства, а также группа дохода.

Основным методом анализа в данной работе стало многоуровневое регрессионное моделирование, позволяющее оценить связь между переменными индивидуального уровня, а также учесть характеристики исследуемых стран. Для каждой зависимой переменной были оценены четыре модели: 1) базовая модель с основными независимыми и контрольными переменными, 2) модель с эффектом взаимодействия между оцениваемой группой и полом интервьюера, 3) модель с эффектом взаимодействия между оцениваемой группой и разницей в возрасте респондента и интервьюера, а также 4) модель с межуровневым эффектом взаимодействия между полом интервьюера и гендерным равенством в стране. Изначально предполагалось также оценить модель с эффектом взаимодействия между разницей в возрасте респондента и интервьюера и гендерным равенством в стране, однако предварительный анализ показал, что влияние разницы в возрасте респондента и интервьюера является одинаковым во всех странах, а значит, не может быть связано с характеристиками страны⁵.

Результаты анализа

Характеристики интервьюера и оценка идеального возраста для различных событий

В таблице 1 представлены результаты многоуровневого регрессионного анализа, оценивающего представления об идеальном возрасте для начала совместной жизни с партнером. Идеальный возраст ожидаемо ниже для женщин, чем для мужчин. Помимо этого, в странах с большей распространенностью ценностей равенства идеальный возраст начала совместной жизни с партнером оказывается ниже (модель 1).

Кроме того, значимой оказывается и связь с разницей в возрасте респондента и интервьюера. Респонденты склонны указывать в качестве идеального более старший возраст, если разница в возрасте с интервьюером минимальна. При

⁴ Данные пятой волны ЕИЦ были взяты для Латвии, данные седьмой волны ВИЦ — для Кипра, Сербии, Словакии и Хорватии. Пятая волна ЕИЦ и седьмая волна ВИЦ были проведены в рамках соглашения о сотрудничестве [Proposed Cooperation Agreement... 2017]. В анкетах всех трех исследований использовались одинаковые формулировки вопроса о гендерном равенстве на рынке труда. Как и в случае с ЕСИ, в указанных странах использовалась случайная вероятностная выборка. См.: Joint EVS/WVS 2017—2022 Dataset (v4.0; Dec 14, 2022). *World Values Survey*. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSEVSjoint2017.jsp> (дата обращения: 10.12.2023).

⁵ Для всех зависимых переменных качество моделей с фиксированными и со случайными эффектами различается незначительно, ANOVA $p > 0,05$.

этом разница в идеальном возрасте для женщин и мужчин становится наибольшей, если респондент намного старше, чем интервьюер (модель 3); подробнее связь данных переменных представлена на рисунке 1.

Что касается пола интервьюера, то, во-первых, разница в оценке идеального возраста для женщин и для мужчин оказывается больше, когда опрос проводится женщиной (модель 2). Во-вторых, разница в ответах интервьюерам-женщинам и интервьюерам-мужчинам становится менее выраженной в странах с большей распространенностью ценностей гендерного равенства (модель 4). Иллюстрация данных результатов представлена на рисунках 2 и 3.

Таблица 1. Оценка идеального возраста начала совместной жизни с партнером (многоуровневая линейная регрессия)

	1		2		3		4	
Переменные	β	p	β	p	β	p	β	p
Константа	27,01	<0,001	26,94	<0,001	27,02	<0,001	25,47	<0,001
Оцениваемая группа (Ж)	-1,48	<0,001	-1,34	<0,001	-1,52	<0,001	-1,47	<0,001
Пол интервьюера (Ж)	0,06	0,166	0,17	0,005	0,06	0,168	2,00	0,035
Разница в возрасте	0,00	0,006	0,00	0,006	0,01	<0,001	0,01	0,002
Разница в возрасте, квадрат	-0,00	<0,001	-0,00	<0,001	-0,00	<0,001	-0,00	<0,001
Равенство	-0,96	0,042	-0,96	0,042	-0,95	0,043	-0,57	0,249
Контрольные переменные	+		+		+		+	
Оцениваемая группа (Ж)* Пол интервьюера (Ж)			-0,22	0,008				
Оцениваемая группа (Ж)* Разница в возрасте					-0,01	<0,001		
Оцениваемая группа (Ж)* Разница в возрасте, квадрат					0,00	0,579		
Пол интервьюера* Равенство							-0,48	0,043
Случайные эффекты								
σ^2	11,14		11,14		11,13		11,11	
$\tau_{0\text{страна}}$	1,18		1,18		1,18		1,28	
$\tau_{11\text{пол_интервьюера}}$							0,23	
$\rho_{01\text{страна}}$							-0,30	
ICC	0,10		0,10		0,10		0,10	
N стран	25		25		25		25	
N наблюдений	27811		27811		27811		27811	
Предельный R ² / Условный R ²	0,066 / 0,156		0,067 / 0,156		0,067 / 0,157		0,066 / 0,158	

Далее рассмотрим оценку идеального возраста для вступления в брак (см. табл. 2). Эта оценка не связана с уровнем ценностей равенства в стране, но в то же время результаты моделирования свидетельствуют о наличии эффекта интервьюера. В частности, значимым фактором оказывается пол интервьюера: когда опрос проводится женщиной, респонденты склонны называть более поздний возраст в качестве идеального для вступления в брак. Вместе с тем данный эффект, как и в предыдущем случае, менее выражен в странах с высоким уровнем гендерного равенства (модель 8). При этом интервьюеры-женщины получают большую разницу в оценке идеального возраста вступления в брак для женщин и для мужчин (модели 5 и 6). Помимо этого, можно отметить значимый эффект разницы в возрасте респондента и интервьюера: идеальный возраст для вступления в брак становится меньше, когда разница в возрасте респондента и интервьюера оказывается большой. Кроме того, разница в представлениях об идеальном возрасте бракосочетания для мужчин и женщин становится наибольшей, когда респондент и интервьюер оказываются близки по возрасту (модель 7).

Таблица 2. Оценка идеального возраста вступления в брак
(многоуровневая линейная регрессия)

	5		6		7		8	
Переменные	β	p	β	p	β	p	β	P
Константа	26,33	<0,001	26,23	<0,001	26,36	<0,001	24,52	<0,001
Оцениваемая группа (Ж)	-1,87	<0,001	-1,70	<0,001	-1,95	<0,001	-1,86	<0,001
Пол интервьюера (Ж)	0,22	<0,001	0,35	<0,001	0,22	<0,001	2,47	0,005
Разница в возрасте	0,01	<0,001	0,01	<0,001	0,01	<0,001	0,01	<0,001
Разница в возрасте, квадрат	-0,00	<0,001	-0,00	<0,001	-0,00	<0,001	-0,00	<0,001
Равенство	0,15	0,746	0,15	0,743	0,15	0,744	0,60	0,283
Контрольные переменные	+		+		+		+	
Оцениваемая группа (Ж)* Пол интервьюера (Ж)			-0,26	0,001				
Оцениваемая группа (Ж)* Разница в возрасте					-0,01	<0,001		
Оцениваемая группа (Ж)* Разница в возрасте, квадрат					0,00	0,021		
Пол интервьюера* Равенство							-0,55	0,013
Случайные эффекты								
σ^2	11,40		11,40		11,39		11,37	
$\tau_{00\text{страна}}$	1,19		1,19		1,19		1,61	
$\tau_{11\text{пол интервьюера}}$							0,20	
$\rho_{01\text{страна}}$							-0,61	
ICC	0,09		0,09		0,09		0,10	
N стран	25		25		25		25	
N наблюдений	29084		29084		29084		29084	
Предельный R ² / Условный R ²	0,124 / 0,207		0,124 / 0,207		0,125 / 0,208		0,125 / 0,215	

Наконец, рассмотрим оценку идеального возраста для появления детей (см. табл. 3). Результаты моделирования для данного жизненного события в целом совпадают с результатами предыдущих моделей. Можно отметить, что идеальный возраст для женщин ниже, чем для мужчин, причем на этот раз разница составляет почти два года. Также анализ показал наличие эффекта интервьюера как в случае с полом интервьюера, так и в случае с разницей в возрасте респондента и интервьюера. При этом, как и ранее, разница в результатах, получаемых женщинами и мужчинами, меньше в более гендерно эгалитарных странах.

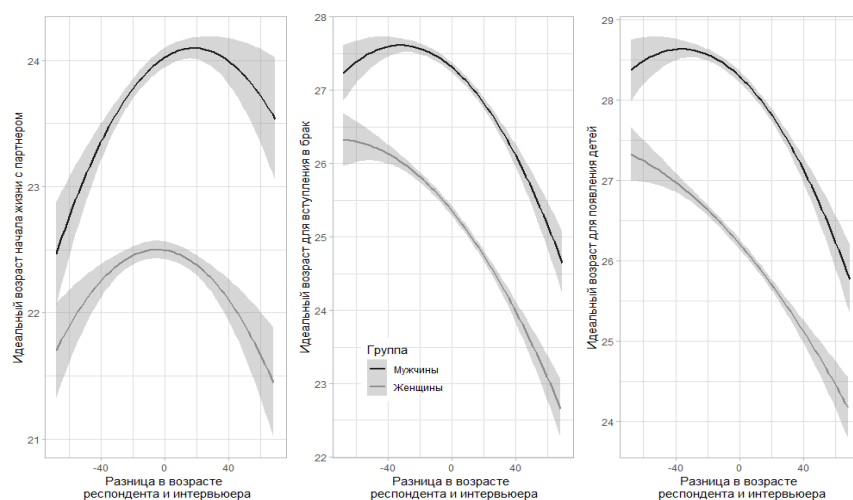
Таблица 3. Оценка идеального возраста для появления детей
(многоуровневая линейная регрессия)

Переменные	9		10		11		12	
	β	p	β	p	β	p	β	p
Константа	27,11	<0,001	27,02	<0,001	27,15	<0,001	24,89	<0,001
Оцениваемая группа (Ж)	-1,96	<0,001	-1,80	<0,001	-2,05	<0,001	-1,95	<0,001
Пол интервьюера (Ж)	0,17	<0,001	0,29	<0,001	0,17	<0,001	2,93	0,002
Разница в возрасте	0,01	0,003	0,01	0,003	0,01	<0,001	0,01	0,001
Разница в возрасте, квадрат	-0,00	<0,001	-0,00	<0,001	-0,00	<0,001	-0,00	<0,001
Равенство	0,08	0,868	0,08	0,865	0,08	0,866	0,62	0,270
Контрольные переменные	+		+		+		+	
Оцениваемая группа (Ж)* Пол интервьюера (Ж)			-0,24	0,002				
Оцениваемая группа (Ж)* Разница в возрасте					-0,00	0,007		
Оцениваемая группа (Ж)* Разница в возрасте, квадрат					0,00	0,005		
Пол интервьюера* Равенство							-0,67	0,004
Случайные эффекты								
σ^2	10,92		10,92		10,92		10,89	
$\tau_{0\text{страна}}$	1,15		1,15		1,15		1,66	
$\tau_{1\text{пол_интервьюера}}$							0,24	
$\rho_{01\text{страна}}$							-0,67	
ICC	0,10		0,10		0,10		0,10	
N стран	25		25		25		25	
N наблюдений	30653		30653		30653		30653	
Предельный R^2 / Условный R^2	0,127 / 0,210		0,127 / 0,210		0,127 / 0,210		0,128 / 0,219	

Таким образом, регрессионный анализ показывает наличие эффекта интервьюера в оценке идеального возраста для различных жизненных событий. Интервьюерам-женщинам называют более высокий возраст; в то же время большая разница в возрасте между респондентом и интервьюером, наоборот, приводит к заниженной оценке идеального возраста. Немаловажно также отметить устойчивость разницы в возрасте респондента и интервьюера: данный фактор оказывает сходное влияние во всех странах. В свою очередь, в отличие от возраста, размер коэффициента для пола интервьюера связан с уровнем ценностей равенства в стране: в более гендерно эгалитарных странах ответы респондентов в меньшей степени связаны с полом интервьюера. Рассмотрим эти результаты подробнее.

Связь разницы в возрасте респондента и интервьюера и оценки идеального возраста представлена на рисунке 1. На первом графике слева показаны различия в оценке идеального возраста для начала совместной жизни с партнером для женщин и мужчин в зависимости от разницы в возрасте респондента и интервьюера. Можно отметить, что и для мужчин, и для женщин называемый возраст увеличивается, если между респондентом и интервьюером разница в возрасте невелика. В то же время тренды для мужчин и женщин несколько различаются. Для женщин идеальный возраст оказывается ниже, если разница в возрасте респондента и интервьюера становится больше. Для мужчин связь иная: когда респондент младше интервьюера, с уменьшением разницы в возрасте называемый идеальный возраст увеличивается; когда же интервьюер младше респондента, оценка возраста становится значительно ниже. Тем не менее наблюдаемые флуктуации находятся в пределах 1,5 лет, поэтому эффект возраста интервьюера можно считать слабым.

Рис. 1. Оценка идеального возраста для различных событий в зависимости от разницы в возрасте респондента и интервьюера

Иную связь можно наблюдать в случае с анализом идеальных возрастов вступления в брак и для появления детей. В обоих случаях называемый идеальный

возраст наступления демографического события для женщин тем меньше, чем старше респондент по отношению к интервьюеру. В то же время для мужчин идеальный возраст снижается, только когда респондент старше интервьюера; в случае, если разница в возрасте невелика или респондент младше интервьюера, декларируемый возраст выше. Также стоит отметить, что наблюдаемые различия в оценке возраста охватывают несколько лет. Если молодого респондента опрашивает пожилой интервьюер, то идеальный возраст для вступления в брак для женщин составляет примерно 26 лет, а для мужчин — примерно 27. Если же пожилого респондента опрашивает молодой интервьюер, то для женщин идеальным возрастом оказывается 23 года, а для мужчин — 25 лет. Схожая ситуация наблюдается и для оценки идеального возраста для рождения детей. Если респондент намного младше интервьюера, то возраст для женщин составляет 27 лет, а для мужчин — 28 лет. Если респондент намного старше интервьюера, то возраст для женщин снижается до 24 лет, а для мужчин — до 26 лет.

Различия в оценке идеального возраста мужчин и женщин в зависимости от пола интервьюера представлены на рисунке 2. Можно отметить, что идеальным возрастом для женщин остается схожим в ответах как мужчинам, так и женщинам. В то же время идеальный возраст мужчин оказывается несколько ниже, если опрос проводится женщиной.

Рис. 2. Оценка идеального возраста для различных событий для мужчин и женщин в зависимости от пола интервьюера

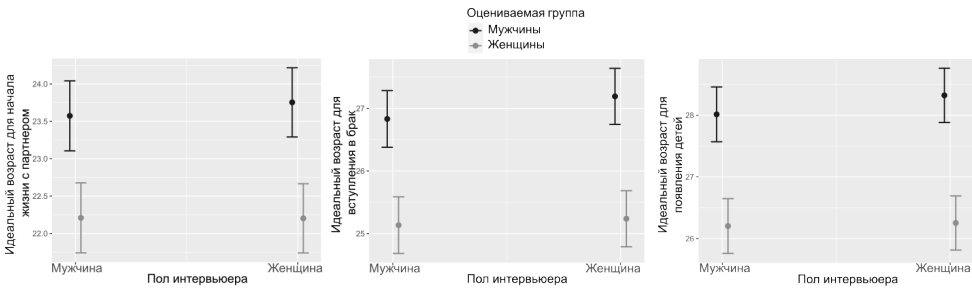
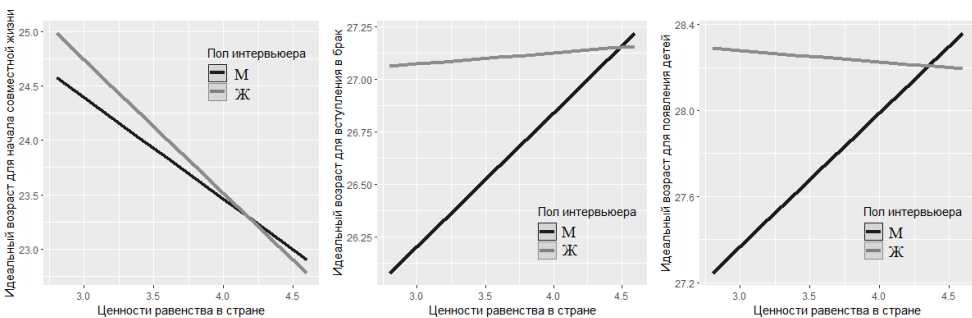

Рис. 3. Оценка идеального возраста для начала совместной жизни и появления детей в зависимости от пола интервьюера в странах с разной распространенностью ценностей равенства

Различия в коэффициентах для пола интервьюера в странах с разным уровнем ценностей равенства представлены на рисунке 3. Несмотря на различие в связи между оценкой идеального возраста наступления демографических событий и гендерного равенства в стране, во всех трех случаях в странах с большим гендерным равенством различия в ответах интервьюерам-женщинам и интервьюерам-мужчинам незначимы. Таким образом, с ростом гендерного равенства в стране пол интервьюера перестает быть значимым фактором.

Выводы

Результаты исследования свидетельствуют о наличии эффектов интервьюера с точки зрения как модели социальной атрибуции, так и модели социальной дистанции. Характеристики интервьюеров, такие как пол и возраст, значимо сказываются на ответах респондентов. В частности, разница в оценке идеального возраста наступления всех изучаемых событий больше, если интервьюером была женщина. В то же время эффект пола интервьюера связан с оцениваемой группой и распространенностью ценностей равенства в стране опроса. Полученные различия между интервьюерами-женщинами и интервьюерами-мужчинами возникают при оценке идеального возраста различных событий в жизни мужчин, а не женщин. Кроме того, данная разница исчезает в странах с большим гендерным равенством.

Что касается возраста интервьюера, то эффект данной характеристики остается сходным во всех исследуемых странах независимо от распространенности ценностей равенства. Разница в возрасте между информантом и интервьюером приводит к различиям в оценке идеального возраста. Молодые респонденты, опрошенные пожилыми интервьюерами, склонны занижать оцениваемый возраст, так же, как и пожилые респонденты, опрошенные молодыми интервьюерами. В итоге характеристики интервьюера, определенные в рамках модели социальной дистанции, оказываются устойчивыми в различных культурных контекстах и требуют учета в ходе анализа.

Отдельно можно отметить различия в оценке идеального возраста для начала совместной жизни с партнером по сравнению с двумя другими событиями. В частности, в странах с большей распространенностью ценностей равенства идеальный возраст для начала совместной жизни ниже независимо от пола интервьюера. В случае с браком и рождением детей, наоборот, с увеличением поддержки гендерного равенства в стране идеальный возраст растет. Близость оценки идеального возраста всех трех событий в странах с более низким гендерным равенством и увеличение разрыва между идеальным возрастом для начала совместной жизни и вступлением в брак в более эгалитарных странах может свидетельствовать также о разнице в восприятии сексуальных отношений и их связи с брачным статусом. Кроме того, значительная схожесть результатов для возраста вступления в брак и рождения детей говорит о большей связанности этих двух событий по сравнению с началом совместной жизни.

Это исследование, как и любое другое, имеет ряд ограничений. Во-первых, мы не оцениваем одновременно эффект взаимодействия разницы пола и возраста респондента и интервьюера. Данный вопрос может быть рассмотрен в последующих

работах с применением иной методологии — например, с техник мэтчинга. Во-вторых, невозможно точно определить, каким именно типом ошибок модели общей ошибки исследования обусловлены выявленные различия в оценках идеального возраста. В-третьих, мы анализируем только европейские страны; в других регионах — в том числе с более высоким уровнем гендерного неравенства — результаты могут оказаться иными. В-четвертых, так как данные об оценке идеального возраста были полностью собраны в формате личных интервью (CAPI), нет возможности сравнить полученные результаты с набирающими популярность в сравнительных исследованиях онлайн-опросами, а также другими методами сбора данных.

Тем не менее данная работа показывает, что опросы, затрагивающие чувствительные темы, и особенно связанные с оценочными суждениями, требуют учета тех характеристик интервьюеров, что потенциально могут привести к искажениям в ответах респондентов. К сожалению, подобная информация нечасто предоставляется организаторами опросов и редко оказывается доступной исследователям. В то же время даже при наличии подобных данных они зачастую игнорируются, как и другая «техническая» информация о ходе опроса, вроде языка проведения интервью или его длительности. Однако игнорирование данных подобного рода при анализе чувствительных тем может быть оправдано только в некоторых странах.

Список литературы (References)

- Балабанова Е. С. Домашний труд как символ гендера и власти // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 109—120.
- Balabanova E. S. (2005) Domestic Labor as a Symbol of Gender and Power. *Sociological Studies*. No. 6. P. 109—120. (In Russ.)
- Журавлева С. Л. Гендерные эффекты в телефонном интервью // Женщина в российском обществе. 2009. № 4. С. 44—56.
- Zhuravleva S. L. (2009) Gender Effects in Phone Interview. *Woman in Russian Society*. No. 4. P. 44—56. (In Russ.)
- Калабихина И. Е., Шайкенова Ж. К. Затраты времени на домашнюю работу: детерминанты гендерного неравенства // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 261—285. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.15>.
- Kalabikhina I. Ye., Shaikenova Z. K. (2019) Time Spent on Household Work: The Determinants of Gender Inequality. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 261—285. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.15>. (In Russ.)
- Краснова Т. В. Гражданский брак и фактическое супружество // Российский юридический журнал. 2008. № 3. С. 53—57.
- Krasnova T. V. (2008) Civil Marriage and Factual Conjugality. *Russian Juridical Journal*. No. 3. P. 53—57. (In Russ.)
- Мягков А. Ю., Журавлева И. В. Эффект ожиданий интервьюера в персональном интервью // Социологический журнал. 2004. № 3—4. С. 6—26.

Myagkov A. Yu., Zhuravleva I. V. (2004) The Effect of Interviewer's Expectations in a Face-to-Face Interview. *Sociological Journal*. No. 3—4. P. 6—26. (In Russ.)

Туркина Н. А. Влияние гендерных стереотипов на восприятие насилия в семье: региональный аспект // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2019. Т. 14. № 4. С. 57—63.

Turkina N. A. (2019) Effects of Gender Stereotypes on the Perception of Domestic Violence: A Regional Aspect. *Izvestia Ural Federal University Journal. Series 3. Social and Political Science*. Vol. 14. No. 4. P. 57—63. (In Russ.)

Akaliyski P., Welzel C., Hien J. (2021) A Community of Shared Values? Dimensions and Dynamics of Cultural Integration in the European Union. *Journal of European Integration*. Vol. 44. No. 4. P. 569—590. <https://doi.org/10.1080/07036337.2021.1956915>.

Benstead L. J. (2014) Effects of Interviewer — Respondent Gender Interaction on Attitudes toward Women and Politics: Findings from Morocco. *International Journal of Public Opinion Research*. Vol. 26. No. 3. P. 369—383. <https://doi.org/10.1093/ijpor/edt024>.

Billari F. C., Badolato L., Hagestad G., Liefbroer A. C., Settersten R. A. J., Spéder Z., Van Bavel J. (2021) The Timing of Life: Topline Results from Round 9 of the European Social Survey. *European Social Survey Topline Results Series*. Vol. 11.

Blom A. G., Korbmacher J. M. (2013) Measuring Interviewer Characteristics Pertinent to Social Surveys: A Conceptual Framework. *Survey Methods: Insights from the Field*. <https://doi.org/10.13094/SMIF-2013-00001>.

Buss D. M., Schmitt D. P. (2011) Evolutionary Psychology and Feminism. *Sex Roles*. Vol. 64. No. 9. P. 768—787. <https://doi.org/10.1007/s11199-011-9987-3>.

Buss D. M., Schmitt D. P. (2019) Mate Preferences and Their Behavioral Manifestations. *Annual Review of Psychology*. Vol. 70. P. 77—110. <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-010418-103408>.

Caputo A. (2017) Social Desirability Bias in Self-Reported Well-Being Measures: Evidence from an Online Survey. *Universitas Psychologica*. Vol. 16. No. 2. P. 245—255. <http://dx.doi.org/10.11144/Javeriana.upsy16-2.sds>.

Coltman T., Devinney T. M., Midgley D. F., Venaik S. (2008) Formative Versus Reflective Measurement Models: Two Applications of Formative Measurement. *Journal of Business Research*. Vol. 61. No. 12. P. 1250—1262. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2008.01.013>.

Conrad F. G., Schober M. F., Nielsen D., Reichert H. (2020) Virtual Interviewers, Social Identities, and Survey Measurement Error. In: Olson K., Smyth J. D., Dykema J., Holbrook A. L., Kreuter F., West B. T. (eds.) *Interviewer Effects from a Total Survey Error Perspective*. Boca Raton: CRC Press. P. 149—164. <http://dx.doi.org/10.1201/9781003020219-15>.

Dahlerup D. (2018) Gender Equality as a Closed Case: A Survey Among the Members of the 2015 Danish Parliament. *Scandinavian Political Studies*. Vol. 41. No. 2. P. 188—209. <https://doi.org/10.1111/1467-9477.12116>.

Dijkstra W. (1983) How Interviewer Variance Can Bias the Results of Research on Interviewer Effects. *Quality and Quantity*. Vol. 17. No. 3. P. 179—187. <https://doi.org/10.1007/BF00167582>.

ESS Round 9 Source Questionnaire. (2018) London: ESS ERIC Headquarters. URL: https://stessrelpubprodwe.blob.core.windows.net/data/round9/fieldwork/source/ESS9_source_questionnaires.pdf (accessed: 10.12.2023).

Fowler Jr F. J., Mangione T. W. (1989) Standardized Survey Interviewing: Minimizing Interviewer—Related Error. Newbury Park, CA: Sage. <https://doi.org/10.4135/9781412985925>.

Ghirelli N., Lynn P., Dorer B., Schwarz H., Kappelhof J., van de Maat J., Kessler G., Briceno-Rosas R., Rød L.-M. (2022) ESS9 Overall Fieldwork and Data Quality Report. Mannheim: GESIS. URL: https://www.europeansocialsurvey.org/sites/default/files/2023-06/ESS9_Quality_Report.pdf (дата обращения: 10.12.2023).

Gundert S., Mayer K. U. (2012) Gender Segregation in Training and Social Mobility of Women in West Germany. *European Sociological Review*. Vol. 28. No. 1. P. 59—81. <https://doi.org/10.1093/esr/jcq048>.

Hanafiah M. H. (2020) Formative vs. Reflective Measurement Model: Guidelines for Structural Equation Modeling Research. *International Journal of Analysis and Applications*. Vol. 18. No. 5. P. 876—889. <https://doi.org/10.28924/2291-8639-18-2020-876>.

Hariri J. G., Lassen D. D. (2017) Income and Outcomes: Social Desirability Bias Distorts Measurements of the Relationship Between Income and Political Behavior. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 81. No. 2. P. 564—576. <https://doi.org/10.1093/poq/nfw044>.

Himelein K. (2016) Interviewer Effects in Subjective Survey Questions: Evidence from Timor-Leste. *International Journal of Public Opinion Research*. Vol. 28. No. 4. P. 511—533. <https://doi.org/10.1093/ijpor/edv031>.

Hu Ya. (2021) How Does Age Shape Social Interactions? Interviewer-Age Effects, Normative Age Distance, and Gender Attitudes. *European Sociological Review*. Vol. 37. No. 4. P. 673—693. <https://doi.org/10.1093/esr/jcaa069>.

Huddy L., Billig J., Bracciodieta J., Hoeffler L., Moynihan P. J., Pugliani P. (1997) The Effect of Interviewer Gender on the Survey Response. *Political Behavior*. Vol. 19. No. 3. P. 197—220. <https://doi.org/10.1023/a:1024882714254>.

Inglehart R. F. (2008) Changing Values Among Western Publics from 1970 to 2006. *West European Politics*. Vol. 31. No. 1—2. P. 130—146. <https://doi.org/10.1080/01402380701834747>.

Inglehart R. F., Ponarin E., Inglehart R. C. (2017) Cultural Change, Slow and Fast: The Distinctive Trajectory of Norms Governing Gender Equality and Sexual Orientation. *Social Forces*. Vol. 95. No. 4. P. 1313—1340. <https://doi.org/10.1093/sf/sox008>.

Inglehart R., Baker W. E. (2000) Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values. *American Sociological Review*. Vol. 65. No. 1. P. 19—51. <https://doi.org/10.2307/2657288>.

Jenkins S. (2004) Gender, Place, and the Labour Market. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/97813511157643>.

Kane E. W., Macaulay L. J. (1993) Interviewer Gender and Gender Attitudes. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 57. No. 1. P. 1—28. <https://doi.org/10.1086/269352>.

Leung M. W. H. (2017) Social Mobility via Academic Mobility: Reconfigurations in Class and Gender Identities Among Asian Scholars in the Global North. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 43. No. 16. P. 2704—2719. <https://doi.org/10.1080/1369183x.2017.1314595>.

Liefbroer A. C., Merz E.-M. (2009) Report on Analysis of ESS Data on Cross-National Differences in Perceived Norms Concerning Fertility-Related Behaviour. In: *REPRO Deliverable*. Vol. 16. No. 6. The Hague: Netherlands Interdisciplinary Demographic Institute.

Liu M., Stainback K. (2013) Interviewer Gender Effects on Survey Responses to Marriage-Related Questions. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 77. No. 2. P. 606—618. <https://doi.org/10.1093/poq/nft019>.

Proposed Cooperation Agreement between the European Values Study and World Values Survey Association Regarding Joint Implementation of the Values Surveys in 2017 in Europe. (2017) *European Values Study*. URL: <https://europeanvaluesstudy.eu/wp-content/uploads/2018/09/mou-evs-wvs-15-2-2016-final-version.pdf> (accessed: 10.12.2023).

Riphahn R. T., Schwientek C. (2015) What drives the reversal of the gender education gap? Evidence from Germany. *Applied Economics*. Vol. 47. No. 53. P. 5748—5775. <https://doi.org/10.1080/00036846.2015.1058906>.

Schnell R., Kreuter F. (2005) Separating Interviewer and Sampling-Point Effects. *Journal of Official Statistics*. Vol. 21. No. 3. P. 389—410.

Simonetto A. (2012) Formative and Reflective Models: State of the Art. *Electronic Journal of Applied Statistical Analysis*. Vol. 5. No. 3. P. 452—457. <https://doi.org/10.1285/i20705948v5n3p452>.

Tourangeau R., Smith T. W. (1996) Asking Sensitive Questions: The Impact of Data Collection Mode, Question Format, and Question Context. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 60. No. 2. P. 275—304. <https://doi.org/10.1086/297751>.

Tourangeau R., Yan T. (2007) Sensitive Questions in Surveys. *Psychological Bulletin*. Vol. 133. No. 5. P. 859—883. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.133.5.859>.

Van der Vleuten A. (2007) The Price of Gender Equality: Member States and Governance in the European Union. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315554006>.

Villarroel M. A., Turner C. F., Rogers S. M., Roman A. M., Cooley P. C., Steinberg A. B., Eggleston E., Chromy J. R. (2008) T-ACASI Reduces Bias in STD Measurements: The

National STD and Behavior Measurement Experiment. *Sexually Transmitted Diseases*. Vol. 35. No. 5. P. 499—506. <https://doi.org/10.1097/olq.0b013e318165925a>.

Welzel C. (2013) *Freedom Rising*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/cbo9781139540919>.

West B. T., Blom A. G. (2017) Explaining Interviewer Effects: A Research Synthesis. *Journal of Survey Statistics and Methodology*. Vol. 5. No. 2. P. 175—211. <https://doi.org/10.1093/jssam/smw024>.

Whelehan I. (2014) Fiction or Polemic? Transcending the Ageing Body in Popular Women's Fiction. In: Whelehan I., Gwynne J. (eds.) *Ageing, Popular Culture and Contemporary Feminism: Harleys and Hormones*. London: Palgrave Macmillan. P. 29—46. https://doi.org/10.1057/9781137376534_3.

Wood W., Eagly A. H. (2002) A Cross-Cultural Analysis of the Behavior of Women and Men: Implications for the Origins of Sex Differences. *Psychological Bulletin*. Vol. 128. No. 5. P. 699—727. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.128.5.699>.

Wright E. O. (2002) A Conceptual Menu for Studying the Interconnections of Class and Gender. In: In Baxter J., Western M. (eds.) *Reconfigurations of Class and Gender*. Stanford, CA: Stanford University Press. P. 28—38.

Yang M.-L., Yu R.-R. (2008) The Interviewer Effect When There is an Education Gap with the Respondent: Evidence from a Survey on Biotechnology in Taiwan. *Social Science Research*. Vol. 37. No. 4. P. 1321—1331. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2008.05.008>.

Zentner M., Mitura K. (2012) Stepping Out of the Caveman's Shadow: Nations' Gender Gap Predicts Degree of Sex Differentiation in Mate Preferences. *Psychological Science*. Vol. 23. No. 10. P. 1176—1185. <https://doi.org/10.1177/0956797612441004>.

Приложение 1. Описательные статистики

В таблице А1 представлено распределение средних значений основных переменных в исследуемых странах. Самый ранний идеальный возраст для начала совместной жизни наблюдается в Финляндии (20,6 года), в то время как самый поздний — в Италии (26,2). Схожие результаты касаются и идеального возраста вступления в брак: в Финляндии средняя оценка идеального возраста для данного события составляет 24,7 года, в Италии — 28 лет. Стоит также отметить разницу в возрасте для начала совместной жизни и возрасте вступления в брак: в Финляндии разница в возрасте между этими событиями составляет четыре года, а в Италии — меньше двух лет. Что касается идеального возраста для появления детей, то здесь самое низкое значение наблюдается в Латвии и Литве (в обоих случаях — 25,7 года), а самое высокое — в Швейцарии и Италии (28,9 года).

Если говорить о средних значениях ценностей равенства в стране, то самые высокие значения наблюдаются в Швеции (4,63 из 5 возможных) и Норвегии (4,6), а самые низкие — в Словакии (2,95) и на Кипре (2,98).

Что касается распределений характеристик интервьюера, то с точки зрения возраста интервьюера средние значения этого показателя значительно различаются между странами. Самые молодые интервьюеры были в Сербии (36,7 года) и Португалии (37,7 года), самые пожилые — в Швейцарии (62,4 года). Такие же серьезные различия можно наблюдать и в случае соотношения мужчин и женщин среди интервьюеров. В большинстве стран женщин среди интервьюеров больше, чем мужчин, за исключением пяти стран (Швейцария, Бельгия, Норвегия, Швеция и Германия). Больше всего мужчин среди интервьюеров в Германии (60,8%), в то время как в Литве доля мужчин составляет всего 7,1%.

Таблица А1. Средние значения основных переменных в исследуемых странах

Страна (количество респондентов)	Идеальный возраст для начала совместной жизни с партнером (среднее и стандартное отклонение)	Идеальный возраст для вступления в брак (среднее и стандартное отклонение)	Идеальный возраст для появления детей (среднее и стандартное отклонение)	Ценности равенства в стране (среднее)	Возраст интервьюера (среднее и стандартное отклонение)	Пол интервьюера (% мужчин)
Австрия (N = 2499)	23,2 (3,47)	26,5 (3,63)	27,1 (3,65)	4,03	53,4 (12,7)	42,0
Бельгия (N = 1767)	23,1 (3,31)	25,9 (3,40)	27,3 (3,61)	4,27	57,9 (12,9)	55,2
Великобритания (N = 2204)	21,3 (3,65)	25,0 (4,01)	26,3 (4,19)	4,29	58,8 (9,83)	48,0
Венгрия (N = 1661)	23,1 (3,47)	25,3 (3,35)	26,8 (3,83)	3,24	56,1 (11,3)	22,9
Германия (N = 2358)	23,0 (3,58)	27,0 (3,67)	28,0 (3,57)	4,12	60,9 (10,5)	60,8
Ирландия (N = 2216)	23,3 (4,11)	27,5 (4,00)	27,8 (4,23)	4,22	60,7 (9,45)	28,2
Испания (N = 1668)	24,4 (4,12)	27,3 (4,35)	28,4 (3,99)	4,42	53,1 (10,1)	32,8

Страна (количество респондентов)	Идеальный возраст для начала совместной жизни с партнером (среднее и стандартное отклонение)	Идеальный возраст для вступления в брак (среднее и стандартное отклонение)	Идеальный возраст для появления детей (среднее и стандартное отклонение)	Ценности равенства в стране (среднее)	Возраст интервьюера (среднее и стандартное отклонение)	Пол интервьюера (% мужчин)
Италия (N=2745)	26,2 (5,29)	28,0 (4,09)	28,9 (4,10)	3,71	53,4 (10,9)	24,2
Кипр (N=781)	25,0 (3,36)	28,0 (3,28)	28,8 (3,17)	2,98	47,7 (15,6)	35,3
Латвия (N=918)	22,1 (4,07)	25,2 (3,87)	25,7 (3,75)	3,50	55,7 (11,9)	19,6
Литва (N=1835)	22,6 (3,30)	24,8 (3,18)	25,7 (3,18)	3,64	54,9 (8,47)	7,1
Нидерланды (N=1673)	23,4 (2,91)	26,9 (3,43)	28,3 (3,23)	4,37	55,2 (13,2)	44,9
Норвегия (N=1406)	22,5 (3,33)	26,4 (3,56)	26,8 (3,45)	4,60	41,1 (14,9)	57,0
Польша (N=1500)	23,3 (3,54)	25,2 (2,87)	26,0 (3,02)	3,96	50,3 (12,1)	39,1
Португалия (N=1055)	23,1 (3,77)	25,6 (3,96)	26,8 (4,00)	4,14	37,7 (13,0)	40,7
Сербия (N=2043)	23,7 (3,79)	25,5 (3,64)	26,5 (3,56)	3,31	36,7 (10,5)	28,5
Словакия (N=1083)	23,3 (4,18)	25,1 (3,78)	25,9 (3,57)	2,95	55,7 (9,70)	12,9
Словения (N=1318)	24,4 (3,59)	26,7 (3,42)	26,9 (3,30)	4,21	45,1 (11,3)	24,5
Финляндия (N=1755)	20,6 (2,91)	24,7 (3,70)	26,0 (3,59)	4,41	54,1 (7,98)	14,1
Франция (N=2010)	22,8 (3,63)	27,0 (4,15)	27,7 (4,23)	4,46	54,1 (9,51)	38,1
Хорватия (N=1810)	24,6 (4,22)	26,5 (3,80)	27,2 (3,71)	3,64	49,2 (15,3)	19,0
Чехия (N=2398)	23,2 (3,44)	26,4 (3,33)	27,3 (3,32)	3,71	44,4 (10,6)	33,6
Швейцария (N=1542)	24,0 (4,43)	27,7 (3,44)	28,9 (3,45)	3,97	62,4 (14,2)	54,2
Швеция (N=1539)	22,2 (3,87)	26,8 (3,92)	27,4 (3,78)	4,63	60,6 (8,69)	58,0
Эстония (N=1904)	22,3 (3,41)	25,2 (3,65)	26,0 (3,74)	3,85	57,0 (8,40)	16,8

DOI: [10.14515/monitoring.2023.6.2478](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.6.2478)**О. Л. Чернозуб, Л. Ю. Шураева****ОРТОГОНАЛЬНОСТЬ РЕЗУЛЬТАТОВ ИАТ И ГАТО:
ЧЕМ ХУЖЕ, ТЕМ ЛУЧШЕ?****Правильная ссылка на статью:**

Чернозуб О. Л., Шураева Л. Ю. Ортогональность результатов ИАТ и ГАТО: чем хуже, тем лучше? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 6. С. 218—237. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.6.2478>.

For citation:

Chernozub O. L., Shuraeva L. Y. (2023) Orthogonality of IAT and GATA Results: The Worse, the Better?. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 218–237. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.6.2478>. (In Russ.)

Получено: 24.08.2023. Принято к публикации: 10.12.2023.

ОРТОГОНАЛЬНОСТЬ РЕЗУЛЬТАТОВ IAT И GATO: ЧЕМ ХУЖЕ, ТЕМ ЛУЧШЕ?

ЧЕРНОЗУБ Олег Леонидович — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-MAIL: 9166908616@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5689-8719>

ШУРАЕВА Лариса Юрьевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры социологии, психологии управления и истории, Государственный университет управления, Москва, Россия
E-MAIL: larisashuraeva@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3994-9884>

Аннотация. В предыдущей статье «Сравнительный анализ имплицитных измерений GATO и IAT: единстве в многообразии» (№ 5 / 2023 журнала «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены») авторы представили обоснование актуальности, охарактеризовали в общих чертах теоретические основания и подробно описали инструментарий методического эксперимента по оценке конвергентной валидности методик измерения имплицитных факторов социального действия Графического ассоциативного теста отношения (GATO) и Имплицитного ассоциативного теста (Implicit Association Test, IAT). Эта работа продолжает обозначенную тему и нацелена, во-первых, на проверку воспроизводимости выявленных ранее различий между результатами измерений этих двух методик, а во-вторых, на исследование связи обнаруженных различий с особенностями GATO и его валидностью. Полученные результаты

ORTHOOGONALITY OF IAT AND GATA RESULTS: THE WORSE, THE BETTER?

*Oleg L. CHERNOZUB*¹ — *Cand. Sci. (Soc.), Leading Researcher*
E-MAIL: 9166908616@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5689-8719>

*Larisa Yu. SHURAEVA*² — *Cand. Sci. (Psych.), Associate Professor at the Department of Sociology, Psychology of Management and History*
E-MAIL: larisashuraeva@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3994-9884>

¹ Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

² State University of Management, Moscow, Russia

Abstract. In the previous article “Comparative Analysis of Implicit GATA and IAT Measures: Unity in Diversity” (No. 5 / 2023 of the journal “Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes”), the authors presented a rationale for theoretical relevance and described in detail the tools of the methodological experiment on assessing the convergent validity of the two methods for measuring implicit factors of social action, Graphical Association Test of Attitude (GATA) and Implicit Association Test (IAT). This study elaborates this work and is aimed, firstly, at checking the reproducibility of previously identified differences between the measurement results of these two methods, and secondly, at studying the connection of the detected differences with the characteristics of the GATA and its validity. The results show that differences in test scores are reproducible, but are explained not by “bad” but by “good” GATO performance: the authors show that GATO scores that are more inade-

показывают, что различия в результатах тестов воспроизводятся, но объясняются не «плохой», а «хорошей» работой ГАТО: авторы показывают, что более неадекватные с точки зрения внутренней валидности результаты ГАТО связаны с большим сходством между ними и результатами IAT.

Ключевые слова: теория социального действия, структурная теория установки, теория двойственной системы, подход рационального действия, теория культурной эволюции, графический ассоциативный тест отношения, тест имплицитных ассоциаций, ГАТО, DST, RAA, IAT

quate in terms of internal validity are associated with greater similarity between them and IAT scores.

Keywords: social action theory, structural theory of attitude, dual process, dual system theory, reasoned action approach, theory of cultural evolution, graphical association test of attitude, DST, RAA, GATA, IAT

Потребность в проверке конструктивной валидности ГАТО, первый методический эксперимент

В предыдущей статье [Чернозуб, Белоножко, 2023] мы представили достаточно развернутый обзор факторов, актуализирующих интеграцию дуальных моделей когнитивных процессов и процессов принятия решений («Dual System Theory — DST») в социологическую теорию социального действия. Семейство теорий DST исходит из того, что действия человека определяются не только осознаваемыми («эксплицитными»), но и неосознаваемыми («имплицитными») факторами¹.

В практическом плане поиск путей продуктивной интеграции теории социального действия и DST обуславливается крепнущим пониманием того факта, что основанные на доминирующем в настоящее время подходе «рационального действия» («Reasoned Actions Approach» — RAA) средства социологического измерения, объяснения и прогнозирования социального действия подошли к пределам своих возможностей. Основы данного подхода в законченном виде были сформулированы сначала в экономической науке [Friedman, Savage, 1948], а затем получили обширное признание в общей социологии и в социологических теориях действия [Rogers, 1975; Janz, Becker, 1984; Bandura, 1986; Gibbons et al., 1998]. Наиболее развитым вариантом последних может быть признана теория рационального действия (теория обдуманного поведения) [Fishbein, 1967; Fishbein, Ajzen, 1975; Ajzen, 1991; Fishbein, Ajzen, 2011].

Вместе с тем все более очевидные ограничения данного подхода вызывают обширную критику с эмпирических [Rogers, 2012; Kahneman, Frederick, 2002; Shah,

¹ В предыдущей статье мы достаточно подробно осветили дискуссию, развернувшуюся вокруг терминологического аппарата дуальных теорий [Chernozub, 2022b]. Не имея возможности в рамках настоящей статьи принять в ней содержательное участие, просто отметим, что в интересах данной работы под «эксплицитными» факторами понимаются такие движущие мотивы, которые в момент совершения действия осознаются актором в качестве его фактора, а под «имплицитными» — такие, которые им в таком качестве не осознаются.

Oppenheimer, 2008; Chernozub, 2020] и общетеоретических [Kahneman, 2011; Hofmann, Friese, Strack, 2009; Thaler, 2015; Чернозуб, 2017] позиций, а также постоянно расширяющееся предложение альтернатив [Rothschild, Wolfers, 2011; Graefe, 2014; Чернозуб, 2018]. Оценивая эти явления в совокупности, некоторые авторы даже ставят вопрос о наступающем «кризисе эмпирической социологии» [Savage, Burrows, 2007].

В теоретическом плане возможности заимствования дуальных моделей обуславливаются прежде всего достижениями в их собственном развитии. Последние находят свое выражение в обосновании теорий непосредственного влияния неосознаваемых мотивов на поведение человека [Gilovich, Griffin 2002; Metcalfe, Mischel 1999; Greenwald et al., 2009a, 2009b] и развитии на этой основе разнообразных моделей дуальных процессов принятия решений и эскалации действия [Fazio, 1990, 2007; Evans, 1989, 2003, 2008; Roccato, Zogmaister, 2010; Чернозуб, 2018; Chernozub, 2022a, 2022b]. Развитие последних, в свою очередь, достигло уровня, позволяющего ставить вопрос об определении оснований их классификации и осуществлении внутренней систематизации предлагаемых подходов [Perugini, Richetin, Zogmaister, 2010].

В практическом плане целесообразность использования дуального подхода находит свое подтверждение в первых свидетельствах положительного опыта его интеграции в собственно социологические теории. В данном контексте обращает на себя внимание прежде всего теория культурной эволюции, которая, опираясь на общеметодологический подход формирования габитуса [Bourdieu, 1980], развивает идеи эскалации действия в процессе противоборства интериоризированных (и влияющих на поведение в основном помимо сознания человека) установок — с одной стороны, и актуальных стимулов (которые, напротив, в основном осознаются потенциальным актором) — с другой. Таким образом, каждое социальное действие представляет собой разрешение конфликта интериоризированных культурных норм и требований конкретной ситуации действия. Каждое такое «разрешение конфликта» представляет собой потенциальное «микрооснование» [Collins, 1981] развития культурной нормы, сообщая таким образом движению общему процессу «эволюции культуры» (см., например, [Joas, 1996; Lizardo, Strand, 2010; Patterson, 2014; Leschziner, Green, 2013]).

В сложившейся ситуации развитию дуальных социологических теорий препятствует неразвитость инструментария измерений имплицитных факторов социального поведения. Невозможность быстро и относительно малозатратно проверить работоспособность теоретической модели на эмпирическом материале закономерным образом приводит к тому, что развитие теории в этой области чрезвычайно замедляется.

На этом фоне один из возможных инструментов такого измерения — Графический ассоциативный тест отношения (ГАТО) [Чернозуб, 2018], — несмотря на наличие большого числа успешных эмпирических применений, все еще остается не вполне валидизированным и в таком качестве не может, разумеется, претендовать на более обширное признание. Попытки проверки его конвергентной валидности на основе сопоставления с авторитетным и популярным тестом Implicit associations test (IAT) [Greenwald, McGhee, Schwartz, 1998; Greenwald et al., 2009a] привели к амбивалентным результатам.

В рамках первого методического эксперимента оказалось, что прямые связи между результатами измерений ГАТО и IAT слабы и неустойчивы, в то время как опосредованные (через латентную переменную) связи проявляют себя достаточно убедительным образом [Чернозуб, Белоножко, 2023]. Также выяснилось, что «имплицитные» измерения IAT демонстрируют относительно более низкую ортогональность с «эксплицитными» измерениями, выполненными при помощи традиционных «прямых» вопросов, по сравнению с аналогичными измерениями ГАТО.

Полученные результаты поставили, в частности, вопрос о том, насколько эти явления (слабые прямые и сильные опосредованные связи между ГАТО и IAT при лучшей ортогональности измерений ГАТО к результатам эксплицитных наблюдений) объясняются вероятными «дефектами» измерений ГАТО, а насколько — отражают действительные отличия сравниваемых методик.

Для ответа на этот вопрос был проведен еще один методический эксперимент.

Второй методический эксперимент, формирование групп валидности

С учетом всего изложенного в целях оценки степени устойчивости преимущественной избирательности измерений ГАТО по сравнению с IAT в части изолирования влияний эксплицитных факторов социального действия был спланирован целевой методический эксперимент, основу которого составило параллельное исследование эксплицитной и имплицитной компонент установки участников, измеренных методами прямых вопросов (эксплицитная компонента), а также ГАТО и IAT (предположительно — имплицитная компонента).

Целью проводимого эксперимента было получение ответов на следующие вопросы:

1. Подтверждается ли отсутствие/слабость прямых связей между измерениями ГАТО и IAT?
2. Подтверждается ли наличие сильных опосредованных связей между измерениями ГАТО и IAT?
3. Подтверждается ли лучшая избирательность измерений ГАТО в части изолирования эффектов эксплицитных факторов?
4. Если данные явления подтверждаются, могут ли они быть объяснены ошибками или неточностями измерений собственно ГАТО?

Сообразно очерченному кругу вопросов были сформулированы следующие гипотезы (определение переменных см. ниже).

H₀1: Прямая связь между результатами измерений ГАТО и IAT отсутствует. Статистически значимая и необъяснимая случайными причинами связь между переменными — «индикаторами ГАТО» (**M1S, M2S, F1S, F2S, M1A, M2A, F1A, F2A**) и переменной **IAT** отсутствует.

H₀2: Опосредованная связь между результатами измерений ГАТО и IAT отсутствует. Латентная переменная, демонстрирующая высокую корреляцию одновременно с переменными — индикаторами ГАТО (**M1S, M2S, F1S, F2S, M1A, M2A, F1A, F2A**) и переменной **IAT** не выявляется.

H₀3: Ортогональность измерений ГАТО по отношению к измерениям эксплицитной компоненты установки и ортогональность измерений IAT находятся на сопоставимом уровне. Связь между переменными — индикаторами ГАТО (**M1S, M2S,**

F1S, F2S, M1A, M2A, F1A, F2A) и индикаторами эксплицитного отношения (**ExA, ExB**) и аналогичная связь между этими индикаторами (**ExA, ExB**) и переменной **IAT** имеют сходный уровень статистической значимости.

H₀4: Наличие описанных закономерностей не объясняется проблемами валидности теста ГАТО. Существенные различия в результатах тестирования статистической значимости связей переменных между подвыборками внутренне «валидных» (**M1M, M2M, F1F, F2F, S1S, A1A, A2A S2S**) и «невалидных» (**F1M, F2M, M1F, M2F, A1S, A2S, S1A, S2A**) наблюдений ГАТО в отношении всех перечисленных гипотез отсутствуют.

В качестве формального предмета исследования была сохранена установка на признание преимущественных способностей мужчин к занятиям «точными науками», а женщин — «свободными искусствами». Данная тематика была выбрана в силу ее относительной нейтральности в политическом и культурном плане. В рамках всех видов тестирования использовались классы парных понятий: «мужчины и наука», «женщины и наука», «мужчины и искусство», «женщины и искусство».

В макросоциологической перспективе данный предмет исследования претендует на отражение процесса эволюции традиционной культуры гендерной дифференциации в направлении становления современной культуры гендерного равенства.

В этом отношении установка на признание преимущественных способностей мужчин к занятиям и наукой, и искусствами соответствует ценностям «ультраконсервативной» культуры, преимущественных способностей мужчин к занятиям наукой и преимущественных способностей женщин к занятию искусствами соответствует ценностям «традиционной культуры». Признание одинаковых способностей в данных областях — ценностям «современной» культуры. Признание обратных преимуществ — лучших способностей женщин к занятиям наукой, а мужчин — к занятиям искусством, — может быть определено как выражение ценностей «контр-культуры», носящей, предположительно, протестный характер.

Для осуществления возможно более корректного и разнопланового сопоставления результатов теста ГАТО и IAT система индикаторов была организована как включающая следующие блоки переменных.

Индикаторы эксплицитной компоненты

ExA — первый индикатор валентности эксплицитной компоненты установки. Результат ответов на вопрос: «По этому вопросу имеются очень разные мнения. Какая из формулировок более точно отражает Вашу точку зрения? (1) Мужчины более способны заниматься и точными, и гуманитарными науками / искусством. (2) Мужчины более способны заниматься точными науками, а женщины — гуманитарными науками / искусством. (3) И мужчины, и женщины имеют одинаковые способности. (4) Женщины более способны заниматься точными науками, а мужчины — гуманитарными науками / искусством. (5) Женщины более способны заниматься и точными, и гуманитарными науками / искусством».

ExB — второй индикатор валентности эксплицитной компоненты установки. Результат ответов на вопрос: «А как Вы оцениваете реальную ситуацию в нашем обществе? (1) И точными, и гуманитарными науками / искусством мужчины занимаются успешнее, чем женщины. (2) Мужчины успешнее занимаются точны-

ми науками, а женщины — гуманитарными науками / искусством. (3) И мужчины, и женщины одинаково успешно занимаются и тем, и другим. (4) Женщины успешнее занимаются точными науками, а мужчины — гуманитарными науками / искусством. (5) И точными, и гуманитарными науками / искусством женщины занимаются успешнее, чем мужчины».

Индикатор имплицитной компоненты IAT

IAT — индикатор валентности имплицитной компоненты установки. Результат тестирования IAT. Интегральный индикатор, представленный 7-членной шкалой, где «1» — это «выраженная автоматическая ассоциация мужчин с наукой, а женщин — с искусством», а «7» — «выраженная автоматическая ассоциация женщин с наукой, а мужчин — с искусством».

Индикаторы имплицитной компоненты ГАТО

M1S, M2S, F1S, F2S — индикаторы, отражающие тесноту имплицитной ассоциации понятий «юноша», «мужчина», «девушка», «женщина» с понятием «наука» по данным ГАТО.

M1A, M2A, F1A, F2A — индикаторы, отражающие тесноту имплицитной ассоциации понятий «юноша», «мужчина», «девушка», «женщина» с понятием «искусство» по данным ГАТО.

Для каждой переменной ГАТО использовалась 8-членная шкала, где «1» соответствовало наиболее высокому, а «8» — наименее высокому уровню связи ассоциируемых понятий.

Индикаторы внутренней валидности

M1M, M2M, F1F, F2F — индикаторы, отражающие по данным ГАТО тесноту ассоциации понятий «юноша» и «мужчина», а также «девушка» и «женщина» с понятиями «мужчина» и «женщина» соответственно.

S1S, S2S, A1A, A2A — индикаторы, отражающие по данным ГАТО тесноту ассоциации понятий «физика» и «математика», а также «поэзия» и «живопись» с понятиями «наука» и «искусство» соответственно.

Технически индикаторы внутренней валидности измерялись следующим образом.

1. Респонденты ассоциировали одну из графических фигур ГАТО с частными понятиями «юноша», «мужчина», «девушка», «женщина», «физика», «математика», «поэзия» и «живопись». Каждая ассоциация выполнялась в рамках отдельного задания. Респонденты могли использовать одну и ту же графическую фигуру повторно.

2. Далее респонденты ранжировали фигуры ГАТО по шкале «подходит — не подходит» общим понятиям «мужчина», «женщина», «наука», «искусство». Каждая процедура ранжирования выполнялась в рамках самостоятельного задания. Таким образом, каждая фигура ГАТО получала ранг, отражающий тесноту ее ассоциирования с каждым из исследуемых общих понятий.

3. На завершающем этапе фигура, присвоенная каждым конкретным респондентом частному понятию, соотносилась с рангом этой фигуры на индивидуальной шкале этого респондента, сформированной им для общего понятия. Ассоциация

частного понятия с фигурой, соответствующей верхней половине ранговой шкалы ассоциаций общего понятия (4 фигуры относительно «подходящие» данному общему понятию), интерпретировалось как «правильная» ассоциация и внутренне валидный результат теста. Ассоциация частного понятия с фигурой, соответствующей нижней половине ранговой шкалы ассоциаций общего понятия (4 фигуры относительно «неподходящие» данному общему понятию), интерпретировалось как «ошибочная» ассоциация и внутренне невалидный результат теста.

Для каждого индикатора внутренней валидности использовалась 8-членная шкала, где «1» соответствовало наиболее высокому, а «8» — наименее высокому уровню внутренней валидности измерения.

Выборка второго эксперимента, сформированная по принципу convenient sample, составила 113 валидных наблюдения. Сбор данных осуществлялся в формате лабораторного эксперимента, где испытуемые так же, как и в первом случае, сначала заполняли тест ГАТО, а потом проходили тест IAT. Данные обоих тестов сохранялись в едином массиве данных.

Принципиальным отличием второго эксперимента был модуль проверки внутренней валидности измерений ГАТО. Предполагалось, что внутри полученного массива данных удастся сформировать подвыборки, различающиеся по степени внутренней конструктивной валидности их результатов. В этом случае откроется возможность проверить, насколько отмеченные выше закономерности характерны для подвыборок относительно высокой и относительно низкой внутренней валидности, что позволит содержательно протестировать главную гипотезу второго эксперимента (**H₀₄**).

Для решения задачи формирования подвыборок различной внутренней валидности была использована производная переменная **IV**, отражающая количество «ошибок» при ассоциации частых понятий, таких как «юноша», «девушка», «поэзия», «химия» и т. п., с общими понятиями «мужчина», «женщина», «наука», «искусство». Исходным материалом для **IV** служили данные перекрестного ассоциирования частных понятий — с конкретными графическими фигурами ГАТО (выбор одной фигуры), а всех графических фигур — с общими понятиями (ранжирование всех восьми фигур). Таким образом формировались ранжированные шкалы, отражающие степень соответствия каждой фигуры общим понятиям «мужчина», «женщина», «наука», «искусство». Избранная респондентом для обозначения частного понятия фигура отображалась на определенном месте ранговой шкалы, показывая степень соответствия этого частного понятия общему по данным процедуры ГАТО. Частные понятия, оказавшиеся в верхней части соответствующей ранговой шкалы (ранги 1—4), считались проассоциированными «правильно», в нижней (ранги 5—8) — «ошибочно». В рамках данного исследования мы не ставим задачи содержательной интерпретации «ошибочных» ассоциаций как возможных индикаторов силы и валентности установки [Moors, Spruyt, De Houwer, 2010], консервативно рассматривая их как следствие технических сбоев в процессе измерения, которые могут быть вызваны неподходящей обстановкой во время тестирования, недостатком времени или мотивации респондентов и т. п. [Moors, 2016].

Для получения производной переменной **IV** «ошибочные» ассоциации суммировались по отдельности для каждого респондента. Соответственно, в зависи-

мости от числа «ошибок», которые отражали несоответствие ассоциации частных и общих понятий по данным ГАТО, переменная **IV** могла принимать значения от «8» (ни одной «ошибки») до 0 (8 «ошибок» — ассоциации всех 8 частных понятий не соответствуют ассоциациям общих).

В конечном счете на основании переменной **Val** были сформированы две группы разных уровней внутренней валидности результатов измерения ГАТО.

В первую группу («Н») вошли респонденты, допустившие по результатам тестирования внутренней валидности не более двух «ошибок» из восьми возможных ассоциаций, а во вторую группу («L») — допустившие три «ошибки» и более. Таким образом, группы валидности соответствовали: первая — относительно высокому, а вторая — относительно низкому значению внутренней валидности. Объем группы IV_H составил 59, а группы IV_L — 54 наблюдения.

Данное деление является условным, а граница между группами определена исходя из соображений обеспечения примерно одинаковой наполненности каждой из них.

Подготовленный таким образом массив данных был использован для тестирования гипотез исследования.

Прямые связи между переменными ГАТО и ИАТ: влияние внутренней валидности измерений ГАТО

Как уже отмечалось, прямые связи между переменными, отражающими результаты тестирования по методам ГАТО и ИАТ, по данным предшествующих замеров выглядят относительно слабыми и неустойчивыми. Эти свойства проявляются в низких величинах коэффициентов статистической связи, а также в непредсказуемом характере появления и исчезновения этой связи.

Данные второго эксперимента в полной мере подтверждают это наблюдение. Соответствующие данные представлены в таблице 1. С учетом задачи проверки влияния внутренней валидности измерений ГАТО на описываемое явление таблица 1 структурирована как объединение данных по трем массивам. Первая пара колонок с данными — результаты анализа двусторонней ранговой корреляции для всего массива данных.

Вторая группа колонок соответствует подвыборке наблюдений относительно высокой внутренней валидности, а третья — подвыборке наблюдений относительно низкой внутренней валидности.

Оценка степени тесноты ассоциативной связи между рассматриваемыми парами переменных осуществляется на основе коэффициента Somers' D как наиболее чувствительного для целей оценки силы связи именно ранговых переменных [Somers, 1962; Newson, 2002].

Как видно из представленных данных, общий уровень двусторонних связей между результатами тестирования ассоциаций ИАТ и ГАТО весьма невелик. В целом по исследованному пространству признаков нет никаких оснований полагать, что существует некоторая закономерность, в движении значений по переменной ИАТ и обширной совокупности переменных, отражающих результаты измерений ГАТО. Спорадически возникающие признаки подобной закономерности, находящие свое выражение в относительно высоких коэффициентах силы связи и зна-

чимости (обведены), позволяют предполагать наличие какой-то внутренней логики в поведении данных, однако они все-таки относительно слабы, бессистемны и для одних случаев (3 переменных) объясняются сильной связью, выявленной для подгруппы относительно высокой внутренней валидности, а для других (2 переменных) — напротив, сильной связью, демонстрируемой группой относительно низкой внутренней валидности.

Таблица 1. Оценка силы прямых связей переменных ГАТО и IAT

Массивы данных	Вся выборка		IV _H		IV _L	
	Somers' D	p	Somers' D	p	Somers' D	p
Переменная, коррелирующая с IAT						
Мужчины асс. с физикой	-0,060	0,480	-0,105	0,372	-0,019	0,870
Мужчины асс. с математикой	0,189	0,026	0,214	0,073	0,163	0,145
Мужчины асс. с живописью	0,003	0,973	-0,046	0,674	-0,191	0,079
Мужчины асс. с поэзией	-0,131	0,115	0,007	0,944	0,015	0,894
Женщины асс. с физикой	-0,144	0,084	-0,272	0,003	0,014	0,909
Женщины асс. с математикой	0,040	0,625	-0,105	0,326	0,029	0,787
Женщины асс. с живописью	0,026	0,766	-0,019	0,864	0,053	0,645
Женщины асс. с поэзией	-0,039	0,625	-0,022	0,822	0,046	0,669
Мужчины асс. с наукой	0,100	0,214	0,059	0,587	0,141	0,236
Женщины асс. с наукой	0,148	0,028	0,302	0,001	0,011	0,906
Мужчины асс. с искусством	-0,020	0,723	-0,049	0,653	0,014	0,879
Женщины асс. с искусством	-0,001	0,987	0,062	0,547	-0,048	0,859
Мужчины асс. с наукой и не асс. с искусством (MSMA)	0,128	0,091	0,040	0,655	0,188	0,053
Женщины асс. с искусством и не асс. с наукой (FAFS)	0,086	0,283	0,117	0,239	0,021	0,850
Средние						
Ассоциации мужчин		0,422		0,551		0,517
Ассоциации женщин		0,519		0,427		0,796
Ассоциации науки		0,243		0,227		0,642
Ассоциации искусства		0,698		0,751		0,671

Вполне очевидно, что данные наблюдения внутренне противоречивы и дают основания предполагать случайный характер выявленных колебаний показателей.

Обобщение данных о степени связи исследуемых переменных, представленное в четырех нижних строках таблицы 1, также не обнаруживают какой-либо явной тенденции.

Все это дает основания полагать, что гипотеза H_0 1 о том, что прямая связь между результатами измерений ГАТО и IAT отсутствует, статистически значимая и необъяснимая случайными причинами связь между переменными — «индикаторами ГАТО» отсутствует, должна быть принята. Данный вывод полностью подтверждает вывод, сделанный по результатам первого методического эксперимента [Чернозуб, Белоножка, 2023].

Опосредованные связи между переменными ГАТО и ИАТ, ортогональность эксплицитных и имплицитных измерений

В рамках первого эксперимента было установлено, что, несмотря на отсутствие устойчивых прямых связей, связи между результатами измерений ИАТ и ГАТО, опосредованные латентными переменными, обнаруживаются достаточно уверенно и в рамках тестирования модели «возмущающими факторами», выглядят устойчивыми. В рамках настоящего исследования мы ставим перед собой задачу не только проверить воспроизводимость этого явления как такового, но и попытаться оценить влияние на него внутренней валидности измерений ГАТО.

Если такое явление существует, можно ли полагать, что оно возникает в условиях «нормальной» работы ГАТО, а в ситуации различного рода сбоев и дисфункций в работе этой методики оно, напротив, подавляется? Иными словами, насколько подобные опосредованные связи (если они подтвердятся) отражает природу ГАТО или же, напротив, должно объясняться случайными, даже системными сбоями в ее работе?

Соответствующие данные представлены в таблице 2. Для построения факторной модели использовались три группы существенно различающихся между собой исходных переменных.

Во-первых, это переменные эксплицитных измерений, полученных из ответов на прямые вопросы о преимущественных способностях мужчин и женщин к занятиям наукой или искусством (переменная «Оценка способностей»), а также о фактически сложившейся практике преимущественных занятий тем или иным видом деятельности (переменная «Оценка социальной практики»).

Во-вторых, это собственно результаты тестирования ИАТ.

В-третьих — это две переменные, отражающие два ортогональных вектора, лежащих в основе шкалы ИАТ: переменная «Мужчины ассоциируются с наукой и не ассоциируются с искусством» (**MSMA**) и переменная «Женщины ассоциируются с искусством и не ассоциируются с наукой» (**FASF**)².

Выделение компонент на основе значения критерия Кайзера ≥ 1 . Повышение контрастности переменных, вращение «квартимакс». Для каждого массива процедура факторного анализа выделила по две компоненты. В таблице 2 они представлены попарно, для каждого из исследуемых массивов данных. Для того чтобы упростить визуальное восприятие логики данных в массиве IV_n , последовательность презентации первого и второго факторов изменена на обратную.

Как видно из представленных данных, все три выборки формируют массивы, пригодные для факторного анализа. Взаимная корреляция частных («исходных», «физически измеренных») переменных присутствует, однако оказывается относительно невысокой (во всех случаях мера выборочной адекватности Кайзера — Мейера — Олкина $> 0,5$). Этот вывод вполне совпадает с выводами предыдущего раздела о слабости и неустойчивом характере прямых связей между переменными ГАТО и ИАТ.

Критерий сферичности Бартлетта оказывается очень высоким для массивов «выборка в целом» и «подвыборка относительно высокой» внутренней валидно-

² Порядок расчета и методические характеристики производных переменных см.: [Чернозуб, Белоножко, 2023].

сти (IV_H) и находится на приемлемом уровне для массива подвыборки «относительно низкой» валидности (IV_L).

Таблица 2. Оценка опосредованных связей по данным факторного анализа

Массивы данных	Выборка в целом		IV_H		IV_L	
	1	2	1	2	1	2
Компоненты						
Объясненная дисперсия, %	30,6	26,7	26,1	37,1	28,3	25,4
Оценка способностей	-0,140	0,733	-0,146	0,818	-0,122	0,628
Оценка социальной практики	0,005	0,763	0,159	0,752	-0,080	0,726
Результат IAT	0,388	0,541	0,138	0,685	0,496	0,558
Мужчины асс. с наукой и не асс. с искусством	0,781	0,052	0,811	0,088	0,759	-0,004
Женщины асс. с искусством и не асс. с наукой	0,815	-0,066	0,846	0,084	0,753	-0,201
Мера выборочной адекватности		0,537		0,568		0,514
Критерий сферичности Бартлетта, знач.		0		0		0,062

Это позволяет оценивать результаты факторного анализа как информативные и надежные. Общие (латентные) переменные объясняют долю дисперсии, превышающую долю, объясняемую непосредственно частными переменными, а вероятность случайного характера полученных распределений оценивается как ничтожно низкая для первых двух массивов и как относительно невысокая — для третьего.

На этом фоне содержательный анализ полученных данных позволяет заключить, что основой внутренней структуры латентных факторов, организующих вокруг себя весь массив данных, являются компоненты, образуемые высокими корреляциями с частными переменными ГАТО («Мужчины ассоциируются с наукой и не ассоциируются с искусством» и «Женщины ассоциируются с искусством и не ассоциируются с наукой» — компонента № 1 во всех массивах) и с частными переменными эксплицитных измерений («Оценка способностей» и «Оценка социальной практики»). Для всех трех массивов данные факторы определенно ортогональны друг другу. Представленный вывод полностью согласуется с результатами первого эксперимента (см.: [Чернозуб, Белоножко, 2023]).

В силу ее устойчивости данную структуру факторов можно предполагать «системообразующей». Сделав такое допущение, мы сразу же обнаруживаем, что результаты измерений по методике IAT в рамках этой системы проявляют выраженную неустойчивость. С одной стороны, для массива «выборка в целом» они демонстрируют двойственный характер распределения нагрузок. Принадлежа в целом второму («эксплицитному») фактору с нагрузкой 0,541, они имеют также и весьма высокую нагрузку на первый («имплицитный», репрезентируемый преимущественно измерениями ГАТО) фактор³. Данное явление нехарактерно ни для одной другой частной переменной из числа рассмотренных.

³ Имеет смысл напомнить, что представленные результаты получены по итогам вращения «квартимакс», приводящего к повышению контрастности нагрузок для частных переменных. В этих условиях значение нагрузки на первый фактор 0,388 должно оцениваться как достаточно высокое.

Полученные таким образом результаты и выводы полностью совпадают с результатами и выводами первого эксперимента. Несмотря на относительно небольшой объем выборки, они уверенно проходят все необходимые тесты статистической значимости, что заставляет нас отклонить гипотезу H_02 о том, что опосредованная связь между результатами измерений ГАТО и IAT отсутствует. По результатам проведенного исследования устанавливается латентная переменная, демонстрирующая высокую корреляцию одновременно с переменными — «индикаторами ГАТО» и переменной IAT.

Также сила и характер выявленных взаимосвязей частных переменных с общими побуждает отклонить гипотезу H_03 . Ортогональность измерений ГАТО по отношению к измерениям эксплицитной компоненты установки выглядит более высокой, нежели аналогичная ортогональность измерений IAT. Опосредованная связь между переменными — «индикаторами ГАТО» и индикаторами эксплицитного отношения оказывается относительно более слабой, чем аналогичная связь между этими индикаторами и переменной IAT. В то время как переменные ГАТО имеют очень высокую ассоциацию с первым («имплицитным» — нагрузки около 0,800) и практически не имеют таковой со вторым («эксплицитным» — нагрузки стремятся к «0,000»), переменная IAT имеет достаточно высокие нагрузки как с первым (0,388), так и со вторым (0,541) факторами.

Таким образом, главные выводы первого эксперимента нашли свое подтверждение в материалах второго. Это дает возможность обратиться к центральному вопросу нашего второго эксперимента: если выявленные ранее закономерности воспроизводятся или, по крайней мере, получаемые новые данные не дают оснований сомневаться в их достаточной устойчивости, должны ли эти закономерности объясняться функциональностью или, напротив, — дисфункциями ГАТО?

Закономерности взаимодействия ГАТО и IAT с позиции внутренней валидности измерений ГАТО

С точки зрения тестирования конструктивной валидности ГАТО ответ на поставленный вопрос имеет принципиальное значение. Как относительно молодой метод, ГАТО с высокой долей вероятности несвободен от известного числа методических несовершенств. Поэтому с точки зрения его валидации критически важно проверить, объясняются ли выявленные закономерности его ожидаемыми функциональными свойствами либо, напротив, — привносятся различного рода сбоями и нарушениями его функциональности.

Мы уже показали, что прямые связи между различными измерениями ГАТО и измерениями IAT как систематическое явление отсутствуют, и это не может объясняться «неправильной» работой ГАТО: явление воспроизводится как для подвыборки «относительно высокой», так и для подвыборки «относительно низкой» внутренней валидности ГАТО.

Рассмотрим две оставшиеся закономерности: наличие достаточно выраженной опосредованной связи между результатами измерений ГАТО и IAT и относительно более высокую ортогональность переменных ГАТО к переменным эксплицитных измерений по сравнению с переменной IAT.

Материалы факторного анализа (см. табл. 2) показывают, что для выборки в целом действительно характерно явление, когда нагрузки на совместный фактор переменных ГАТО и IAT могут быть достаточно высоки. Для массива «выборка в целом» таким фактором оказывается первый («имплицитный фактор»). В общем и целом это приводит к отклонению гипотезы H_0 , что и было отмечено выше.

Однако рассмотрение характера взаимодействия общих и частных переменных отдельно по массивам различной внутренней валидности приводит к довольно неожиданным и, можно сказать, контринтуитивным выводам.

Обнаруживается, что связь переменной IAT с фактором «имплицитных» измерений падает для подвыборки «относительно высокой» и растет — для подвыборки «относительно низкой» внутренней валидности измерений ГАТО. В первом случае происходит уменьшение соответствующей факторной нагрузки с 0,388 до 0,138, а во втором — ее увеличение с 0,388 до 0,496 (см. табл. 2).

Получается, что чем больше «ошибок» респонденты допускают в системе ассоциаций ГАТО, тем более полно взаимное движение этих «ошибочных» показателей ГАТО и валидных показателей IAT описывается латентной переменной. Иными словами, чем более сомнительны результаты выполнения испытуемыми заданий ГАТО, тем больше эти результаты становятся похожи на результаты IAT. Для собранных нами материалов это весьма значимое явление, описывающее 28,3% дисперсии признаков в соответствующей подвыборке «относительно низкой» внутренней валидности.

Приблизительно такая же картина наблюдается и по отношению к явлению преимущественной ортогональности измерений ГАТО к измерениям, выполненным эксплицитными методами.

И для массива «выборка в целом», и для обеих подвыборок «внутренней валидности» обе переменные ГАТО (**MSMA**, **FAFS**) последовательно занимают позицию выраженного отличия от эксплицитных переменных, фактически формируя сильный и устойчивый «имплицитный» фактор. В отношении переменной **IAT** такого сказать нельзя. Если для массива «выборка в целом» нагрузки переменной **IAT** распределяются между «эксплицитным» (0,541) и «имплицитным» (0,388) факторами, то при рассмотрении системы взаимосвязей переменных отдельно по подвыборкам «внутренней валидности» происходят существенные изменения. Для подвыборки «относительно низкой» валидности распределение нагрузки на оба фактора сохраняется. Более того, нагрузка на «имплицитный» фактор существенно возрастает (с 0,388 до 0,496). То есть для массива «относительно низкой» валидности некоторая ортогональность измерений IAT эксплицитным измерениям, характерным для выборки в целом сохраняется и даже несколько возрастает. Однако для массива «относительно высокой» внутренней валидности происходит обратный процесс: нагрузка **IAT** на «имплицитный» фактор резко падает (с 0,388 до 0,138), и данная переменная начинает прочно ассоциироваться с «эксплицитным» фактором модели. Демонстрируя при этом самую высокую нагрузку, зафиксированную для данной переменной вообще (0,685).

Подобные результаты означают, что чем выше валидность измерений ГАТО, тем полнее обнаруживается отличие ее результатов от результатов как «эксплицитных» измерений, так и измерений IAT.

Все сказанное дает полное основание отклонить гипотезу H_0 о том, что наличие описанных выше закономерностей не объясняется проблемами валидности теста ГАТО, а существенные различия в результатах тестирования статистической значимости связей переменных между подвыборками внутренне «валидных» и «невалидных» — наблюдений ГАТО в отношении всех перечисленных выше гипотез отсутствуют.

Общие выводы

Итоговые выводы мы формулируем с полным пониманием того, что они получены на материалах изолированного и относительно небольшого по своим масштабам эксперимента. Это может создавать предпосылки для дополнительной проверки воспроизводимости лежащих в их основе явлений и обозначившихся, как кажется, закономерностей, а также для уточнения границ их применимости.

Сами по себе эти выводы, формулируемые с позиции презумпции валидности теста IAT, таковы.

1. Результаты внутренне валидных измерений ГАТО ортогональны измерениям «эксплицитными» методами. Данное явление предсказывалось теоретически, неоднократно регистрировалось ранее⁴ и соответствует ожиданиям дивергентной валидности.

2. Результаты внутренне валидных измерений ГАТО ортогональны также и измерениям IAT. Данное явление теоретически не предсказывалось, ранее не регистрировалось и не соответствует ожиданиям конвергентной валидности.

3. Последнее явление характерно для массивов, в отношении которых установлен относительно высокий уровень внутренней валидности составляющих их измерений ГАТО. По мере снижения внутренней валидности измерений ГАТО их сходство с измерениями IAT возрастает. Данное сходство проявляется не напрямую, а опосредованно — через взаимодействие с общими («латентными») переменными.

4. Предметом измерения ГАТО определенно не являются эксплицитные факторы поведения, операционализируемые в рамках настоящего исследования как эксплицитная компонента установки. Предметом измерения ГАТО также не является и тот аспект имплицитной компоненты установки, который измеряется IAT.

5. Различия в предметах измерения ГАТО и IAT, исходя из материалов исследования, могут предполагаться прежде всего в ориентации IAT на фиксации автоматических *выученных* реакций, основанных на глубокой интериоризации соответствующей установки⁵, в то время как ГАТО регистрирует также и более ранние стадии формирования имплицитного отношения, еще не приведшие к формированию автоматических реакций. Этим может объясняться относительно высокая степень опосредованных связей результатов измерений IAT с результатами «эксплицитных» измерений и отсутствие таких связей для измерений ГАТО. В норме глубоко интериоризированные установки с большой долей вероятности на предыдущих этапах освоения так или иначе рефлексировались носителем. Остаточные явления подобной рефлексии в пространстве эксплицитных компонент установ-

⁴ См., например: [Чернозуб 2018, 2023; Chernozub, 2020, 2022a, 2022b].

⁵ О формировании выученных реакций, которые на начальном этапе регулируются эксплицитными факторами, а будучи закрепленными перестают контролироваться сознанием, см., например, [Dew, Cabeza, 2011].

ки как раз и могут объяснять относительно высокий уровень связей этих компонент с автоматическими реакциями, регистрируемыми IAT.

6. Явление усиления опосредованных связей между измерениями ГАТО и IAT для респондентов с большим количеством «ошибок» в тестах ГАТО остается необъясненным.

7. Сами по себе отмеченные закономерности никак не ставят под сомнение валидность ГАТО как средства измерения имплицитной компоненты социальной установки. Напротив, они позволяют предполагать его некоторые преимущества в таком качестве перед методом IAT. Во всяком случае, полученные нами данные хорошо интерпретируются с позиций основных направлений конструктивной критики IAT, указывающих на вторичность измеряемых им нервных реакций эксплицитной компоненты установки, чем объясняется невысокая ортогональность эксплицитных измерений и результатов IAT, а также довольно низкая инкрементальная прогностическая валидность последних [Schimmack, 2021].

Подводя итоги второго эксперимента в целом, представляется допустимым признать, что он полностью выполнил стоявшие перед ним задачи.

В теоретическом плане были получены новые данные, в целом подтверждающие гипотезу о природе различий предметов измерения ГАТО (имплицитная компонента установки в целом) и IAT (предположительно — наиболее интериоризированные фракции имплицитной компоненты).

В методологическом плане был подтвержден противоречивый характер взаимосвязей между «эксплицитными» измерениями и измерениями ГАТО и IAT. В отношении первых подтверждена их способность извлекать дополнительную по отношению к «эксплицитным» измерениям информацию о состоянии исследуемой социальной установки. Подобная способность применительно к IAT, напротив, была несколько проблематизирована.

В методическом плане были получены позитивные результаты по технике тестирования внутренней валидности измерений ГАТО, что открывает возможности для их использования в повседневной практике. Дифференциация получаемых массивов данных по этому признаку открывает новые возможности как для теоретического поиска и методологических выводов, так и для практических задач объяснения социального действия и повышения точности прогноза индивидуального и группового поведения человека в самых различных областях его деятельности.

Перспективы дальнейшего изучения рассматриваемой тематики на фоне полученных результатов просматриваются, прежде всего, в направлении исследования внутренней структуры имплицитной компоненты установки, разработки методологических подходов к изучению ее предполагаемых структурных элементов и, наконец, к совершенствованию методов измерения ГАТО, в частности за счет исследования причин и условий появления заметного числа наблюдений «относительно низкой» валидности.

Список литературы (References)

Чернозуб О. Л. К вопросу о локализации источников эрозии валидности современных электоральных исследований // Мониторинг общественного мнения:

Экономические и социальные перемены. 2017. № 5. С. 31—48. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.5.03>.

Chernozub O. L. (2017) Detection of Validity-Related Faults in the Modern Electoral Studies. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 31—48. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.5.03>.

Чернозуб О. Л. (2018) Выявление аффективной компоненты электоральной установки: создание и валидизация графического ассоциативного теста отношения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 3. С. 3—28. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.01>

Chernozub O. L. (2018) Affective Components of Electoral Behavior: Design and Validity of Visual Association Test of Attitude. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 3—28. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.01>.

Чернозуб О. Л., Белоножко М. Л. Сравнительный анализ имплицитных измерений ГАТО и ИАТ: единство в многообразии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 5. С. 221—239. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2413>.

Chernozub O. L., Belonozhko M. L. (2023) Comparative Analysis of Implicit GATA and IAT Measures: Unity in Diversity. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 221—239. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2413>.

Ajzen I. (1991) The Theory of Planned Behavior. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. Vol. 50. No. 2. P. 179—211.

Bandura A. (1986) *Social Foundations of Thought and Action: A Social Cognitive Theory*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall.

Bourdieu P. (1980) *The Logic of Practice*. Stanford, CA: Stanford University Press.

Chernozub O. L. (2020) Implicit Factors and Voting Behaviour Inconsistency: From Theoretical Concept to Empirical Phenomenon. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 17—40. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1584>.

Chernozub O. L. (2022a) The Two-Component Model of Behavior Factors: Evidences of Orthogonality of Explicit and Implicit Factors. *RUDN Journal of Sociology*. Vol. 22. No. 1. P. 70—83. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2022-22-1-70-83>.

Chernozub O. L. (2022b) Theory of (Un)Planned Behavior? How our behavioral predictions suffer from “unplanned” actions. *The Russian Sociological Review*. Vol. 21. No. 4. P. 82—105. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2022-4-82-105>.

Chernozub O. L. (2023) Graphic Associative Test of Attitudes as a Convenient Implicit Measurement Tool for Mass Polls. *RUDN Journal of Sociology*. Vol. 23. No. 1. P. 122—141. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-1-122-141>.

Collins R. (1981) On the Microfoundations of Macrosociology. *The American Journal of Sociology*. Vol. 86. No. 5. P. 984—1014.

Dew I., Cabeza R. (2011) The Porous Boundaries between Explicit and Implicit Memory: Behavioral and Neural Evidence. *The Year in Cognitive Neuroscience*. Vol. 1224. No. 1. P. 174—190. <https://doi.org/10.1111/j.1749-6632.2010.05946.x>.

Evans J. (2008) Dual-Processing Accounts of Reasoning, Judgment, and Social Cognition. *Annual Review of Psychology*. Vol. 59. P. 255—278.

Evans J. (2008) Dual-Processing Accounts of Reasoning, Judgment, and Social Cognition. *Annual Review of Psychology*. Vol. 59. P. 255—278. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.59.103006.093629>.

Evans J. (2003) In Two Minds: Dual Process Accounts of Reasoning. *Trends in Cognitive Science*. Vol. 7. No. 10. P. 454—459.

Fazio R. (1990). The Role of Attitudes in Memory-Based Decision Making. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 59. No. 4. P. 614—22. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.59.4.614>.

Fazio R. (2007) Attitudes as Object-Evaluation Associations of Varying Strength. *Social Cognition*. Vol. 25. No. 5. P. 603—637. <https://doi.org/10.1521/soco.2007.25.5.603>.

Fishbein M. (1967). Attitude and the Prediction of Behavior. In: *Readings in Attitude Theory and Measurement*. New York: Wiley. P. 477—492.

Fishbein M., Ajzen I. (1975) Belief, Attitude, Intention, and Behavior: An Introduction to Theory and Research. Reading, MA: Addison-Wesley.

Fishbein M., Ajzen I. (2011) Predicting and Changing Behavior: The Reasoned Action Approach. New York, NY: Psychology Press.

Friedman M., Savage L. J. (1948) Utility Analysis of Choices Involving Risk. *Journal of Political Economy*. Vol. 56. No. 4. P. 279—304.

Gibbons F., Gerrard M., Blanton H., Russell D. (1998) Reasoned Action and Social Reaction: Willingness and Intention as Independent Predictors of Health Risk. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 74. No. 5. P. 1164—1180. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.74.5.1164>.

Gilovich T., Griffin D. (2002) Introduction — Heuristics and Biases: Then and Now. In: T. Gilovich, D. Griffin, D. Kahneman (eds.) *Heuristic and Biases: The Psychology of Intuitive Judgment*. New York, NY: Cambridge University Press. P. 1—18.

Graefe A. (2014) Accuracy of Vote Expectation Surveys in Forecasting Elections. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 78. P. 204—232. <https://doi.org/10.1093/poq/nfu008>.

Greenwald A., McGhee D. E., Schwartz J. L. K. (1998) Measuring Individual Differences in Implicit Cognition: The Implicit Association Test. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 74. No. 6. 1464—1480.

Greenwald A. G., Poehlman T. A., Uhlmann E. L., Banaji M. R. (2009a). Understanding and Using the Implicit Association Test: Iii. Meta-Analysis of Predictive Validity. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 97. No. 1. P. 17—41.

- Greenwald A. G., Smith C. T., Sriram N., Bar-Anan Y., Nosek B. A. (2009b) Implicit Race Attitudes Predicted Vote in the 2008 U. S. Presidential Election. *Analyses of Social Issues and Public Policy*. Vol. 9. No. 1. P. 241—253. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1111/j.1530-2415.2009.01195.x>.
- Hofmann W., Friese M., Strack F. (2009) Impulse and Self-Control from a Dual-Systems Perspective. *Perspectives on Psychological Science*. Vol. 4. No. 2. P. 162—176.
- Janz N., Becker M. (1984) The Health Belief Model: A Decade Later. *Health Education & Behavior*. Vol. 11. No. 1. P. 1—47. <https://doi.org/10.1177/109019818401100101>.
- Joas H. (1996) *The Creativity of Action*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Kahneman D., Frederick S. (2002) Representativeness Revisited: Attribute Substitution in Intuitive Judgment. In: T. Gilovich, D. Griffin, D. Kahneman (eds.) *Heuristic and Biases: The Psychology of Intuitive Judgment*. New York, NY: Cambridge University Press. P. 49—81.
- Kahneman D. (2011) *Thinking, Fast and Slow*. New York, NY: Farrar, Straus and Giroux.
- Leschziner V., Green A. (2013) Thinking about Food and Sex: Deliberate Cognition in the Routine Practices of a Field. *Sociological Theory*. Vol. 31. P. 116—144.
- Lizardo O., Strand M. (2010) Skills, Toolkits, Contexts and Institutions: Clarifying the Relationship between Different Approaches to Cognition in Cultural Sociology. *Poetics*. Vol. 38. No. 2. P. 205—228. <https://doi.org/10.1016/j.poetic.2009.11.003>.
- Metcalfe J., Mischel W. (1999) A Hot/Cool-System Analysis of Delay of Gratification: Dynamics of Willpower. *Psychological Review*. Vol. 106. No. 1. P. 3—19. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.106.1.3>.
- Moors A., Spruyt A., De Houwer J. (2010) In Search of a Measure That Qualifies as Implicit: Recommendations Based on a Decompositional View of Automaticity. In: B. Gawronski, K. B. Payne (eds.) *Handbook of Implicit Social Cognition: Measurement, Theory, and Applications*. The Guilford Press. P. 19—37.
- Moors A. (2016) Automaticity: Componential, Causal, and Mechanistic Explanations. *Annual Review of Psychology*. Vol. 67. No. 263—287.
- Newson R. (2002) Parameters behind “Nonparametric” Statistics: Kendall’s Tau, Somers’ D and Median Differences. *Stata Journal*. Vol. 2. No. 1. P. 45—64.
- Patterson O. (2014) Making Sense of Culture. *Annual Review of Sociology*. Vol. 40. P. 1—30.
- Perugini M., Richetin J., Zogmaister C. (2010) Prediction of Behavior. In: *Handbook of Implicit Social Cognition: Measurement, Theory, and Applications*. New York, NY: Guilford Press. P. 255—278.
- Roccatto M., Zogmaister C. (2010) Predicting the Vote through Implicit and Explicit Attitudes: A Field Research. *Political Psychology*. Vol. 31. No. 2. P. 249—274. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9221.2009.00751.x>.

- Rogers R. (1975) A Protection Motivation Theory of Fear Appeals and Attitude Change. *The Journal of Psychology*. Vol. 91. No. 1. P. 93—114. <https://doi.org/10.1080/00223980.1975.9915803>.
- Rogers T. (2012) Why Bother Asking? The Limited Value of Self-Reported Vote Intention. Harvard Kennedy School of Government. Faculty Research Working Paper Series. URL: <http://EconPapers.repec.org/RePEc:hrv:hksfac:7779639> (accessed: 05.04.2022).
- Rothschild D., Wolfers J. (2011) Forecasting Elections: Voter Intentions versus Expectations. SSRN. URL: <http://stat.columbia.edu/~gelman/surveys.course/Rothschild-Wolfers2011.pdf> (accessed: 24.05.2022).
- Savage M., Burrows R. (2007) The Coming Crisis of Empirical Sociology. *Sociology*. Vol. 41. No. 5. P. 885—899. <https://doi.org/10.1177/0038038507080443>.
- Schimmack U. (2021). The Implicit Association Test: A Method in Search of a Construct. *Perspectives on Psychological Science*. Vol. 16. No. 2. P. 396—414. <https://doi.org/10.1177/1745691619863798>.
- Shah A. K., Oppenheimer D. M. (2008) Heuristics Made Easy: An Effort-Reduction Framework. *Psychological Bulletin*. Vol. 134. No. 2. P. 207—222. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.134.2.207>.
- Somers R. H. (1962) A New Asymmetric Measure of Association for Ordinal Variables. *American Sociological Review*. Vol. 27. No. 6. <https://doi.org/10.2307/2090408>.
- Thaler R. H. (2015) *Misbehaving: The Making of Behavioral Economics*. New York, NY: W. W. Norton & Company.

DOI: [10.14515/monitoring.2023.6.2522](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.6.2522)**И. В. Ломакин**

**ПУТИ К БЕЗДЕТНОСТИ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ.
РЕЦ. НА КН.: CHRASIL R. HOW TO BE CHILDLESS:
A HISTORY AND PHILOSOPHY OF LIFE WITHOUT CHILDREN.
NEW YORK: OXFORD UNIVERSITY PRESS, 2020**

Правильная ссылка на статью:

Ломакин И. В. Пути к бездетности вчера и сегодня // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 6. С. 238—248. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.6.2522>. Рец. на кн.: Chrastil R. How to Be Childless: A History and Philosophy of Life without Children. New York: Oxford University Press, 2020

For citation:

Lomakin I. V. (2023) Paths to Childlessness Yesterday and Today. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 238–248. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.6.2522>. Book Review: Chrastil R. (2020) How to Be Childless: A History and Philosophy of Life without Children. New York: Oxford University Press. (In Russ.)

Получено: 19.11.2023. Принято к публикации: 01.12.2023.

ПУТИ К БЕЗДЕТНОСТИ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ. РЕЦ. НА КН.: CHRASIL R. HOW TO BE CHILDLESS: A HISTORY AND PHILOSOPHY OF LIFE WITHOUT CHILDREN. NEW YORK: OXFORD UNIVERSITY PRESS, 2020

ЛОМАКИН Илья Валерьевич — приглашенный специалист Лаборатории сравнительных социальных исследований им. Р. Ф. Инглхарта, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; магистрант программы «Права человека и устойчивое развитие», Академия ОБСЕ, Бишкек, Киргизская Республика

*E-MAIL: elijah.lomakin@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-6850-6329>*

Аннотация. Рецензия предлагает критический взгляд на работу американского историка Рейчел Крастил «Как быть бездетным: история и философия жизни без детей», представляющую собой введение в современную историю бездетности и дающую объемное представление о множественности и сложности путей к бездетности в истории и современности. Подробно рассматривается структура и все главы книги, посвященные становлению идеи выбора бездетности в западных странах, а также ряду мифологизированных сюжетов, практически всегда возникающих при разговоре о бездетности. По мнению автора рецензии, обобщенный в книге материал может быть полезен в социальных исследованиях семьи и репродуктивного поведения, в том числе в контексте доминирующей в современной России пронаталистской повестки.

PATHS TO CHILDLESSNESS YESTERDAY AND TODAY. BOOK REVIEW: CHRASIL R. (2020) HOW TO BE CHILDLESS: A HISTORY AND PHILOSOPHY OF LIFE WITHOUT CHILDREN. NEW YORK: OXFORD UNIVERSITY PRESS

Ilya V. LOMAKIN^{1,2} — Visiting Specialist at the Ronald F. Inglehart Laboratory for Comparative Social Research; MAHRS Graduate Student

*E-MAIL: elijah.lomakin@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-6850-6329>*

¹ HSE University, Moscow, Russia

² OSCE Academy, Bishkek, Kyrgyzstan

Abstract. This review offers a critical perspective on the book “How to be Childless: A History and Philosophy of Life without Children” by Rachel Chrasil. The book presents an introduction to the modern history of childlessness providing a comprehensive understanding of the multiplicity and complexity of paths to childlessness in history and modern times. The author examines the structure and all chapters of the book devoted to the formation of the idea of choosing childlessness in Western countries, as well as a few mythologized topics that often arise in the debate on childlessness. The author of the review is convinced that the material summarized in the book might be useful in social studies of family and reproductive behavior, including in the context of the pronatalist agenda dominant in contemporary Russia.

Ключевые слова: бездетность, лучший мир, демографический переход, наследство, сожаление, старение, история Запада

Keywords: childlessness, A Better World, demographic transition, legacy, regret, aging, Western history

Благодарность. Публикация подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда (РНФ), проект № 22-28-00625, <https://rscf.ru/project/22-28-00625/>.

Acknowledgments. The publication was supported by a grant from the Russian Science Foundation (RSF), project No. 22-28-00625, <https://rscf.ru/en/project/22-28-00625/>.

В 2020 г. в издательстве Оксфордского университета вышла монография «Как быть бездетным: история и философия жизни без детей» (How to be Childless: A History and Philosophy of Life without Children), посвященная причинам, опытам и интерпретациям бездетности в западных странах в современную эпоху. Ее автор — Рейчел Крастил, тогда еще профессор департамента истории Университета Ксавье, одного из старейших католических университетов США, сегодня — проректор этого университета. Получив бакалаврскую степень в области истории и французского языка в Индианском университете, докторскую диссертацию Р. Крастил защищала уже в Йеле, на базе департамента истории [Chrastil, 2005]. Здесь сразу следует заметить, что рецензируемое издание выделяется в общем потоке публикаций автора: будучи исследователем истории современной Европы, свои другие монографии она посвятила войнам, их роли в становлении европейских обществ, гуманности и т. д. [Chrastil, 2010, 2014, 2023]. В то же время сама Р. Крастил признает по ходу книги, что является добровольно бездетной. Упомянутые факты воспринимаются двояко: с одной стороны, возникает невольное ожидание неэффективности, с другой — доказанная автором экспертиза по другим темам того же дисциплинарного поля все же убеждает продолжить чтение.

Важно подчеркнуть, что «Как быть бездетным» не суммирует полную историю феномена бездетности¹ и на первый взгляд освещает не все аспекты заявленной в заголовке темы. Монография позиционируется как попытка рассмотреть пути к бездетности в историческом измерении (с XIV века до наших дней) и наметить историко-философскую рамку понимания этого явления. Обозначив исторические границы исследования, автор, как многие ее коллеги, не рассматривает досовременную историю репродукции. При этом, в отличие от ряда предшественников, Р. Крастил не фокусируется только на вынужденной или добровольной бездетности, а рассматривает оба явления одновременно, что придает повествованию объем.

Интересен подход Р. Крастил к организации структуры книги. Хотя повествование выстроено вокруг десяти сюжетов и не нацелено на изложение материала в линейной хронологической последовательности, первые четыре главы автор

¹ К слову, потребность в такого рода издании действительно назрела, и первые попытки его подготовить — впрочем, немногочисленные, — уже состоялись [Davis, Loughran, 2017; Hopwood, Flemming, Kassell, 2018; O'Donnell Heffington, 2023].

представляет именно так. В последующих главах она обсуждает ряд мифологизированных сюжетов, практически всегда возникающих при разговоре о бездетности, и стремится оспорить их через обращение к жизнеописаниям женщин прошлого, статистическим и письменным свидетельствам, нередко упускаемым из виду в европейской истории. Р. Крастил также искусно интегрирует в повествование собственный жизненный опыт и историю своей семьи. Наконец, издание выделяет подробный алфавитный указатель, позволяющий быстро сориентироваться в книге.

Первая глава — «Откладывание» (Delay) — рассматривает бездетность в Раннее Новое время и фокусируется на женщинах, уже в те годы откладываявших брак и воспитание детей ради достижения иных целей. Причем речь тогда шла не столько о выборе бездетности, сколько об отказе от брака и детей, которые в то время были сильно связаны и практически неотделимы друг от друга. Как пишет сама Р. Крастил, «бездетность для многих [из ее героинь. — Авт.] была не пунктом назначения, а объездом, промежуточной станцией, которая оказалась домом» [Chrastil, 2020: 21]. Так, «некоторые из этих женщин так и не вышли замуж, другие же ждали так долго, что к моменту замужества были уже бесплодны» [ibid.: 22]. Между тем, отложив брак и воспитание детей, женщины (а в некоторых случаях — и их супруги) могли достичь других целей. Явление встречалось все чаще и достаточно широко обсуждалось. Хотя в Раннее Новое время речь уже не шла о средневековых ассоциациях «одиноких женщин» с ведьмами или проститутками, а сам термин фигурировал в юридических документах, завещаниях и актах гражданского состояния, такие женщины все же подвергались насмешкам и преследованиям.

В этой и последующих главах Р. Крастил рассказывает истории своих героев (точнее, как правило, героинь), дополнительно иллюстрируя их сюжетами из биографии собственной семьи. Каждая из них раскрывает аспекты бездетности и ассоциированного с ней образа жизни в разных эпохах. Так, первая глава открывает нам истории прекарного труда, которым бедные женщины прошлого, откладывая деторождение, занимались с целью накопления средств для покупки приданого и который не всегда приводил их к цели; подробности выживания в условиях официальных запретов на женский труд, объединения одиноких женщин и вдов в предпринимательские гильдии и их влияния на экономики европейских государств; наконец, автор повествует о незамужних сестрах из богатых семей, уходивших в монастыри или, что случалось чаще, остававшихся помогать своим братьям и сестрам как в качестве незаменимых помощниц в ведении домашнего хозяйства, так и в качестве объектов привязанности и дружеского общения. Все эти женщины из разных социальных слоев либо оказывались в обстоятельствах, ограничивавших их возможности стать матерями, либо добровольно предпочитали иную деятельность (например, бизнес) ограничивавшему их права замужеству и воспитанию детей. Р. Крастил убеждена, что эти и подобные им истории, обычно рассматриваемые историками как «исключения», «оказываются настолько распространёнными, что нам необходимо начать рассматривать их как часть структуры экономики и истории жизни женщин» [ibid.: 25].

Озаглавив вторую главу словом «Шепот» (Whispers), Р. Крастил стремилась кратко описать атмосферу, в которой возникшие у незамужних женщин идеи о том, что

добровольная бездетность имеет право на существование, все еще оставались тайной реальностью, обсуждаемой, собственно, только шепотом. Автор резко переходит к XIX веку, ознаменовавшемуся распространением и развитием средств контрацепции, и повествует о том, как некоторые пары с самого начала брака, еще в фертильном возрасте, откладывали рождение детей, несмотря на риск того, что такая отсрочка может обернуться окончательной бездетностью (*permanent childlessness*). Р. Крастил подчеркивает, что снижение рождаемости происходило независимо в разных районах, однако среди историков до сих пор идут споры, почему это происходило: здесь в ход идет и теория первого демографического перехода, и фактор большей образованности женщин, и степень экономического благополучия семьи, и распространение индивидуализма и т. д. [ibid.: 40—43, 46—47].

Именно в это время, по мнению автора монографии, рождение детей начало отделяться от сексуальной активности и вымываться из идеи брака². В итоге в конце XIX — начале XX века бездетность и общая низкая рождаемость (см. также: [Kreyenfeld, Konietzka, 2017: 4—6]), кажется, впервые фреймируется алармистски и становится вопросом «национальной безопасности» [Chrastil, 2020: 48—54]. Так, пронаталистские активисты, исследователи и политики начали открыто говорить о том, что раньше «обсуждалось шепотом», а бездетные женщины и мужчины в рамках такого нарратива стали объектами обвинений в эгоизме и «вымирании [...] белой расы» [ibid.: 52]. Возникает множество законодательных идей: налоги на одиночество и бездетность, криминализация информации о контрацепции и проч. [ibid.: 49—50]. В конце главы Р. Крастил представляет дискуссии ведущих демографов 1920—1930-х годов, многие из которых рассматривали низкую рождаемость не как краткосрочную проблему, а как результат долгосрочных изменений. Они опасались, что население уже никогда не придет к новому равновесию, и с ужасом ожидали изобретения «идеального противозачаточного средства» [ibid.: 50—54].

Трехстраничная третья глава посвящена послевоенному бэби-буму (1940—1960-е годы), который автор называет «интерлюдией» в общем тренде снижения рождаемости. В те годы фиксировалось как увеличение числа рожденных детей на одну женщину, так и увеличение доли женщин, имеющих детей. Родившиеся в середине 1930-х годов женщины имели самый низкий уровень бездетности за всю историю наблюдений в Европе и Америке. В целом, самореализация посредством семейной жизни стала тогда фундаментально связанной с национальной безопасностью. Как пишет сама Р. Крастил, «для многих из нас, достигших совершеннолетия в конце XX века, бэби-бум, казалось, установил стандарт того, какой всегда была жизнь» [ibid.: 57], однако в действительности эти два десятилетия были скорее аномалией. Среди прочего бэби-бум обеспечил межпоколенческую передачу идеи планирования семьи, и вскоре бездетность начала возвращаться.

Четвертую главу автор по большей части посвящает 1970-м годам как поворотному моменту, когда бездетность впервые стала открыто обсуждаться в терминах сознательного выбора, и эти дискуссии оказались особенно горячими — отсюда и соответствующее заглавие: «Крики» (Shouts). В число причин, подстегнувших это

² Впоследствии деление на гедонистическую и репродуктивную функцию секса оказалось в основе сексуальной революции 1960-х годов (см., например, [Кон, 2011]).

возвращение, входят разработка комбинированных оральных контрацептивов, получивших быстрое распространение после одобрения американским Управлением по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов (Food and Drug Administration, FDA) в начале 1960-х годов [Эйг, 2020], растущая важность самоопределения и самореализации в рамках жизненного цикла, а также идея рационального выбора при принятии жизненных решений на основе оценки альтернативных экономических издержек (экономика семьи и человеческого поведения Гэри Беккера [Becker, 1976]). Все эти три элемента подробно обсуждаются и в чем-то критикуются Р. Крастил.

В эти же годы оформляется движение защитников бездетности, начавших утверждать, что последняя — не только приемлемый путь, но и в чем-то лучший выбор, нежели родительство (см., например, [Healey, 2016; Ломакин, 2019: 403—408]). Автор отсылает к исследованиям тех лет³, указывавшим на продолжавшееся враждебное восприятие добровольной бездетности, критически описывает возникшее в форме «Национальной организации для не-родителей» движение сопротивления обязательному родительству, а также представляет множество публичных дебатов тех лет, характеризовавшихся «моральным возмущением» [Chrastil, 2020: 72—77]. Последним параграфом четвертой главы Р. Крастил переносит нас из 1970-х годов в современность и утверждает, что «те же пути к бездетности, которые наблюдались в 1600-х годах, существуют и сегодня» [ibid.: 77]; однако то же касается и общественной «обеспокоенности», по-прежнему фреймирующей отношение к бездетным (пусть даже в чем-то она и смягчилась).

Пятая глава «Процветание» (Flourishing) выстроена вокруг идеи фундаментальной цели человеческой жизни, в поле внимания которой неминуемо оказывается и вопрос наличия детей. На индивидуальном уровне это разговор о том, может ли пожизненная бездетность быть частью «хорошей жизни», на уровне же общества — может ли бездетность некоторых граждан быть полезной для всего общества. Краткий ответ на каждую из этих двух дискуссий, по мнению автора, утвердительный. Р. Крастил приводит исторические примеры достижения бездетными как личностной самореализации, так и служения всеобщему благу. В последнем параграфе она отсылает к разработанной Майклом Бессом концепции человеческого процветания, состоящей из 10 элементов и не предполагающей наличие/отсутствие детей обязательным условием для процветания [Bess, 2015: 78—82]. Автор монографии убеждена, что эта концепция может стать «гибкой основой для изучения жизни бездетных» [Chrastil, 2020: 96].

Шестая глава отталкивается от распространенного представления, что отсутствие детей в определенный момент жизни вызовет у не-родителя чувство сожаления. Здесь Р. Крастил предлагает обзор исследований, пытающихся дать ответ на этот вопрос с учетом разных аспектов. Для начала она выделяет дилемму безот-

³ Вообще исследования добровольной бездетности оформились и испытали первый бум в США и Канаде в 1970—1980-х годах на фоне борьбы ряда социальных и политических идеологий: пронатализма, феминизма, энвайронментализма и т.д. [Lynch et al., 2018: 19]. Первые активисты, выступавшие в защиту прав добровольно бездетных людей — особенно, представители «Национальной организации для не-родителей» (National Organization for Non-Parents, NON) — продвигали это явление как важный фокус научных исследований [Healey, 2016]. И хотя в 1990-е годы отмечался спад интереса к данной тематике, уже в 2000-х годах поднялась новая волна, которая только нарастает: с каждым годом публикаций становится все больше, равно как и тематических и географических направлений исследований.

лагательности решения о заведении детей, с которой неизбежно сталкиваются женщины — особенно те, кто приближается к возрастной границе в 40 лет. Задаваясь вопросом об удовлетворенности жизнью среди родителей и бездетных, она суммирует результаты имеющихся исследований и бросает вызов традиционному взгляду на бездетность как одинокому и несчастному состоянию: в зависимости от страны проживания, индивидуальных характеристик и социальной поддержки как воспитание детей, так и бездетность могут обеспечить счастливую жизнь и старость. Сожаление же по поводу бездетности более распространено среди тех, кто оказался вынужденно бездетным (*involuntarily childless*), особенно по биомедицинским причинам⁴. В этой же связи автор обращается к монографии израильского социолога Орны Донат, введшей в научный оборот понятие «сожаления о материнстве» [Donath, 2017]. Р. Крастил заключает: «мы не можем позволить страху сожаления направлять нашу жизнь. <...> вместо того, чтобы беспокоиться о правильности выбора, нам следует извлечь из него максимальную пользу» [Chrastil, 2020: 111, 114].

В седьмой главе «Дом и очаг» автор рассматривает множественные роли домохозяйств, стремясь отойти от их восприятия лишь как одного из участников рынка и доказывая, что это также «место для отдыха и размышлений, для уединения и общения, для выполнения ритуалов и построения планов» [ibid.: 118]. Р. Крастил убеждена, что рост бездетных домохозяйств и живущих соло не обязательно должен рассматриваться как свидетельство атомизации и социальной изоляции. Вновь обращаясь к историческим примерам, она показывает, что такие домохозяйства имеют немало общих характеристик с нуклеарными семьями, а порой оказываются более адаптивными и изобретательными.

В восьмой главе автор уделяет внимание вкладу, который бездетность может привнести в построение «лучшего мира» (*A Better World*) и приумножение общего блага, а также какие ограничения она несет. Р. Крастил подробно рассматривает два ключевых философских аргумента — один против рождения детей в свете общего несчастья человеческого существования (в первую очередь в версии Дэвида Бенатара) и второй в пользу замедления роста населения из-за ограниченности ресурсов (Томас Мальтус) — и просеивает их через сито соответствия общечеловеческому процветанию. Переводя эти дискуссии в XX и затем XXI веке, автор подчеркивает, что низкий прирост населения исторически встречается чаще, нежели высокий, а любые структурные изменения для решения проблем, связанных с перенаселением, должны открыто обсуждаться в рамках демократического процесса. В любом случае Р. Крастил полагает бездетность «полезной частью глобальной демографической матрицы» [ibid.: 150] и заключает: «Мы как вид поступили бы мудро, если бы смогли признать, что и наличие детей, и их отсутствие являются законным вкладом в наш продолжающийся эксперимент над людьми» [ibid.].

Девятую главу автор посвящает теме старения в бездетности. Несмотря на уязвимость старения, наличие детей, с точки зрения Р. Крастил, не гарантирует поддержки — в этом смысле особенно важно уметь смотреть на старость с различных

⁴ Также примечательно, что в этой главе автор предлагает различать три категории бездетных женщин: вынужденно бездетные; вынужденно бездетные, которые идентифицируют себя как бездетные по выбору; и осознанно выбравшие добровольную бездетность [Chrastil, 2020: 107—108]. Такая классификация выходит за рамки классической дихотомии вынужденной/добровольной бездетности [Roy, Schumm, Britt, 2014: 53—61].

точек зрения. Автор выступает против навешивания ярлыков, будучи убежденной, что термин «бездетный» (childless) не должен сводить жизнь человека к одному атрибуту, а вопросы ухода в старости не должны определять ценность ребенка. Сквозь призмы родительства и бездетности автор монографии подробно рассматривает здоровье, экономическое благополучие, заботу и дружбу в «третьем возрасте». Как родители, так и бездетные продемонстрировали способность одинаково хорошо справляться со старением: для благополучия вторых решающую роль играют «десятилетиями культивируемые социальные, эмоциональные и финансовые ресурсы» [ibid.: 166].

Наконец, заменяющая заключение десятая глава «Наследство» (Legacy) предлагает размышления автора о возникающих из все распространяющейся по миру бездетности вопросах наследия, наследования, отношений с будущими поколениями и проч. Автор рассуждает о фетишизации (по К. Марксу) и сохранении памяти о себе через передачу материальных объектов наследникам; исследует важность родства в человеческих отношениях, критикует метафору генеалогического древа и предлагает ей альтернативы, выступая за более гибкий и инклюзивный взгляд на родство⁵; ставит под сомнение концепцию воспитания детей как формы нематериального наследия и смысла жизни; рассматривает способы вкладываться в построение «лучшего мира», не полагаясь лишь на физическое воспроизводство; подчеркивает необходимость новых нарративов, признающих роль бездетных людей на протяжении всей истории. «Наследие — это не только то, что мы оставляем после себя; это также то, что мы не оставляем» [ibid.: 189], — заключает она.

Итак, важное достижение работы Р. Крастил состоит в убедительном доказательстве, что бездетность — по биологическим, социальным причинам или в результате выбора — существовала в США, Северо-Западной Европе, Канаде и Австралии на протяжении веков и не является исключительным порождением XX столетия. Кроме того, автор убедительно показывает, что и алармистские дискурсы вокруг снижения рождаемости также имеют богатую историю: разворачивавшиеся на рубеже XIX—XX веков баталии по этому поводу вполне могут посоревноваться с нынешними.

Говоря об ограничениях работы, помимо уже упомянутых выше исторических рамок, можно назвать ее чрезмерную сфокусированность на философии и истории Глобального севера (США, Северо-Западная Европа, Канада и Австралия). За последнее десятилетие, по мере углубления модернизации семьи по всему миру, бездетность стала фокусом исследований в незападных и нехристианских контекстах — например, в Индонезии [Shofita, Azza, Khunaifah, 2021; Nurjanah, Nur, 2022; Daulay et al., 2023], Иране [Khajehaminian et al., 2023] и Индии [Nandy, 2017]. Кроме того, несмотря на стремление Р. Крастил представить как женский, так и мужской опыт бездетности в истории, пока что едва ли можно говорить об успехе в этом направлении: мужчины практически полностью остаются за рамками представленного в монографии материала. Упускает автор и роль «нечеловеческих акторов» в жизни бездетных — например, домашних животных, все чаще обсуждаемых эволюционными антропологами в контексте меняющихся представлений о составе современной семьи и пересмотра понятия родства [Volsche, 2021].

⁵ Также о необходимости пересмотра определения родства в свете массы новых способов «создания семьи» см. [Volsche, 2019].

Несмотря на вышесказанное, книга Р. Крастил — это очень хорошее введение в современную историю бездетности, а легкий и изящный язык, которым она написана, делает ее доступной массовому читателю. За счет историко-философского (а не эмпирико-социологического) фокуса эта работа стоит особняком в ряду вышедших за последние годы изданий по смежной тематике [напр., Blackstone, 2019; Volsche, 2019; Brunschweiler, 2022; Thornley, 2022; Wooten, 2023]. Несмотря на краткость, монография насыщена отсылками к предшествующим работам по теме, что обеспечивает ей высокое качество контекстуализации. Кроме того, Р. Крастил не занимается переписыванием известных истин и предлагает свежий взгляд на ряд, казалось бы, уже устоявшихся тем. Например, хотя в первых главах автор показывает, как в западных обществах постепенно формировалась идея «выбора» бездетности, она не рассматривает это движение как эволюцию или деволюцию. Напротив, всей своей работой она стремится показать, что пути к бездетности многочисленны и сложны. Они формируются в условиях различных ограничений, а главными акторами выступают постоянно совершающие ошибки люди.

Рецензируемая монография крайне важна и для текущих российских дискуссий о бездетности (в частности, о добровольной бездетности), причем речь здесь не только об академических, но и о публичных дискуссиях самого широкого плана. В отечественном контексте добровольная бездетность нередко освещается излишне эмоционально и политически ангажированно, без глубокого погружения в историю явления и его механику. С точки зрения автора этой рецензии, большая часть русскоязычных академических публикаций по обозначенной теме не опирается на оригинальные эмпирические исследования, многие из них воспроизводят популярные убеждения и мифы, не всегда поддающихся верификации. В подобных условиях внимательное знакомство социальных исследователей, пишущих на русском языке, с работой Р. Крастил и других авторов⁶ — это пропедевтически полезное возвращение к «истокам», к историко-философской и фактологической канве обсуждаемого явления. Обобщенный в книге материал может быть полезен в том числе в контексте доминирующей в современных российских исследованиях семьи и репродуктивного поведения пронаталистской повестки.

Список литературы (References)

Кон И. С. Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. XIV. № 1. С. 51—65.

Kon I. S. (2011) Three in One: Sexual, Gender and Family Revolutions. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. XIV. No. 1. P. 51—65. (In Russ.)

Ломакин И. В. Чайлдфри или добровольно бездетные? К переопределению концептуального поля исследований не-родительства в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 394—436. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.20>.

Lomakin I. V. (2019) Childfree or Voluntarily Childless? Redefining the Conceptual Field of Studies on Non-Parenthood in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and*

⁶ См., например, [Knott, 2019; Volshe, 2019; Cummins, Rodgers, Dunkelberger Wouk, 2021; Thornley, 2022; O'Donnell Heffington, 2023].

Social Changes. No. 6. P. 394—436. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.20>. (In Russ.)

Эйг Дж. Рождение таблетки: как четверо энтузиастов переоткрыли секс и совершили революцию. М.: Livebook, 2020.

Eig J. (2020) *The Birth of the Pill: How Four Crusaders Reinvented Sex and Launched a Revolution*. Moscow: Livebook. (In Russ.)

Becker G. S. (1976) *The Economic Approach to Human Behavior*. Chicago, IL: The University of Chicago Press.

Bess M. (2015) *Our Grandchildren Redesigned: Life in the Bioengineered Society of the Near Future*. Boston, MA: Beacon Press.

Blackstone A. (2019) *Childfree by Choice: The Movement Redefining Family & Creating New Age of Independence*. New York: Dutton.

Brunschweiler V. (2022) *Do Childfree People Have Better Sex? A Feminist's Journey in the Childfree Movement*. Woodstock, NY: Lantern Publishing & Media.

Chrastil R. (2005) *Rebuilding France: Rights and Responsibilities in the Provinces Following the Franco-Prussian War, 1871—1892*. PhD Thesis. New Haven, CT: Yale University, Department of History.

Chrastil R. (2010) *Organizing for War: France, 1870—1914*. Baton Rouge, LA: Louisiana State University Press.

Chrastil R. (2014) *The Siege of Strasbourg*. Cambridge, MA: Harvard University Press. <https://doi.org/10.4159/harvard.9780674416284>.

Chrastil R. (2020) *How to Be Childless: A History and Philosophy of Life without Children*. New York, NY: Oxford University Press.

Chrastil R. (2023) *Bismarck's War: The Franco-Prussian War and the Making of Modern Europe*. London: Allen Lane.

Cummins H. A., Rodgers J. A., Dunkelberger Wouk J. (eds.) (2021) *The Truth about M(O)therhood: Choosing to be Childfree*. Bradford: Demeter Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctv1fkgcjd>.

Daulay H., Widyarti E. S., Ismail R., Saladin T. I. (2023) Psychology of Newly Married Couples in Indonesia: Is It Possible to Choose Childfree by Choice or Face the Gossip of Society and Family? *International Journal of Innovative Research and Scientific Studies*. Vol. 6. No. 4. P. 1023—1031. <https://doi.org/10.53894/ijirss.v6i4.2260>.

Davis G., Loughran T. (eds.) (2017) *The Palgrave Handbook of Infertility in History: Approaches, Contexts and Perspectives*. London: Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1057/978-1-137-52080-7>.

Donath O. (2017) *Regretting Motherhood: A Study*. Berkeley, CA: North Atlantic Books.

Healey J. (2016) Rejecting Reproduction: The National Organization for Non-Parents and Childfree Activism in 1970s America. *Journal of Women's History*. Vol. 28. No. 1. P. 131—156. <https://doi.org/10.1353/jowh.2016.0008>.

Hopwood N., Flemming R., Kassell L. (eds.) (2018) *Reproduction: Antiquity to the Present Day*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781107705647>.

Khajehaminian F., Zaharakar K., Kiamanesh A., Mohsenzadeh F. (2023) Lived Experiences of Voluntary Childless Iranian Couples: An Interpretative Phenomenological Analysis. *Journal of Psychological Science*. Vol. 22. No. 121. P. 37—54. <http://dx.doi.org/10.52547/JPS.22.121.37>.

Knott S. (2019) *Mother Is a Verb: An Unconventional History*. New York, NY: Sarah Crichton Books.

Kreyenfeld M. R., Konietzka D. (2017) Analyzing Childlessness. In: Kreyenfeld M. R., Konietzka D. (eds.) *Childlessness in Europe: Contexts, Causes, and Consequences*. Dordrecht: SpringerOpen. P. 3—15. https://doi.org/10.1007/978-3-319-44667-7_1.

Lynch I., Morison T., Macleod C. I., Mijas M., du Toit R., Seemanthini S. (2018) From Deviant Choice to Feminist Issue: An Historical Analysis of Scholarship on Voluntary Childlessness (1920—2013). In: Sappleton N. (ed.) *Voluntary and Involuntary Childlessness: The Joys of Otherhood?* Bingley: Emerald Publishing Limited. P. 11—47. <https://doi.org/10.1108/978-1-78754-361-420181002>.

Nandy A. (2017) *Motherhood and Choice: Uncommon Mothers, Childfree Women*. Delhi: Zubaan.

Nurjanah S., Nur I. (2022) Childfree: Between the Sacredness of Religion, Law, and the Reality of Society. *Al-'Adalah*. Vol. 19. No. 1. P. 1—28.

O'Donnell Heffington P. (2023) *Without Children: The Long History of Not Being a Mother*. New York, NY: Seal Press.

Roy R. N., Schumm W. R., Britt S. L. (2014) *Transition to Parenthood*. New York, NY: Springer. <http://dx.doi.org/10.1007/978-1-4614-7768-6>.

Shofita N., Azza R., Khunaifah S. (2021) Childfree Problems and Their Solutions from an Islamic Perspective. *Eduvest — Journal of Universal Studies*. Vol. 1. No. 12. P. 1389—1396. <https://doi.org/10.59188/eduvest.v1i12.309>.

Thornley D. (ed.) (2022) *Childfree across the Disciplines: Academic and Activist Perspectives on not Choosing Children*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press. <https://doi.org/10.36019/9781978823129>.

Volsche S. (2019) *Voluntarily Childfree: Identity and Kinship in the United States*. Lanham, MD: Lexington Books.

Volsche S. (2021) Pet Parenting in the United States: Investigating an Evolutionary Puzzle. *Evolutionary Psychology*. Vol. 19. No. 3. P. 1—9. <https://doi.org/10.1177/147470492111038297>.

Wooten C. A. (2023) *Childfree and Happy: Transforming the Rhetoric of Women's Reproductive Choices*. Logan, UT: Utah State University Press.

